ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

12+

ТАТАРСТАН

№1 (33) МАРТ 2021

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ПРЕЗИДЕНТЫ
УКАЗЫ

Об объявлении 2021 года в Республике Татарстан Годом родных языков и народного единства

В целях сохранения и развития родных языков, культуры и традиций представителей народов, проживающих в Республике Татарстан, укрепления единства многонационального народа республики, учитывая общественное мнение, **постановляю:**

1. Объявить 2021 год в Республике Татарстан Годом родных языков и народного единства.

2. Кабинету Министров Республики Татарстан:

в месячный срок образовать организационный комитет по проведению в Республике Татарстан Года родных языков и народного единства и утвердить его состав;

в трехмесячный срок разработать и утвердить план основных мероприятий по проведению в Республике Татарстан Года родных языков и народного единства.

3. Предложить главам муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан организовать работу по проведению на территориях муниципальных образований мероприятий в рамках Года родных языков и народного единства.

4. Предложить территориальным органам федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, общественным объединениям и организациям принять активное участие в подготовке и проведении в Республике Татарстан Года родных языков и народного единства.

5. Республиканскому агентству по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа», республиканским и местным средствам массовой информации обеспечить широкое освещение проведения в Республике Татарстан Года родных языков и народного единства.

6. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Республики Татарстан **Р.Н. Минниханов**

Казань, Кремль
05 октября 2020 года
№ УП-653

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

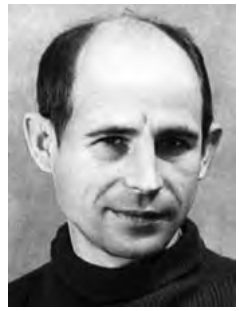
Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(33) • МАРТ • 2021



И вокруг любви непобедимой
К сёлам, соснам, ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!

Николай РУБЦОВ
стр. 9

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь Правления Союза российских писателей;*

Салимгараев Айдар Саитгараевич — *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Крупин Владимир Николаевич — *русский писатель, академик, член Президиума Академии Российской словесности;*

Руденко Гульзада Ракиповна — *генеральный директор Елабужского Государственного музея-заповедника;*

Суворов Виктор Семёнович — *директор Набережночелнинского технологического техникума, профессор, доктор педагогических наук.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Бабаев А. Н. — *председатель попечительского Совета Русской православной церкви в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Гайнетдинов Р. Б. — *заведующий отделом Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);*

Данильева Г. А. — *старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой, член Союза писателей Москвы (г. Москва);*

Ермаков В. А. — *заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);*

Иванов А. Н. — *директор Библиотеки Серебрянного века, лауреат Всеросскийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» (Елабуга);*

Кан Д. Е. — *член Союза писателей России (Оренбург);*

Лимонова И. В. — *член Союза писателей СССР (Москва);*

Кузьмичева-Дробышевская О. В. — *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Морозов Г. С. — *член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);*

Муратов П. Ю. — *публицист, предприниматель, кандидат наук (Новосибирск);*

Переяслов Н. В. — *секретарь правления Союза писателей России (Москва);*

Петров А.Н. — *заслуженный строитель РФ, председатель общественной организации «Челнинское землячество» (Набережные Челны);*

Рачков Н. Б. — *секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

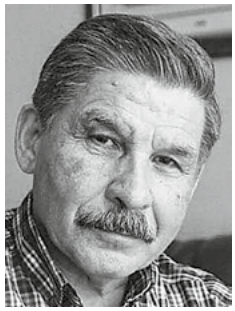
Сахибзадинов А. Ф. — *член Союзов писателей России и Татарстана (Казань);*

Чванов М. А. — *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместители главного редактора — Александр Воронин и Вера Хамидуллина
Технический редактор — Сергей Алешков
Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов
Художник — Ольга Белова-Недовизий

ISBN



РОБЕРТ МИННУЛЛИН

«А КТО И КАК ЕЁ ЛЮБИЛ — ТАК ЭТО РОДИНА РАССУДИТ»

* * *

Роберт Миннуллин значит для татарского народа едва ли не столько же, сколько его знаменитый однофамилец Туфан Миннуллин. Говорят, когда не стало Туфана Миннуллина, татарские писатели подошли к Роберту со словами: «Теперь наш заступник ты». 27 марта 2020 года не стало Роберта Миннуллина. К кому теперь подойти с такими словами? Писатели, друзья поэта считают, что замены нет.

Роберт Миннуллин работал корреспондентом в районной газете, редактором, ответственным секретарём в журнале «Казан утлары», главным редактором Татарского телевидения, где много лет вёл телепередачу «Гроздья поэзии». Был народным депутатом республики, возглавлял комиссию Госсовета по культуре и национальным вопросам, был заместителем Председателя Госсовета республики.

Человек многогранных способностей, он ярко проявил себя в детской литературе, публицистике, поэзии, педагогике, общественной деятельности. Автор более шести десятков книг, издававшихся в России, Белоруссии, Польше, Хорватии, он удостоен звания Народного поэта Татарстана, лауреата премий Тукая, Джалиля, Алиша, премии Республики Башкортостан имени Фатыха Карима, лауреата международной литературной премии Андерсена, заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан, заслуженного работника культуры Республики Башкортостан.

Притяжение к двум полюсам — Казани и Уфе — поэт испытывал всю жизнь. «Я себя чувствую духовно богаче,— признавался он друзьям,— потому что воспитывался в двух культурах — татарской и башкирской... Я учился в татарской школе, но у нас всегда слушали башкирское радио, поэтому башкирский язык знаю, как родной... Человеку важно не забывать, откуда он родом... Связь времён, поколений, наследие предков — это святое, мне кажется, в жизни человека».

В татарской и башкирской литературе немало примеров, когда татарский автор пишет по-башкирски и наоборот. Дэрдменд, Мажит Гафури, Шаехзаде Бабич, Ахмет Файзи — уроженцы Уфимской губернии — писали на татарском. Имеющий татарские корни Мустай Карим считается башкирским поэтом, родоначальником башкирской литературы. Разумеется, творчество таких авторов — достояние двух народов, обогащающее, как одну, так и другую культуру. «Есть Башкортостан и есть Татарстан — это для меня родина. Я давно объединил эти две республики в своём сердце...»,— так и говорил поэт.

Так продолжается и в его роду: младший брат Ким — член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, двоюродный брат Зуфар Хамидуллин — башкирский журналист, супруга Клара — заслуженный работник культуры Республики Татарстан, двоюродный племянник Марат Ямалов — историк, поэт и государственный деятель в Республике Башкортостан, сын Алмаз и дочь Тансылу — представители творческих профессий в Татарстане...

Роберт Мугаллимович Миннуллин родился 1 августа 1948 года в башкирской деревне Назяде Илишевского района. Детство его прошло в селе Шамметово на берегу реки Сюнь. Мальчик вырос в большой семье. Отец (башкир по национальности) рано умер, мать (татарка) одна подняла пятерых детей, с детства внушая, что братья должны дружить, помогать друг другу, быть вместе в беде и в радости.

В школьные годы Роберт отправил своё первое стихотворение в редакцию детской башкирской газеты, и оно было опубликовано. После восьмилетки он по настоянию матери поехал в Уфу учиться в кулинарное училище, однако не выдержал разлуки с домом и вернулся, чтобы работать в колхозе. Мать, Гульджаухар Каримова, отправила его в девятый класс, в райцентр, но и там он не смог долго продержаться. Возвратился домой, неделю собирался с мыслями, слушая упрёки матери и наставления уважаемых членов рода. Только ремень и слёзы близкого человека тронули сердце юноши, не желавшего учиться: он поехал в другую школу, а позднее окончил факультет татарского языка и литературы Казанского университета. Этой материнской настойчивости поэт был благодарен всю свою жизнь. «Мама принесла нас из речки Сюнь» — так называется книга, которую он посвятил матери. «Не скрываю, получил материнское воспитание: легко раним и нежен душой, не могу быть по-мужски грубым, когда того требуют обстоятельства. Но за всю свою жизнь я не встретил ни одного человека, который бы оказал на меня такое влияние, был такой вершиной духа, как моя мама».

Народный поэт — это прежде всего мудрец, владеющий словом и умами людей, в том числе тех, кто ещё только подрастает. Миннулин снискал славу одного из самых известных детских татарских поэтов. Дети учили его стихи в школе, считая ушедшим классиком, не подозревая, что автор жив и в полном расцвете сил. Его сборники для детей выходили стотысячными тиражами, предисловие к одному из них, изданному на русском языке, написал Сергей Михалков: «Стихи Роберта Миннуллина, мне кажется, звучат как курай — сладкоголосая свирель, вплетающая свою мелодию в богатую талантами татарскую поэзию».

Со взрослым читателем Миннуллин говорил о вечных темах бытия с национальной философической грустью. Недаром критики сравнивали его с Овидием: тот же язык любви и печали. Всё это он черпал из родника народных традиций, да и сам называл себя народным поэтом. Стремясь быть ближе к народу, он освоил интернет, активно размещая в социальной сети «Инстаграм» свои стихи, получая сотни комментариев и вместе с ними вдохновение, любовь и уважение собратьев и читателей. Он оставался на волне современности, публикуя в соцсетях актуальные стихи. Рядом с размышлениями о коронавирусе могли появиться строки, посвященные фигуристке Алине Загитовой.

Марат Ямалов, исследователь творчества Роберта Миннуллина, отмечал лаконичность, ёмкость, высокую цену слова поэта, «необыкновенную меткость, блестящую отточенность живого татарского языка, гибкого и богатого, способного с усмешкой, а нередко и с сарказмом выразить тончайшие нюансы общего быта, сформулировать правду».

«Для того чтобы возникло такое явление, как Роберт Миннуллин, — пишет Марат Ямалов в предисловии к сборнику Роберта Миннуллина «Возвращение», — необходимо

было, чтобы тысячи его земляков в чём-то сокровенном сильно походили на него, создавая тот ошеломляющий, многоголосый чувственный мир, который и воспринимается сегодня как Родина Поэта. Как тут не вспомнить пронзительные мелодии на тальянке его отца Мугаллима, задушевные стихи дяди Барыя и Зуфара, неисчерпаемые шутки дяди Масалима, протяжные древние напевы бабушек Закии и и Шамсии, подвижничество илишевских учителей и журналистов, неуёмное стремление к творческому самовыражению многих мальчишек и девчонок округи. Роберту посчастливилось — и это, конечно, от Бога! — сфокусировать, озвучить могучую духовную энергетику своих земляков, уложить в новые литературные формы языкотворчество и жизненную философию своего народа. Поэтому его так хорошо воспринимают и понимают, так любят современники самых разных возрастов и национальностей».

Когда слова легко ложатся на музыку, трепетно и навсегда проникают в душу, возникают и песни. И песни становятся душой народа. Песен на стихи Роберта Миннуллина насчитывается свыше трёхсот, их исполняют звёзды татарской, башкирской и российской эстрады: Салават Фатхетдинов, Айдар Галимов, Асаф Валеев, Нафкат Нигматуллин, Лилия Муллагалиева, Элвин Грей. Певцы порой не могут сдержать эмоций: так, на 70-летнем юбилее поэта его красавица-дочь Тансылу, исполняя «Песню к отцу» («Әтигә җыр») на музыку Р. Шарипова, незаметно вытирала слёзы в уголках глаз. Роберт-абый и сам любил петь татарские народные песни, отлично играл на гармони, как и его отец.

«Роберта Миннуллина хочется поставить в один ряд с Мустаем Каримом, Расулом Гамзатовым, Алимом Кешоковым, Давидом Кугультиновым...— уверен удмуртский писатель Ар-Серги, влюблённый в творчество Миннуллина.— Но эту фразу легко только написать, а проникнуться самой мыслью не позволяют необъятные космосы миров, носящих имена этих поэтов... Но я совершенно уверен, что и Роберт Миннуллин создал свой отдельный поэтический мир».

Писатель и депутат Госсовета Ркаил Зайдулла считал Миннуллина самым популярным татарским поэтом: «У него стихи особенные, они обычно присущи тем, кто родился в Башкортостане... В них минимальная образность, мало метафор. Но отсюда стихи понятны любому человеку, вне зависимости от социального положения».

Литературная деятельность удивительным и даже гармоничным образом сочеталась у Миннуллина с общественно-политической. Руководя Всероссийским общественным фондом «Татарская семья», он повторял, что именно в семье созидается будущее общества. Он переживал, что татарский язык долгое время оставался на уровне домашнего общения. И радовался, что появилась возможность поднять статус и авторитет языка на более высокий уровень. Самосознание народа, считал он, связано с языком: нет языка, нет нации. Политик отстаивал своё мнение достойно, без крика и призывов выходить с дубинками. «Он никогда не выступал, стуча по столу кулаком, эмоционально,— вспоминал его коллега, известный поэт и депутат Госсовета Разиль Валеев,— но своё слово умел сказать весьма солидно. Например, когда мы принимали Декларацию о государственном суверенитете, его выступление было весьма запоминающимся...»

Миннуллина считали примером скромности, «последним из могикан», великим идейным представителем татарского и башкирского народов: он всю жизнь возводил мост дружбы между этими народами, разделёнными рекой его детства — Сюнь. Да и вообще, мыслил гораздо шире. По рассказам друга, казахского поэта Нурлана Оразалина, Роберт Миннуллин часто повторял: «Прощать и быть прощённым — это главное качество человеческого мироздания. На этих двух словах держится мир между людьми, между народами, между государствами...»

Миннуллин «никогда ни к кому из своих коллег по писательскому цеху не испытывал ревность, никому не делал подножек, никому не мстил... Был совершенно светлым и святым человеком... Он мог бы заняться бизнесом, но не гнался за деньгами. Он жил так же скромно, как и его народ... Наверное, именно поэтому народ и полюбил его за скромность, простоту и искренность...» Это цитата татарского писателя Вахита Имамова.

Я думаю, что ныне книги стихов и поэм Роберта Миннуллина на родном языке есть в каждой татарской семье. Канули в Лету времена, когда сборники его стихов выходили и на русском языке в Москве и в Казани, когда переводом национальных поэтов на русский язык оказывалась государственная поддержка. Но благодаря таким мастерам перевода, как Сергей Малышев, добрые, тёплые стихи Роберта Мугалимовича звучат и в русских семьях.

Галина БУЛАТОВА

РОДИНА

Порою с горечью корят:
Мол, равнодушны молодые —
Так неохотно говорят
Про чувства самые святые.

Мы выставляем напоказ
Любые чувства, но не эти...
Поверьте, нелегко для нас
Сказать про главное на свете.

Для нас простор земли родной
Всего любимей и дороже.
Не меньше неба над страной
Любовь сыновья к ней,— и всё же

Твердить «люблю я» вновь и вновь —
Не по-мужски. И не словами
Мы — как Джалиль — свою любовь
Докажем Родине делами.

Поступок — не словесный пыл,
Пожалуй, повесомей будет...
А кто и как её любил —
Так это Родина рассудит.

ИВЫ, ТОПОЛЯ...

Знаю — они ещё живы,
вздыхают, листвой шевеля,
мои постаревшие ивы,
седые мои тополя...

Они посреди дорогого
родительского двора
стройно стоят и достойно
встречают дожди и ветра...

Учили меня тополя мои
твёрдости и прямоте,
ивы мои печальные —
скромности и простоте.

Кроткие грустные ивы —
по-женски светлы и нежны,
а тополя — терпеливы
и по-мужски сильны.

Знаю — ивы плакучие
печалятся обо мне,
и тополя могучие
ждут меня в той стороне,

которая — самая близкая,
где бы я ни был — земля...
Там — ивы живут материнские,
отцовские тополя.

РАЗГОВОР С СОЛОВЬЁМ

Соловей мой, послушай,
Помолчи, соловей.
Снова трогаешь душу
Вечной песней своей.

Как же песне не петься
И не трогать сердца,—
Соловьиное сердце
Бьётся в трелях певца.

Лучше спеть невозможно,
Чем поёшь ты сейчас,—
Оттого и тревожно
В этот розовый час.

Где найти мне певучесть,
Точность музыки чувств?
И робея, и мучась,
У тебя я учусь.

Начинай же сначала
И меня не жалей,—
Лишь бы сердце звучало
В каждой песне моей.

ПРАЗДНИК ЛИСТЬЕВ

Праздник листьев, праздник листьев!
Если воля позовёт,
Как в просторе полумглистом
Изумителен полёт!

С веткой радостно проститься,
Закружиться, полететь.
Быть свободным, словно птица,
Опуститься, замереть.

И лежать среди таких же
Одиноких, как и ты...
Но ведь знал листок притихший
Счастье вольной высоты!

Кто лишился плена веток,
Цену полную даёт
За прекрасный праздник этот —
Свой единственный полёт.

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Ты сказала: «Я твоею стану.
Но из сада райского сперва
Золотое яблоко достань мне,—
Подтверди красивые слова».

Не хотел оплошки ни за что я,
Ты так много значила в судьбе.
Яблоко принёс я золотое,
И оно понравилось тебе.

Так вот нам для счастья золотого
Яблока хватило одного...
Ты простила даже, что его я
Утащил из сада твоего.

ПИСЬМА МАТЕРИ

В часы моих раздумий и сомнений
Беру и перечитываю вновь
Странички материнских наставлений,
Где неразрывны мудрость и любовь.

Откуда гениальность, я не знаю,
У деревенской женщины простой:
Гармония царит в них неземная,
Божественны они любой строкой!

В обычных письмах чудится другое,
Где простота — покров над глубиной,—
Да разве может охватить такое
Душа обыкновенная собой?

Бездонный опыт вещих озарений,
Слова молитв мне подарила мать.
Как обойтись без этих откровений?
В самом Коране их не отыскать.

Огнём души её запечатлённой
Я очищаюсь от грехов моих.
Читаю письма, вновь заворожённый:
В любой строке — проникновенный стих.

Читаю в дни раздумий и сомнений,
Хоть наизусть я выучил его —
Заветный свод Великого Ученья,
Что для меня писалось одного.

ВОПРОСЫ

Вот что меня тревожит
Среди других тревог:

А так ли будет прожит
Недолгой жизни срок?

Не зряшно ли горенье,
Работа на износ?

Чем наше поколенье
Запомнится всерьёз?

Дорогой опустелой
Кто двинется вослед?

И начатое дело
Продолжат или нет?

А песни наши снова
Споёт ли кто потом?

Зерном или половой
В потомках прослывём?..

НЕ ДОЖИДАЙТЕСЬ ИЗДАЛЕЧЕ...

Ну что поделать, я не вечен,
Пожил — и будет.
Навряд ли многими замечен
Уход мой будет.

А жалко, что не за горами
Пора прощаться...
Как я хотел бы временами
К вам возвращаться.

Но если редки будут встречи,
Не по охоте,
Не ждите долго издалече —
В стихах найдёте.

Переводы Сергея МАЛЫШЕВА

ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА

«ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ...»

К 85-летию Николая Рубцова

Судьба России всегда была судьбой поэта Николая Рубцова. Во многих стихах он создал её поэтический образ и написал о ней как сын своего времени, увидев её глубинную суть, в которой отразились и судьба русского человека, и красота русской природы. Это огромное поэтическое пространство, где всё на виду, где нет ни одного утаённого уголка:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы..

Неотделимость Николая Рубцова от России, его насыщенность Россией были определены и его судьбой, и его неповторимой философией, которая стремится передать ощущение полноты жизни через русский пейзаж, который блещет красками, наполнен звуками, движением, и во всём — ощущение правды.

Вспомним слова одного из однокурсников по Литинституту А. Чечётина, который напишет в своих воспоминаниях: «И ведь только теперь, читая и перечитывая вновь его (Рубцова — Л.Ф.) стихи, понимаешь, до каких глубин духовного прозрения поднимался он уже тогда, когда вместе с нами или один бродил „вдоль улиц шумных“, с какого неба озарения он снисходил к нам в прозу жизни, в суету так называемых „проблем“».

Настоящая творческая зрелость приходила к поэту в течение всей его жизни. Николай Коняев назвал его «путником на краю поля», который сознательно шёл к Храму, содержанием этого Храма было Слово, ставшее его призванием и судьбой.

Николай Рубцов прожил очень короткую жизнь. Он мог бы ещё сейчас быть нашим современником: 3 января 2021 года ему исполнилось бы 85 лет. Уже полвека поэта нет среди нас, но с годами его популярность в России и за рубежом становится всё шире и шире. География его поэзии — это прежде всего человеческая душа, которая живёт чувством родства с землёй, со своим народом: он всматривается в русскую действительность: в скромный быт деревень, пустынные дороги, в небеса, «горящие от зноя», вслушивается в жалобный крик болотной птицы — и видит, что нет конца всему живому на земле, если «душа хранит» всё это в памяти. Есть у Рубцова такие строки:

Острова свои обогреваем
И живём без лишнего добра,
Да всегда с огнём и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра..

Для поэта, прожившего большую часть своей жизни бесприютно, без своего угла, дорог был каждый уголок русской земли, который связывал его с понятием «Родина».

Будучи сыном «морских факторий», а потом став гражданским человеком, Рубцов никогда не засиживался на одном месте. Он искал в своей жизни «острова», которые согревали его душу, особенно в самые сложные периоды его жизни.

Даже на морских перекрёстках, среди молчаливого простора, где только прибой гремит во мгле, он находит близкий для своей души островок. Это обветренная скала, на которой одиноко стоит маленькая северная берёзка. Она будто хочет прошептать в молчаливом просторе вослед судам: «Счастливого пути!» или «Ангела в дорогу!»

Немало за свою жизнь повидал островов Николай Рубцов во время работы на тралфлоте и службы на Северном флоте. Например, настоящий край земли, после которого идут только арктические льды,— скалистую громаду в Баренцовом море — суровый безлесый остров Кильдин, который смотрится над тёмными арктическими водами, как крепость. Во время Великой Отечественной войны здесь был секретный объект — запасной аэродром истребительной авиации, а теперь на нём совсем нет людей, осталась только ржавая военная техника и недостроенные жилищные объекты. От этого острова веет холодом, и только «хороший улов» вблизи него согревает души рыбаков.

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадуют мурманский стан!
А на мостике в мокрой зюйдвейстке
С чашкой кофе стоит капитан.

Островов, которые бы согревали душу поэта, было не так уж много в его жизни, но они были ему очень дороги. Это прежде всего детский дом в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, с которым связаны его воспоминания о трудном военном и послевоенном детстве. Именно деревня Никола была в его жизни спасительным островом, куда возвращался он после неудачных попыток поступить в мореходное училище в Риге, а потом — в художественное училище в Ленинграде. Живописный, на зелёных холмах, богатый храмами, старыми деревянными домами, город Тотьма тоже манил его к себе: здесь он встретился с первой любовью, с друзьями юности, среди которых был будущий замечательный вологодский прозаик Сергей Багров, запечатлевший свои воспоминания о поэте в книге «Россия, Родина, Рубцов». С Сергеем Багровым Николай Рубцов учился в Тотемском лесотехническом техникуме.

Судьба их сводила и на заготовке дров для техникума, когда приходилось, выполняя свою норму, спать в шалаше, согреваясь у ночного костра, а утром — горячим чаем, заваренным смородиновым листом. Позже были встречи в редакции районной газеты, в родительском доме Сергея Багрова или на улицах Тотьмы, где во время прогулок, чувствуя под ногами снежок, друзья читали друг другу стихи. Сергей Багров напишет в своей книге: «Если Тотьма пленяла Рубцова нерастраченной русской душой, глядевшей из окон каждого дома, каждой калитки, каждого палисада, то Никольское волновало его близостью встреч с родными полями, мостиком через Толшму, двухэтажным старым детдомом и, конечно, любимицей — дочкой Леной». И хотя Николай Рубцов, по словам Сергея Багрова, скрывал свою отцовскую нежность к ней, иногда «она прорывалась в нём через край».

Таким же островком, согревающим душу Николая Рубцова, был дом вологодского писателя Василия Белова в деревне Тимонихе, где всегда гостеприимно принимали поэта, и не только Василий Иванович, но с чуткостью и материнской заботой относилась к Рубцову его мать, Анфиса Ивановна. Николай Рубцов нередко помогал ей по огороду. В этом доме каждая половица, каждое брёвнышко, каждая вещь светились добротой и щедростью женщины, потерявшей в годы Великой Отечественной войны мужа и отдавшей всю свою жизнь воспитанию трёх сыновей и двух дочерей. Анфису Ивановну Николай Рубцов называл только «мамой» и часто показывал ей пачку исписанной стихами бумаги, когда гостил в Тимонихе.

Таким же добрым островком была для поэта и квартира Василия Белова в Вологде, которая состояла из маленьких комнатушек, одна из них — кабинет писателя, в котором стояло два кресла, на одном из них нередко сидел писатель Виктор Астафьев. На журнальном столике обычно стояли чай и кофе. Рубцов читал свои стихи:

Сапоги мои — скрип да скрип
под берёзою,
Сапоги мои — скрип да скрип
под осиною.
И под каждой берёзой — гриб
подберёзовик,
И под каждой осиной — гриб
подосиновик!..

Оба писателя слушали молча его чтение — и в этом чувствовалась их радость, невыразимая словами. Такое же душевное тепло исходило к Николаю Рубцову от вологодских поэтов Александра Яшина, Сергея Викулова, Сергея Чухина, Виктора Коротаева.

Подлинным другом в Вологде для Николая Рубцова стала Нинель Старичкова, по своей профессии — медицинский работник, а по литературным занятиям — поэт, прозаик, редактор, написавший очень искреннюю книгу о Николае Рубцове «Наедине с Рубцовым» (в этом году Нинель Старичковой исполнилось бы 90 лет). В её квартире часто бывал, иногда даже ночевал, Николай Рубцов. Когда в 1969 году у Рубцова случился сердечный приступ, она доставала ему дорогие лекарства, следила, чтобы он вовремя их принимал. С большим уважением к поэту относилась мать Нинели Старичковой.

Любил Николай Рубцов приезжать в Архангельск, где широкая, полноводная Двина медленно несёт свои воды в сторону Белого моря, где мечутся над рекой беспокойные чайки и во всех направлениях движутся по ней катера, буксиры, теплоходы. В последний раз Николай Рубцов приехал в Архангельск в середине декабря 1970 года, незадолго до своей смерти. Многие запомнили его стоящим на берегу Двины, погружённым в какие-то думы. О чём он думал, когда смотрел на реку, полную жизни? Возможно, о годах далёкой юности, когда ему, шестнадцатилетнему подростку, пришлось столкнуться с тяжёлой работой рыбака-угольщика на старом промысловом траулере флота РТ-20 «Архангельск».

Вспоминались, наверное, душные, особенно в штормовую погоду, когда закрывались наглухо иллюминаторы, каюты-кубрики траулера, где, устроившись где-нибудь в уголке, будущий поэт слушал рассказы моряков, прошедших через войну, через потерю родных и близких А может, вспоминал о том, как «Архангельск» в мае 1953 года был затёрт льдами в Белом море (винт стёрся, руль сломался, корпус смяло). Вывел его тогда изо льдов буксирный пароход, а после разгрузки траулер пошёл в Мурманск и стал на ремонт. Команда почти вся списалась, но юный Рубцов остался, работал за повара и за уборщицу, чтобы побольше получить денег и поехать учиться в мореходку.

Побывал Николай Рубцов в Архангельске по случаю того, что 12—13 октября 1970 года там проходило заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР во главе с Сергеем Михалковым.Среди 30 маститых писателей (Е. Исаев, В. Боков, О. Фокина, А Романов, В. Астафьев, В Белов и другие) последним был включён в списки Николай Рубцов. Тогда впервые в жизни за полученные деньги (гонорар за четвёртый сборник стихов) он сшил себе тёмно- синий костюм. Вечером 14 октября Николай Рубцов побывал на творческой встрече в Холмогорах, где присутствовали его земляки — холмогорцы, емчане,— и они встретили его выступление бурными аплодисментами.

Это было время, когда о Николае Рубцове начали говорить как о народном поэте-лирике. На заседании СП поэт Сергей Орлов, делая обзор северной поэзии, сказал о Николае Рубцове, что он в своей поэзии «раскрывает с естественной простотой

дыхания самое главное: традиционную и непреходящую сущность человеческого характера, сложившегося в активном общении с природой Русского Севера».

В 60- е годы, когда Николай Рубцов учился в Москве, в Литературном институте им. А. М. Горького (с августа 1962 года по май 1969 года), ему удалось посетить «таинственный и мистический Алтай», куда пригласили его в 1966 году (с начала мая до середины сентября) друзья по Литературному институту.

Один из них — Борис Укачин (1936—2003), жил в общежитии института вместе с ленинградским поэтом Сергеем Макаровым, который дружил с Николаем Рубцовым. Борис Укачин родился на Алтае в семье табунщика. После окончания школы поступил в Литературный институт. Впоследствии работал в газетах, где поднимал вопросы экологии, настоящего и будущего Алтая в своих публицистических статьях. Борис Укачин оставил после смерти поэта интересные воспоминания о нём в книге «Алтайское лето Николая Рубцова» (Барнаул, 2011), как и другие его алтайские друзья. Из этих воспоминаний видно, что Алтай стал для Николая Рубцова тоже островком тепла, добра и творческого подъёма. Это было сложное для поэта время, когда после отчисления из Литературного института его восстановили на заочном отделении.

Алтайские друзья видели, как не хватает иногда Николаю Рубцову душевного тепла в его бесприютной жизни. И, вместе с тем, они глубоко ценили его поэтический талант: общение с таким поэтом они расценивали как подарок судьбы. Борис Укачин напишет о Николае Рубцове: «С годами всё глубже и ясней становится его поэзия. Вчитываясь в неё, продираясь и проникая во мглу и свет поэтического слова моего друга, ощупью души я начинаю понимать, что он был нервом российской жизни. Был термометром, измеряющим температуру своего времени и окружения».

Гостеприимным для Николая Рубцова оказался дом алтайского поэта Василия Нечунаева(1939—2019), который тоже дружил с Николаем Рубцовым в Литературном институте, а после его окончания уехал в Барнаул, руководил литобъединением «Родник» при газете «Молодёжь Алтая».

Живя на Алтае, гостил Николай Рубцов и у Валерия Чичинова (1936—2016), с которым познакомился в общежитии, в комнате Бориса Укачина. Встречались с Николаем Рубцовым в Москве и на Алтае и другие алтайские поэты: Николай Черкасов(1938—1993), Леонид Мерзликин(1935—1995), Геннадий Володин (1936—2013).

Больше всего гостил Николай Рубцов у Геннадия Володина, который работал ответственным секретарём газеты «Восход» в Красногорском районе. В январе 1971 года, когда проходило краевое совещание алтайских литераторов, он прочитал во время перерыва в «Литературной России» сообщение о смерти Николая Рубцова, после чего Алтайская краевая писательская организация в полном составе почтила память поэта минутой молчания.

В памяти многих возникла тогда пророческая строка Рубцова: «Я умру в крещенские морозы...»

А ещё вспоминался Николай Рубцов в Красногорске, когда семья Геннадия отвела Рубцову детскую комнату, куда внесли кресло и небольшой круглый стол. Когда вносили, Николай Рубцов сказал: «Ты знаешь, Гена, у меня ещё никогда не было отдельной комнаты. Живу среди людей, как на вокзале или на дебаркадере». Геннадий Володин нашёл для поэта подходящую для данной местности обувь, готовил ему встречи с алтайской природой, пригласил на рыбалку к небольшой горной речушке. Именно здесь увидел впервые Николай Рубцов на сопках, на увалах огромное количество цветов с оранжево — красными венчиками (здесь их называли «жарками»). Срывая эти цветы, Рубцов нюхал их и улыбался. Однажды с большой корзиной они направились собирать на склонах горы клубнику, которой там было очень много. Ловили рыбу. Иногда попадался очень крупный таймень. Особенно поразили его две большие реки,

к «шуму и плачу которых» он всегда прислушивался. На берегу одной из них и был создан поэтический шедевр «Шумит Катунь» с такими проникновенными строками:

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал мотив её былинный...
В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

И думаешь — совсем не случайно к этому шуму и ныне прислушивается, сидя на горе Пикет, отлитый из бронзы алтайский самородок Василий Макарович Шукшин, словно перекликаясь с Рубцовым.

Любили алтайские поэты те мгновения, когда Николай Рубцов брал гитару и напевал песни на свои стихи. Звучали «В горнице моей светло», «Рукой раздвинув тёмные кусты», «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни»..

Геннадий Володин обратил внимание на то, что Рубцов вроде бы ничего не пишет (ручку никогда в руках не держит)..

Но Рубцов сказал, что пишет он много, потом постучал по лысеюшей голове и сказал: «Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются».

На Алтае Николай Рубцов написал немало стихов за три летних месяца: «В сибирской деревне», «Весна на берегу Бии», «Шумит Катунь», «В горной долине». Эти и другие стихи, написанные в Сибири, отражают его особое поэтическое видение: здесь, в Сибири, нет следов праздности, безделия — всё наполнено и дышит животворной силой. На берегу Бии — трактора, волокуши с навозом, жеребята, гуси, лошади, и всё это освещено ярким шаром восходящего солнца.

О своих алтайских друзьях он пишет с большой теплотой, даёт им глубокую характеристику: «Встретили меня хорошо. Человек, у которого я живу, поэт моего возраста. Беспокойный, холерического темперамента, но в общем хороший человек. И стихи пишет живые...»

Николаю Рубцову, который часто в Литературном институте прятался от коменданта, нередко ночевал в тех комнатах, куда его пускали, где приходилось спать на чужих кроватях, поездка на Алтай помогла на какое-то время избавиться от чувства смертельной усталости, когда и жизнь становится в тягость. Сибирь оказалась для него местом, от которого веет былинным могуществом.

Николай Коняев в книге «Путник на краю поля» пишет: «Несомненно, что именно в Сибири Рубцов сумел преодолеть назревавший в нём кризис, увидел другой, возможный для себя вариант жизни.Об этом его стихотворение „В сибирской деревне“:

То жёлтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут-
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.»

Редактор журнала «Алтай» Игорь Пантюхов познакомился с Николаем Рубцовым в Литературном институте после флотской службы (только он служил на Балтике, а Николай

Рубцов — на Северном флоте). В этой же компании (поэты, собравшись вместе читали друг другу свои стихи) были братья Эрнст и Валентин Сафоновы, Валентин Распутин, Александр Вампилов. Судьба уготовила Игорю Пантюхову и Николаю Рубцову ещё раз случайно встретиться на Алтае. Игорь готовил материал о фестивале советско-монгольской дружбы, проходящем в Манжероке. Момент встречи он описал так: «Увидели, что впереди нас по Чуйскому тракту идут два человека — один повыше, другой — пониже ростом, оба босые. Когда мы с ними поравнялись, я увидел, что тот, который пониже,— Коля Рубцов! Я был потрясён! Мы же с ним недавно в Москве встречались!.. Что его занесло вдруг к монгольской границе?!». Когда путников взяли попутчиками в машину, Николай Рубцов (а с ним был Валерий Чичинов из Горно-Алтайска) прочитал начало стихотворения «Старая дорога», которое рождалось, как утверждает Игорь Пантюхов, на Чуйском тракте.

...Здесь каждый славен — мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

В это лето Николай Рубцов познакомился и с горным, и со степным Алтаем. Написанные здесь стихи были опубликованы в «Алтайской правде», а в начале сентября — в «Молодёжи Алтая». На гонорары от этих публикаций он уехал в Москву.

О Николае Рубцове пишут сейчас много. Но особенно важными для меня показались размышления Владимира Личутина: «Неуступчивый, взвихрённый человечек, намертво перепоясанный вервью скитальца, Рубцов избрал для себя всю Родину одним большим гнездовьем: он хотел согреть его сиротской душою и обогреться в нём..». Развивая эту мысль, я хочу обратить внимание на некоторые ключевые слова, которые перекликаются с содержанием моей статьи. Это мысль о том, что Россия была для Н. Рубцова «одним большим гнездовьем», которое он «хотел согреть» «сиротской душой», куда бы ни бросала его судьба. Сокровенная правда мира открывалась Николаю Рубцову в пути, в дороге. Каждый миг в его стихах говорит о вечности, нетленности мира, земли-Родины, её судьбы, её пути и «навсегда запечатлён в душе, которая хранит всю красоту былых времён».

И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...

ТОП-10 ПО МНЕНИЮ КАЗАНСКОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

В этот раз мы собрали наиболее значимые события за последние три месяца минувшего, минорного високосного 2020-го года. Более актуально наш журнал, выходящий ныне только два раза в год, откликаться на происходящее не может. Возможно, кто-то акцентировал бы внимание на других мероприятиях литературной и культурной жизни республики, но мы хотели бы отметить именно эти знаковые моменты.

10

11 октября в Казанском литературном кафе «КаЛитКа» Центральной библиотеки г. Казани состоялась презентация сразу двух номеров литературного журнала «Аргамак. Татарстан» и новой книги из серии «Библиотека журнала „Аргамак“, долгожданного сборника Руслана Галимова „Странные люди».

Так случилось, что в «Калитке» мы не выступали ровно год. Объявленная на 12 апреля 2020 года презентация «Аргамака» стала первым публичным мероприятием в Центральной библиотеке Казани, которое пришлось отменить из-за пандемии. На целых полгода казанские библиофилы были лишены возможности воскресных посиделок в уютном кафе Эдуарда Учарова. Кое-кто даже стал испытывать что-то похожее на «ломку», так мы привыкли к этим поэтическим вечерам на улице Вишневского, 10. Особенно обидно было «аргамаковцам», ведь мартовская книжка журнала посвящалась ожидаемым майским юбилеям — 75-летию Великой Победы и 100-летию образования Татарской АССР. Но ничего не поделаешь, не мы придумали «ковид», и самоизоляцию пришлось соблюдать.

Тем более, главный «калиточник» Учаров обещал нам провести презентацию при первой же возможности — и обещание, конечно, сдержал. И как только Роспотребнадзор по РТ снял ограничения на проведение публичных мероприятий, мы сразу же собрались в «Калитке». К тому времени вышел уже и сентябрьский номер журнала и была получена из типографии книга Руслана Галимова. Так что поводов для выступления прибавилось. В презентации приняли участие главный редактор, председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков, заместитель главного редактора Вера Хамидуллина, а также члены редколлегии журнала — руководитель литературного объединения «Лебедь» ДК КАМАЗ Ольга Кузьмичёва-Дробышевская и заведующий библиотекой Серебряного века Елабужского государственного музея-заповедника Андрей Иванов. Андрей Николаевич давно обещался постучаться в «Калитку», «но доселе не собрался». Его выступление стало «ягодкой на торте». И как всегда, отличалось остроумием и информационной насыщенностью.

Представить два номера сразу было актуально ещё и потому, что в том и в другом (с продолжением) опубликован роман «Инопланетяне» известного московского писателя Александра Ольшанского, организатора и недавнего председателя Содружества выпускников Литинститута. В «Аргамаке» это произведение (по жанру роман-предупреждение) опубликовано под рубрикой «Актуальная фантастика». Желающие узнать о нём поподробнее, могут прочесть рецензию Владимира Милованова под

рубрикой «Книги наших друзей» — она напечатана в номере, который читатели держат в руках.

Книгу «Странные люди» Руслана Галимова (1946—1982), прозаика и поэта из Чистополя, строителя КАМАЗа, участника набережночелнинского литературного объединения «Орфей» подготовили к печати его друг, поэт Николай Алешков, а также дизайнер-верстальщик редакции журнала «Аргамак» Виталий Павлов и поэтесса Светлана Летяга (корректор), довольно давно. До того, как они решились на это, книга пролежала в Татарском книжном издательстве три года, всякий раз не попадая в план из-за нехватки средств. А в 2020-м ещё и пандемия стала предлогом в очередной раз отложить её печать. Тогда редактор и составитель решился «пустить шапку по кругу», обратившись к друзьям лично, а к прочим любителям хорошей прозы и свободных стихотворений — верлибров — через соцсети, чтобы собрать необходимую сумму. Людей откликнулось немного, однако нужную сумму собрали на удивление быстро! Так же быстро книга была отпечатана в прекрасном полиграфическом исполнении дружественной типографией из Ульяновска.

9

Литературный конкурс имени Гавриила Каменева «ХИЖИЦЫ» прошёл уже в четвёртый раз — и с прошлого года стал международным. Впервые его проводили в 2017 году под эгидой казанского литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки г. Казани по инициативе руководителя «Калитки», поэта Эдуарда Учарова. Конкурс посвящён памяти поэта, предвестника романтизма, родившегося и творившего в Казани, Гавриила Петровича Каменева (1773—1803), автора первой русской героико-романтической поэмы «Громвал» по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте. Название конкурсу дало одно из исторических мест Казани — Хижицы (Кизическая слобода), а также одноимённое стихотворение поэта. На погосте Кизического монастыря поэт нашёл своё вечное упокоение. В августе 1964 года, накануне приезда в Казань Никиты Хрущёва это кладбище снесли в одну ночь...

В сезоне 2020 года на конкурс поступило свыше четырёхсот заявок от авторов из 192 городов и сёл. Лидерами по числу участников стали Москва и Московская область (78), Санкт-Петербург и Ленинградская область (32), Республика Татарстан (29) и Нижегородская область (18). Помимо российских участников в конкурсе приняли участие авторы из 22 стран — это Австралия, Австрия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Болгария, Германия, Грузия, ДНР, Израиль, Казахстан, Канада, Латвия, Молдова, Нидерланды, США, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Франция, Чехия, Эстония. В октябре были подведены итоги. Победители получили денежные призы и дипломы, избранные произведения участников шорт-листа были опубликованы в журнале «Казань».

8

17 октября в автограде, во Дворце культуры «Энергетик» состоялся творческий вечер «Энергия челнинского слова», посвящённый юбилеям сразу двух поэтов: Николая Алешкова и Веры Хамидуллиной. От Союза российских писателей юбиляров поздравлял оргсекретарь правления СРП Левон Осепян, а ещё из Москвы прилетели учредители национальной литературной премии «Золотое перо Руси» Светлана Савицкая и Александр Бухаров. Много добрых слов прозвучало в адрес

виновников торжества от имени министерства культуры республики, Союза писателей Татарстана, администрации города, состоялся большой концерт, в котором прозвучали песни на стихи Николая Алешкова и Веры Хамидуллиной. И конечно, прозвучали новые стихи в исполнении авторов.

Заместитель главы города Набережные Челны Ирина Сагидуллина зачитала указ Президента Республики Татарстан о награждении Николая Алешкова медалью «За доблестный труд» и вручила поэту государственную награду. Юбиляры были награждены и памятными медалями Николая Рубцова, их от имени и по поручению всего литературного сообщества России вручил руководитель Набережночелниского отделения Союза писателей РТ Факиль Сафин. В свою очередь Николай Петрович поздравил со сцены с 60-летием своего друга и тёзку — руководителя ансамбля народных инструментов «Наигрыш» Николая Фёдорова, а также вручил ежегодную премию журнала «Аргамак», учреждённую в октябре 2019 года нашим земляком, урождённым казанцем, предпринимателем, писателем-публицистом, членом редколлегии журнала Петром Муратовым, живущим ныне в Новосибирске. В этом году лауреатом премии стал казанский драматург Мансур Гилязов за пьесу «Микулай», опубликованную в № 1(31) за 2020 год.

Вере Хамидуллиной москвичи торжественно вручили Благодарность от Организации Объединённых Наций, диплом «За верность отечественной литературе» и юбилейную медаль И. А. Бунина. Вообще юбилейный год Веры Петровны ознаменовался её большими достижениями. В конце сентября в Москве, в рамках Международной научной конференции по цветаеведению, в доме-музее М. И. Цветаевой, объявили имена лауреатов X Цветаевской премии — наряду с народной артисткой России Светланой Крючковой, главным редактором журнала «Молодая гвардия» Валерием Хатюшиным литературную Цветаевскую премию 2020 года в номинации «Поэтический сборник» получила и председатель комиссии по детской литературе Союза российских писателей, заслуженный деятель искусств РТ Вера Хамидуллина. Добавим также, что в этом году она стала членом-корреспондентом Петровской Академии наук и искусств (ПАНИ), победителем Международного поэтического конкурса имени Алишера Навои (Республика Кыргызстан). А уже после юбилейного вечера

из Москвы прибыл большой конверт с Благодарственным письмом Вере Петровне, подписанным министром культуры РФ Ольгой Любимовой.

На вечере Николай Алешков и Вера Хамидуллина также поздравили с днём рождения бессменного директора Дворца культуры «Энергетик», почётного гражданина города Набережные Челны, заслуженного работника культуры РТ Гульзаду Рзаеву, которая по традиции вела их творческий вечер. Гульзада Мухаметгараевна действительно выглядела именинницей — ведь «Энергия челнинского слова» стала первым большим мероприятием в только что отремонтированном Дворце культуры. Да и в пандемии возник промежуток для массовых мероприятий. В соответствии с предписаниями Роспотребнадзора РТ, зрителям на входе измеряли температуру, половина кресел в зрительном зале были затянуты лентами — для соблюдения социальной дистанции. Но это не испортило праздничной атмосферы, по которой все успели соскучиться.

7

30 октября в Государстенном музее изобразительных искусств РТ открылась выставка «Несуровый стиль Геннадия Архиреева» и состоялась презентация книги о самобытном казанском художнике, которую его вдова Светлана Колина назвала «Как же я тебя люблю». Напомним, в журнале «Аргамак» № 4 (13) 2012 печаталась её статья «Печать Свияжска на судьбе» и цветная вклейка с работами художника.

Открытие экспозиции, в которую вошли 70 работ легендарного казанского самоучки, говоря откровенно, состоялось с опозданием на год. Художнику в 2019 году исполнилось бы 70 лет. Однако у Министерства культуры РТ не нашлось тогда средств на организацию выставки. И негосударственная «Культурная платформа „Действие“ взялась осуществлять проект „Казанское время. Художники 1990-х“. В 1992 году в Казани состоялась знаковая „Выставка 12-ти. Новое искусство», в которой участвовали Геннадий Архиреев, Ильгиз Гимранов, Ильгизар Хасанов, Евгений Голубцов, Ильдар Зарипов, Наркис Пономарев, Виктор Тимофеев, Александр Артамонов — их имена сегодня известны далеко за пределами Татарстана, а произведения находятся в музеях и частных коллекциях России, Европы и США.

Куратор выставки, коллекционер Евгений Жудров на открытии рассказал, что картины Геннадия Архиреева из его музея в Свияжске везли... под охраной автоматчиков! Это ли не слава!.. Увы, как часто бывает, она пришла после смерти живописца — его не стало в 2007 году. Коллекционеры теперь гоняются за его работами и готовы платить баснословные деньги. Сам художник богатства и славы не искал, например, знаменитую картину «Октябрьская», представленную на выставке, он в своё время отказался обменять на «БМВ».

Напомним, Геннадий Архиреев родился в 1949 года на острове Свияжск в гулаговской

тюрьме и до четырёх лет воспитывался в доме для детей заключённых. После реабилитации матери в 1953 году жил в Казани. Специального художественного образования не получил, аттестат о среднем образовании был ему выдан после окончания школы рабочей молодёжи. Работать Геннадий начинал расклейщиком афиш в ДК Урицкого, там же занимался в изостудии Николая Индюхова, а после армии посещал студию Ильдара Зарипова, трудился художником-бутафором в Качаловском театре, рекламистом в кинотеатре «Родина», оформителем на «Тасме». Картины писал в свободное время.

С начала 90-х годов картины Геннадия Архиреева выставлялись в Эдинбурге, Лондоне, Брюсселе, Амстердаме... В 1995-м его приняли в Союз художников РТ. В 2006 году директор «Эрмитажа» Михаил Пиотровский, посетив персональную выставку Архиреева в центре «Эрмитаж-Казань», назвал его «казанским Врубелем».

Через полгода после кончины художника в прокат вышел художественный фильм о нём «Голубка», снятый на «Мосфильме» режиссёром Сергеем Ольденбургом-Свинцовым по рассказам Светланы Колиной. Съёмки картины проходили в Казани и на острове-граде Свияжск. Там же в 2017 году открылась музей-квартира Геннадия Архиреева.

Выставка «Несуровый стиль Геннадия Архиреева» работала до конца января. И теперь собрать вместе его картины из четырёх частных собраний и двух музеев уже вряд ли когда-нибудь удастся... И прекрасно, что устроители к этому событию издали в Санкт-Петербурге уникальный каталог, первый в рамках проекта «Казанское время. Художники 90-х». Его ещё можно найти и приобрести в Галерее современного искусства Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан.

6

4 ноября открылся IV межрегиональный музыкально-поэтический онлайн-фестиваль «Рукопожатие республик», посвящённый Дню народного единства и 100-летию образования Татарской АССР. Участниками традиционно стали поэты из Татарстана, Марий-Эл, Чувашии, Удмуртии, Республики Крым, а также из города федерального значения Севастополь. Кроме того, в этом году к фестивалю присоединились участники из Башкортостана и Мордовии. Организаторами выступили Министерство культуры Татарстана, Русское национально-культурное объединение республики, Татарстанское отделение Союза российских писателей, Культурный центр имени А. С. Пушкина, газета «Казанские ведомости», поэтический театр «Диалог».

Правда, провести фестиваль планировали, как и три предыдущих, 21 марта, в день поэзии, однако пандемия внесла свои коррективы. Гости не смогли прибыть в Казань, фестиваль отложили, а потом решили провести удалённо, онлайн. Все гости прислали свои видеовыступления, которые разместили на социальной странице Культурного центра имени А. С. Пушкина. А на следующий день, 5 ноября, участники провели онлайн-конференцию на площадке редакции газеты «Казанские ведомости».

— Фестиваль «Рукопожатие республик» мы провели в удалённом режиме. С одной стороны, это интересно, ведь в таком формате мы работали в первый раз, а всё новое привлекает внимание аудитории. В Доме дружбы народов РТ на прежних фестивалях у нас был полный зал — но мест там в пять раз меньше, чем просмотров в интернете,— сказала идейный вдохновитель «Рукопожатия республик», художественный руководитель поэтического театра «Диалог», лауреат литературных премий имени

Г. Державина и С. Сулеймановой, заслуженный работник культуры РТ, член бюро Татарстанского отделения СРП Ольга Левадная.— С другой стороны, ничто не заменит радость и богатство живого общения. Надеемся, в будущем году мы проведём свой пятый фестиваль очно — и сможем пригласить своих друзей из поволжских республик в Казань и Чистополь. От нашей республики на фестивале каждый год выступают разные поэты — и это принципиальная позиция Татарстанского отделения СРП. В этом году открытием фестиваля стал Никита Майоров — юный казанский поэт.

5

14 ноября в Казанском театре юного зрителя прошёл вечер памяти заслуженного артиста России, народного артиста Татарстана Александра Купцова. Напомним, 6 ноября 2019 года актёр отыграл роль Короля в «Маленьком принце», но после спектакля на поклоны не вышел... Александра Ивановича нашли сидящим в кресле своей гримёрки. Он ушёл тихо, не попрощавшись. Тюзовцы пригласили автором сценария вечера купцовского сокурсника по театральному училищу, бывшего актёра театра, драматурга Александра Воронина, а тот попросил выступить ведущим народного артиста РТ Романа Ерыгина, который за три дня до того отмечал своё 60-летие и на своём юбилейном вечере играл премьерный спектакль «Лиса и виноград». Дело в том, что до него роль Эзопа в конце 90-х блестяще играл Александр Купцов — и эта эстафета оказалась знаменательной.

Купцов с Ерыгиным часто выступали вместе в спектаклях, ставших знаковыми для театра. Это и отмеченная национальной театральной премией «Золотая маска» шекспировская «Буря», и брехтовский «Добрый человек из Сычуани», и легендарные гоголевские «Игроки». Видеофрагменты тех спектаклей демонстрировались 14 ноября на большом экране, откуда лилась живая музыка — саксофон, фортепиано, гитара... Большой экран был оправдан ещё и тем, что Александр Купцов больше других казанских актёров был востребован в кино, сыграл десятки разноплановых ролей.

Несмотря на занятость в театре и кино, Александр Иванович всегда ходил на поэтические вечера в литературном кафе «Калитка». Но был не только зрителем. Так, он блестяще исполнил главные роли в актёрских читках пьес Александра Воронина «Как уху Емеля ел» и «Присутствие». Не пропускал никогда презентаций журнала

«Аргамак», каждый номер читал от корки до корки. Нам теперь будет не хватать его дружеского расположения.

После «минорного» монолога Романа Ерыгина гостей вечера из полутёмного зрительного зала пригласили в светлое актёрское фойе, где была развёрнута фотовыставка из архивов театра юного зрителя, на телеэкране демонстрировался фильм «Дядя Саша», снятый детской киностудией «Караван» специально к этому вечеру памяти. А для всех желающих в фойе работал «свободный микрофон». Специально на этот вечер из Санкт-Петербурга прилетел бывший актёр Казанского тюза, партнёр А. Купцова по фильму «Собака», заслуженный артист России Рустем Гайнуллин. Ему было что рассказать, как и многим другим, кто хотел вспомнить замечательного актёра.

4

16 ноября в Казани стартовал V международный «Кутуй-фест». В этом году фестиваль, посвящённый известному казанскому поэту и прозаику Рустему Адельшевичу Кутую (1936—2010) прошёл впервые без Маргариты Небольсиной, создателя, вдохновителя и постоянного ведущего «Кутуй-феста» — год назад её не стало... Вместе с ней участники почтили память ещё двух казанских поэтов — Сергея Малышева и Розы Кожевниковой, 70-летие со дня рождения которых отмечали в 2020 году. Их стихи, как и стихи Кутуя, прозвучали на поэтическом вечере в стенах театра «Фабрика» (в здании творческого пространства «Маяковский»). А на следующий день в Доме Дружбы народов РТ открылась выставка «На просторах Татарстана», подготовленная Казанским отделением профессионального союза художников СНГ и его бессменным руководителем, членом Союза российских писателей Ладой Аюдаг. Вот и она впервые проводила мероприятие сразу в двух форматах одновременно — и офлайн, и онлайн, прямая трансляция велась на страницах Ассамблеи народов Татарстана и в социальных сетях.

В Казанском федеральном университете в рамках Кутуевского фестиваля по традиции прошла международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур». Из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации формат конференции был смешанный: для казанских участников она проходила очно, на базе института филологии и межкультурной коммуникации КФУ, а для участников из других городов, регионов и стран — в режиме онлайн. В этот раз в рамках конференции работали три секции: «Диалог культур в литературе: литературные взаимосвязи и взаимовлияния», «Значимые имена литературы и литературоведения Республики Татарстан», «Художественное воплощение мира детства в произведениях русскоязычных писателей».

— Практика показывает, что многие пишущие на русском одновременно являются и переводчиками произведений художественной литературы своего региона,— отметила член оргкомитета и сопредседатель фестиваля — член Союза писателей РТ Альфия Галимуллина,— поэтому одним из постоянных направлений работы конференции является и проблема художественного перевода.

В рамках конференции представители Татарстанского отделения Союза переводчиков России провели мастер-класс для студентов КФУ. А поэт, переводчик, член комиссии по переводам Союза российских писателей, заслуженный деятель искусств РТ Вера Хамидуллина провела тренинг на тему «Профессионально-коммуникативная компетенция переводчика».

3

Зимний книжный фестиваль «Смены» прошёл 12—13 декабря в обновлённом здании Национальной библиотеки РТ. По мнению участников, он стал самым ярким и запоминающимся событием минувшего года. И хотя вход, как и на прежних двенадцати фестивалях был свободным, в этот раз устроители вынуждены были организовать предварительную регистрацию в интернете, чтобы избежать скопления людей и соблюсти меры безопасности в связи с пандемимей.

На книжной ярмарке было представлено 20 стендов российских издательств, которые предлагали книги по сниженным ценам. Образовательная часть фестиваля проходила онлайн и оффлайн. Так, американский поэт, эссеист и переводчик Майкл Тейлор представил свою новую книгу «Нос Рембрандта», пионер немецкой поведенческой биологии, профессор Мюнстерского университета и автор книги «Человек в животном» Норберт Заксер рассказывал, как исследователи изучают животных, а Петер Сонди представил книгу «Теория современной драмы». Вживую прошли выступления историка Елены Осокиной, социолога Михаила Соколова, научного журналиста Полины Лосёвой и нейробиолога Николая Кукушкина.

Зимний фестиваль стал своего рода новосельем для Национальной библиотеки Республики Татарстан в здании бывшего НКЦ, некогда филиала музея В. И. Ленина (всем казанцам известного как «крематорий»). И поводом поговорить о судьбе теперь уже бывшего здания Нацбиблиотеки, легендарного дома Ушковой с садом-гротом, с уникальными интерьерами в разных архитектурных стилях. В рамках зимнего фестиваля там прошли концерт Александра Зайцева и презентация специального издания «Такие дела» фотографа Сергея Карпова и журналиста Егора Сенникова.

Впервые на фестивале специалисты отдела редких книг и рукописей Национальной библиотеки провели лабораторную расшифровку и перевод дневников, написанных на арабице. Желающие могли наблюдать, как на их глазах старые дневники (дочери татарских эмигрантов в Мукдене, воспоминания ученика медресе в Татарском Ходяшево, жителя деревни Старый Муй) обретают доступный ныне цифровой формат. У тех, кто умеет грамотно переводить с татарского на русский и набирать текст на компьютере, появилась редкая возможность прикоснуться к истории и получить уникальный опыт взаимодействия со стариной.

2

Министр культуры Татарстана Ирада Аюпова встретилась с писателями республики, пищущими на русском языке. Встреча состоялась 22 декабря в уютной обстановке Белого зала музея Боратынского. Обсуждались вопросы развития русской литературы в Татарстане в рамках исполнения программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014—2023 годы». «Я пришла, чтобы вас услышать»,— сказала министр культуры, открывая встречу и предлагая писателям высказаться.

Поэт, журналист, преподаватель Айрат Бик-Булатов начал разговор с литературной преемственности поколений, утраченной, по его мнению, в девяностых. Сейчас вся литературная жизнь переместилась в интернет. Молодые авторы живут в своём мире, старые традиции утеряны.

Поэт и переводчик из Набережных Челнов Вера Хамидуллина, словно возражая ему, рассказала о работе с юными литераторами и о готовящихся к изданию

сборниках молодых авторов на ежегодные стипендии от Союза российских писателей. По мнению Веры, было бы хорошо, если подобная финансовая помощь оказывалась и минкультом РТ.

Алексей Остудин, поэт, председатель «русской» секции Союза писателей республики, посетовал, что практически не осталось газет, публикующих молодых писателей и заметил, что литература и культура в условиях рынка не приносят дохода, им нужна государственная поддержка: «Культура должна быть на бюджете государства. Книжные магазины должны быть государственными», — сказал он.

Эмоциональным оказалось выступление Олеси Балтусовой, помощника Президента республики: «Я чувствую себя частью писательского братства. Как было здорово, когда проходили различные фестивали — Аксёнов-фест, фестиваль Хлебникова... Встречи с писателями обогащают, развивают, сдвигают с места. Я бы хотела инициировать фестиваль „Казанский берег“, чтобы к нам приезжали великие деятели литературы, те, кто нам интересен. Важно общаться вживую...»

Анна Русс, поэт, хорошо известный в России, считает, что время бумажных книг кануло в прошлое и такая книга нужна прежде всего самому автору. Современные читатели читают книги через интернет. «Надо подумать о системе продвижения книг, — сказала она. — Есть авторы, пишущие интересные стихи, получающие премии, проводящие свои вечера. Нужны интернет-порталы со множеством подписчиков, которые собирали бы все новости культуры, анонсировали подобные вечера».

Альфия Галимуллина, профессор КФУ, литературный критик, более 15 лет занимающийся вопросами русского языка и литературы, заметила, что из-за пандемии доступны не все ресурсы, например, осложнено проведение фестивалей. Выход — использовать те формы и площадки, которые себя хорошо зарекомендовали.

У многих писателей есть свои собственные проекты и начинания: казанское литкафе «Калитка» во главе с Эдуардом Учаровым; литературные объединения, которые ведут Наиля Ахунова, Борис Вайнер, Филипп Пираев, Алексей Кириллов, Татьяна Сушенцова в Казани и Ольга Кузьмичева-Дробышевская в Набережных Челнах;

поэтический театр «Диалог» Ольги Левадной; конкурс на соискание литературной премии «ДИАС», посвящённой казанскому писателю и философу Диасу Валееву, издание коллективных поэтических сборников, например, «Казанский объектив». Печально, сказала Альфия, что некоторые не успевают реализовать свои проекты при жизни. Например, не стало организатора «Кутуй-феста» Маргариты Небольсиной, проводившей его в своё время без копейки бюджетных денег. Но отрадно, что нашлись люди (сама Альфия в их числе), продолжившие её дело.

По мнению литературного консультанта Союза писателей РТ Галины Зайнуллиной, помощь министерства была бы нелишней в издании сборника стихов и прозы участников семинара молодых писателей. «Этот сборник был подготовлен мною и Галиной Булатовой давно, но до сих пор не дошёл до печатного станка из-за отсутствия средств».

Поэт, культуртрегер, руководитель казанского литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки г. Казани Эдуард Учаров говорил о том, что, к сожалению, не существует профессии литератора, труд поэта мало востребован. Он рассказал о еженедельно проводимых вечерах и книжной серии «Калитки». Так, в этом году вышел пятый выпуск: сборник прозы — в крафтовой версии Вадима Гершанова, издавшего книгу за свой счёт. Один из выпусков серии посвящён первому русскому романтику, поэту 18 века Гавриилу Каменеву, жившему и творившему в Казани. Конкурс имени Каменева под названием «Хижицы», проводимый Эдуардом четвёртый год, стал уже международным. Также поэт затронул тему увековечивания Каменева в Казани: дело об установке ему хотя бы мемориальной доски тянется уже несколько лет.

Этой же темы — увековечивания имени Вероники Тушновой и установки ей мемориальной доски на здании бывшего госпиталя, где поэтесса работала в годы войны, коснулась и руководитель лито им. Гарифа Ахунова, организатор фестиваля имени Вероники Тушновой Наиля Ахунова, прося поддержки министерства культуры.

Прозаик, директор музея-квартиры композитора Назиба Жиганова Алексей Егоров, сотрудничающий с благотворительным проектом Издательского Дома Маковского, рассказал, что в рамках проекта вышло уже более двух десятков электронных книг казанских авторов в формате, удобном для чтения с сотовых телефонов. И этот проект продолжается, издаются новые книги и переводятся в электронный формат уже вышедшие.

Поэт, переводчик Наиль Ишмухаметов затронул больную для переводческого корпуса тему: «Плохо, что нет государственного заказа на переводы. В большинстве случаев они — частная инициатива. Переводы попали в воронку, без помощи государства им не выжить...»

«Я уже десять лет говорю о создании экспертного совета по утверждению татарских авторов,— продолжила тему поэт и переводчик Алёна Каримова,— перевод которых на русский язык был бы государственным заказом». Также Алёна уверена, что русскую литературу в Татарстане нужно позиционировать на федеральном уровне, в первую очередь, за счёт издания книг...

Выступали также директор Дома-музея Василия Аксёнова Ирина Аксёнова; председатель совета Казанского русского национально-культурного объединения Ирина Александровская и другие. Говорили о русских и татарских литературных премиях, о сложности вступления уже известных авторов в Союз писателей РТ, о необходимости объединения для решения общих проблем, об издании журналов «Аргамак. Татарстан» (главный редактор Николай Алешков), «Идель» и «Казань» (главный редактор Альбина Абсалямова).

Министр культуры попыталась обобщить услышанное: «Я вижу большое количество дисперсных мероприятий, но не хватает большого, крупного литературного фестиваля или даже литературной недели, на которых можно было бы обсудить проблемы современного литературного пространства. Нам нужно событие. Нужны проекты, дотации на издание книг, но это должны быть не государственные издательства. Необходимо расширять границы коммуникации. Можно запустить в системе образования или культуры проект обучения ораторскому мастерству, культуре речи. Умение выступать, излагать свои мысли позволит более эффективно выстраивать коммуникацию. Продвигая переводную татарскую литературу за пределами Татарстана, мы интегрируемся в международное культурное пространство. Считаю, что любой проект не должен быть проектом одного человека — важна единая позиция и инициатива сообщества. Тогда и нам будет легче».

С мнением министра по некоторым вопросам можно и поспорить. Если, например, «нужны дотации» на издание книг, то почему издание книг должны осуществлять негосударственные издательства? Ведь частные давно зарекомендовали себя безусловным стремлением к прибыли, что само по себе понятно и очевидно. Писателю для работы необходимо уединение. Публикация произведений в печати, издание книг, достойная оплата творческого труда для него гораздо важнее и актуальнее, чем «обучение ораторскому искусству и культуре речи». Культура не взращивается отдельными «галочками о проделанной работе», модными ныне рейтингами, громоподобными, резонансными шоу, которые попадут в федеральные медиалогии, о которых потом можно будет отчитаться с высокой трибуны. Это каждодневная, кропотливая, очень бережная и грамотная работа — возделывать сад для будущих поколений! Она не терпит шумихи и кампанейщины, не поддаётся «форматам» и кабинетным стратегиям. У каждого литератора свой проект, свой крест, который он взвалил на плечи и несёт. Культуртрегерство — вообще индивидуальная вещь. Проекты развиваются благодаря конкретным именам, объединить их во что-то единое — задача практически невыполнимая. Таланты все очень разные, наверное, этим искусство и ценно?

«Надо подумать и о гонорарной политике в издании книг»,— сказала Ирада Аюпова в завершение. Будто бальзамом помазала по израненным поэтическим душам. Напомним — об авторских гонорарах в большинстве печатных изданий республики уже лет двадцать вообще не вспоминают, не говоря уж о зарождающихся и приобретающих популярность интернет-изданиях...

1

То, в какой спешке и секретности готовилась встреча в Боратынке, и почему для неё была выбрана именно эта дата,— не оставляет сомнений, что татарстанское руководство вполне отдавало себе отчёт, для чего затевается первая и единственная в истории современной республики встреча министра культуры с русскими писателями. Об этом, разумеется, в Белом зале не говорилось. А всё объясняется просто. Дело в том, что в тот же день и в тот же час, 22 декабря 2020 года, в Москве случилось событие, которому мы с непоколебимой уверенностью и полным правом отдадим ПЕРВОЕ МЕСТО в нашей десятке событий литературной и культурной жизни.

В тот день пять крупнейших писательских объединений: Союз писателей России, Союз российских писателей, Союз писателей Москвы, Союз писателей Санкт-Петербурга и Российский книжный союз **учредили Ассоциацию союзов писателей и издателей России**. Были сформированы рабочие органы Ассоциации.

Председателем Творческого совета избран Владимир Толстой, руководитель Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, советник Президента РФ по культуре. В Творческий совет вошли известные писатели Евгений Водолазкин и Алексей Варламов, Татьяна Толстая и Ольга Славникова, Гузель Яхина и Сергей Лукьяненко, Александр Кушнер и Олег Чухонцев, Игорь Волгин и Дмитрий Воденников, Роман Сенчин и Андрей Геласимов, Юрий Кублановский и Андрей Рубанов, Владимир Крупин и Владимир Личутин, Павел Басинский и Лев Данилкин, Денис Драгунский и Виктор Лихоносов, Ренат Харис и Канта Ибрагимов, а также многие другие писатели, редакторы ведущих литературных журналов, руководители издательств.

В Наблюдательный совет Ассоциации вошли начальник Управления Президента РФ по общественным проектам Сергей Новиков, министр культуры Российской Федерации Ольга Любимова, заместитель руководителя Роспечати Владимир Григорьев, директор Государственного музея истории российской литературы Дмитрий Бак, директор и главный редактор телеканала «Культура» Сергей Шумаков, президент Российской государственной библиотеки Виктор Фёдоров, президент издательской группы «Эксмо-АСТ» Олег Новиков. Возглавил Наблюдательный совет Сергей Степашин, президент Российского книжного союза. А председателем Ассоциации писателей и издателей России избран Сергей Шаргунов — главный редактор журнала «Юность», заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы.

Какой будет эта Ассоциация, созданная на обломках некогда славного Союза писателей СССР? Работа по её созданию велась долгих семь лет, с того памятного Всероссийского литературного собрания, на котором Президент РФ Владимир Путин впервые услышал, что в России нет такой профессии «писатель», — и поручил решить вопросы с профессиональным статусом писателей и издателей, их социальной защитой и юридической кодификацией.

В принятом на учредительном собрании 22 декабря обращении говорится: «Мы пришли к этому сложению усилий непросто и не сразу — спустя тридцать лет размежеваний и разногласий. Мы очень разные — и мировоззренчески, и стилистически — и дорожим этим. Что нас собрало вместе? Желание следовать лучшим, самым

благородным традициям отечественной словесности, любовь к литературе и родному языку. Сегодня литературное сообщество при всём его ярком многообразии в значительной степени беззащитно. Мы объединяемся для того, чтобы отстаивать права, интересы, судьбы людей литературы. Сама работа писателя, до сих пор не имеющая юридической кодификации, должна получить серьёзную социальную защиту. Необходимо существенное обновление новыми книгами и литературными изданиями фондов библиотек, в том числе электронных. В библиотеках, школах, вузах и на других площадках писатели должны стать желанными гостями. Нужны мощные программы поддержки литературного процесса, включающие фестивали, образовательные мастер-классы, литературные чтения, широкие дискуссии по насущным вопросам литературы, в том числе способствующие развитию критики. Нужны арт-резиденции и дома творчества в разных регионах страны, где писатели могли бы жить и работать. Нужны программы для молодых авторов, поиска и поддержки талантов. Особая помощь требуется литературной провинции. Мы будем содействовать развитию национальных литератур народов России, переводу произведений национальных писателей на русский язык. Нуждаются в спасении остатки писательского имущества и литературные издания, включая легендарные толстые журналы».

Председатель Ассоциации, известный писатель и телеведущий, депутат Государственной Думы Российской Федерации Сергей Шаргунов в одном из интервью сказал:

— У нас есть планы по защите интересов и прав писателей. И первый пункт — получить регистрацию. Сейчас готовим документы для министерства юстиции. Следующий шаг — юридически закрепить кодификацию «писатель». Пока, по сути, писатели бесправны, даже не могут вписать свой род занятий в трудовые книжки. Это досадно и оскорбительно. У нас есть серьёзные планы по организации поездок писателей — важно, чтобы они встречались с читателями в библиотеках, вузах, школах страны. Очень важно защитить толстые литературные журналы и литературные газеты, отстоять эти издания, которые являются нашим национальным достоянием. Без помощи государства и финансовой поддержки это неосуществимо. Ещё раз подчеркну, мы — не идеологизированная организация, у нас собрались люди самых разных взглядов, направлений и стилистических подходов. Мы считаем, что мы можем и должны быть полноценным субъектом в разговоре с государством и со всеми заинтересованными структурами, которые хотели бы поддерживать отечественную литературу. Это касается и государства, и бизнеса. Деятели театра и кино, художники, композиторы гораздо более скоординированы и способны отстаивать свои интересы. Подобная защита для писательского мира сегодня важна как никогда.

ЧТОБЫ ДЕТИ ПОМНИЛИ

В начале минувшей осени в честь 75-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне (1941—1945) Союз российских писателей выпустил книгу «Чтобы помнили». Это уникальное издание для школьников, включает в себя произведения 42 авторов из России, Испании, Германии, Израиля, Украины, Белоруссии, Латвии, Азербайджана.

Издание инициировано и профинансировано Фондом поддержки детской литературы «Надежда» из города Оренбурга (автор и руководитель проекта Надежда Кузнецова). В подготовке материалов приняли участие Вера Хамидуллина — координатор проекта, председатель комиссии по детской литературе СРП (Набережные Челны), Геннадий Калашников — составитель сборника, член правления СРП (Москва),

Ольга Белова-Недовизий — художник (Набережные Челны), корректоры Гузель Давлетзянова и член СРП Алла Орехова (Набережные Челны). Сборник отпечатан в филиале АО «Татмедиа» ПИК «Идел — Пресс» (Казань).

Книга «Чтобы помнили» актуальна и в связи с юбилеем Победы, и в связи с желанием авторов и участников проекта сохранить правду о «роковых сороковых». Не секрет, что великий подвиг советской армии и советского народа ныне стараются переврать, извратить и опошлить так называемые «партнёры» на Западе, в Америке да и в братской Украине. Находятся их «агенты» и внутри родного Отечества. Мы же надеемся, что все прочитавшие книгу не пойдут торговать прадедовскими медалями, не будут глумиться над святынями, осквернять и сносить памятники погибшим героям. Слишком точно и глубоко пронзают строки каждого произведения, вошедшего в сборник, написаны ли они легендарными поэтами-героями Мусой Джалилем и Фатыхом Каримом; ровесниками Победы Николаем Алешковым, Георгием Кольцовым и Владимиром Скифом; знаменитым Михаилом Ножкиным, народным поэтом Урала Константином Скворцовым или начинающими литературный путь Динарой Мамедовой и Рамзаном Саматовым.

Большую помощь в подборе авторов оказал журнал «Аргамак. Татарстан» (главный редактор Николай Алешков). Именно на страницах «Аргамака» была первоначально опубликована значительная часть произведений, вошедших в книгу «Чтобы помнили».

С 1 октября 2020 года началось славное шествие этого сборника к читателям. Первая масштабная презентация состоялась в Союзе писателей Республики Татарстан в Казани, в ходе которой часть книг была передана в дар библиотекам республики. Волна презентаций докатилась и до дружественной Татарстанскому отделению СРП Библиотеки Серебряного века в Елабуге.

А в Оренбургском областном Дворце творчества детей и молодёжи им. В. П. Поляничко состоялась онлайн-презентация этой же книги, приуроченная к Международному дню школьных библиотек. Книга «Чтобы помнили» поступила также в фонд Российской государственной детской библиотеки (Москва), а на её сайте размещена онлайн-презентация.

Автор проекта — Надежда Викторовна Кузнецова в рамках Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» награждена медалью «За заслуги в культуре и искусстве», составители сборника Геннадий Калашников и Вера Хамидуллина — медалями «За сохранение памяти о ВОВ». Выпуск международного сборника, в котором многогранно, ярко и художественно рассказано о войне детям российских школ не остался незамеченным. О войне нужно знать всё, чтобы она больше не повторялась.

Вера ХАМИДУЛЛИНА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ

* * *

Под небом высоким, под облаком белым
Наш город, как песня, летит вдоль реки.
С восторгом глядим на него оробелым —
Он нами взлелеян, ветрам вопреки.

Пугали застоем и рознью, и смутой,
А город, как юноша рос и мужал.
Сегодня он взрослый. Теплом и уютом
Гостей окружает и всех горожан.

Здесь каждый поэт. Ты запомни, потомок, —
Мы строили город, живя не по лжи.
Ведь только поэты могли из потёмок
К высокому небу поднять этажи.

Вот и осталось позади первое двадцатилетие нового века. И сам 20-й год канул в Лету. Отшумели юбилейные торжества — многие и разные, общие и личные. На моей родине отмечено 50-летие начала строительства КамАЗа и Нового города. Так быстро, так стремительно промчалось время, будто ласточка над Камой пролетела! А ведь я во всём этом участвовал. И не как приехавший неведомо откуда по комсомольской путёвке, а как абориген. Моё родное русское село Орловка появилось в нижнем Закамье в середине семнадцатого века. Ныне оно, к сожалению, утратило своё географическое название, оказавшись в самом центре городской территории, на магистральном объезде между старыми Челнами и тем самым Новым городом, который — да — и я строил, вместе с другими приехавшими и оставшимися. Шесть лет довелось работать диспетчером ДСК (домостроительного комбината): сутки отдежурил, трое — свободен. Такой график был несомненным везением, ибо в эти же годы я заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

В 1969 году в Набережных Челнах проживало всего 30 000 человек. Ныне здесь живёт и здравствует свыше 530 000 человек. Достижение! То ли советского, социалистического уклада жизни, якобы навязанного большевиками после октября 1917 года, то ли всей человеческой цивилизации, приведшей к созданию мегаполисов — всего того, что совсем недавно называлось прогрессом.

Есть что вспомнить. Есть, о чём погоревать. Кама, упёртая в плотину Нижнекамской ГЭС, «цветущая» во многих застойных местах, теперь, конечно, не та, что была в моём детстве. Её заливные луга, где мальчишкой пас колхозных жеребят, ныне — в зоне затопления. Как и песчаный остров посередине реки — место пляжного отдыха коренных челнинцев, куда с удовольствием перебирались в жару на моторных лодках или на пароме. Да и старый город снесён почти подчистую. И сосновый парк, где играли в футбол, где летними вечерами на танцплощадке ухаживали за девушками под свой — челнинский — джаз. Единственная в округе роща «Осокорники»с зелёной лужайкой окрест (там проводились районные Сабантуи) тоже оказалась затопленной...

И в отношениях между людьми произошло что-то непоправимое — если ранее мама, уходя из дома, лишь вешала на щеколду палочку, то теперь мы все живём за надёжными запорами и заборами. Если в послевоенном детстве село и любило, и воспитывало нас, счастливых детей великой Победы, то теперь общение с соседями, да и с роднёй почти сведено к нулю. Кто виноват? Ругай-не ругай власть, партию, олигархов, но виноваты, прежде всего, мы сами. «Грустные мысли наводит порывистый ветер...»[1] после семи десятков прожитых лет...

Но есть и чем гордиться. Несмотря на утраты, я люблю родные Набережные Челны, город-полумиллионник, летящий огромной белой птицей вдоль левого берега на несколько десятков километров. И, если всё познаётся в сравнении, то он получился у нас замечательным, современным, комфортабельным, озеленённым и ухоженным! А знаете, в чём его уникальность и преимущество перед другими? В нём живут в мире и согласии люди более ста национальностей, приехавшие полвека назад со всех концов огромной страны на всесоюзную стройку, родившие здесь детей и воспитывающие внуков. Есть ли такой «конгломерат» где-нибудь ещё в России — я не знаю.

Будущее неведомо, а минувшее, разумеется, невозвратимо, как и энтузиазм комсомольских строек. Но я не готов вслед за кем-то повторять, что таких свершений, как БАМ и КамАЗ, никогда больше у нас не будет. В отличие от людей, утверждающих это, я знаю про Крымский мост, про космодром Восточный и не сомневаюсь в простой истине: пока жива Россия, она будет строить дома, дороги, города в любые времена, при любой власти. Такова её изначальная судьба: открывать новые пространства и осваивать их. Большинство челнинцев ныне живёт не в общежитиях, не в памятных всем посёлках из времянок-вагончиков, а в благоустроенных квартирах, многие, как и автор этих строк, в собственных домах, некоторые — в коттеджах, а наиболее разбогатевшие за 20—30 минувших лет и во дворцах. Но я — не об этом. Я хочу порассуждать о великом эксперименте, произошедщем в Набережных Челнах, где нам в ту — советскую — эпоху (семидесятые и начало восьмидесятых) было не до рассуждений о застое. Мы работали, мы строили свой город.

И тут самое время перейти к поэзии, к великому Пушкину. Вспомните, какими строками заканчивалось его послание к польскому коллеге Мицкевичу: «... когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся...». Вспомнили? Теперь задумайтесь, а не подобная ли мечта осуществилась на левом берегу Камы? В самом деле, город строили не только местные, не только татарстанцы, но и сыны и дочери многих народов, приехавшие к нам из городов и весей огромного Советского Союза. Что это было? Как это случилось? Почему?

В «лихие девяностые» вектор оценок изменился. Ныне о произошедшем на моей родине многие перестали говорить, как о «трудовом подвиге на Каме». Многие, только не мы, челнинцы. Я, например, приближаясь к старости, начал понимать, что

1 Цитата из стихотворения Николая Рубцова

большая стройка — это не результат оболванивания масс, рванувшихся выполнять «решения партии и правительства». В людях, сделавших это, проснулся древний инстинкт новых открытий, поиска лучшей судьбы. Так сложился менталитет большинства народов СССР: если затеяла страна огромное дело, то и мы, её граждане, не можем остаться в стороне. Это ведь повелось в России с тех пор, как она стала не тюрьмой, а семьёй народов. Не зря же, гений воскликнул: «И назовёт меня всяк сущий в ней язык...». Помочь соседу поставить под крышу сруб нового дома — это в обычаях и традициях русского, татарина, украинца, белоруса, армянина, казаха, узбека, латыша... Откликнулись, приехали, причём, добровольно, а не под конвоем, как во времена Беломорканала. И в результате оказалось, что «народы, распри позабыв» могут, например, город построить. Хочу издать об этом книгу.

Удастся ли — Бог весть... Более десяти лет назад я бы в этом не сомневался. Тогда руководству и общественности города мною же было предложено осуществить издательский проект «Челнинские биографии» и выпустить серию книг о выдающихся людях. Я был услышан и понят мэром города Ильдаром Шавкатовичем Халиковым. В последующие годы на бюджетные средства города и с помощью крупных предприятий, таких, например, как огромный «Камгэсэнергострой», были изданы книги: «Он любил, когда шумят берёзы»— о Раисе Киямовиче Беляеве, руководившем растущим городом почти 15 лет (авторы супруги-журналисты Пётр и Татьяна Дроновы); «Всё остаётся людям» — о легендарном «Бате», Герое Социалистического Труда Евгении Никаноровиче Батенчуке, возглавлявшем всю стройку (автор — искусствовед и журналист Лариса Львовна Полякова). Третья книга называлась «Кавалеры Золотой Звезды», в ней были напечатаны очерки челнинских писателей и журналистов о наших земляках — Героях Советского Союза и Героях Социалистического Труда, а профинансировала издание крупная бизнес-фирма «Транстехсервис». Потом Халиков был приглашён в Казань, возглавил правительство Татарстана и проект челнинской «ЖЗЛ» без него затих. Лишь благодаря коренному челнику, общественному деятелю и бизнесмену Сергею Васильевичу Майорову, он как бы воскресал. По его заказу были изданы ещё несколько книг нашей серии: о выпускниках и педагогах школы № 20, об истории снесённого села Красные Челны. Их автором стала Ольга Кузьмичева-Дробышевская, речь о которой ещё впереди, пока скажу лишь о том, что с Сергеем Васильевичем её познакомил я.

На презентациях этих изданий все радовались тому, что город выпускает не только «КАМАЗы», но и такие книги (подразумевалось: а также спектакли, концерты, художественные выставки). В городе к тому времени открылись два театра (татарский и русский) и Органный Зал, в котором вместе с камерным оркестром «Провинция» (художественный руководитель Игорь Лерман) считали за честь выступить приехавшие по приглашению Владимир Спиваков, Юрий Башмет и другие звёздные исполнители музыкальной классики.

В чём же моё нынешнее сомнение? Шесть лет назад я задумался о той самой новой книге под девизом «Когда народы, распри позабыв...» Мысль показалась мне чрезвычайно актуальной. Вспомнилось, что эта тема впервые прозвучала у нас ещё в семидесятые годы, в начале стройки. Писатель Феодосий Видрашку, заместитель главного редактора журнала «Новый мир», выпустил тогда книгу «Набережная надежды». Она рассказывала как раз об интернациональном характере коллектива строителей новых Набережных Челнов. Это был зачин, просивший продолжения. В конце декабря 2016 года я показал эту книгу нынешнему мэру Набережных Челнов Наилю Гамбаровичу Магдееву, записавшись к нему на приём. Он одобрил идею, затем для её подтверждения пригласил меня на совет старейшин, где мысль о книге тоже пришлась

по душе. Но... На этом всё и кончилось. Я несколько раз напоминал о своей затее тому или иному чиновнику, депутату или общественному деятелю. Потом перестал, ибо считаю, что быть назойливым неприлично. Я ведь думал, что такое издание окажется не лишним для всех челнинцев...

Да, мы построили город нашей общей судьбы. Живём в нём, воспитываем детей и внуков, стараемся сохранить свои языки и наречия, прекрасно общаясь между собой на общегосударственном — русском — языке, который знают все, осваивая при этом и татарский — второй государственный в родной республике. Наш огромный КамАЗ нужен нынешней России, востребован ею. Мы создали особую творческую атмосферу в Набережных Челнах. Здесь активно действует дом дружбы народов «Родник», в котором взаимодействуют, обмениваются обычаями, традициями, выступают с концертами двадцать две национальные общины.

Не забыты в городе и поэты. Когда-то они, если не верховодили здесь, то выделялись неуспокоенностью, своим особым взглядом на мир. Осенью 1971 года возникло литературное объединение «Орфей». Его «отцом» нарёк себя казанец Валера Суров, бригадир Минмонтажспецстроя, писавший крепкую рабочую прозу и имевший публикации. «Матерью» стала его первая помощница Инна Лимонова, сбежавшая на КамАЗ от родителей из Челябинска в 16 лет. С ними конкурировал «первый поэт» Женя Кувайцев, чьи строчки красовались на фронтонах строящихся объектов: «Город дарю вам, построенный мной,— Живите!» Это легендарные имена в масштабах растущего города! Суров через пять лет уедет в Ленинград и станет редактором журнала «Нева», Инна вместе со своим мужем Николаем Пархоменко займется организацией первого в городе театра «Ника», Женя организует детское литобъединение «Огниво», а руководить «Орфеем» выпадет мне — в шутливом статусе «отчима»...

А ещё раньше, в давние докамазовские времена в районной газете «Знамя коммунизма» регулярно выходили литературные страницы, на которых печатались мои ранние стихи. При редакции существовало татарское литобъединение, его занятия вёл заместитель редактора по дубляжу Ханафей Галеевич Маннапов. И к нему из неблизких сёл приезжали будущие народные поэты Татарстана: Разиль Валеев и Мударрис Аглямов. Я с ними наверняка встречался в коридоре редакции, но мы, недавние старшеклассники, тогда не были знакомы друг с другом. Вспомнили же об этом в середине восьмидесятых, когда Разиль Исмагилович приехал в Набережные Челны уже из Казани в качестве руководителя местного отделения Союза писателей ТАССР.

О, это было счастливое время! Разиль Валеев пригласил меня работать вместе с ним консультантом по русской литературе. Умница и признанный лидер, он умел ладить со всеми и был вхож к главному лицу города — первому секретарю горкома КПСС Раису Киямовичу Беляеву, который был неравнодушен к искусству вообще и к литературе, в частности. Эти встречи решали очень многое: от условий и задач нашей деятельности до выделения квартир писателям. Одно за другим мы проводили такие мероприятия, как всесоюзная писательская конференция «Молодые города и современная литература», выездное заседание правления Союза писателей РСФСР, семинар молодых авторов под эгидой издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». А самый главный (по тиражу и всемирной известности) литературный журнал «Новый мир» даже шефствовал над челнинской стройкой, и в нём появлялись не только очерки о камазавских буднях, но и наши стихи, а под редакцией «Нового мира» в издательстве «Известий» вышли два коллективных сборника поэтов КамаАЗа под общим названием «Лебеди над Челнами».

При Разиле Валееве у челнинских писателей появился свой дом. Он находился на первом, цокольном этаже дома-сороконожки 3/01 (проспект Мира, остановка

«Райисполком»). Мы его делили с архитекторами города и жили дружно — в свободное время играли в биллиард. В этом доме Разиль Валеев сумел объединить русских и татар в единую писательскую организацию. И это, пожалуй, его главная заслуга. При нём в Союз писателей СССР было принято более десяти человек, в том числе русские авторы: Пётр Прихожан, Инна Лимонова, Николай Алешков. А все перечисленные выше мероприятия союзного значения проводились благодаря нашему дому — Дому литераторов и архитекторов. Здесь же проходили занятия литобъединений «Орфей» и «Лейсян». Мы знакомились с творчеством друг друга, мы переводили произведения друг друга — с татарского на русский, с русского на татарский. У нас были совместные выступления не только на концертных площадках, но и в рабочих общежитиях, на стройплощадках и в цехах заводов. За каждое выступление писатели получали гонорары (по 18 советских рублей), ибо Мансур Сафин успешно заведовал бюро пропаганды художественной литературы и заключал договоры на эти выступления с местными профсоюзами. Мы с Мансуром делили один кабинет на двоих. На стене за моей спиной (спиной литконсультанта) висел красивый плакат: «Не издашь книгу — сохранишь лес».

Памятна и другая шутка, случившаяся тогда, когда наш город по выражению замечательного тележурналиста Ильяса Латыпова пять лет «жил с чужими бровями». Было так: раздаётся междугородний телефонный звонок. Я поднимаю трубку. Женский голос спрашивает: «Это Брежнев?» «Нет,— отвечаю,— это Алешков»... Уместно вспомнить и о гражданском поступке-подвиге «орфеевцев» и «лейсяновцев»: именно мы собрали в школьных тетрадках три тысячи подписей о необходимости возвращения городу его исторического названия. Как сейчас помню, Юра Кучумов, Вера Арямнова и я, находясь в Москве по приглашению журнала «Новый мир», отвезли эти тетрадки в экспедицию Кремля, как нам посоветовали знающие люди, и сдали их под личную подпись дежурному офицеру. Говорят, что потом из Кремля звонили в наш горисполком и спрашивали — согласна ли власть на такую инициативу. Говорят, что в горисполкоме ответили — да. Имя Набережные Челны вернулось на родину в январе 1988 года.

Память вновь возвращает назад. В 1976 году в Литературный институт имени А. М. Горького, существовавший под эгидой нерушимого и неделимого, как казалось тогда, Союза писателей СССР «высадился» первый камазовский десант: Евгений Кувайцев, Инна Лимонова, Николай Алешков. За нами последовали Валентина Мурзина, Владимир Кирилёв, Валерий Новиков, Надежда Камышева. Другой студент, Михаил Волостнов, написавший на гоголевский манер роман «Несусветное в Поганочках» учился там же, но уже на Высших Литературных Курсах. И у него нашлись последователи. Это Ольга Кузьмичева-Дробышевская и потом Ксения Ларина (до поступления на ВЛК обе уже имели высшее образование). Кстати, почти все перечисленные начинали свой творческий путь в том же литобъединении, ставшем поистине легендарным. Ныне — «иных уж нет, а те далече». Оставшиеся, встречаясь друг с другом на различных мероприятиях, шутят: «Вышли мы все из «Орфея», как нам вернуться в него?»

Минувшее, как я уже заметил, невозвратимо, а вот продолжение сложившейся традиции, слава Богу, возможно. И для нашего брата-литератора даже необходимо. Я не сторонник провозглашения каких-либо литературных школ, ибо писательское дело — это дело одиночек. У кого учиться, чему учиться — в нашем непростом ремесле «каждый выбирает по себе...». Выдающийся поэт-лирик современности Владимир Соколов об этом написал так, что точнее не скажешь: «Нет школ никаких, только совесть. Да кем-то завещанный дар». И тем не менее. В Набережных Челнах

уже двадцать лет действует Татарстанское отделение Союза российских писателей. Оно бы не появилось, если бы не было литобъединения «Орфей» с его полувековой историей. ТО СРП при поддержке первого президента Татарстана Минтимера Шариповича Шаймиева издаёт общероссийский литературный журнал «Аргамак. Татарстан», имеющий также челнинскую прописку. В октябре 2019 года в дружественной нам Елабуге и, разумеется, в Набережных Челнах мы провели фестиваль «Осенины», отметив тем самым два юбилея: 20 лет Татарстанскому отделению СРП и 10 лет «Аргамаку». Это широко освещалось в литературных кругах, в том числе, в нашем журнале.

Правда, и тут полначалу вышла незадача. По инициативе администрации Президента Татарстана министерство культуры республики выделило на проведение фестиваля серьёзную сумму. Я обратился в управление культуры родных Набережных Челнов: «Помогите освоить, мне не справиться. Именно к вам мне посоветовали обратиться в Казани». Обещания в Челнах последовали дважды, но конкретной помощи я так и не дождался. В последний момент откликнулся правый, елабужский берег, помогла Гульзада Ракиповна Руденко, генеральный директор государственного музея-заповедника. Её дружный коллектив, согласовав финансовые вопросы с минкультом, взял на себя основные заботы и хлопоты по проведению фестиваля, по встрече гостей — молюсь на елабужан, радуюсь многолетнему сотрудничеству ЕГМЗ с журналом «Аргамак». Журнал, начиная с 2010 года, активно участвует в проведении Международных Цветаевских чтений. Челнинские поэты и прозаики — частые гости Библиотеки Серебряного века.

Но вернёмся на левый берег. Во Дворце культуры «КамАЗ» действует литературное объединение «Лебедь», которое создала и возглавила Ольга Владимировна Кузьмичева-Дробышевская, член Союза российских писателей, член Союза писателей Татарстана, лауреат журналистской премии РТ «Хрустальное перо» и литературной премии имени Сажиды Сулеймановой, выпускница ВЛК, закончившая там ещё и редакторские курсы. Ольга — разносторонне одарённая личность. Она известна и как автор-исполнитель многочисленных песен, и как автор различных музыкальных проектов. Совместить в себе музыку и слово, обладая к тому же проникновенным голосом, не каждому дано. Занятия в литобъединении Ольга строит на опыте, полученном на семинарах Литинститута и ВЛК. Это на сегодняшний день — лучшая школа: заметить талант и дать ему верное направление. И я рад, что у неё есть свои ученики, произведения которых она представила в сегодняшнем номере «Аргамака». Не забыты в этой публикации бывшие «орфеевцы» и прочие челнинцы.

На этом я мог бы завершить свои воспоминания. Мне лично грех жаловаться на судьбу. Моя литературная биография сложилась довольно успешно. Я выпустил тринадцать книг и одну аудиокнигу со стихами и песнями. Я получил несколько литературных премий, имею различные общественные награды и даже одну государственную в нашей республике — медаль «За доблестный труд». Имею звания: Заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан и Почётного гражданина города Набережные Челны. Пора бы, вроде, почивать на лаврах. Но характер не позволяет. Видимо не зря в былые годы друг-журналист Пётр Дронов назвал меня «поперечным поэтом». Вот и сейчас, подводя итоги, не могу не сказать о наболевшем, надеясь, что читатели не сочтут это за «ложку дёгтя» в адрес родного и любимого города.

Пришли другие времена, в которых якобы отсутствует идеология. Это неправда. Идеология есть, она, к сожалению, противоположна той, что была в советское время.

Она подспудная, теневая, чем особенно опасна. Говорится одно, думается другое, делается третье. Зачастую из самых высокопоставленных уст. Угнетает дисбаланс между богатыми и бедными. Угнетает пренебрежение чиновников к деятелям культуры и искусства. Чиновнику важнее поставить галочку о проведённом мероприятии, а руководителю литобъединения или какой-либо другой творческой студии необходимо уединение, чтобы разобраться с текстами и работами подопечных. Щедро раздаваемые награды и звания потеряли свой вес. И дело не только в том, что они не подкреплены льготами и преференциями, за исключением звания «Ветеран труда», а в том, что процедуры и сам факт их вручения пропитаны бюрократической фальшью.

От общих слов перейду к конкретному примеру. Есть в Набережных Челнах замечательный ансамбль народных инструментов «Наигрыш», завоевавший любовь зрителей мастерством игры, множеством оригинальных творческих проектов. Он мог бы стать визитной карточкой города хотя бы за организацию регулярных фестивалей «Родники России» (раз в два года), на которые приглашаются выдающиеся исполнители и уникальные коллективы страны. Эти концерты воспитывают у зрителей, особенно у студентов нашего колледжа искусств (его возникновением, кстати, мы обязаны истинному ценителю художественного творчества, легендарному Раису Киямовичу Беляеву) хороший музыкальный вкус, необходимый будущим работникам культуры. Некоторое время тому назад мы, четыре почётных гражданина Набережных Челнов, написали прошение на имя главы города с просьбой присвоить этому коллективу профессиональный статус муниципального, который пока в полумиллионном городе имеют только три коллектива: камерный оркестр «Провинция», театр танца «Булгар» и джаз-оркестр «Визит». На наш взгляд и музыканты «Наигрыша» давно заслужили такую же хозяйскую заботу о себе за более чем двадцатиленее служение городу. Но случилось обратное. Их ставки артистов к очередному концертному сезону были наполовину сокращены, и художественный руководитель Николай Прокопьевич Фёдоров вынужден был написать заявление об увольнении. Мы попросили разобраться с возникшей ситуации, уладить конфликт интересов. Нам письменно же ответил заместитель руководителя исполкома. Из ответа следовало, что ансамбль «Наигрыш» остался на прежних позициях, и вопрос исчерпан, поскольку художественный руководитель уволился по собственному желанию. Но Николай Прокопьевич в связи с нашим письмом (странно, что он, а не мы) был приглашён на беседу. Ему был задан вопрос: «Чего Вы добиваетесь?» Мастер ответил: «Достойной зарплаты». Чиновник удивлённо отреагировал: «Однако, запросы у Вас»...

И всё-таки на такой ноте заканчивать свои заметки не хочется. Литераторы всей России обрели новую надежду. 22 декабря минувшего года в Москве учреждено новое сообщество — ассоциация писательских союзов. Во главе ассоциации избраны достойные люди — и писатели, и государственные мужи. Подробности, уважаемые читатели, опубликованы в этом же номере «Аргамака», чуть выше, под рубрикой «События». Обещана социальная поддержка всем, кто призван профессионально заниматься литературным творчеством. И каждый из нас, поэтов российской провинции, мог бы сегодня процитировать вот эти несколько строк из стихотворения уже покойного собрата, замечательного поэта из города Перми Алексея Решетова:

Может быть, и в живых я остался,
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

Произошли перемены и в нашем, более тесном, набережночелнинском кругу. Большинство членов Татарстанского отделения Союза российских писателей на своём заседании, прошедшем из-за пандемии в режиме онлайн, согласилось с просьбой освободить меня от должности председателя (эти общественные обязанности я исполнял чуть более двадцати лет) и передать полномочия Вере Петровне Хамидуллиной.

Я рад такому выбору, на котором сам и настаивал. Все мои коллеги, а, лучше сказать, «братья и сёстры по смуте в крови» (по выражению Инны Лимоновой) безусловно хороши, но Вера ещё и лидер. У неё масса замечательных качеств. Прежде всего — это надёжность и порядочность, испытанные не раз и не два. Вера всегда держит слово. Во-вторых, это творческая энергия, благотворно отразившаяся на её же проектах. Один из них — общероссийский — оказался совершенно бескорыстным. Вера на свои средства осуществила издательский проект «САДиК» (современные авторы детям, изданный в Казани), выпустив замечательные, цветные детские книжи формата А — 4 (около полусотни наименований и хорошим тиражом). Изначально, правда, она тоже рассчитывала на помощь республиканских структур, но и тут, как говорят, не случилось... Вера — настоящий поэт (один из немногих), и талантливый переводчик, успевший немало полезного сделать для современной татарской поэзии. Вера успешно занимается наукой, как образованный филолог и литературовед. Вера — чрезвычайно мобильный человек, автоледи, исколесившая на своей «Мицубиси» пол-России, а то и больше. Именно она связывает писателей с читателями, распространяя наши книги и наш журнал по выставкам и библиотекам.

Не сомневаюсь, что достижения Татарстанского отделения СРП в в Набережных Челнах с Верой Петровной Хамидуллиной во главе приумножатся. Да и я пока рядом — оставляю за собой редактирование нашего «Аргамака». «Мы ещё повоюем!»

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА

ДЕВОЧКА И ТРАМВАЙ

* * *

А снег ушёл.
Никто и не заметил.
Пропал. И будто не было его.
И, странно, —
ничего на белом свете
не изменилось. Ровно ничего.

Он таял тихо,
становясь похожим
на груды грязно-белых простыней,
и тем мешал,
что просто *был*... О Боже,
не уготовь той участи и мне.

Избавь от беглых
и с досадой взглядов,
от дома, где поймёшь в конце пути,
что оставаться больше здесь не надо.
Но некуда и незачем идти...

Не дай-то Бог! Уж лучше бы в зените
чуть улыбнуться, всё прощая всем,
и молча, не оглядываясь выйти,
как могут только те,
кто насовсем...

* * *

— Нагадай мне, цыганка лукавая,
к королю путь-дороженьку дальнюю.
Вот награда тебе и рука моя.
Протяну ей ладонь... И печальные
мне ответят глаза о неспрошенном
(дрогнет сердце тревожной осиною):
«Не найдёшь там спасенья, хорошая —
от себя не уедешь, красивая».

ПОГОВОРИЛИ

— О чём пишу? Да вроде ни о чём.
— Ну вот, не экономишь древесину...
А ведь берёзку там или осину
вполне возможно и спасти. Причём,
освободив себя и мир от мук,
ты больше пользы принесёшь, мой друг.

— Чего хочу? Да вроде как и все.
— Ну вот, как все... А что оно такое?
Еда и бег — ни меры, ни покоя:
ты хомячок в безумном колесе.
И сколь бы ни велик казался круг,
он крепится на прутья, милый друг.

— Зачем живу? Зачем, простите... что?
— Ну вот и всё... Вопросов больше нет.
А за окошком в ожиданье лета
бушует май сиреневым кустом,
и в соловья влюблённая звезда
трепещет...
Ты беги, не опоздай...

* * *

А море шумело, шумело,
и берег, волнуясь, качало,
рыдало, молило, немело,
и чайкой охрипшей кричало:

— Опомнись! Ты — боль и усталость.
Любовь — это танго над бездной.
В тебе и души-то осталось
на вдох, на полёт. И на песню...

...Одну ...Вдруг, покорно стихая,
в глазах синеву расплескало —
с улыбкой строптивой стиха я
шагну за постылые скалы...

* * *

Ты, не глядя под ноги,
закусив удила,
мчишь, не видя дороги,
и не чуя седла.

И с судьбою не споря,
веселишь седока,
И беснуются шпоры
в запотевших боках.

Ах, как пахнут свободой
степь, ветра да ковыль!
Но врезаешься сходу
мордой в тёплую пыль...

Седоку дела мало —
не велик и урон.
Что же в зареве алом
так черно от ворон?

И в палате, как в склепе,
зажимаешь в горсти
горечь слёз и таблеток.
И надежду спастись...

* * *

Шёлкового запястья
тонок излом.
Дама холодной масти,
сердце — узлом.

Справа молва и слева
глухо пылит:
— Снежная королева!
Снежная-ли?

Белой перчатки снежность...
Только под ней
дышит живая нежность -
шёлка нежней...

* * *

А за окном — октябрьская слякоть,
кидает небо капли на стекло:
решила осень за меня поплакать,
ведь кто-то ж должен, если тяжело.

Вчера — звонок. И в семь за чашкой кофе —
в кафе. С дежурной розою, конечно...
Так мило... Вдруг зачем-то про «любоффь»,
что оказалась невозможно вечной.

— Любовь?! — здесь засмеяться бы. —
Не тронь её.
И встать бы, всё припомнить, а потом...
Но смотришь *сквозь* —
чужой и посторонней, —
застёгивая наглухо пальто.

* * *

С понедельника по пятницу
всё быстрее время-мельница:
чаще пьётся — реже плачется,
меньше просится и верится.

Но душе без переводчицы
(хоть с крестом, хоть с полумесяцем)
не понять, чего ж ей хочется:
то ли чаю, то ль повеситься...

Птицы — первые, несмелые —
тишину неловко трогают.
Чая нет... И мысли — белыми
мотыльками над дорогою...

Помолчу с таксистом заспанным.
Буду щедрой — за молчание.
— Ждать Вас?
— Нет, не обязательно.
Кама, милая, встречай меня!

И вода сольётся с небом, где
я воскресну — невесомая.

Белый город белым лебедем
спит у кромки утра сонного...

* * *

Жара-а... Расплавленный автобус
развозит липкие тела.
У раскалённого стекла
обречена и таю, чтобы
себя доставить... Но куда?
И что за мука — эти лица!
Уйти. Уехать! Застрелиться!!!
...И там воскреснуть, где вода
так нежно трогает колени,
где воздух — как из родника,
и в белом — смуглая рука...
И там девчонкой, от волненья
смеясь, кружиться на бегу,
влюбляться в лесенки крутые...
И в Вас... Неважно, что «на ты» я
пока решиться не могу.
Вдруг, не раздумывая, с Вами
в пустую улочку свернуть
и... в поцелуях утонуть,
едва разбавленных словами.
И под бессвязное «О Боже...»
сойти отчаянно с ума,
вдыхая пряный аромат
вобравшей море тёплой кожи.

* * *

Время, решу я, наверное, лечит,
и постучусь в дверь, обитую грустью...
Впустят ли?
Впрочем, конечно же, впустят.
Вспомнят ли?
Ну, а вот это едва ли.

Голос... проём и ... знакомые плечи...
Взгляд!.. Нет, не вспомнили.

Не забывали...

ПОЭТУ

Коли вышло, что
ты поэт — аминь! —
не тебе за стол
с винегретами,
не тебе поднос
с разносолами —
без того давно
в горле солоно.
Будь строка проста —
песня сложится...
Душу б выпростать,
а не можется...
Истопить бы печь
да берёзою,
со слезою спеть
нетверёзою...
Степь широкая,
Русь великая —
с поволокою-
повиликою.
Не согнуть её,
не понять её,
в ней распутие,
что распятие:
погибать в бою,
жить ли сызнова —
то ли свадьбою,
то ли тризною...
В пир ли — во́ронам,
в мир ли — соколом,
дать ли поровну,
встать ли около...
Маято́ю жить —
только маяться.
Ты своё скажи —
толку — каяться!
Да взметни с утра,
зная кару сам,
на семи ветрах —
душу парусом.

* * *

Разве, скажи, обидишь малую птаху?
Она, радуясь, тельцем дрожа,
трелью — зарю венчает!
А колокольчик в траве?
Как он, гляди, качает
нежной головкой, словно
шепчет тебе: «Привет...»
И под рубахой — тише! —
вот уже бьётся — слышишь? —
тихий ему ответ.

А по зиме, ты помнишь, с неба слетало
чудо? Ангелов белый пух
нас укрывал покоем...
Только смотри — невольно
чуда не тронь рукою:
миг — и уйдёт, растает
светлое торжество...
И от тепла земного
варежкой шерстяною
мы берегли его.

СНЕЖНЫЕ СОВЫ

Этой ночью белые совы,
опереньем — белее снега,
рисовали кругами небо,
облетая мой город сонный.
Но наскучило им — дозором,
и они свои крылья-шали,
раскуражася, разметали,
вспенив небо шальным узором.
И, ворочая головами,
удивлённые, вниз глядели,
там их перья к земле летели
расплетёнными кружевами:
обречённо и невесомо
тихо падали — ниже, ниже —
укрывая газоны, крыши
и скамью у немого дома.
И ещё были чьи-то плечи,
неподвижные и немые...

Во дворе посреди зимы
чья-то боль становилась легче.

ДЕВОЧКА И ТРАМВАЙ

Неба дети, снежка набросав с облаков,
убежали. Метлой
снеговик недоволен — не в духе.
Привереда! А впрочем, какое мне дело?
Стынет ночь. Замаячил трамвай. Далеко...
Там — тепло и светло,
и не жгут пресловутые мухи
нежной мякоти вашего белого тела.

Разомлев у окна, я останусь тут жить —
ты, родимый, неси —
не оттаять за две остановки:
на шкале у меня, как всегда,
минус двадцать...
Дремлет тётя с билетной сумой: виражи,
толкотня... Не такси...
И воробушком — чудо в кроссовках
тонким пальчиком «лю...» — на окне.
Целоваться
так волшебно впервые... Внезапно пойму,
что от этой любви
я летально завишу отныне:
ну же, девочка, ну! На ладошку дыши!
С каждой буквой тепло посылая — Ему,
ты меня — оживи,
растворяя игольчатый иней.
И молю тебя — не выходи!
Допиши...

ФЕВРАЛЬ

Уже у выхода зима,
но заболела я.
Упало небо на дома
свинцово-белое.

А с ним, обманчиво легка,
соседкой пьяною
пришла — и дулом у виска —
тоска диванная.

И бьётся птицею в грудной
раба невольная.
Оцепенев, гляжу в окно
прямоугольное,

как теребят ветра тугие
гнездо воронье...
Межрёберная февралгия,
левосторонняя.

ЮРИЙ ДУЛЕСОВ

НА ИЗЛОМЕ

АПЕЛЬСИНЫ. ДЕКАБРЬ. 1972

Городок у чёрта-на-Куличках.
Ветер шапку сносит с головы.
Я стою, встречаю электрички,
что идут под вечер из Москвы.

Вот уже звезда на небе синем,
вся дрожа от холода, блестит,
но я знаю — папка апельсины
мне сегодня должен привезти.

Уф, дождался… подбегу, продрогший,
подхвачу столичные дары
и пойдём, гонимые порошей,
в домик у Кудыкиной горы.

Там тепло, там мать гремит посудой,
дремлет кот, скрипит щербатый пол.
Я своё оранжевое чудо
осторожно выложу на стол.

Знаю, это к празднику… я взрослый,
я готов немного подождать.
да, на горку ж мне, пока не поздно…
— Ну, возьми один, — вдруг скажет мать.

Улыбнётся мне, но я замечу,
как в её глазах сверкнула грусть,
я шагну растерянно навстречу:
— Мама, я с тобою поделюсь…

А она, забыв свою посуду,
взглянет на раскрытый апельсин?
— Ешь один… я не хочу… не буду..
и давай, беги к ребятам, сын.

…только прежде чем сбежать на горку,
в баночку, где был когда-то чай,
спрячу апельсиновые корки,
чтобы после нюхать по ночам.

ГДЕ-ТО НА ОКРАИНЕ РАЯ…

Старый дом на пригорке сутулится
возле речки на самом яру.
Растолстевшие утки и курицы
суетливо снуют по двору.

У дверей сохнут старые валенки.
Над травою скользит стрекоза.
Дремлет кот на заросшей завалинке.
В огороде резвится коза.

В чугунке закипает картошечка.
Два котёнка в корзинке урчат.
Баба Настя сидит у окошечка
вспоминая далёких внучат:

как водила их в лес за орехами,
как читала им сказки под дождь.
Жалко вот, хоронить не приехали —
видно заняты были… ну что ж…

Всё как надо прошло, дело прошлое —
что грустить? не обиделась, нет..
Для могилки и место хорошее
выбрал ей на погосте сосед.

Крест сварили большой, с фотокарточкой,
положили иконку на грудь.
У ограды поставили лавочку
если вдруг кто придёт помянуть.

Сколько лет уж прошло. Сердце сжалось —
вот бы травку с могилки скосить,
да в деревне людей не осталось,
даже некого и попросить...

Внуки выросли, чай, белобрысые,
у самих, верно, внуки сейчас
достают их своими капризами —
молодым, ведь, никто не указ.
Да и сами-то были проказники...

Повидать бы на этом веку —
может как-нибудь явятся к празднику,
я оладушек им напеку.

ЗАМКИ

Всё, уходи! Я за тобою дверь
на семь замков проклятием закрою,
я ночи, проведённые с тобою,
когтями в клочья разорву, как зверь.

И всё, что было общего в судьбе,
сожгу, а пепел по ветру развею —
я этот город обращу в Помпеи
за то, что был пристанищем тебе.

Пусть мир покроет чёрная зола,
пускай тоска по миру разольётся —
затменьем вечным я закрою солнце,
чтоб ты назад дорогу не нашла.

Когда и тень твою сотрут пески,
когда ветра твои истреплют платья,
то и тогда, скреплённые проклятьем,
не отворятся старые замки.

НА ИЗЛОМЕ

Мы живём на изломе,
на смене кумиров, имён,
азбук, флагов.
Мы тешим праксителей и геростратов.

Если Чёрный Квадрат стал дороже
рублёвских икон —
время вешать по красным углам
списки с Чёрных Квадратов.
Перейти Эбби Роуд почётнее, чем Рубикон...

Мир теряет оттенки и смысл:
кто — живой? кто — кадавр?
На изломе времён
оживают ночные химеры,
по таблоидам ищут решения абракадабр
дети маленьких вер,
позабывшие символы веры.
И трёхмерную плоть разъедают
и жрут полимеры...

Мы живём на изломе
у самой последней черты:
сзади прошлое, а впереди —
что ещё не назвали,
но уже проступают детали и тени тщеты,
и грядущей неясной надежды
черты и детали.
Гриль намного доходнее чаши
Святого Грааля...

Ставки сделаны. Кем и когда —
нам отслеживать лень.
Бог молчит. Бог опять занят
выбором имени бога.
Звёзды перекрывает Лапуту
скользящая тень
и бессильны астрологи.
И неизвестна дорога.

ВОЙ...

...дед поднялся с земли, растерянный,
грязный, косматый —
дом разрушен снарядом,
осталось одно крыльцо
и по чёрному пеплу рыскают саламандры,
обдирая мясо с обугленных мертвецов

двор усеян стеклом, железом,
кирпичной крошкой:
вот пробитый чайник,
вот эмалированный таз...

вот сандалик рваный,
а рядом детская ножка —
через час с небольшим внучка собрана,
словно паззл

он погладит рукой её опалённые волосы,
постоит над ней, качая седой головой,
а потом завоет, протяжно
и страшно, вполголоса,
и в ответ донесётся такой же
протяжный вой

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

...а по трубочке катятся,
переливаясь, капли —
даже кажется, что в палате
прибавилось света...
хочешь, я прошепчу на ухо тебе:
«Крибле-крабле»
и, когда ты проснёшься утром,
настанет лето?

может, в этот раз обойдёмся
без Нового года?
что в нём нового?
ёлка, свечки да шоколадка?
а назавтра с утра просто чудная
будет погода —
море света, в котором растаешь ты
без остатка

расцветёт все вокруг и тебя,
словно мёд, по сотам
разнесут суетливые пчёлы
гудящей гурьбою...
...и я буду к тебе на могилу
ходить по субботам,
чтобы просто молчать,
разговаривая с тобою...

ОЖИДАНИЕ

если б улететь хотела,
я тебя не удержал бы,
потому что в это время
все срываются на юг —
и летят по небу
листья,
птицы,
жабы,
дирижабли
и красавицы, которым
дали крылья вместо рук

если б ты уплыть хотела,
то тебя не сдержат сети,
растворишься ты в пучинах
мандариновых морей
и суровые мужчины
будут плакать,
словно дети,
видя, как ты
проплываешь
мимо быстрых кораблей

если б ты в лесу укрылась
диким зверем осторожным,
огибая все капканы,
все ловушки
и силки,
я тогда бы был спокоен,
я бы знал,
что невозможно
обмануть тебя приманкой
из протянутой руки

а сейчас сижу, глотая
дым стопервой сигареты
и на каждый звук в подъезде
я срываюсь всякий раз
лишь одно я знаю —
есть ты
только с кем ты?
только где ты?

где идёшь ты
по проспекту
в этом городе сейчас?

ФОРМАЛИНОВЫЙ КАРЛИК

Ровно в полночь,
когда тьма окутает сердце столицы
и над площадью Красной
витают тревожные сны,

формалиновый карлик
выходит из мрачной гробницы
и, сутулясь, крадётся
вдоль тёмной кремлёвской стены.

Вроде тихо вокруг,
никакого не видно движенья:
спит охрана у входа
в темницу и площадь пуста,
лишь сияет в конце
балаганный Василий Блаженный
да над Спасскою башней
багровая светит звезда.

Формалиновый карлик бредёт
вдоль каррарских надгробий,
под которыми кости героев и бесов лежат,
и по площади, названной
именем пролитой крови,
равнодушно скользит безучастный
фарфоровый взгляд.

Тихо. Только колышатся
чёрные конусы елей
да тревожная птица ночная
кружит в темноте.
И пергаментный призрак,
подземный жилец Мавзолея,
по покатой брусчатке
бесшумно проходит, как тень,

мимо Лобного места
и храма Васильевским спуском
он подходит к реке надышаться,
покуда заря
не взошла над Москвой,
но река чистым воздухом русским,
ясным духом своим
обжигает нутро упыря.

И становится грустно ему,
и тоскливо, и страшно,
он немного ещё постоит
на холодном мосту
и, хрустя жёлтой кожей,
опять возвращается к башне,
и стоит у ворот, и на красную воет звезду.

ДВОРЕЦ ПИЛАТА. НОЧЬ

Рим далеко. Мир погружён во мрак.
Горит луна над худшей из провинций.
Окраина империи — бардак,
Но власти здесь поболе, чем в столице.

Удушлив запах городских клоак.
В ночи крадутся воры и убийцы.
И вой безумных уличных собак
Перекрывают вопли чёрной птицы,

Чей силуэт прорезал лунный диск,
Как демон смерти, злобный василиск,
Вернулся вновь и растворился в мраке.

Не спит Пилат. Луна висит над ним.
И медленно ползут в Ершалаим
Тень властелина и его собаки.

ЧАС БЫКА

Крысобой, пробил час.
Быдло больше не слушает слов,
Лжепророки и зрелища,
видимо, поднадоели.
Ради этих ослов
мы не станем тревожить основ,
Но подрежем слегка языки
с косметической целью

Острым на язычок злобным прихвостням,
детям змеи.
Да ещё бы по спинам пройтись
отрезвляющей плетью.
Тем, кто просит земли, Крысобой,
выдай сажень земли
И ещё накорми их моею землёй
перед смертью.

Обещай, что осталось недолго
до благостных дней,
Тем, кто против войны,
что ведём со своими врагами.
Мы устроим здесь мир,
да такой, что они будут сами
Рвать друг друга на части
и плотью давиться своей.

Бог нам вверил страну,
что погрязла в безверье на треть:
Пусть куражатся те,
кто нечисто помыслит о боге,
Пусть болтают на форумах,
пишут апокрифы в блоги —
Мы не зря же раскинули
нашу глобальную сеть —

Будет крупный улов, Крысобой.
Чтобы было верней,
Дай двойное довольствие
центурионам из штаба.
Если мир обещаем —
готовиться надо к войне:
Проредим поголовье скота
с огоньком и масштабом.

Перед новым расцветом
мир нужно очистить огнём —
Царства тоже живут
по извечным законам природы:
Не всегда для империй
полезен избыток народа.
Пробил час, Крысобой.
Так иди за копьём и конём!

Тяжесть длани твоей
пусть узнает зажравшийся сброд:
Раздави их законом,
взвинти до предела налоги.
Если нужно кого-то распять,
то распни штук пятьсот —
Будет очень красиво смотреться
вдоль главной дороги.

Крысобой, пробил час.
Скоро станет светать за окном.
Ничего не жалей —
я расходы стократно покрою…

…И вели, чтоб послали слугу
за багровым вином,
Тем, что цветом и запахом
схоже с густеющей кровью.

ДРЕЗНА. МОСКВА-ПЕТУШКИ

Наверно, в сердце торкнула весна.
Вокзал столичный пахнет пирожками.
А не махнуть ли в городок Дрезна,
В туман между Москвой и Петушками.

Мал городок. Там всё наперечёт.
Не разгуляться на его пространстве.
Там жизнь неторопливая течёт
В работе, скуке, суете и пьянстве.

Там все знакомы: женятся, грешат,
Играют в домино и ходят в гости.
А час придёт — и рядышком лежат
На тихом Савостьяновском погосте.

Там всё имеет малую длину,
Желанья и мечты элементарны.
Из достопримечательностей… ну,
Фабричные кирпичные казармы,

Парк городской, клуб Волкова, ещё
Ильич из раскрошившегося гипса,
Подставивший покатое плечо
Для отдыха бесцеремонным птицам —

Набор провинциальных городков.
Таких, как он, полно по Подмосковью.
Но ведь весна! И к чуду я готов —
А вдруг я встречусь со своей любовью,

Которую не видел столько лет.
И что с того, что замужем и дети?
Внезапно подойду, скажу: «Привет»
И посмотрю, что мне она ответит.

Ну а не встречу — сяду у ларька
С каким-нибудь занюханным пьянчужкой,
Куплю себе — да и ему пивка
Налью по край в подставленную кружку.

И будем с ним о жизни говорить,
О том, что раньше было всё иначе…
— Что, повторить?.. Он: «Можно повторить».
И как-то неожиданно заплачет.

И будет, щуря тусклые глаза,
Мне каяться в каких-то преступленьях
Да так, что полупьяная слеза
И у меня проступит на мгновенье:

— Ты что? Да я нисколько не виню… —
И, вспомнив все прочитанные книжки,
Себе судьбу такую сочиню,
Что скажет мне мужик: «Не ссы, братишка!

Послушай-ка, пожившего, меня.
Ну, пусть, я пью, но духом трезв, хотя бы.
Что было — это полная фигня:
Все эти бабки, лагеря и бабы.

Ведь главное — что мы на свете есть.
Что, вот — весна! Природа забурлила.
И сердце — ты прислушайся — вот здесь!
А сердце — это главное мерило.

Ты мне поверь, всё будет хорошо…»
И станет мне спокойно и печально.
Я руку протяну: «Ну, я пошёл»
И побреду к вокзалу по Центральной.

Прощай, Дрезна. Меня труба зовёт —
Другие города, другие лица…
Запрыгну в электричку — и вперёд
Под стук колёс до суетной столицы.

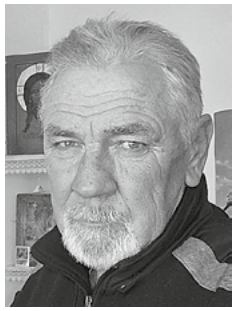
Но и в московской бешеной толпе,
Замотанный пирами и делами,
Поверь, я буду помнить о тебе.
Всё будет хорошо. Хотя бы с нами.

ГОРОД Н. — ТРИК ТРАК

— Смотри-ка, ещё на скамейках
играют в трик трак,
А ты только знаешь,
что думать о пиве… дурак ты.

Дурак… старый рок
переходит в запущенный рак
И в правом глазу проявились
следы катаракты.
А помнишь, на танцах в «Гренаде»
мы жгли рок-н-ролл?
Ещё приезжал «Луна-парк»,
да, к тому же, из Пльзени.
Но, впрочем, о чём я?
Мне скоро идти на укол:
Сижу на игле —
жизнь мечтал о подобном везенье.
И ведь интересно —
мне всё ещё хочется жить,
«…И шить сарафаны
и лёгкие платья из ситца…»
Вот так-то… ну что же,
не будем о прошлом тужить —
Пивка б, да поспать…
Мне в последнее время не спится.
В последнее время…
А мы из каких же времён?
Так всё поменялось…
мы, словно, зашли сюда в гости.
Вот только трик трак до сих пор…
мартиролог имён,
Навеки ушедших друзей —
звонко катятся кости
И нас выбивают, догнав незаметно, на борт
И катятся дальше.
Но всё это, впрочем, знакомо:
Мы тоже когда-то вот так же
стремились вперёд,
Чтоб место быстрее занять…
и под солнцем… и дома.
Такая игра…
вот и сносятся шашки с доски.
А может по пиву?
Без водки и прочих контрастов —
Мы всё же солидные дяди… седеют виски…
Давай-ка пройдём до фонтанов
на Энтузиастов —
Там днём поспокойней…
Вот вечером, точно, бардак:
Одни неформалы да шлюхи
в неоновых платьях…

— Тебе ж на уколы?! Плевать?
Ну, пойдём, коли так…
Трик трак, говоришь?..
но, по литру на брата… и хватит.



ЮРИЙ КУЧУМОВ

ТВОЁ ЗОЛОТОЕ КРЫЛЬЦО

МАЛАЯ РОДИНА

Милая малая родина,
вот и вернулся я в срок.
Пыль да ковыль, да смородина
вдоль твоих лёгких дорог.

Степь под колёсами стелется,
словно линялый платок.
Белое облако пенится —
тушит горящий восток.

В памяти детские родинки:
мама, сирень, сизари…
Ждут меня, милая родина,
светлые речки твои.

Ночь и костёр одинокий,
всплеск на вечерней воде,
свет от созвездий далёких,
льющийся с неба ко мне.

Словно улыбкою маминой
здесь я согрет глубоко.
Если ты, родина — малая,
что же тогда велико?

* * *

Мой тесть учил меня косить,
Хотя пыхтел — не злился.
И я, уже уставший жить,
косой водить учился.

Водил, как будто не рукой,
а курицыной лапой.
И все топтался дураком —
чудно и косолапо.

Но этот дядя — за отца,
к тому ж — суровых правил,
своей клешнёю кузнеца
мне белы руки правил.

И лишь гудел: — «Терпи, сынок!
Вот нас учили поркой…»
И я терпел. И свой стожок
поставил под пригорком.

* * *

Сижу, как кот, на солнцепёке,
отогреваюсь от зимы.
О жизни думаю, о Боге,
о пережитках старины.

Над крышей солнышко в улыбке,
сосулек свесились носы —
они ведь тоже пережитки
для наступающей весны.

Мы вместе киснем под лучами,
но это только так, на вид.
Душа парит под небесами
И телогреечка — парит.

Витрины моют. И окошки
бесстрашно в мир растворены.
Мир юн и свеж. И все ж, немножко —
он пережиток старины.

ДЯДЯ САША

Дядя Саша — добрый ветеран.
Не ворчит и попусту не злится.
Дом его, открытый всем ветрам,
почему-то нравится синицам.

Я сижу с ним рядом и молчу,
внемлю байкам старого солдата.
Птицы скачут по его плечу
и клюют из телогрейки вату.

Он бубнит и ёрзает плечом —
как в бою был ловок и бесстрашен.
Но синицы знают что почём:
знай себе долбают дядю Сашу.

Дядя Саша — полный кавалер,
грудь его по праздникам — лучится!
Я молчу. Я только пионер.
Мне на плечи не садятся птицы.

* * *

В детстве с бабушкой пели «Варяга».
И там, где тянули слова:
«...во славу мы русского флага» —
клонилась её голова.

Клонилась она и дрожала,
когда запевали про Русь.
И в слове красивом «держава»
я слышал — Советский Союз.

Что знал я про Русь и про флаги,
про жизнь и про вечный покой,
когда — несмышлёныш-салага —
ей голову гладил рукой?

Не герб, не кремлёвские звезды...
Но будут мне светом всегда —
в морщинках застывшие слёзы,
которых не понял тогда.

* * *

Когда бессонницы уродец
разбередит печаль-тоску,
сую я в форточки колодец
свою горячую башку.

И так сижу, дурак-Емеля,
как пугало от воронья,
то ли страдая от похмелья,
то ли от вечного вранья.

Среди пустых ночных окошек
все пялюсь в непроглядный мрак —
недоразумение для кошек,
недоуменье для собак.

О сигарету уколовшись
и вздрогнув на свою беду,
уронит ночь ко мне в колодец
свою любимую звезду.

И до рассвета будет плакать,
стучаться ветром и дождём,
и угрожать мне вечным мраком,
и татя подсылать с ножом.

А я, от фарта онемевший,
не поумневший в тридцать лет,
над спящей дочкою подвешу
зеленоватый этот свет.

Плывут томительные реки,
ломают полночь поезда...
А ей отныне и навеки —
горит звезда.

УЕХАЛ ДРУГ

Уехал друг. Уехал друг,
что был в судьбе за брата.
И даже песня режет слух
любимая когда-то.

Мы обменяем (век носи!)
два крестика нательных —
коль что и могут на Руси,
так тосковать смертельно.

В окно открытое курю,
шепчу вослед — «конешно...».
Как в детстве, думал что умру —
так неутешно.

Теперь бы горького вина —
перегорчить кручину...
Полынь, у самого окна,
весь август мне горчила.

* * *

Нас здесь у моря приютит
зима с приметами на осень.
Прощай, мой доктор Айболит,
я улетаю завтра в восемь.

Прощай. И пусть Вам повезёт,
моих депрессий врачеватель.
О, как безумно Вам идёт
и этот цвет, и это платье.

И этот слабенький порыв
любви, что вот — почти не дышит.
И этот простенький мотив
дождей, гуляющих по крышам.

* * *

Жене Валентине

За морями, где долгие зимы,
Боже мой, как я там уцелел,
десять дней я сражался со змием,
ты прости меня — не одолел.

Ты прости, что не добыл я славы,
что напрасно ходил за моря,
золотая моя забава,
легкокрылая птица моя.

Что тебе в географии странной,
что с того, что вздыхает родня?
Далеко ли заморские страны?
Под окном и не дальше плетня.

На последнем усилии воли,
спотыкаясь и пряча лицо,
я вползу, как израненный воин,
на твоё золотое крыльцо.

ТАРЛОВКА

«...мне идти мимо свадебных карет,
похоронных дрог.»
Марина Цветаева.

В этом имени слышу — Таруса...
Словно отзвук Маринин во мне.
Пароходишко шлёпает густо
по камской волне.

Корабельные сосны да ели —
их полет от земли высок.
Гуси-лебеди пролетели —
прострелили тоской висок.

Прострелили строкою грустной: —
«...мне идти...похоронных дрог.»
Ещё будут в судьбе Таруса
и Елабуга-городок.

А пока уплывает Тарловка,
эта сказочная сторона.
И служителя форменка старая
долго с палубы мне видна.

* * *

Откуда этот лёд и зной
в тебе, Марина?
Что ни прохожий — стороной,
чужак, чужбина.

Война, разор, несносный быт —
всё мимо, мимо...
Уж вся Елабуга горит
твоей рябиной.

Уж август отвернул лицо —
не хочет знаться.
Взойди на низкое крыльцо
Покровской, 20.

За ненасытность — жить и быть,
за вкус малины,
за гордость жадную платить
тебе, Марина.

В помин души и в знак любви
поставлю свечку —
пусть все прохожие твои
ТАМ будут встречены!

ДОЧУРКЕ Я ДАЮ СОВЕТЫ...

Дочурке я даю советы,
как взрослою скорее стать,
я говорю: — «Вот будет лето,
а летом лет нам будет пять.»

Но отвечает дочка просто,
(как ей не верить в простоту?):
«Нет, папа, я не буду взрослой,
а то я взрослая умру.»

И дальше весело продолжит
свою куклешную возню.
Я отвернусь, подумав — «Боже...»
И слов, конечно, не найду.

ССОРА

Слов кирпичики класть ты умела...
И росла между нами стена.
Как ты, бедная, похудела!
Из тебя выпирают слова.

Где ж ты слов этих гадких сыскала?
Видно, в наших очередях.
Впрочем, чтобы тебе полегчало -
бормочи, топочи в сердцах.

А потом, в этом хаосе жутком,
постараюсь поспеть к утру:
развинчу твои фразы по буквам —
дочке азбуку соберу.

ЯЗЫЧНИК В ХРАМЕ

Башку не клоню покаянную
и сам не пасóм — не пасу.
Я душу свою окаянную,
как нож в рукаве, пронесу.

И с нею такой, не крещённой,
гляжу с замиранием в груди:
иконы, иконы, иконы —
как скорбные лики родни.

И песни молитв и поклоны,
а я, как убитый, стою.
Я знаю — чернеют иконы,
от скорби за душу мою.

И я среди вас, но не с вами,
чужие шепчу имена...
Но вечное жуткое пламя
никак не сожжёт Перуна.

К ТВОЕМУ ГОЛУБОМУ ПЛАТЬЮ

Чтоб не блуждать тебе во мраке
моих депрессий и стихов,
я преподнёс тебе, как факел,
букет смертельных васильков.

И, право, не было мне жалко
тебя, в смятении святом,
когда букет к груди прижала
и вся сгорела в голубом...

Как круг спасательный — объятья...
И, наглотавшись синевы,
я спас тебя от плена платья,
как будто вынес из волны.

НОЧНОЕ ОЗЕРО

Пока сердце моё не остыло
доживу я свой век в рыбаках.
Почернило меня, продубило
на колючих рыбацких ветрах.

Позабыты девчонки и водка,
жизни истина — не в вине...
И скользит моя лёгкая лодка
водомеркой по чёрной воде.

Стерегут тишину вековую:
птица-лебедь, языческий страх.
В паутину его золотую
наугад заплываю впотьмах.

Не пугают меня эти тени,
эти шорохи, огоньки.
Я сложу аккуратно поленья
и огонь прикормлю с руки.

И дремлю тут замшелою кочкой,
сны качают меня, легки...
Заплывут в мои сети ночью
рыбы белые и стихи.

ИЛИСА ГАНЕЕВА

ОТБЛЕСК ЮНОСТИ МОЕЙ...

Как некоторые впечатлительные натуры, я вела дневник с 15 до 20 лет. Это было время, когда училась в Салаватском педагогическом училище. Поступила туда по настоянию родителей, хотя мечтала стать журналистом. Но, как ни странно, именно здесь я сделала первые шаги к желанной профессии — начала писать заметки, которые публиковались в городской газете.

Юность — время романтики, наивности, когда видишь мир ещё не замутнённым житейским опытом взором, в первозданной его чистоте. Именно поэтический взгляд на природу, человеческие отношения толкнули меня и к литературному творчеству. Свои впечатления от созерцания природы я стала выражать в форме эссе или новелл, маленьких рассказов, которыми заполняла страницы своего дневника. Некоторые из них тоже печатались на газетных страницах. Так, параллельно шли журналистика и литературные опыты, пока в 20 лет не стала сотрудником Стерлитамакской районной газеты. Журналистика победила, дневники были заброшены.

Снова я их обнаружила в своём архиве через 45 лет! Перечитала и позавидовала своей юности, своим влюблённостям, стремлению познать мир и людей, разочарованиям, которые открыли мне окружающую действительность с другой стороны. Ведь в жизни есть не только любовь, радость, счастье, но и боль, разлука, предательство. Мне показалось интересным показать моим друзьям этот юношеский путь постижения действительности, открыть им, может быть, ещё неведомую сторону своей внутренней жизни. Этот лирический сборник, отблеск своей юности, я адресую и читателям журнала.

16 ЛЕТ. ОКНО В ЗАВТРА

Уходят годы, уплывают месяцы. Совсем буднично мчатся дни. И все, что я делаю сегодня, мне кажется временным, незначительным. Думается, что самые большие дела, самая настоящая жизнь ещё впереди. И каждый день наполнен тревогой, ожиданием чего-то хорошего, прекрасного.

Как просто в детстве! Веришь, что прилетят белые лебеди и унесут тебя в сказочную страну. А в сказке всё чётко и ясно: зло — чёрное, добро — розовое, голубое... Там храбрые обязательно победят драконов, прекрасные принцы найдут прекрасных принцесс.

Детство позади. Я вернулась из сказочного мира. Перешла в настоящую жизнь. Здесь будни не похожи на праздники. А надо, чтобы твой каждый день был праздником. Так хочется. Но нет белых лебедей, исполняющих твои желания. А есть окрепшие руки, готовые на новый взлёт. На них и надеюсь.

Руки-крылья. Мне кажется, что ими я раскрываю какую-то тайну. Может быть, тайну жизни, тайну человеческой души. Но чувствую, что мне ещё трудно поддаётся каждое движение. Зато изо дня в день подымается во мне какое-то большое, волнующее чувство. Это чувство — неудовлетворённость сегодняшним днём, это — стремление к завтрашним успехам.

День уходит. Стою лицом к розовому закату. Сколько во мне остаётся невысказанной мысли, сколько тоски и ожидания! Смотрю на недостроенные дома, ещё не раскрывшийся бутон весеннего цветка, на играющих детей, на всё живое, что тянется к последним лучам солнца, к жизни, и розовый закат кажется мне окном в завтра. Завтра достроятся дома, завтра распустятся лепестки цветов, завтра на день взрослее станут дети. Завтра... а сегодня так хочется с простёртыми, как крылья, руками полететь по розовому небу за солнцем вдогонку. И я бегу. С разбега падаю на грудь Земли, вбираю её аромат и чувствую, как она даёт мне силы.

ОБЛАКА

Лежу в траве. И небо сомкнулось надо мной синим куполом. Со всех сторон по краям горизонта несмело толпятся облака и медленно стараются влезть на вершину этой лазурной опрокинутой чаши. Небо кажется мне огромным полем битвы. Облаков становится больше, они, как белоснежная пена, поднимаются всё выше и выше, и стремительно несутся навстречу друг другу. А проказник ветер то разбрасывает их в разные стороны, то собирает в большие грозные кучи и ещё больше дразнит их воинственный дух.

Небо от облаков побелело. Лишь вершина его, где солнце, всё ещё отливает синевой. Но этого светлого круга становится всё меньше и меньше. И вот, наконец, не осталось никакого просвета. Помяв себе бока, облака с треском ударились друг о друга, и гром прозвучал, как боевой клич.

Им не хватало места, им был тесен этот огромный купол. Они давили друг друга и темнели от ярости и гнева. Как коварные враги, они ежеминутно меняли свои формы, становились на дыбы, как грозные хищники, или расползались, как волны тихого озера. Большие кучи наскакивали на маленькие и жадно их поглощали.

Тут налетел сильный ветер и перемешал их, как в огромной ступе. Небо покрылось однообразной, белесой пеленой, которая закрыла солнце. Разочарованная концом этого небесного спектакля, который мне разыграли облака, я ушла домой.

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

У меня есть подруга — поэтесса. Она пишет стихи. И каждое чувство, родившееся в ней, старается затиснуть в узкую оболочку слова, и радуется каждой удачной строчке, из которой строит стихотворение. Она создаёт поэзию.

А я эту поэзию вижу, ощущаю в окружающем меня мире.

...Лежу на пляже, на берегу, похожем на шкуру антилопы. Мой беспечный взгляд сначала тонет в бездонной синеве неба. Потом, падая вниз, цепляется за верхушки деревьев на горизонте. Как гурман, который смакует старое вино, я пьянею от созерцания прекрасной картины, каждый предмет которой, лаская, разглядывают мои глаза.

О! Это было пиршество для глаз! Возвышенности поднимались одна выше другой и казались складками платья великанши из нежного зелёного бархата, которая лениво разлеглась в этом краю, давая отдых своему изнеженному телу. Так гибки и плавны были изгибы

миниатюрных гор! Утренний туман — воздушный перламутр — в лучах проснувшегося солнца, мягко и приглушённо мерцал на впадинах сиреневым, алым, оранжевым цветом...

ВОСТОРГ

Все создано для меня. И эта пыльная дорога, проходящая через густой ельник около трёх могучих вязов у реки; и река, притягивающая к себе цвет неба; и небо, украшенное серебристой чеканкой облаков. Простой невзрачный камень на берегу существует благодаря мне. Я кладу гальку на ладонь, подбрасываю вверх, а потом с размаху бросаю в реку. По воде расходятся круги...

Ветер приносит с поля пряный запах трав. День жаркий и душный, а во рту вкус спелой дыни. Для слепого нет цветов, для глухого — жужжания шмелей над лубочно яркой поляной. Нет меня — нет ничего! Сознание того, что ты — хозяин всего, что видишь, слышишь, ощущаешь, приводит в тихий восторг. И в небрежно гордой позе властелина я растягиваюсь на теплом песке пляжа...

УТРО

Утро. Небо высокое-высокое. Будто опрокинули на Землю синий купол. И по этой лазури нежно плывут белые облака. Будто кто-то разбросал по небу кусочки ваты.

А под ногами изумрудом сверкает умывшаяся вечерним дождём трава. Жёлтое поле ржи колышется, как море, от самого слабого дуновения ветра. Кажется, что ты стоишь перед огромной картиной, написанной яркими, сочными красками. Только пение жаворонка, ветерок, забавляющийся твоим локоном, да щекочущий ноздри запах лугов и нив твердят: «Все это действительность. Перед тобой — твоя родная земля!».

ВСЁ — МОЁ

Всё, что я вижу, принадлежит мне. И облака, задевающие горы, и горы, задевающие небо, и кипарисы, устремлённые вверх. И нежная зелень на склонах гор; белая кипень цветущих яблоневых садов; и изумительные персиковые деревья в нежно — розовых цветах; и старые стены, сложенные из камня; уютные, освещённые и согретые солнцем серые скалы, выступающие из глади моря; кривые улочки; дома с мансардами; камни и цветы.

Я вижу всё это во всех оттенках цветов. Душа моя вмещает, вбирает в себя всю безбрежность синего неба и лазурного моря, величавость и громаду гор и, кажется, сама становится безбрежной...

МОЙ ЗНАКОМЫЙ ВЕТЕР

* * *

У меня есть знакомый ветер. Да-да! Не верите? Правда, в городе трудно с ним познакомиться. На улице шуршат шинами автомобили, дома поют дуэтом радио и магнитола, говорит телевизор. Где уж тут услышать соло скучающего, печального или радостно возбуждённого ветра? Чтобы встретиться с ним, надо идти в дальний угол

старого парка, где он тихо шуршит листвой, качает сонные тюльпаны по утрам или по вечерам, а ещё можно сидеть в кресле у окна, и он сквозь узкие щели будет рассказывать вам сказки.

Мой знакомый ветер жил в самом дальнем углу парка, в овраге, заросшем по склонам тальником и кустами шиповника, дно которого устилал мягкий мох. Он был шаловливый и задиристый, как все молодые ветра. Любил внезапно, с разбойничьим свистом, пролететь сквозь лесную чащу. Возмущённые липы, осины, дубы долго шелестели вслед, осуждая его за то, что он нарушил их сонные, сладостные мечтания о созревающих плодах. Потом ветер вырывался на опушку и шептался там со стройной красавицей — зеленоглазой берёзкой. Ласково гладил высокие травы на лугах, разносил вокруг мелодичный звон синего колокольчика. Подхватывал на лету упавший маков лепесток и долго кружил с ним в танце, как с бабочкой. «Посмотрите, какой красивый! Видите, видите?», — словно говорил он. И все цветы, соглашаясь с ним, кивали красивыми головками.

* * *

Не взлюбило его лишь болотистое озеро с кочками — бородавками. При его приближении оно грозно шевелило камышовыми усами и недовольно морщило своё чело. Молодой ветер нарушал это спокойствие, гнал по озеру маленькие волны и мешал превращаться в тихое болото. Но шалун, подразнив немного старика, уносился дальше, где его ждали друзья. Это были дым из каминных труб, из которых он свивал колечки и рисовал разные узоры на синем полотне неба, тепловоз, мчавшийся по рельсам, — с ним ветер играл в догонялки. Люди тоже были друзьями ветра. В жаркий душный день они с удовольствием подставляли навстречу ему загорелые лица и улыбались. Открывали настежь окна, ставили флюгера на крышах, которые он вращал с большой охотой. Иногда озорник срывал шляпы с прохожих. Все бросались их ловить, а ветер, дразня и хохоча, катил головные уборы, как колёса, по пыльной дороге.

Так, в играх и забавах проходил день. Вечером в небе начинали искриться звёзды, в густой траве светлячки зажигали свои фонари, люди ложились спать. И, как бы жалостно скуля, ветер не просился к ним, его не слышали. Малыши ворочались в тёплых постелях и улыбались своим цветным снам. А неугомонный ветер не хотел спать: он искал новых приключений. Не приходилось ли вам в лунные ночи сидеть у окна? Не замечали, какие странные тени возникают от качающихся веток тополя? На стене напротив окна вдруг появляется девичья голова, в следующий миг она превращается в протянутую руку, потом рука становится абстрактной картиной. И всё это — теневой фильм, который неутомимо показывает страдающий бессонницей ветер.

Лишь под утро, уставший, он возвращался в свой овраг. Укладываясь спать, будто читая, недолго ворочал обрывки газет и журналов на дне своего жилища и, наконец, засыпал. Ах, неопытный ветер! Он совсем не знал, что просыпает такое прекрасное время — рождение дня!. И птиц, громко восхваляющих восходящее солнце, он не слышал. Не видел, как навстречу золотым лучам раскрывают жёлтые головки калужница, мать-и-мачеха, одуванчики, как на прозрачном, покрытом серебристыми ворсинками листике прострела блестят капли росы.

Просыпался он ближе к полудню, когда лучи солнца доходили до самого дна оврага, освещая тёмные прожилки малахитового мха. Ветер лениво ворочался с бока на бок, греясь под нещадно палящим солнцем. Несколько раз вздыхал, потом с радостным криком опять уносился к друзьям и принимался за свои бесконечные дела. Надо было разносить по свету семена цветов и деревьев, помочь быстрее течь маленькому ручейку, пригнать стадо туч и полить тёплым дождём луга и пашни.

* * *

Однажды, напоив лето цветами радуги и ароматом, умерли цветы.Тополь плакал ржавыми листьями — слезами. Лето кончилось, на землю пришла тоскливая осень, которая побила холодными дождями все растения на лугах и устроила листопад. И ветер затосковал. Одинокий, бродил он по лесу и не слышал милый его сердцу шум зелёных листьев. Ветер пробовал утешить себя музыкой. И столбы фонарей, и щели незамазанных окон он брал инструментом в свой оркестр. И дождь, барабаня длинными пальцами о зеркало луж, тоже вносил свой ритм в эту музыку. Но ветер был неутешен. С плачем уносился он в поля и проводил целые дни в бесплодных поисках цветов.

На дне оврага, где жил ветер, часто блестели лужи. Мох отяжелел от влаги и свалялся. Лишь иногда ветер приходил в своё жилище и, сиротливо скуля, засыпал на короткое время.

* * *

Однажды, когда он, свернувшись в клубок, лежал на замёрзшей листве, пошёл снег. Ветер застыл от удивления. Сначала он подумал, что это вернулось лето и с неба падают крохотные белые розы. Но радость его была недолгой — это сыпались не ароматные, нежные цветы, а мёртвые, холодные звёздочки. От тоски ветер слёг совсем, и пушистый снег будто навечно похоронил его под белой периной.

Но не любил мой знакомый ветер долго бездельничать — стряхнув с себя белоснежное одеяло, искал себе работу. Пришёл к ручейку, а тот покрылся прозрачным льдом. Посмотрел ветер в это зеркало и сам себя не узнал. Совсем он и не юноша, а уже старик с седой бородой. Завыл, запричитал от неожиданности. И пошли, пошли бураны разгуливать по белу свету. Дома заносило снегом до крыш, путники блуждали на дорогах, потеряв в снежной пурге ориентир. Потом стало тихо — это ветер увидел торчащие сквозь снег озябшие озимые. Да ведь замёрзнут, родимые, в такую стужу! Взял ветер тогда белую метлу вьюги и старательно укрыл всё поле снегом, заодно замазал им все щели на окнах и заборах, посыпал блёстками ёлочки в лесу. Хотя работы хватало, ветер всё же тосковал по лету, по радуге, по цветам. Зима казалась ему бесконечной и вечной. Надежда появилась после того, когда однажды в лес пришли люди, чтобы срубить ёлки к новогодним праздникам. Они говорили, что до возвращения весны и лета остаётся все меньше времени.

* * *

Вот уже отблестели гирляндами и блестящими стеклянными игрушками новогодние ёлки, а снега всё не таяли. От долгого ожидания ветер затосковал и заболел. А люди, как ни странно, улыбались. Воздух стал влажным, снег рыхлым, всё ярче светило солнце. Мужчины бережно несли в руках что-то завёрнутое в бумагу. «Что это они так оберегают?»,— подумал любопытный ветер и пошёл искать, где они берут эти загадочные свёртки. За городом он обнаружил оранжерею, у которого и стены, и потолок были стеклянными. Забыв, что он болен, ветер с весёлым свистом облетел этот сказочный дом, припал к крыше и...ахнул! Там, внизу, за прозрачной перегородкой, жили сотни самых разных цветов. На него удивлённо смотрели полураскрывшиеся бутоны тюльпанов, на лепестках роз блестела роса. «У меня украли лето и спрятали в этот дом! Верните мне цветы!»,— гневно закричал ветер и стал стучать по крыше оранжереи, пытаясь всё порушить. Но дом был крепкий и по-прежнему сверкал окнами-стенами. Люди кутались в шубы, поднимали воротники, но всё равно улыбались. «Это мартовский буран, весна идёт»,— говорили они. А уставший ветер возвратился в свой овраг и крепко уснул.

* * *

Тем временем солнце поднималось все выше, с крыш свисали острые сосульки и снег таял на глазах. По склонам оврагов уже побежали первые ручьи, которые своей весёлой болтовнёй и разбудили ветер. Проснувшись, он увидел, что лежит не на белой перине, а в большой луже. Даже жаворонки, взлетая под облака, весело смеялись над ним.

Чёрных лоскутков вспаханных полей становились всё больше. Вернулись птицы и принялись деловито вить гнёзда. Ветер увидел, как сквозь жухлую, прошлогоднюю траву поднимаются тоненькие зелёные пучки травы. Он пригнал небольшую тучу, напоил дождём освободившуюся от снега землю и, радостный, пошёл искать прежних друзей, а по дороге набрёл на большую лужу. Нагнулся к ней и в чистой, прозрачной воде увидел своё отражение. Оказалось, седая его борода растаяла, как снег, и он снова стал молодым и озорным. На землю пришла весна, а к нему вернулась молодость.

Сейчас мой знакомый ветер опять полон забот и хлопот. Нужно помочь пробивать свой путь маленькому ручейку, разносить семена цветов и деревьев, пригнать облака и полить тёплым дождём луга и пашни. Если хотите с ним познакомиться, загляните в дальний угол старого парка. По вечерам он там отдыхает, тихо шурша листьями дубов и укачивая засыпающие тюльпаны.

P.S. На этом временно прерываюсь. Редактор пообещал, что когда-нибудь, в одном из следующих номеров любимого «Аргамака» публикация отблесков моей юности будет продолжена.

ЛИЛИЯ ИШКИНА-ЯКОВЛЕВА

НАПЕРЕГОНКИ

Из моей книги «Мгновения», изданной частным образом в Набережных Челнах в 2020 году

Я всё ещё несусь, рассекая воздух. Немного поднажать на педали и взлечу — ууууууууу. Поднимусь над землёй и увижу её малость и величие. Пьянящий аромат свободы и безудержного счастья вошёл в меня когда мне было лет семь-восемь. Стайки мальчишек нашего двора, сбросив школьную форму и ранцы в дальние домашние углы, вскакивали на своих двухколесных коней марки «ПВЗ». Ошалело носясь по нашему посёлку, Вальки, Федьки, Сашки, и конечно, Вовки (излюбленные имена, даваемые родителями чадам в 50-е годы), готовы были забыть о сне, благо короткое колымское лето блистало белыми ночами. И мальчуганам хотелось всё успеть... Малышня дворовая, вроде моей сестрёнки, усердно осваивала трехколёсные велики с помощью родителей. А мне, семилетней взрослой девочке, в нём было уже не поместиться. И самолюбие уже не позволяло опускаться до этого конька-горбунка... Поразмыслив о своих перспективах и убедившись в том, что Дед Мороз на школьной ёлке ничего не раздаёт, кроме сладких подарков, я исподволь начала намекать родителям о своей мечте — двухколёсном велике, так ласково называли своих «коней» мои друзья-мальчишки. Главные определители родительской благосклонности — хорошая учёба в школе и послушание — были в наличии, поэтому отказа ничего не предвещало. Я набралась терпения и изредка продолжала канючить, напоминая маме и папе о приближении тепла. Ещё одним поводом для приобретения сакрального для меня подарка было то, что грядущим летом наша семья оставалась в широтах вечной мерзлоты, и мою энергию нужно было непременно направить в полезное русло.

Осуществил мечту папа. Однажды он гордо прикатил домой моего первого «коника» по имени «Школьник» той же брендовой марки «ПВЗ». Велик был прекрасного цвета — бордо с переливающимися металлическим блеском спицами и звоночком. И не важно, что он был «бэушный», в наших краях сложно было достать новый. Всё здесь передавалось по знакомству: детская одежда, мебель, книги, домашние цветы, велосипеды, самокаты, санки, лыжи и даже кошки... Не продавалось, боже упаси, это считалось очень неприличным. Колымчане поддерживали друг друга всегда, а прибывших новеньких с детьми — особенно.

Я благодарна папе за то, что в моём детстве он многие мамины чрезмерные запреты и опасения как-то умудрялся обходить. Конечно, нам и влетало за это нередко. Зато теперь в моей душе хранятся интересные истории и приключения, которые происходили тогда, благодаря этой непокорности...

Итак, папа, как та золотая рыбка из сказки, мою мечту превратил в явь... Правда, при этом он на пару недель обрёк себя на бег трусцой за мной по кругу открытой летней танцплощадки и по поселковой дороге. Пытаясь поймать равновесие, я заваливалась то на одну сторону, то на другую. Синяки и болячки украшали коленки и локти, а уши порой слышали совсем нелестные определения. Мальчишки дразнились и пролетали мимо на своих «орлятах». Но чудо, наконец, свершилось! Я перестала падать, поймала это самое прекрасное и удивительное равновесие и освободила папу. Довольный дочерью и собой, покуривая, он тайком некоторое время присматривал из-за деревьев за моим катанием. А я так освоилась, что стала, подражая приятелям, рулить одной рукой. Вскоре моё мастерство достигло апогея: я лихо, по-мальчишечьи забрасывала ногу, садясь на велик, так как он был с рамой. Девчоночьих детских велосипедов, думаю, тогда не было. Тренькнув звоночком, я начинала разгон, а потом... вовсе отпускала руль! Это был шик — кататься «без рук». Меня зауважали во дворе.

Велик окрылил меня. Я могла, не отпрашиваясь у родителей, мчаться к закрытой на лето нашей одноэтажной бревенчатой школе с голубыми наличниками на окнах, поселковому клубу, где показывали по выходным фильмы для детей, магазину, куда меня иногда отправляли за молоком и хлебом. Маршрут прогулок удлинялся, я носилась наперегонки с ветром, а мои косички поднимались дыбом от скорости и удовольствия.

Попутчики мне тогда были не нужны, они бы ограничивали свободу!

И мирно, и спокойно было в начале 60-х в нашем посёлке, хотя проживал там народ разный. И не было за четыре года случая, чтобы на улице обидели ребёнка.

Рядом с нашими двухэтажными жилыми домами для семей офицеров были построены деревянные сараи. В них хранились запасённые на зиму дрова. Кроме водяного отопления в каждой квартире стояла небольшая печь на кухне. Холодильники тогда ещё были редкостью, да и зачем они там? Чуть копнёшь лопатой и сразу — вечная мерзлота. Вот и хранились в холодных сараях летом продуктовые запасы: собранная в таёжных топях брусника, банки с маринованными маслятами и случалось — вяленая красная рыба и твердокопчёная колбаса. Да, эти деликатесы доходили до нас. Срок хранения у них был длительный. Возможно, в сараях выкапывались ямы-погреба, но моя детская память этот факт не отразила.

Мой «школьник» цвета бордо тоже на ночь заводился в сарай. А утром после завтрака я в коричневых шароварчиках и курточке на молнии, с атласными ленточками в аккуратно заплетённых косичках отправлялась на нём в очередную длительную погоню за ветром. Но желание подкрепиться мешало мне наслаждаться прогулкой. Прагматичный ум второклассницы подсказывал решение. Я давно уже расширяла ноздри, входя в сарай: запах копчёной колбаски, которая кольцами лежала в почтовом фанерном ящике, очень смущал. И я однажды решилась: отломила кусочек и положила за пазуху курточки.

Ах, какое это было наслаждение: мчаться на любимом велике и, вытащив одной рукой вожделенный кусок, жевать на ходу под свист ветра! Конечно, мне понравились набеги на семейные припасы, и я уже не могла остановиться. Каждый раз, собираясь покататься, отламывала от очередного колбасного кольца кусочек. Совесть меня мучила меньше, чем боязнь грядущего разоблачения. К концу лета мои набеги на семейные припасы были обнаружены. Мне досталась мощная трёпка от мамы, которая сопровождалась угрозой лишить меня велика, а папа хранил нейтралитет, хмуря кустистые чёрные брови. Мне показалось, что он лучше понимал, что это было не воровство, а искушение. Простили, конечно. А я тогда тайно дала себе слово, что, когда вырасту, стану работать «колбасницей».

Закончилось прекрасное моё последнее колымское лето, пронизанное пением посвистывающих ветров, шуршанием велосипедных шин и весёлым трезвоном звоночка на руле «коника» цвета бордо. Мы вернулись на родину родителей в Казань — «на материк». Без моего велика, пологих сопок, окружавших наш посёлок, таёжного лесочка за домом я очень скучала. Даже обилие ярких новых впечатлений и знакомств не могло скрасить эту ностальгию... И, отвечая на дурацкий вопрос казанских родственников: «Кем хочешь стать?» — называла придуманную там на закате колымского лета профессию, смущая ответом родителей.

Через два года папа вновь привёл мне «коня». Это был уже давно зрительно мне известный «Орлёнок»! И я с удовольствием гоняла на нём вдоль трамвайной линии, наперегонки с красными вагонами, громыхающими тяжёлыми колёсами. Привычка жевать на ходу осталась, но это уже была не колбаска. С продуктами на «материке» нарастала напряжёнка, строили коммунизм...

Во взрослой жизни я по-прежнему обожала кататься с ветерком. Поэтому, следуя традиции, сложившейся благодаря папе, приобрела, на этот раз сама очередной велосипед марки «Салют», красного цвета и наконец-то с женской рамой! В тёплое время несколько лет подряд я на нём ездила на обмеры в Юрьев монастырь под Великим Новгородом. Романтическое время! Тогда в среде архитекторов реставраторов и художников начался оздоровительный бум. Все велосипеды в спортивных магазинах города были раскуплены в конце апреля. Приближалось романтичное и благодатное время белых ночей... С наступлением тепла от рассвета до заката по тихим улицам древнерусского городка лихо рулили представители новгородской богемы на свои объекты — восстанавливаемые храмы и монастыри...

Покидая это уютное провинциальное место, я захватила велик с собой. И ещё несколько лет он служил мне, даря кратковременное ощущение парения над жизненной суетой и семейными заботами.

Сегодня, желая вновь полетать, беру в прокате современный дорожный велосипед и продолжаю мчаться навстречу ветру и жизни!

УПАВШИХ ЯБЛОК АРОМАТ

В апреле 2015 года в Набережных Челнах при Дворце культуры «КАМАЗ» открылось творческое литературное объединение «Лебедь», где занимаются пишущие стихи и прозу жители города. Возраст участников — от пятнадцати до восьмидесяти лет. В студии ведутся литературные семинары, направленные на приобретение писательского мастерства.

Многие произведения студийцев, в том числе и песни, благодаря активному участию авторов в городских мероприятиях, звучат со сцены на праздничных площадках и уже полюбились горожанам. Студийцы участвуют и нередко побеждают в международных и всероссийских литературных конкурсах, публикуются в периодических изданиях, выпускают свои книги.

Руководит ЛиТО «Лебедь» Ольга Владимировна Кузьмичева-Дробышевская, член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Она является организатором ежегодного регионального литературного конкурса «Лебеди над Челнами», который проводится при поддержке управления культуры исполкома города Набережные Челны, Татарстанского отделения Союза российских писателей, Набережночелнинского отделения Союза писателей Республики Татарстан, МАУК ДК «КАМАЗ».

Сегодня ЛиТО «Лебедь» предлагает читателю небольшие подборки студийцев.

Вячеслав КРАПИВИН

Крапивин Вячеслав Леонидович родился в 1952 году в пос. Промысла Чусовского р-на Молотовской области (ныне Пермский край). В Набережных Челнах живёт с 1979 года. Работал старшим диспетчером нефтеналивного пароходства «Волготанкер». В конце 80-х пришёл в городское литературное объединение «Орфей», в настоящее время — участник ЛиТО «Лебедь».

* * *

Со всхлипом вспенилась вода
И закипела бурунами.
Подобьем санного следа —
Кильватерный бежит за нами.
Винтов однообразный шум,
Сливаясь с палубною дрожью,
Не тормозит привычных дум,
И мыслей вихри множит, множит.
Распахнут неба окоём —
Владыка притяженья взгляда.
Смотри и думай о своём,
Приемля волю, как награду.

* * *

Рвусь душою в пятый океан:
Сны воздухоплавания — сладки.
Я от тишины небесной пьян,
Засевал стихами тучек грядки.
И они, от рифм отяжелев,
Проливались на сердца сухие,
И любви рождала в них напев
Словом оживлённая стихия.
Всем ветрам и штилям не переча,
Я бы плыл, прозрачный, как эфир,
И посредством милой русской речи
Запечатлевал бы Божий мир.

* * *

Задумавшись о бренности судьбы,
Спроси себя: что сможешь ты оставить,
При имени твоём чья дрогнет память,
Кто молвит, сокрушаясь: «Если бы…»
Не обольщайся, возжелав наград,
В цепи событий — лишь звено из многих:
Глянь, сколько черепов опричь дороги
Бесстыдной белизной цепляют взгляд?
Пусть в череде из многих дат и лет —
Лишь крохотная буковка во фразе,
Гордыни незаметная зараза,
Скорей всего, оставила свой след…
И, всё-таки, родился неспроста,
Фамилию свою не опозорил:
Убавилось пытливости во взоре,
Но им не завладела пустота.

Тамара ЖУРАВЛЁВА

Журавлёва-Полякова Тамара Николаевна родилась в 1950 году селе Ташла Ставропольского района Куйбышевской области. Окончила художественно-графическое отделение Тольяттинского педагогического училища. В 1975 году приехала в Набережные Челны. Работала фотографом в «Автозаводстрое», затем художником-оформителем в отделе главного архитектора КамАЗа. Участница Городского литературного объединения «Орфей», с 2017 года — ЛиТО «Лебедь» при ДК «КАМАЗ».

* * *

Как надену я старую шляпу
И уйду лет на двадцать назад…
Мне к лицу нафталиновый запах
И осенний сплошной листопад.
Не смиренно смешливое сердце
В круговерти предутренних струн.
Рассвело… Верховодивший ветер
Разогнал вороньё, как ведун…
Понапрасну себя убеждая,
Что сухие цветы — питиё,
Заварю кружку крепкого чая,
Вспомнив прошлое лето своё —
Там разросся серебряный донник,
Нарвала-насушила букет.
Я усыплю травой подоконник —
Слаще запаха донника — нет…

* * *

Я уже никогда не вернусь
В те минуты, где я Вас любила,
Где сушёным листочком хранила
Этой тайны высокую грусть.
Мне спокойней на тысячи вёрст
Обнаружить потерю привязки,
Я устала от маленькой сказки,
Я устала от пролитых слёз.
Лишь теперь прояснился рассвет,
И опять тишина воцарилась.
И вины перед Боженькой нет
За износ:
Ничего не случилось.

Илья ЩЕРБИНИН

Щербинин Илья Игоревич родился в 1996 году в городе Альметьевске, ныне живёт в Набережных Челнах, работает звукорежиссёром дворца культуры «КАМАЗ».

МЕЛОДИЯ

Выйди на площадь,
там небо рисует картину Ван Гога.
Забудь о потерях,
о существовании «Онлайн-Перископа».
Залечи свои раны от бывших,
от настоящих,
И просто играй, девочка,
пока позволяют пальцы.
С тобой гитара, вам с ней
Стоит наложить стоп-кадр
на движение теней, —
Когда мелодия сыграна,
она превращается в эхо
И тихо умирает в пространстве…
Не спрашивай, кто я, и не ищи.
Я живу в сердцах, голосах, воде,
В рояле — в его звуковой волне,
В оживлённом стихе,
что прорывается к нейрону,
Я превращаюсь в эхо
и улетаю к небосклону.

* * *

Нарисуй меня на весеннем снегу,
Беспечным, с сигаретой в зубах,
И не печалься если я по утру,
Начну таять у солнца в руках.

Мы, проживая цикличное время,
Лишь повторяем опыт чужой.
И я растаю, забытый всеми,
Солнцем, веком и, конечно, тобой.

Роза ГУБАЙДУЛИНА

Губайдуллина Рузалия Минкамильевна родилась в 1963 году в городе Куйбышеве. Дипломированный мастер-цветовод, декоратор. В Набережные Челны приехала в 1984 году, работает на прессово-рамном заводе КамАЗа, в отделе социального развития.

* * *

Упавших яблок аромат,
Вино янтарное в бокале,
Я, одиночество, закат,
Мой сад в малиновой вуали.
Штрихи наносит ночь углём.
Я с одиночеством не в ссоре:
Давно по жизни мы идём,
Не споря.
А догорающий закат
Меняет саду цвет вуали.
Но дразнит яблок аромат,
И есть ещё вино в бокале.

* * *

Никогда не видела лотоса,
Для букета срывала ромашки,
И не слышала звуки космоса,
Ближе звуки земные и краски.
Слух мой радует шум деревьев,
Стук дождя за прикрытой ставней.
Треск горящих в костре поленьев,
Плеск волны о прибрежные камни.
Но когда я гляжу на небо,
Руки тянутся в бездну космоса, —
Надо мною и справа, и слева
Распускаются белые лотосы.

Михаил МИХАЙЛОВ

Михайлов Михаил Николаевич родился в 1963 году в городе Волжск Марийской АССР. Окончил Волгоградский институт физической культуры по специальности «Тренер по футболу». В 1987 году переехал в Набережные Челны. С апреля 2019 года участник ЛиТО «Лебедь» при ДК «КАМАЗ».

* * *

Я сливочные мазал облака
На булочку румяного заката.
Озёрные скрывая берега,
Легла тумана сахарная вата.

Луну-солонку кто-то уронил
На скатерть фиолетового неба
И звёздной солью густо насорил,
Разбавив тьму кристалликами света.

Я смаковал клубящийся туман
Через соломку длинноиглых сосен.
Рассвет глаза тихонько открывал,
Я в них, бездонных, видел неба просинь.

Редеют облаков седые пряди,
И, опьянев от запаха травы,
Лежу, раскинув руки, в небо глядя,
И взгляд не оторвать от синевы.

ВАЛЬС ЗИМНЕГО ЛЕСА

Вот и лето, внезапно сдавшись,
И, собрав тёплых дней котомку,
Вышло тихо, не попрощавшись,
И бежит за ним дождь вдогонку.

Осень-скряга срывает золото
Листьев старых, сбивая в кучи.
Лес ободран, дрожит от холода,
А вчера ещё был дремучим.

Но зима все следы запутает,
Ночью тихо придёт, как фея.
Снежной шалью весь лес укутает —
Станет чище он и добрее.

В белом танце его закружит,
Вьюгой песню споёт на ушко,
Запуржит, заметёт, завьюжит,
Спать уложит: сугроб — подушка.

И, поддавшись волшебной ласке,
Лес забудет осенний холод.
Задремав, будто в доброй сказке,
Вспомнив время, когда был молод.

Полина КОРДЮКОВА

Кордюкова Полина Евгеньевна родилась в 2000 году. Закончила Набережночелнинский педагогический университет.

* * *

Жизнь пения коротка:
За внезапным зовущим ритмом
Идёт рука.
Солнце — бусина — слово
Катится с языка
По лучам, как по струнам,
По лужам, траве, песку,
По первому снегу и сорванному листку.
Я мелодию в сердце выласкаю да испеку.
В час тоски съем по буковке,
выпью по нотке пряной,
С нежностью редкой,
любовью изменчивою и странной,
Я спою неумело,— мощь голоса так мала.
Но хватает, чтоб каждая жилка
забилась и ожила.
Ах!

Маски, лица, сюжеты — образов колыбель —
Я моментов не знаю честнее
в моей судьбе.
Мне ещё бы, не прячась
от всех за стенами,
А смело так
Петь —
Тебе.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Зелёное море волнует
Густая пьянящая тьма,
Дыханием рваным целует
Сиреневой пены-руна
Дрожащие клинья… Зловеще
Косматое небо; зажглись
Сплетенья сияющих трещин
И тучи обрушились вниз!
Ночь резали хлёсткие капли —
Сноп стрел колотился в окно…
А утром, прозрачною шалью,
Укрытый, испуганный, чистый,
Встряхнув свои флаги и листья
Мой город окутался сном.

ЗИМОРОЖДЕНИЕ

Погода распустила свой венок
Давным-давно на золотом пороге.
Лисице снится белый мотылёк,
И фауна спешит в свои чертоги.
Застыла флора статуей немой
Устало солнце шепчет «Аллилуйя».
По улицам запахнет чистотой,
Дай бог, и мы почуем…

Валерия ГОЛУБЕВА

Голубева Валерия Олеговна родилась в 2003 году в г. Набережные Челны, с рождения незряча. Учится в коррекционной школе (ГБОУ) № 75 в 10-м классе. Начала писать с 10 лет, с 2017 года посещает литобъединение Лебедь при ДК «КАМАЗ».

* * *

Ночь. Тишина. Я ещё не устала
Молча лежу, жду — минута настала
Встречи с загадкой. Слышу шуршанье
Чьих-то шагов и живое шептанье…
Звуки, как странных гостей, принимаю,
Кто и откуда они? Я не знаю.
Чувствую, музыка рядом со мной,
Нежно укрыла теплом с головой.
Звуки ночные то шепчут украдкой,
То по-кошачьи трогают лапкой, —
И вдохновенья желанного мостик
Снова у ног: к слову чуткому в гости
Робко иду. Не исчезла б дорога!
Шаг, ещё шаг… Мне осталось немного.
И зашумело рекой пред-видѐнье,
В сердце упало стихотворенье.

* * *

Люблю я бабушкины сказки
Особенно, когда в метель
Скучают лыжи и салазки…
Ложусь в уютную постель.

Сегодня бабушка со мною,
Устав от будничных забот,
Вечерней снежною порою
За книжкой разговор ведёт.

Раскрылись тихие страницы,
И стало в комнате светлей.
Летят слова, как будто птицы,
Касаются души моей.

Лечу за ними без опаски,
И стала облаком постель…
Люблю я бабушкины сказки,
Когда за окнами метель.

Борис ИЛЬИНСКИЙ

Ильинский Борис Клементьевич, родился на Южном Урале, в городе Златоусте.

БЛОШИНЫЙ РЫНОК

Хмурое амстердамское утро Ван Гог встретил на старом продавленном диване. После вчерашней пьянки с Полем Гогеном и жуткого скандала ему не хотелось просыпаться. Болело тело, болела душа. Тело болело от выпитого, душа болела от того, что он обидел своего друга.

Ван Гогу всю ночь снился холодный квас в запотевшей стеклянной банке, в холодильнике. Встать и пойти за квасом сил не было, хотя рот был сух, а тело кричало — воды, воды! Ван Гог сполз с дивана и, шатаясь, добрёл до холодильника. Кроме кваса в холодильнике — ничего. Холодная жидкость, обжигая гортань, потекла внутрь, и тело, утомлённое длительным запоем, начало возвращаться к жизни. Не отрываясь от банки, Ван Гог допил остатки кваса и подошёл к столу.

На столе лежала половина газеты «Правда», заменяя скатерть. Опрокинутая жестянка из-под бычков в томате сочилась красным, подобно крови, заливая собой портрет вождя. Конец лозунга «Пролетарии всех стран со.....» оборван. Вторая жестянка из-под бычков доверху забита остатками папирос «Беломорканал». «Чёртов Гоген! — подумал Ван Гог.— Он так и не отучился курить дешёвые русские папиросы». Некоторые окурки хранили на себе следы красной губной помады.

— Значит, с нами была женщина! — сказал себе Ван Гог.

В воздухе витал запах духов вперемешку с терпким запахом туалетной воды Гогена, возбуждая обоняние художника. Возможно, Гоген привёл очередную девицу, но какая она была и была ли вообще, Ван Гог не помнил.

— Пижон, проклятый пижон! — чертыхнулся Ван Гог.

Он вновь посмотрел на стол. Его трубка — пуста. Спички, огрызки хлеба, грязная посуда, какие-то мясные объедки дополняли натюрморт. Гора бутылок из-под бургундского наводила на мысль, что пили не один день. Бутылки валялись и под столом, среди них — недопитые. Наклонившись за одной, Ван Гог увидел окровавленную бритву, человеческое ухо, уже тронутое неживой восковой желтизной, бинты и вату — всё в крови, и мокрое полотенце.

Ван Гог тупо смотрел на это мракобесие, и память медленно возвращалась к нему. Он оглядел комнату — запущенную и нищую. Вдоль стены стояли, а местами валялись будущие шедевры. «Едоки картофеля» угрюмо взирали на своего создателя. «Подсолнухи» ослепляли солнечной желтизной. Ирисы на холсте цвели так сочно, что казалось, на них можно прочитать будущие баснословные суммы, заплаченные коллекционерами. Но всё было не востребованным и никому не нужным. Великолепие цветов ещё ярче оттеняло серость и убогость жилья несчастного гения. Это было жильё человека, отдавшего себя краскам и холстам, у которого нет другого Бога, кроме живописи. Он и воплощал в себе и в своём искусстве второго Христа. Он был набожным человеком, но верил только в свои силы и в своё предназначение. И Христос, и Ван Гог — оба шли на свою Голгофу, только каждый со своей верой и своим путём. Верой в человеческий гений.

Ван Гог глянул в старое потускневшее зеркало и увидел лицо полубезумного человека, скуластого, обросшего рыжей щетиной. Правого уха не было. Кто-то неумело намотал Винсенту бинт через всю голову, прикрыв рану.

Он вспомнил, как в припадке любви и верности к Полю Гогену, после спора о собственном ничтожестве, упрёков Гогена в его неправильной художественной манере, хватанул себя бритвой по уху. Он не мог сказать Гогену о тех сложных чувствах, что испытывал к нему. О той надежде, что они создадут союз и будут работать вместе. Поль Гоген отверг всё, на что надеялся Ван Гог. Они были слишком разными: неистовый Винсент — простой в своей гениальности, и расчётливый аристократ Гоген, который уже тогда знал, сколько он стоит и чего хочет от жизни.

Это был единственный выбор. Если люди не могут договориться, то лучший способ спасти друг друга — расстаться. Отрезанным ухом Ван Гог проложил себе путь в бессмертие. Уехавший в Полинезию Гоген сохранил себя, как художник и как человек.

Ван Гог достал из платяного шкафа ноутбук, который ему подарил родной брат Тео, хорошо поднявшийся на продаже картин и живущий в Париже. Тео помогал Ван Гогу и деньгами, и красками, и холстами. Они были близки, хотя и жили далеко друг от друга. Винсент делился с братом всеми новостями из своей не слишком счастливой жизни.

Пока ноутбук настраивался, Ван Гог поднял мёртвое ухо с пола и, завернув его в более-менее чистую тряпку, положил в карман тёплой куртки. Ван Гог знал, для чего он включил ноутбук и что будет делать дальше. Он набрал на клавиатуре запрос: «Трансплантология органов человека, пришивание ушей». Компьютер выдал адреса клиник и перечень услуг.

Куба, Израиль, Германия и США — все предлагали помощь. Винсент сделал запрос по ценам и ошалело уставился на экран. Цены не ошарашивали — они сбивали с ног. Деньги, которые запрашивали доктора за свои услуги, не смог бы поднять даже его брат Тео. Винсент понимал, что может прожить и без уха, но он всегда добивался поставленных целей.

Озарение пришло внезапно. Ещё одна страна могла ему помочь. Великая и загадочная, холодная и непонятная всему миру. Он слышал, что в той стране люди зимой ходят в шапках, а на улицах городов иногда встречаются медведи. С тех пор, как прошли Горбачёвская перестройка и дикий Ельцинский беспредел девяностых, государству нужны были деньги для очередных безумных экономических экспериментов.

Ван Гог набрал: «Россия, Москва, трансплантология органов». Ответ пришёл сразу. Реклама гласила: «Бомжам, пенсионерам, пострадавшим в пьяных драках, бедным художникам, кому что-то оторвали или отрезали, пришьют обратно со скидкой 50%». Это то, что нужно! Он подходил по всем параметрам, кроме пенсионного.

Набрав электронный адрес Тео, Винсент сообщил следующее: «Дорогой брат Тео! Опять прошу у тебя денег. После ссоры с Гогеном, я по-пьяни отрезал себе ухо. Необходима операция. Я улетаю в Москву. Любящий тебя, Винсент».

Мощный Боинг-747 авиакомпании «Пан Американ» вырулил на взлётную полосу в ожидании старта. Тяжело поднявшись в воздух над заснеженной Голландией, самолёт взял курс на холодную бесснежную Москву.

Мальчишки, катавшиеся на коньках по замёрзшим каналам, подняв голову к небу, с восторгом смотрели на пролетающее чудо.

Сжимая левой рукой отрезанное ухо, лежавшее в кармане, и правой попивая виски со льдом из низкого стакана с толстым дном, любезно принесённый стюардессой, Ван Гог за многие годы сумасшедшей жизненной гонки впервые ощутил покой. Он не думал, что ждёт его впереди, что осталось позади. Он просто устал, чертовски устал от того образа жизни, которым жил. Неудачи с женщинами, ссоры с Гогеном, вечные поиски места проживания, где он чувствовал бы себя счастливым, постоянные

сомнения в правильности того, что он делает — всё доводило до исступления. Ван Гог понимал, что постепенно сходит с ума, и этот полёт в Москву — всего лишь краткая отсрочка перед неизвестным, но страшным будущим.

Ровный шум двигателей, холодный виски, комфорт свалили художника в глубокий сон. Ему ничего не снилось. Он спал, как умер.

Международный аэропорт Шереметьево, продуваемый ледяным бесснежным ветром, принял Ван Гога в свои объятия. Без шапки, с отрезанным ухом, перевязанный грязным бинтом, Ван Гог чувствовал себя каким-то доисторическим животным.

Таможенник в зелёной пограничной фуражке взял из рук прилетевшего голландца документы и сверил с оригиналом. Из глубоких впадин на него смотрели исступлённые глаза, рыжая борода пылала...

— Цель приезда? — спросил таможенник.

— Операция по пришиванию уха,— ответил Ван Гог и, достав тряпку с завёрнутым в неё ухом, развернул и положил на стойку.

Видавший виды московский таможенник усилием воли подавил в себе возглас удивления. Очередь за художником молчала: все будто впали в гипнотический транс.

— Ухо! — сказал Ван Гог,— я хочу, чтоб мне пришили ухо!

Таможенник вышел из оцепенения и поставил печать на визу. Документы были в порядке, всё остальное не входило в его обязанности. Вряд ли этот неухоженный господин вёз что-нибудь ещё более дорогое, чем собственное ухо.

Ван Гог замотал ухо в тряпку, сунул в карман и пошёл к выходу из аэропорта. Таксисты-бомбилы профессиональным чутьём уловили, что перед ними лох, и можно хорошо поживиться. Но бедные, как и богатые, хорошо умеют считать деньги. Винсент сел в серебристый Ford Focus и захлопнул дверцу.

— Куда паедем, дарагой? — спросил бомбила.— Куда хочищь, атвизу, дарагой, если дарогу пакажищь!

Ван Гог постучал пальцем по навигатору, светившемуся на панели, и сказал всего два слова:

— Арбат, гостиница.

Таксист про себя выругался,— он получит ровно столько, сколько стоит поездка.

Ночной портье донёс нехитрый багаж Винсента до номера и, получив «на чай» голландскими гульденами, пожелал спокойной ночи.

Ван Гог вошёл в номер. Набрав комбинацию цифр на городском телефоне, стал ждать. После четвёртого гудка приятный женский голос ответил:

— Дежурный врач Вас слушает, представьтесь, пожалуйста!

— Это Ван Гог. Художник. Из Голландии. Я Вам звонил, вы мне обещали пришить ухо.

— Сейчас посмотрю в книге регистрации. Да, Вы у нас записаны! Ждём Вас через три дня. Мы всё подготовим для операции. Ваше ухо с собой?

— Да,— кратко ответил Ван Гог.

— Хорошо! А пока отдыхайте. Посмотрите Москву! Спокойной ночи, господин Ван Гог!

Телефон щёлкнул и отключился.

Заказав ужин в номер, Ван Гог плотно поел, выпил два фужера красного коллекционного Абрау-Дюрсо и прямо в обуви упал на кровать. Не спалось...

Винсент поднялся и подошёл к окну. Москва бескрайним серым одеялом расстилалась перед ним. Внизу, прямо под окнами, пёстрой и шумной лентой протекала «река» Арбат. Она переливалась всеми цветами радуги, перемалывая в себе приехавших и уезжающих. Это была река исполнившихся и не исполнившихся желаний, река роскоши

и нищеты. Река мелких и похотливых вожделений и больших человеческих страстей. Она принимала всех, чтобы к утру очиститься и выплюнуть несостоявшихся, как ненужный мусор. Ван Гог вышел из гостиницы и окунулся в эту реку.

Он купил себе зимнюю шапку, чтоб совсем не заморозить бедную голову. На него никто не обращал внимания, хотя коллеги-художники зазывали попозировать для портрета. Даже для московского Арбата он выглядел колоритной личностью. Но Москва и не таких видала на своём веку. Что ей было — холодной, зажравшейся — до какого-то бедного художника с отрезанным ухом.

Пройдя до Смоленской площади вдоль всего Арбата, Винсент направился в сторону Крымского моста.

Сталинская высотка министерства иностранных дел поразила художника своим имперским величием. Ничего подобного в Голландии не было. Потоки машин завораживали блеском и великолепием. Глупости, которые Ван Гог слышал о России, мигом вылетели из головы. Не было медведей на улицах, почти все люди шли без головных уборов. Женщины — ухожены, красивы и статны. Каждая подавала себя, как английская королева.

Выйдя на Крымский мост, Ван Гог увидел чудовищную статую царя Петра посреди Москва-реки. Винсенту стало дурно. Почему русские так ненавидят своих царей? Одних со всей семьёй расстреливают, другим ставят динозавроподобную статую. Он вспомнил, как дед ему рассказывал о русском царе Петре, который приезжал в Голландию осваивать искусство кораблестроения. По рассказам деда выходило, что царь Пётр не был таким, каким сделал его и русский Шемякин — лысым с арбузоподобной головой, и Церетели — с арбузоподобными глазами. Наверное, в этом абсурде и кроется загадочная русская душа.

Ван Гог шёл по Москве и ему всё больше и больше хотелось быть в этом городе. Тихие улицы Замоскворечья вывели его к какому-то кафе.

Первый этаж залит зловещим фиолетово-красным светом, и, как это было принято и в Голландии, окна — без штор. Название холодным неоном гласило: «Арт-кафе ВАН ГОГ ОТРЕЗАННОЕ УХО».

На входе в арт-кафе стояли два шкафоподобных громилы, исполняя фейсконтроль. Они преградили путь человеку с забинтованной головой, в нелепой шапке — такие в Москве уже никто не носил. Но посмотрев в бесноватые глаза вошедшего, поняли,— этого надо пропустить. В их дегенеративных мозгах вспыхнула и тут же погасла мысль: эту личность они уже где-то видели. Ван Гог вошёл в дверь и, минуя гардероб, завернул в зал. Открывшееся потрясло.

Всю центральную стену занимал его увеличенный портрет с отрезанным ухом, в нелепой шапке и с трубкой во рту. Портрет был искусно освещён фиолетовым светом, придававшим мертвящий оттенок изображению.

Справа от входа располагался анатомический стол, обшитый тонким нержавеющим листом. Вырванный из контекста операционной или морга, он производил жуткое впечатление. Посреди стола находился большой муляж отрезанного ванговского уха. Рядом лежала гигантская окровавленная бритва. Эмалированный таз был доверху наполнен кроваво-грязными бинтами и ватой. В идеальном порядке уложены медицинские инструменты всех времён и народов: молотки, пилы, долота, кусачки, ручные дрели, нержавеющие канюли с допотопными стеклянными шприцами и толстенными иглами, ножницы, зажимы, пинцеты, скальпели различных мастей и размеров, струбцины и свёрла, бормашины и металлические конструкции неизвестного назначения. Всё это выглядело пыточными орудиями. Дополнял коллекцию ряд стеклянных сосудов с пожелтевшими этикетками с изображением черепа, под которым проступали уже выцветшие чернильные надписи на непонятной латыни.

Мощная бестеневая медицинская лампа освещала это великолепие устрашающим лунным светом. Ван Гог понял, над созданием интерьера работал очень талантливый, а может и гениальный дизайнер-декоратор,— пространство совмещает два взаимоисключающих чувства: здесь невозможно было находиться, отсюда хотелось уйти. Так притягивает к себе тело только что погибшего человека...

Винсент сглотнул подступившую к горлу липкую, тошнотворную горечь, и на ватных ногах подошёл к барной стойке.

— Виски со льдом,— выдохнул он бармену.

Ван Гог опрокинул в себя друг за другом два стакана. Приступ тошноты отступил.

Он оглядел зал повнимательнее. Свободных мест нет. На эстраде два музыканта, скрипач и виолончелист, вытягивают из струн что-то ужасно нудное, тягомотное, будто хотят, чтобы все здесь разом сошли с ума. Стены кафе увешаны копиями картин Ван Гога, самыми пессимистическими, упадническими. В углу, за столом для VIP-персон, сидят Никас Сафронов и Зураб Церетели. Они потягивают густой зелёный абсент через коктейльные соломинки и смотрят на Ван Гога.

— Ну, вот ещё один ненормальный, работающий под безумного голландца.

Сколько они их видели, и не сосчитать. Снаружи — все Ван Гоги, а внутри — бездарные копиисты, пьяницы и самозванцы.

Здесь Винсент и увидел мольберт, стоящий у анатомического стола. Раскрепощённый алкоголем он подошёл к нему.

Закреплённый холст квадратной формы манил белизной. На приставном столике лежали тюбики с краской, растворители, кисти, мастихины. Каждый мог нарисовать на холсте всё, что хотел. Рядом висела табличка с предупреждением: «Всё изображённое является собственностью кафе!»

Ван Гог взял палитру и выдавил краску. Пьянящий запах льняного масла, так им любимый, блеск сочных красок пробудили в нём жажду творчества. Винсент начал работать. Он мазал кистью, мастихином, давил краску из тюбика прямо на холст, размазывал её пальцами...

В зале стало тихо. Посетители стояли и смотрели, как работает гений. А сзади Винсента, дыша ему в спину, следили за происходящим Никас и Зураб. Они-то, как никто, сознавали, на их глазах творит не жалкий подражатель, а великий мастер Ван Гог.

Художник в правом углу вывел надпись «Винсент» и бросил кисть. На него смотрел с холста он сам. С перевязанным ухом, с трубкой и в нелепой шапке. «Ухо пришивать не буду — это моя визитная карточка, пропуск в большой мир искусства, в мир больших денег, славы». Он достал из кармана тряпку, развернул её, и положил маленькое ухо на стол, рядом с большим восковым.

Винсент шагнул за порог кафе в холодную московскую ночь и побрёл в гостиницу.

В кафе, из кабинета с дверной табличкой «Директор» вышел среднего возраста коренастый мужчина, бывший боец одной из бандитских тамбовских группировок, выживший в лихие девяностые и поднявшийся на грабежах, рэкете и разбое, а ныне — депутат Мосгордумы и владелец заведения. Считая себя знатоком не только кулинарии, но и живописи, он любил своё детище и одновременно ненавидел. На раскрученный бренд тянуло многих, и всем надо платить: ментам, пожарным, санэпидемстанции, бывшим браткам и нынешним браткам-депутатам. Хотя бывшие брали меньше, чем нынешние,— обнаглевшие во время финансового беспредела. Мечта ресторатора о хорошем доме на берегу моря в Хорватии, стала недостижимой. Взятки съедали всю прибыль. Конечно, что-то оставалось, и не так мало, однако Дубровник был так же далёк, как фантазии Остапа Бендера о солнечном Рио-де-Жанейро.

Директор подошёл к мольберту и взял холст. На него смотрел худой мужчина со впалыми щеками, с рыжей бородой и с трубкой в зубах. «Наконец-то

повезло,— ухмыльнулся хозяин кафе,— будущий дом в Хорватии мне обеспечен, а может, островок на Мальдивах».

Вечером следующего дня огни кафе были приглушены. Мимо проходящие читали табличку «SALE»[1].

Настало воскресное утро. Москва спала, уставшая от разврата, пьянства и обжорства. Ван Гог глянул в гостиничное окно. Арбат — пуст. Только дворники матерятся, сметая плоды вчерашней вакханалии.

Винсент позавтракал в ресторане на первом этаже. С удовольствием съел яйцо, жареный хлеб со сливочным маслом. Рюмка хорошего коньяка и большая чашка крепкого колумбийского кофе подняли художнику настроение. Ван Гог рассчитался, дал «на чай» официанту и зашагал на станцию метро «Арбатская». Доехав до «Площади Революции», перешёл на Замоскворецкую линию. Конечным пунктом его поездки была станция метро «Третьяковская», Лаврушинский переулок.

Ван Гог направился в «Третьяковку», чтобы посмотреть на одну единственную картину — «Рожь» русского живописца Ивана Шишкина.

К центральному входу тянулась бесконечная очередь. Отстояв два часа и удивившись любви русского народа к искусству, Ван Гог прошёл в Шишкинский зал. «Рожь» поразила его с первой же секунды. Ни одна картина так ярко не выражала мощь и широту русских просторов. Это был другой мир искусства — мир оптимизма, величия русской души. Ван Гог — художник другого направления в живописи, постимпрессионизма. И обычно всё другое, что не входило в круг его понимания, он отрицал. Но Шишкинская «Рожь» очищала душу своим светом, заставляла верить в лучшее. Ван Гог сказал себе: «Я должен сделать что-то подобное». Сюжет новой картины мгновенно возник в его душе, осталось положить его на холст.

Художник вышел из храма искусства просветлённым и радостным. Период депрессии, ломавший его последнее время, отступил. Душа рвалась домой в Голландию, к краскам и холстам, будущим картинам.

Серое московское утро освободило место солнцу, и город засиял золотом куполов. Винсент шёл по русской столице, не думая о маршруте. Маршрут нам выбирает рок, дарованный судьбой и, не зная итога, мы безотчётно идём этой дорогой. Злой рок и вывел Винсента на Блошиный рынок, где продавалось и покупалось великолепие нужных и ненужных предметов, перечислить которые невозможно. Стоял торг, как на восточных базарах.

Ван Гог шёл от лотка к лотку, ни к чему не прицениваясь, а просто любуясь красотою выставленных товаров. Здесь-то он и увидел ту вещь, что сыграла главную роль в его жизни. Потёртый, но в то же время отливающий серо-чёрным воронением стали, перед ним лежал на столике револьвер системы «Наган». Завораживая великолепием форм, он притягивал взгляд художника. Винсент уже знал: револьвер — это компенсация за отрезанное ухо, это память о Москве, о России. Он взял его. Рукоятка нагана легла в ладонь так, будто была там всегда. Видно не только кисть и перо могут быть продолжением руки художника и поэта, но и обжигающий холодом револьвер. Кистью и пером великие люди точку не ставят. Итог подводит пуля.

Ван Гог откинул барабан. Семь патронов уютно занимали каждый своё место, отливая тусклым латунным светом. Каждый нёс разрушительную силу, спрятанную внутри до поры до времени. Искушение было так велико, что Винсент усилием воли подавил накатившее вдруг желание. Точку ставить рано. Часы судьбы ещё не достигли апогея, за которым стоит слава или глубокое забвение. Не торгуясь, Ван Гог заплатил, сколько попросили. Да и кто торгуется с судьбой? Она сама назначает цену, и эта цена всегда будет в её пользу.

---

[1] Sale — продажа (англ. яз)

Он достал тряпку, в которой до этого носил своё ухо, и, завернув револьвер, опустил его в грудной карман. Два взаимоисключающих друг друга предмета оказались рядом: орудие жизни — сердце, и орудие смерти — револьвер. Этот симбиоз уже не разорвать. Теперь они существуют друг для друга.

Следующим утром Ван Гог рассчитался за номер в гостинице и с Белорусского вокзала выехал скорым поездом «Москва — Берлин». Из Берлина на автобусе доехал до Амстердама. Подошёл к квартире и отпер дверь английским ключом. Ничего не изменилось. Убогость и нищета лезли из всех щелей. Тупая усталость от длительного переезда валила Винсента с ног и, не раздеваясь, он упал на диван. Снилась ему светлая Шишкинская «Рожь» с летними облаками и золотисто-янтарными соснами.

Тёплый циклон, пришедший с Атлантики в Европу, согнал весь снег. По раскисшим от неожиданного тепла полям Ван Гог шёл писать последнюю картину. Хмурое голландское небо, серые облака, несущие дождь, и чёрная грязная дорога, рассекающая поле на две части, тучи воронья над жнивьём навевали уныние и скорбь. Ван Гог разложил этюдник и начал писать. Пейзаж давался с трудом. Кисти валились из рук. Вдохновение ушло. Это была работа не гения, а смертельно уставшего, психически больного человека. Ван Гог понял, как художник он кончился. Более неудачных картин он ещё не создавал. Пришло время ставить точку.

Винсент достал тряпку из грудного кармана и развернул её. Револьвер привычно лёг в руку. Ван Гог откинул барабан и посмотрел на патроны. Который из них? Глупая мысль мелькнула в голове. Приставил револьвер к груди слева и медленно нажал на спусковой крючок. Безымянный патрон вошёл в патронник... Освобождённая жуткая сила пошла по стволу, пробивая себе дорогу наружу, погнала пулю. Пуля разорвала тонкую оболочку тела бедного художника и, срикошетив, пошла рвать внутренности.

От грохота выстрела стая ворон с гвалтом ринулась ввысь. Ван Гог медленно падал на грязную полевую землю. Агонизирующий мозг высветил шишкинскую солнечную «Рожь».

Даже убить себя толком не смог...

Ван Гог умер через два дня.

Бедный художник Винсент окончил свой земной путь.

Великий художник Винсент Ван Гог сделал свой первый шаг в бессмертие.

Ольга НАСЫРОВА

Насырова Ольга Игоревна закончила Московский государственный университет культуры и искусства, практикующий психолог, тренер, консультант. Победитель литературного регионального фестиваля «Волшебное перо».

МОРЕ

Я есть, и нет меня. Кто я? Не знаю.
Желания, вопросы отпускаю...

Три часа полёта в свободном небе и — здравствуй Крым!

Мне снова двадцать лет. Чемодан распакован и уже забыт. На моих плечах только тонкие тесёмки оранжевого сарафана. Хлопая сланцами по пяткам, бегу вниз по закрученной гирляндой лестнице на долгожданную встречу, словно перепрыгиваю мелькающие листки календаря. Я взволнована.

Здравствуй, море! Вот мы и встретились. Все картины мира — лишь попытка благодарных авторов передать притяжение твоей красоты.

Радость полилась тёплой волной, распахнув окна души. Наполняюсь широтой моря и высотой отражённого в нём неба. Горы с зелёными гривами леса дополняют оживший пейзаж! Мне надо перевести дух. Стройные кипарисы, словно офицеры на променаде с барышнями-елями в пышных юбках, украшают побережье. Здесь, изумляя детей и взрослых, над головой летают «кошки» — это чудят, крича разными голосами, чёрные бакланы. Чайки по-хозяйски прогуливаются по балконам отелей и, обозрев знакомые места, взмахом крыла зовут туда, где волна шлифует твёрдые камни, превращая их в галечные леденцы...

В городе, карусель мыслей закручивала в водоворот нескончаемых дел. О себе напоминало лишь отражение в магазинной витрине: я видела растерянную от удивления женщину, с вопросом на лице: «Куда, откуда бежишь, знакомая незнакомка?»

Там — на улицах больших городов, одетых в бетон, среди шума машин, раскалённого асфальта с островками клумб-приютов для цветов, за стенами многочисленных контор, шелестящих суетой,— всюду где есть человек, живёт море. Его образ — в каждом прохожем, в ближайших планах и отложенных мечтах, на поверхности воспоминаний и в тайниках желаний. Оно живёт в глубинной памяти и манит в забытую колыбель.

Почему-то мы говорим — небо проясняется. Ветер дует. Меняются времена года и только море — волнуется. Оно, как заботливая матушка, ждёт в добрые объятия заблудших детей, чтобы, любя, окунуть их в начало начал и смыть пыль дорог.

Здесь я снова учусь слышать себя. Море, словно мамины руки в детстве, омывает мои ноги, и я чувствую близость, родство. Нежность и полное доверие миру наполняют меня. Я пришла, доехала, долетела и мне некуда больше спешить.

Спокойный ритм курорта возвращает забытую плавность в движениях. Сейчас моё довольное отражение в сувенирной витрине приглашает на променад под ручку. И вот уже дефилирую по набережной в потоке благодушно настроенных людей. Шумно вдыхаю приправленный сладкой хвоей, насыщенный йодом воздух и задерживаю глубокое дыхание. Остановись мгновение!

— Какое счастье — просто быть!

Можно больше не играть вперегонки с убегающим временем, а смаковать его. И я наслаждаюсь ощущением себя в этой минуте. В ней пульсирует Вселенная. Великая жизнь, вмещает в одно маленькое мгновение звонкий детский смех и звёздное небо. Вмещает пчелиный рой мыслей и лес рядом с моим домом, где прямо сейчас поют птицы, и зреет земляника. В этом мгновении есть мамины глаза и любимые запахи. А где-то хороводят снежинки, или девушка под тёплым дождём дарит свой первый невинный поцелуй. В эту минуту рождается чей-то детёныш, капля росы, стихи, музыка — новые миры! Накрывается обеденный стол. Женщина целует тёплую макушку дочери и заплетает ей косички, отец подкидывает на руках сына, а дед парит в бане стайку внучат. В этом мгновении есть и зажмурившаяся кошка, а рядом — я. Прогретый солнцем, озорной бриз тихонечко слизывает моё мороженое. Необъятный мир мгновения умещается во мне, а я есть в нём. Мы друг в друге одновременно! Разве это не чудо?

Надеваю наушники и с музыкой Поля Мориа, погружаюсь в доброжелательный вечер. Исчезли внешние звуки, оставив ссору чаек без привычного крика, делая походку прохожих беззвучно летящей. Улыбка на моём лице начинает жить сама по себе. Я словно плыву на волнах мелодии вдоль ожерелья фонарей, между зазывающими запахами креветок и чебуречных. Теперь замечаю больше. Вижу, как кивают красивыми головками розы. Уютный дымок над кафе, навевает милые воспоминания о тихой деревеньке. А здесь можно посмотреть в телескоп и очутиться на Луне, потом

перенестись к окольцованному Сатурну. Удивляюсь наполненности маленьких открытий и новому ощущению — будто счастье можно потрогать! Наверное, так рождаются художники и поэты.

Прохожие — как архитекторы своих душ — непроизвольно, лишь обликом рассказывают о себе. Вот у этой милой девушки «домик души» ссутулился, возможно, под грузом ответственности или от того, что задолжала внимание самой себе. А навстречу ей, словно игровой автомат, идёт молодой человек. Его лицо ничего не выражает, как будто он потерял дверь в большой мир. Он закрылся в себе и не чувствует трогательную кротость, исходящую от девушки с большими голубыми глазами. Как много он уже пропустил, ожидая, чтобы кто-то улыбнулся ему. Не жди друг, ты сам волшебник! Сказки ходят след в след. Выбирай любую.

Вот вспомнилась одна из коротких историй. Жили-были две девочки. У одной — добротное платье, сшитое из стереотипов, а у другой — платье индивидуального пошива из личного опыта, за который заплачена дорогая цена. Первая девочка считала, что платье из личного опыта выглядит совершенно неприлично, потому что слишком подчёркивает фигуру. А другая девочка стояла на балконе, слушала море и любовалась луной. Это была её жизнь!

Чудеса радуют, если их протирать от пыли привычности, как окно весной, после зимы.

А вот и шедевр — завораживающий красотой момент, и его не остановишь, не повесишь как картину на стену в галерее! Пара, соединённая переплетёнными руками, словно парит в томном вечере, оставляя за собой шлейф Млечного пути из светлячков радости в улыбках встречных прохожих. Дворец этих двоих наполнен светом. Мысленно дорисовываю славного мальчугана-почемучку и с удовольствием представляю, как он догоняет влюблённых.

Пусть счастливых людей будет больше!

Время, перекатываясь от восхода к восходу, собирает мозаику событий с разноликими историями и в этой мозаике есть и моё дыхание.

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ РАССВЕТОВ

Гася звёзд дальних тайны-строчки,
С рассветом тает и ночи навет...
Невинно лопаются почки,
Целуя нежно молодой рассвет.

Прямо сейчас я исполняю мечту — быть у Чёрного моря до золотой осени. «Лето — это маленькая Жизнь»! Дни нанизывают жемчуга непредсказуемо щедрых рассветов. Каждое утро в четыре часа я лечу к лазурному раздолью, устремлённому в океан, словно за ложкой мёда. Здесь равновесное солнце ставит золотую свечу прямо на морскую гладь, благословляя этот изобильный край.

На вдохе дня наполняюсь свободой от распахнутой новорождённой красоты. Ярило, посмотрев сквозь сонные веки облаков, надевает сверкающую корону и щекочет лучами игривое море, а оно смеётся, подпрыгивая, как ребёнок, доставая волной облака! А я — смеюсь вместе с ним. Босые ноги несут по шепелявым булыжникам на волнорез. Справившись с волнением, ныряю с трёхметровой высоты вниз головой в манящую чистотой глубину. Получилось! Море отражает облако, похожее на льдину с пингвинами. Хочется пошалить. Ныряю снова и, пуская весёлые пузыри, пытаюсь «летать» под водой, как это ловко умеют делать неуклюжие на земле птицы

в чёрных фраках. В их стаю меня не примут. Ну и что? Зато радостно, как в детстве! Морская лазурь озорно искрится, перемигиваясь со мной и солнцем.

Если отплыть подальше от берега, то можно почувствовать, как воздух пахнет арбузной свежестью. Уже час уплываю от пепла прежних дней туда — к линии горизонта — туда, где сливаются все бури и штили. В уединении наполняюсь ясностью бытия, словно слышу истину: «Человек, оторванный от природы, как потеряшка блуждает в поисках себя и смысла жизни. А гармония — вот она рядом, в гениальной простоте. Здесь кроются ответы на все вопросы. И мне уже не удивительно, что плоть планеты и человека состоят из одних элементов, и в одинаковых соотношениях, а свойства воды древнего океана и нашей крови — родственны.

Просто плыву вдаль, впитываю небо, цепочку гор, простор. Мне спокойно и легко от своей простоты. Лишь прикосновения медуз напоминают, что я здесь не одна. На пляже вижу маленьких смешных человечков. И мне кажется, что там — среди людей, осталось моё прошлое. Где-то далеко у берега проплыла стайка дельфинов. Пора возвращаться. Я как будто не плыву, а глажу огромное разумное существо и чувствую, что мы подружились.

Рассвет вырастает платиновой жемчужиной. Море, тяжко вздыхая, не спит по ночам — его штормит. Третий день стихия быстро выводит точки-тире и пишет, пишет письмена, которые может понять только небо.

Плыву, взлетая на волнах, и я...— не одна! Рядом маленький путешественник — отважное семечко-мореплаватель! Кроха-капитан, преодолевая свой «девятый вал», держится за парашютик-парус. Плывёт в одиночку, доверяясь переменчивым ветрам, в поисках новых берегов — туда, где прорастёт корнями и, окрепнув, потянется к солнцу изумрудными листочками, украшая собой ещё один островок Земли.

Провожаю улыбкой точку совершенства — семя, над которым трудились века! «Прощай загадка, я возвращаюсь к своему берегу, и ты доплыви до своего. Море через нас соединяет берега. Вырасти. Радуйся солнцу малыш! Спасибо за вдохновение. Ты разделил со мной свою смелость»!

В ожерелье из восходов добавилась жемчужина-улыбка. Сегодня Море важно выпячивается, будто линза и, отражая Солнце, спорит с ним о том, кто из них важнее.

В предрассветной неизречённости, поплавками замаячили головы рано проснувшихся отдыхающих, вещая о рублях, помидорах и каком-то бедолаге Федьке.

А моя душа ликует. Мечта случилась! Сегодня мне покорились водные лыжи! Ранним утром ждал заказанный катер. Трижды я уносилась на тройке запряжённой удивлением, радостью и гордостью за себя. В компании этих чувств я оказалась, когда уже летела за лихим катерком. Гудящим от напряжения телом я вписывалась в поворот с одним желанием — удержать равновесие и рвущийся из рук штурвал фала. И вдруг почувствовала — парю! Мгновение и я уже не вспахивала море, а рассекала водную гладь и в полный рост наслаждалась скоростью и новыми ощущениями. Я мчалась по морю! Второй раз гордая тройка моих чувств довольно подбоченилась, слушая удивлённого инструктора. Он не унимался от радости и повторял: «Молодчина! Смогла! Ты третья женщина за двадцать пять лет практики». Уже на берегу ко мне подошёл спасатель с пляжа и, высказал своё: «Уважаю!» — пожав мою руку. Мужчина был взволнован. Его волнение передалось мне, и я поняла, что только что сделала то, что удивило не только меня!

Радость росла от того, что справиться мне помог, не зная об этом,— сын. В этот день он поднимался с друзьями на вершину сурового Эльбруса, преодолевая кислородный голод и пробирающий до костей ледяной ветер. Шёл, борясь со стихией каждым сделанным вперёд шагом, на грани потери сознания. Мне очень хотелось

поддержать его на этом пути к самому себе, своей маленькой победой. Спасибо родной, ты тоже теперь для меня пример и опора.

Солнце поднялось выше и долгожданные сто минут общения с морем истекли. Пора возвращаться. Сегодня с милой детворой — моими новыми друзьями из пансионата, продолжаем сочинять сказку о любознательном ветерке-путешественнике, иногда хлопающем дверьми. Всё лето, сменяя друг друга, идут творческие фестивали. Как много талантливых людей! Воздух насыщен ионами жизни и переменами.

Здравствуй, утро! Восходящий Гелиос, поцеловав макушку моря, в величавом спокойствии струит свет на пробуждающийся мир. Волшебство! Его лик прекрасен. Умиротворение растекается в дыхании спящего многоголосья маленького южного городка. Вдоль побережья, плечом к плечу, горы охраняют обитель жизни. Силуэты рыбаков штрихами дополняют утренний пейзаж. Море вибрирует под ладонью, словно кожа дельфина. Их игривые стайки подплывают близко к берегу, рискуют снимать лакомство рядом с крючками сонных рыбаков. Лёгкий ветерок оставляет на губах зовущий привкус неизведанности. Природа вместе с птицами замирает в ожидании зарождения дня. И вот уже энергия жизни лучиками света мягко проникает в окошки наших миров, преображая пространство и мысли. Живой родник солнца струится, разливаясь тёплым золотом по ликующему морю, рассыпая искры «бриллиантов». Душа наполняется, взлетает и, млея, замирает в блаженном созерцании. Почти не дышу, позабыв обо всём на свете. Я готова обнять весь мир! Радуюсь себе настоящей и, раскинув руки, кружусь, открывая лицо небу. Я — есть!

Солнце щедро разливает свет. Из времени, растворённого в пространстве, нарождается неповторимая жемчужина умытого свежестью дня. Смотрю, как море рисует зеркальные строчки для нот новых чувств, и я пишу на прозрачном свитке воды: «Здравствуй, прадедушка океан. Ты обнимаешь планету, как драгоценность и, вливаешься в ещё больший, непостижимый в своём движении, океан неба, как часть великого равновесия. В этой удивительной Вселенной мы — одно целое, и я счастлива этим! Жду нашей встречи. Твоя капелька».

Волна запечатывает послание и с течением отправляет его океану. А я, одетая только в улыбку, ныряю в солёные ладони моря. Уплываю в манящую миражами даль. Таю в восходящем солнце, и: «О чудо!» Я сливаюсь с просторами стихий: неба, воды, света и расширяюсь, расширяюсь, вмещая всю безмерность необъятности. Я — во всём, и всё — во мне. Боже, моя душа, словно часть золотого сечения! Ликует каждая моя клеточка. «Вот, ты какое — единство всего сущего! Так естественно и потрясающе невероятно»! От переполняющих чувств, захватывает дух, и я пою: «Ты проснёшься на рассвете, мы с тобою вместе встретим день рождения зари. Как прекрасен этот мир, посмотри.»

Легко ступая на берег, вхожу в день его счастливой дочерью, неся в себе музыку неповторимого утра, и тайну золотого сечения. Оно есть в яблоке. Может с тех самых пор, вкусив плод из божественного сада, люди и способны познавать красоту вечности?! Теперь я точно знаю — счастлив и богат тот, кто встречает рассветы!

ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Весёлый и быстроногий день, как любознательный подросток, удивляя и удивляясь вместе со мной, играл калейдоскопом событий и устремлялся за солнцем, сохраняя предвкушение нового свидания с морем.

Бегу к побережью, заменив обед прогулкой, и вижу выставленные красные флажки, предупреждающие о шторме. В ожидании надвигающихся перемен заволновались деревья. Ветер, крепчая, будоражит окрестности и хлопает форточками. Небо готово выплакаться. Взволнованное дыхание моря выплёскивается на берег, напоминая о силе и переменчивости своего характера. Водная стихия, словно раздражённая женщина, вспенивает на стиральной доске потемневшие волны, не подпуская к себе никого.

Небесная твердь полыхнула, гипнотизируя молнией, затем дрогнула гроза, и отчаянный поток излился с растревоженного небосвода. Земля его благодарно приняла и спокойствие через час восстановилось.

Всё течёт, изменяется. Вот уже хмурый день плавно перетекает в благодатный вечер. После дождя чистое небо невинно, как облегчённая от слёз душа. Невидимый художник розовым перламутром нежного заката, мазок за мазком, расписывает морскую гладь. И, вдруг, в этой пульсирующей жизнью картине на поверхность поднимается тайна! Она становится явной. Открывается источник палитры красок, впитанных чудесным образом, растущим на дне моря — жемчугом.

Великая тайна сотворения жизни соткана из маленьких тайн, как и я из пульсирующих чувств, мыслей, вздохов, света и музыки космоса. Сердце замечает — движение с планетой, расширение вместе с космосом. Значит — я уже умею летать! И, симпатичный чёрно-белый ангел, наделённый тайной интуиции — различающий оттенки белого и чёрного в чувствах — тоже я.

Волна встречает меня ласкающимся котёнком и, касаясь моих щиколоток, провожает к глубине. Плыву, любуясь тем, как атлас воды, стирая горизонт, сливается с небом и вдруг становится огромной раскрытой ракушкой, а я маленькой песчинкой оказываюсь внутри. Сказка!

Плыву в этом розовом перламутре, наполненная светлой радостью и понимаю — счастье там, где есть я!

Как любопытное дитя — восход,
ах, народился со звонким пеньем птиц.
Закат — за горизонт, как зрелый плод,
в молчанье удалился, в вечность жриц...

НОЧЬ

Звездопад. Август томно шагает под бархатным небом, роняя в ночь стрелы желаний. Тишина, растворив эхо дня, наполнила собой все закоулочки. Далёкая луна залила море чернилами и, опустив «трап-дорожку» для романтиков, любуется своим отражением. Ночное пробуждение — таинство!

Выхожу маленькой гостьей под «инопланетное» небо, где всё изменилось до неузнаваемости, став большим и значительным. Силуэты кипарисов вместе устремляются к звёздам, источая эликсир. Тётушки-сосны тянут раскидистые мягкие лапы, желая погладить меня по голове. Слышен каждый звук. Убаюканные ритмом тихой сказки под вздохи моря, словно дети, мирно посапывают в своих номерах отдыхающие. Они погружены в глубокий сон и их реальность сейчас недосягаемо далека.

Удивительно, я будто совсем одна нахожусь по другую сторону мира сновидений. Меня охватывают неиспытанные ранее ощущения. Словно сошла с корабля на необитаемый остров и гуляю по «сонным» дорожкам в мистической стране, среди вековых великанов, держащихся корнями за скалы.

Здесь, не спеша, веков проходит вереница
И ночью, находясь средь древних скал,
Внезапно, краем глаза замечаешь лица,
Глядящие сквозь Вечности портал

(И. Глушко)

Неужели я могла проспать и никогда не увидеть этого ночного перевоплощения? Это невозможно!

Новые чувства и неведомые пришельцы-мысли вальсируют вокруг меня, и, кажется, их слышат ночь, море, трава. Полное взаимопроникновение! Чудо! В ночи больше видишь и слышишь, потому что видит и слышит душа. В тишине лучше понимаешь, что вместе с нами, умиротворёнными и беззащитными, спят смех, плач, мечты. Убаюканы страхи.

Задумчива сейчас ночь-наставница. Слушает, как море, пульсируя в ритме планеты, пересказывает историю прадедушки-океана: «Люди рождаются чистыми родниками, потом становятся полноводными реками, достигающими морей и океанов, а великие — отражают Вселенную»

Иду к морю. Оно — светится! Свет не растворяется в темноте, не исчезает, перетекая из энергии в энергию. В этом — любовь и сила жизни!

Ночь. Таинство... волна солёная ласкается,
на берегу оставлены одежды-лепестки...
Ах! Искорки планктона в шёлке рассыпаются,
рисуют крылья мне, рождая чувства-островки.
Одарена. Шлейф Млечный и вуаль — наряды Евы,
И серебристой брошью на плече дрожит Луна.
Ныряю в нежность шёлка, в тайны королевы,
а Вечность, сеет звёзды — новой жизни семена...

ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ

С ОБЪЕКТИВОМ ПО ЖИЗНИ

В 2020 году свой юбилей отметил известный челнинский фотожурналист, член Союза фотохудожников России, заслуженный работник культуры РТ, создатель впечатляющей фотолетописи республики Николай Туганов.

Тысячи снимков, рассеянные по страницам газет, журналов, книг, украсившие выставочные пространства, хранимые в семейных фотоальбомах, на электронных носителях, запечатлели дорогие нашим сердцам неповторимые мгновения Большой Истории. Но не только события и лица, схваченные объективом мастера, притягивают нас к этим снимкам. Да, в них обрели вечную жизнь наши детство и юность, наполняющие гордостью дела наших рук, опыт преклонных лет. Но ещё в них сквозит жизнелюбивая мудрость художника, его тонкий лиризм и нерастраченная до седых волос детская способность удивляться.

Нам, журналистам, пишущим статьи, даже мечтать не приходится о такой популярности, какой окружён наш товарищ, коллега и общий любимец Николай Туганов. К нам, любителям задавать вопросы, отношение подчёркнуто сдержанное. Но всюду, где появляется Николай Петрович, немедленно расцветают улыбки и приём ему сопутствует самый тёплый и внимательный. Способствует этому не только живущая в каждом из окружающих людей надежда увидеть собственный портрет, выполненный известным фотохудожником. Есть и ещё у нашего героя одно располагающее качество. Николай Петрович — ходячая энциклопедия анекдотов всех времён и народов. Этими краткими произведениями вечного жанра он может сыпать часами, не всегда, правда, упорствуя в разборчивости. Но и это обстоятельство в глазах аудитории только добавляет ему шарма. А главное в том, что анекдоты «от Туганова» — это тоже лишь инструмент из арсенала бывалого журналиста. Самый зажатый мизантроп непринуждённо раскрывается перед камерой весёлого балагура.

Жизнь Туганова — идеальная иллюстрация всем нам известной истины, что, дабы преуспеть в этой жизни, надо избрать раз и навсегда именно то дело, которое у тебя лучше всего получается, легче всего тебе даётся и всегда приносит удовольствие. Но — внимание! — при этом следует стараться изо всех сил. Именно так и поступает Николай Петрович. Эх, нам бы так, непоследовательным! Как же товарищу нашему удалось правильно выстроить судьбу? И сколько в этом предопределённости и его собственного выбора?

Он родился 16 марта 1950 года в селе Малое Шемякино Тетюшского района в семье педагогов. Родители учительствовали в разных районах. А будущий фотохудожник и журналист тем временем, будучи семиклассником, записался в фотокружок. Дело было в селе Марьино Апастовского района. Сдружился он с первым своим «фотиком» за 14 рублей, выпрошенных у мамы,— это же как первая любовь.

С той поры увлечение не оставляло его, хотя поначалу и не казалось делом всей жизни. И он пошёл было по стопам родителей, окончил Тетюшское педучилище. Но и во время учёбы, и потом, в период работы военруком в школе № 1 посёлка Джалиль Сармановского района не оставлял привычки смотреть на мир сквозь объектив фотокамеры. Увы, спёрли один славный аппарат некие сослуживцы в армии, хлопоча, видимо, о «дембельских альбомах». Потом были другие камеры и прочее оборудование, подороже, побогаче возможностями.

В столице нефтяного края Альметьевске, где он трудился старшим инженером отдела технической информации в структуре Татнефтестроя, фотография стала уже его профессиональным занятием и помогала фиксировать передовой опыт строителей и организовывать выставки. А тем временем он заочно учился на отделении журналистики историко-филологического факультета Казанского госуниверситета. Поступить помогли фотоработы, опубликованные к тому времени в разных районных газетах. Это началось ещё в посёлке Джалиль. Каждое лето он устраивался фотокором в редакцию альметьевской районной газеты. В это время постепенно вошёл во вкус журналистики. А вообще по молодости был человеком активным и разносторонним: писал статьи, стихи, музыку, на сцене выступал, вёл конферанс и конечно снимал. Одна умная журналистка подсказала: чтобы чего-то достигнуть, нужно бить в одну точку. Вот он — момент истины! Нужный человек встретился на пути! Задумался тут наш универсальный энтузиаст, прислушался к сердцу и выбрал-таки стезю на всю оставшуюся жизнь — фотожурналистику. И сразу полегчало!

Во всяком случае, в 1976 году, когда он оказался в гуще самого громкого события в тогдашней жизни страны, на Всесоюзной ударной комсомольской стройке в Набережных Челнах, это был уже сложившийся мастер. Тогда районная газета «Знамя коммунизма» разделилась на одноимённую городскую и газету Тукаевского района «Светлый путь» («Якты юл»). Вакансия оказалась в «Знамёнке». Туда и попал он по конкурсу. И тут, как говорится, такое началось! Перекрытие Камы, строительство Нижнекамской ГЭС, возведение КАМАЗа, рост этажей нового города. Только успевай поворачиваться! Каждый снимок тут же становился историческим. А этими снимками он обеспечивал не только родное издание, но и республиканские газеты и журналы. Уже в 1979 году читатели «Комсомольца Татарии» признали его лучшим фотожурналистом. А дальше авторитет только рос.

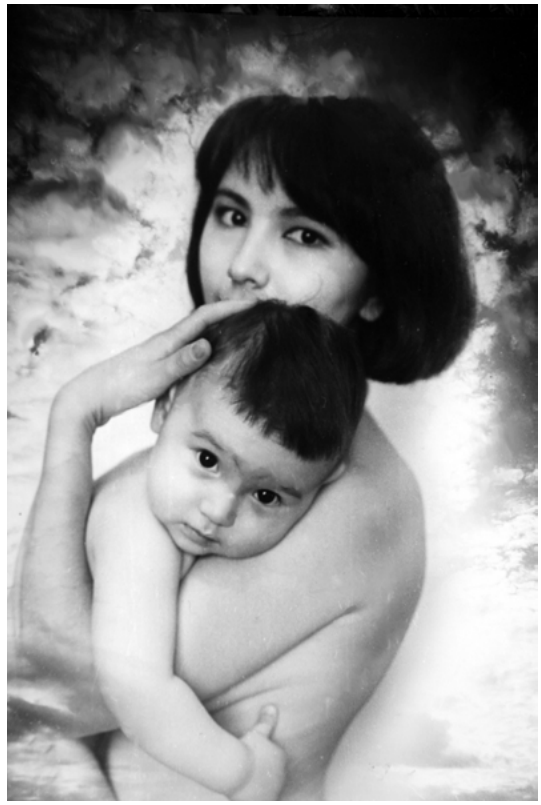
И это выразилось хотя бы в том, что Николай Петрович руководил городским фотоклубом «Челны», где воспитал множество учеников и последователей. Были

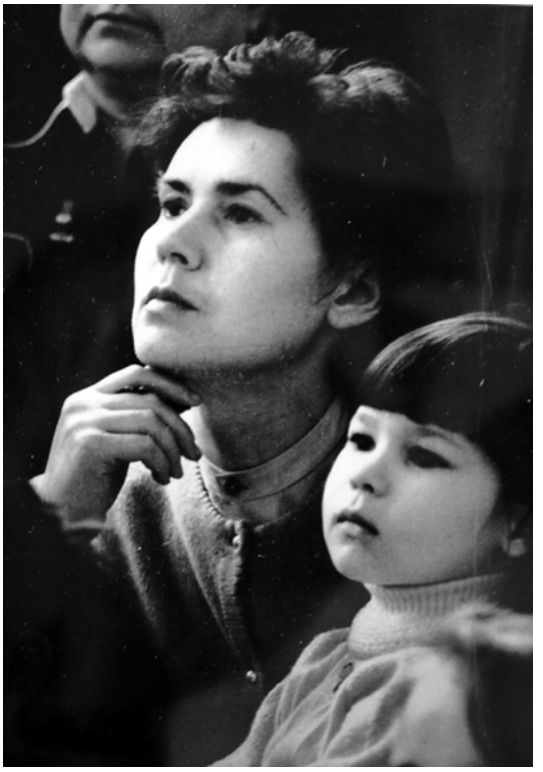
и трагические страницы. Один из его учеников, Владимир Сысоев, выросший из любителя в профессионала и рекомендованный Тугановым на службу в газету «Рабочий КАМАЗа», в 1991 году погиб под колёсами городского автобуса. И учителю предложили продолжить дело ученика. Что он и сделал, проработав в этой газете 11 лет. Но рынок СМИ очень подвижен, и это заставляет профессионала всегда держать форму и быть готовым к любому новому опыту. Так, довелось Туганову поработать в дальнейшем и в литературном журнале «Майдан», и в журнале представительского класса «Элита Татарстана». А последние годы его штатной работы связаны были с компанией «Камгэсэнергострой», где он наполнял снимками две газеты: «Камские Зори» и «Тан йолдызы». Теперь он на заслуженном отдыхе ведёт образ жизни свободного художника, то есть по-современному, фрилансера.

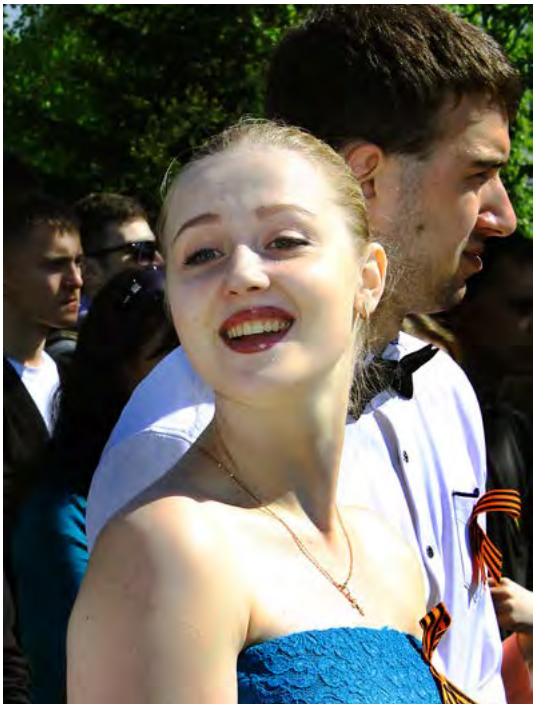
Масс-медиа, которым Туганов посвятил жизнь,— это отрасль, индустрия, а не любительское развлечение: дай-кось, мол, я вас пофоткаю да выложу в сеть. Тут жёсткий график, технологический процесс, производственная дисциплина. Тут вечное недовольство начальства, гром и молнии на редакционных планёрках, а после них — необычайная бодрость во всех звеньях тела и ненормированная трудовая жизнь в режиме ошпаренной кошки и в мокрых штанах. С непривычки это может показаться наихудшим местом во вселенной, буквально адом местного значения — для вальяжного художника, принца богемы, утончённого эстета с лёгким налётом нарциссизма, обладателя трепетной душевной организации и нетривиального взгляда на мир. И ничего нет легче, как превратить себя в автомат, штампующий конвейерные поделки. Но природа таланта парадоксальна и построена на противоречиях. Вот и Туганов посреди суматохи и паники как образа жизни сохраняет безмятежное спокойствие и душевное равновесие словно пришелец из параллельного мира. Может быть, поэтому в его снимках, сделанных «на потребу» сиюминутной торопливости, проглядывает вечное, непреходящее и трогательное.

Творчество питается восприятием прекрасного. И если мы всмотримся в бесконечный калейдоскоп лиц наших современников и современниц, запечатлённых объективом Николая Петровича, то убедимся, что лейтмотивом его многолетней и многогранной работы в фотожурналистике было и остаётся отображение именно женских лиц. Но также и женских характеров, вообще женского присутствия в нашей жизни — возвышенного, удивительного и вдохновляющего. И невозможно оторвать взгляда от этих лиц, одухотворённых внутренним светом.

— В начале моего профессионального пути,— говорит Мастер,— полиграфическое оборудование оставляло желать лучшего. Снимки теряли на страницах газет половину своей выразительности. И технология не позволяла отражать события оперативно. Теперь с этим всё замечательно. К тому же стала доступна хорошая аппаратура. Но с грустью вспоминаешь, как по ночам приходилось проявлять плёнки, печатать фотографии. Во всём требовалось искусство. Теперь фотография стала технически доступней, но уходит само творческое начало, рассеивается профессиональное товарищество. Надеюсь, это болезнь роста, и на ниве фотожурналистики мы ещё увидим много ярких новых талантов.







ОДЕНЬТЕ ЖЕНЩИНУ В ЛЮБОВЬ

РУССКОЕ ПЕРО ПОЭТА ИЗ АДЫГЕИ

* * *

Летом 2019 года нас с известной поэтессой и переводчицей Верой Хамидуллиной от Союза писателей РТ командировали в солнечную Тюмень для участия в работе Всероссийского фестиваля фестивалей «ЛиФФт». Дорога от Казани до Тюмени на поезде не близкая, но за задушевными разговорами о литературе мы её и не заметили. В гостиницу приехали поздно ночью, а гости фестиваля начали прибывать с раннего утра. Каждый гость вёз с собой флаг своей республики. Мы тоже бережно развернули наш татарстанский зелёно-бело-красный флаг. Многие гости были в национальных костюмах.

В последние годы я часто участвую в различных литературных форумах, но такой дресс-код был для меня необычным! Хотя пять лет назад, увидев, как все якуты в национальных костюмах празднуют Олонхо, я тоже сшила себе красивое современное изумрудное платье в национальном стиле с золотой вышивкой и маленьким колфаком, но оно и в Тюмени осталось только в чемодане. Не могу пока преодолеть это чёткое разделение личной жизни и общественной деятельности. Тем больше отмечаю в людях органичность, простоту и естественность в общении и в разных формах проявления своей национальной идентичности.

В многоязыкой и разноцветной компании поэтов и писателей, оживлённо общавшихся, знакомящихся и радостно обнимавшихся после долгой разлуки поэт Инвер Шеуджен в адыгском костюме выгодно выделялся своей мужской статью, кавказской сдержанностью и строгостью. Щегольская чёрная черкеска сидела на нём как влитая, захотелось узнать о нём, услышать стихи бравого горца. Познакомились. Вся жизнь поэта связана с Краснодаром.

Шеуджен родился в 1970 году, закончил школу с золотой медалью, затем экономический факультет краснодарского политеха с красным дипломом, сейчас успешный предприниматель в строительном бизнесе. И вдруг... «молодой» поэт!

Его путь в литературу оказался неожиданным для самого поэта, до сорока лет даже и не подозревавшего у себя склонности к поэтическому творчеству. Но настал день, когда глубоко затаённые чувства и мысли о любви к женщине, к родине, о красоте природы, ему захотелось рассказать стихами. Поэт в одном стихотворении так пишет: «Я с миром говорю стихами».

Многие стихотворения Инвера Шеуджена автобиографичны.

Инвер постоянно участвует в различных литературных конкурсах, публикуется в журналах и поэтических альманахах: «Камертон», «Невский альманах», «ЛиФФт», «Свой вариант», «Литературная Адыгея», «Золотое руно», «Славянская лира». Он автор сборника «Звезда упала на ладонь», изданного Адыгейским республиканским книжным издательством. Судя по регулярно публикующимся в соцсетях стихотворениям, его поэтических сборников могло быть больше, но поэт строг к себе, к своему творчеству.

Инвер Шеуджен постоянно работает над совершенствованием своих стихов, учится у коллег, участвует в различных литературных форумах. Есть и заметные результаты: он победитель конкурса «Стихи и проза» на призы газеты «Аргументы и факты» (2017), первый дипломат IV Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «Лиффт». Инвер Шеуджен вошёл в шорт-лист Всероссийского открытого фестиваля фестивалей «ЛиФФт» 2020 года, собравшего свыше 2200 литераторов из 16 стран мира, а также стал лауреатом литературного конкурса «Славянская лира» 2020 года в номинации «Поэзия».

В поэзии Инвера Шеуджена привлекает его горячий патриотизм, любовь к своей родине и к своему народу. Он читает и разговаривает по-адыгски, но стихи пишет по-русски. Тем не менее, мы ощущаем неудержимую удаль адыга, его свободолюбие, гордость, верность традициям своего народа.

Гремело имя их в горах.
Адыги — в датах летописных,
И смертоносен был в руках
Клинок черкесский, множа тризны...
А после был чужбины дух,
Дороги боли и погосты,
Родная речь, тайком, не вслух
Обычаи, что не по росту...

Его стихи пронизывает спокойная уверенность в незыблемости вечных духовных ценностей своего народа.

Выйду во поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет линялые.
Всё, закончилась жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрошенный,
В уголки забредая бедовые...

Сдержанность в проявлении чувств и одновременно необузданность, горячность, порывистость придают поэзии Инвера редкую «терпкость» стиха, мужественность его любовной лирике, когда возлюбленную окружают нежностью и заботой, любовью, ревнуют, завоёвывают и во всём этом ощущается и неистовая страстность, и внешняя сдержанность лирического героя.

Звезды сгорают как свечи,
Вечер, разлитый в тиши,

Рядом с тобой бесконечен,
Прикосновеньем души...

Нежностью, прежде сокрытой
И поволокой, в глазах,
То, что казалось забытым
В ласковых млело руках...

Инвер Шеуджен делает свои первые, но уверенные шаги в поэтическом творчестве, поэтому ещё не все строчки подчиняются его поэтическому порыву, предательски переходя в прозу. Но образность, метафоричность его поэзии, сила и энергичность стихов позволяют с уверенностью сказать, что он, поэт с оригинальным видением мира, уже состоялся.

Альфия ГАЛИМУЛЛИНА,
член Союза писателей РТ,
литературный критик.

Я ВЕРНУЛСЯ НА МАЛУЮ РОДИНУ...

Выйду во поле: время закатное,
Ветер кудри рассыплет линялые.
Всё, закончилась жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...

Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрошенный,
В уголки забредая бедовые...

Рвутся с повода кони ретивые
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
Чуть поодаль, стоит белогривая,
Как невеста, берёза-красавица...

Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены.

Но не мною...Простите, не хаживал
Поклониться бы низко, покаяться
Постоять пред могилою каждого,
И поплакать, душа коли мается...

Выйду во поле, время закатное
Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
Воля вольная, степь перекатная
Я вернулся на родину малую.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ОСЕНЬ...

Это всего лишь осень
Двадцать недель до весны.
Парки примерили проседь
Цвета вспенённой волны...
Пруд одичавший бесхозен,
Словно пиджак на скамье,
Солнце плутая средь сосен
В лиственном скрылось рванье...
Как на винтажной картине
В алом, галантен шафран.
Скрывшись поодаль, в низине
Завтрашний дремлет туман...
Он принесёт первый иней,
Не посмотрев на часы,
Стайкой осядут на тыне
Птицы, убавив басы...
Видно потянутся скоро
К югу, настроив маршрут.
И до весеннего ора
Двадцать недель пробегут...
День отшумевший закаты
Рано отправят в кровать.
Как же влюблённые рады
Под листопадом гулять!..
Но ни печали, ни грусти —
Души томленьем полны.
Близится день, когда впустим
В окна волшебные сны
Марта! А ныне лишь осень,
Небо дождями шумит.

Парк опустевший бесхозен,
Словно пиджак, что забыт...

СЕНТЯБРЬ ТАЮЩИЙ ХОРОШ

Сентябрь тающий хорош —
Как денди, щегольски одет.
Сияют словно медный грош
Носки начищенных штиблет...
Галантен, и слегка степен
В повадках, расстилаясь ниц
Пред ним из листьев гобелен,
Из алых сотканный зарниц...
Как с васнецовского холста
Не отпускает к югу птиц.
Сентябрь видно неспроста
Их привлекает тыщей лиц...
И серенадами цикад,
Что голос подают вдали,
И тем, как манит взор закат,
Который к ночи подожгли...
За ним октябрь шагнёт вослед
Сквозь листопады и дожди
Камин, горячий чай и плед,
А тёплых дней уже не жди...

И солнца ласкового взор
Что отражается в окне,
И птиц вечерний разговор,
На гомон что похож вполне...
Сентябрь тающий хорош,
В прорехах солнечных таясь,
Сияет, словно медный грош
На многоликость не скупясь..

В РАЗДУМЬЯХ СУМРАЧЕН КАВКАЗ

В раздумьях сумрачен Кавказ,
Раскинувшись под сенью неба.
Не торопясь, ведёт рассказ,
Местами что похож на небыль...
Как рос, что в жизни повидал
Набеги, войны, гнев стихии,
И как абреков укрывал,
Как старший брат, в года лихие...
Гремело имя их в горах,
Адыги — в датах летописных.
Был смертоносен в их руках
Клинок черкесский, множа тризны...
А после был чужбины дух,
Дороги боли и погосты,
Родная речь, тайком, не вслух
Обычаи, что не по росту...
Умолк на миг седой Кавказ,
Как вспышкой, память озарило,
И, поумерив звонкий глас
Вослед, и эхо поостыло...
На высший не надеясь суд,
И в сагах воинских воспеты,
Отсюда летопись ведут
Адыги в череде столетий...
Рассказ то был, или наказ,
В тени заоблачного неба?
Делился мудростью Кавказ
Так делятся с родными хлебом...

ВОЙНЫ ЗАКОНЧИЛАСЬ ЭПОХА...

Войны закончилась эпоха
И горечь смыли всю дожди.
Но почему не сделать вздоха,
Без боли, что живёт в груди?..
И почему в цветущем мае,
То у Поклонной ли горы,
То на Мамаевом кургане,
Полно с цветами детворы...
И почему так плачут души,
У ветеранов до сих пор.
И ветер времени не глушит,
Судьбы жестокий разговор.
А память, память воскрешает
Лихие, горькие года.
Где мать солдата ждёт — встречает,
Но не дождётся никогда...
Там от бомбёжек весь разрушен
И окровавлен Сталинград,
Там разрывают ночь «Катюши»
И каждый залп — за Ленинград!
Там клич гремит: всё для победы,
Краюха хлеба — пополам!
Там умирают наши деды,
Чтобы жилось сегодня нам...
Такая участь им досталась,
Солдатам тех, сороковых.
Нам поклониться им осталось
Всем поимённо, за живых!

Войны закончилась эпоха
И отголоски позади
Сражений, но не сделать вздоха,
Без боли, что живёт в груди…

НЕ ЖДИ ЕЁ, ОНА НЕ ПРИДЁТ

Не жди её, она не придёт
Сердце своё не рви!
Видно, другому настал черёд
Её добиваться любви…
Время застыло в солёных глазах
Сколько осталось? На грош
Талой надежды. Гудит в проводах
Ветер, а ты её ждёшь…
Небо осело, фонарь на посту
Ловит блуждающий взор,
И облачившись, как тень, в немоту
Вечер крадётся, как вор…
Лица вокруг, только лица не те,
Не откликается взгляд.
Выженно сердце, и губы в мольбе —
Всё отмотать назад…
Не захотела понять и сберечь
Чувства рождённого пыл.
Хватит, чужое счастье стеречь
Видно не ту любил…
Сердце не рви, она не придёт —
Скажут тебе фонари!
Видно другому настал черёд
Её добиваться любви…

КОГДА ОСТАНЕШЬСЯ ОДНА…

Когда останешься одна
И станет холодно до дрожи,
В проёме отразясь окна,
Ты вспомнишь, как твой день был прожит…
Обычный день, он полн всего:
Работа, дом, заботы, дочка.
Лишь только не было его —
Оборвалась нежданно строчка
В стихах про вечную любовь…
Как часто ты, смущаясь, млела
От вязи самых нежных слов,
Душою сотканных умело…
Как можно было не понять
Судьбу свою в его лишь воле?
Теперь так будет не хватать
Его объятий сладкой боли…
Капризы, гордость — ни к чему!
Огромный мир в оконце сужен.
Прижаться бы сейчас к нему
И прошептать: «Ты мне так нужен»…
Забывши обо всем, испить
Напиток страсти, и хмелея,
В бесстыдной ярости любить,
В желаниях своих смелея…
Дождливый вечер у окна
До одиночества, до дрожи.
Смириться с тем, что ты одна,
Твоя душа никак не может…

ЗОВЁТ ДРУГОГО — МИЛЫЙ…

А ей казалось любит, что есть силы
Семью и мужа, дом, как щедрость свыше.
Но почему, зовёт другого — «милый»
Во снах своих, и никого нет ближе…
А ведь казалось, стало всё иначе,
И прошлое, как в дымке, за спиною.
Но почему, заходится от плача
Её душа, наедине с собою…

ОДЕНЬТЕ ЖЕНЩИНУ В ЛЮБОВЬ…

Оденьте женщину в любовь,
В шелка оденьте дорогие
Признаний, что волнуют кровь,
Пока не сделали другие…

Оденьте в нежности меха
И чувственных прикосновений,
Пусть ночи, полные греха
Приходят чаще сновидений.

Воздайте женщине хвалу,
К красе не будьте безучастны.
И в день ненастный на ветру
Согрейте тонкое запястье…

Оденьте женщину в любовь,
Ведь одеянья нету краше.
И утра сладостного новь
Она в объятьях встретит ваших…

ОСИРОТЕВШАЯ ДУША...

Осиротевшая душа.
Февраль. Потёмки,
Где ты стояла, хороша, —
Теперь позёмка...
Там иней, изморозь и лёд,
И темень ночи.
Разлука душу мою рвёт,
И боль клокочет.
Опустошенье, пустота —
Немые звуки.
Меня распяли без креста
Родные руки.
А зимний вечер так суров
За полквартала.
Без объяснения и слов
Любви не стало.
По тёмным улочкам пройдусь,
Кругом — затишье.
И от свободы задохнусь
И взглядов лишних.
От безнадёги пошлых фраз,
От будней серых,
Когда в глазах не видно глаз
И тени веры.
Ночник мигает, лист, строка,
Признаний бремя.
Как эта ноша нелегка —
Покажет время.
Ты не прочтёшь моих стихов,
Листая память.
Озябший вечер вновь суров,
Потёмки...Замять...
Осиротевшая душа,
Во тьме, застыла.
А ведь была так хороша,
Когда любила...

ПОЛУРАЗДЕТА ОСЕНЬ...

Полураздета осень, дождь по крыше,
Проплешинами лужи, неба ширь...
Легла на плечи. Запах снега слышен.
Ноябрь рядом, в чай кладу имбирь...

Качает лодки чаровница осень
На глади помутневшего пруда,
Принарядила кромки зрелых сосен,
Какие мол, девчонки, вам года...

Чернильным стало небо на закате,
Я вспомню лето, встречу у реки.
Ты танцевала в васильковом платье.
В костре сгорая, тлели угольки.

Под сенью ночи звёзды проплывали,
Даль освещая — глаз не оторвать.
Своей судьбы, тогда ещё не знали —
О многом я хотел тебе сказать.

О счастье, о любви, слов не хватало,
Несказанное разрывало грудь.
А ты в ответ, чуть слышно прошептала,
«Я не твоя, с другой счастливым будь...»

Опала осень, запах снега слышен,
Нахмурившись, застыла неба ширь.
Дождь барабанит битый час по крыше,
Я по привычке в чай кладу имбирь...

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

ЦВЕТЫ ПОМИНОВЕНИЯ

К ПЕВЦУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Что ми шумить,
Что ми звенить —
Далече рано предъ зорями?..

1

Над нами кружат времена,
Где ты тревожно пел.
Мы — непокорная страна,
Над нами тучи стрел.
«Что ми шумить, что ми звенить?»
Чья слава, чей позор?
То веры православной щит
Враг расстрелял в упор.
То гибнут дети, старики
И рушатся дома,
И заметает бугорки
Могильная земля.

2

По руслам чутких русских рек
Расходятся круги:
Луганск в беде! В беде Донецк!
Россия, помоги!
Там ополчение стеной.
По кровному родству
В их стане ты, певец родной,
Напрягший тетиву.
Не вычеркнуть и не согнуть
Пронзившую века,
Тебя, пробившую нам путь,
Бессмертная строка.
Певец навеки прозревал
Угрозу диких орд.
Славян к единству призывал
Сквозь княжеский раздор.
Как сын земли моей родной,
В тяжёлый этот час
Перед какой ещё бедой
Предупреждаешь нас?
К братоубийственной войне
И розни меж славян
Бикфордов шнур ползёт извне,
Аж через океан.
Но на пророческий порыв —
В ответ на твой сигнал,
Враз отозвался русский Крым
И Севастополь встал.

ЗАВЕТ ПУШКИНА

Уже согнулись, поклонились
Квадрату чёрному, а в нём
Такие бездны отворились:
Врага за друга признаём.
Себя бессмысленно теряем
В чужих расставленных сетях,
А Лукоморье было раем,
Где — дуб, русалка на ветвях.
С теплом зачитанной страницы
От множества листавших рук —
Пусть из квадрата будет литься
Поток бесчисленных услуг.
Наш Пушкин назовёт друзьями
Собранье книг в последний час.

Они, омытые слезами,
Хранят его могучий глас.
Он выдохнул: клянусь я честью,
Что не способен никогда
Переменить моё Отечество
С историей, что Бог нам дал…
Услышим же, кто сердцем русский,
Слова — пароль, слова — завет,
И выйдем все тропою узкой
Сквозь мрак и тернии.
На свет!

К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Перед тобой нет права на слезу.
Превыше слёз и сырости подвальной
Ты — дерево высокое в грозу,
Само себе и крест, и наковальня.
Ты из огня — дивился сам Гефест —
Гранёные выковывала строки.
Гроза не тронет низкорослый лес,
Все молнии обрушит на высокий.
Твой крест не затерялся, он спасён.
Неразличимый в сумраке окрестном,
Он в новые столетья унесён
Хромающим продымленным Гефестом.

* * *

Когда Россия выстоит в стихии,
Когда отхлынет пенная волна,
Когда она предстанет пред Мессией,
Чем оправдается моя страна?
Она предъявит письма фронтовые
От тех, кто ратный подвиг совершил.
Во имя жизни в праведном порыве
Неправду мировую сокрушил.
Она предъявит скромный треугольник,
Проверенный цензурой и огнём,
И миллионы, вписанных в синодик,
Связавших землю и небесный дом.

* * *

Ковыльные пряди по ветру,
Простор за изгибом реки…
Земля, где свирепствовал недруг,
И где полегли земляки.
На ней, над любым бугорочком,
Из щели, заросшей травой,
Глядят любопытные очи
Цветов, не убитых войной.

Здесь всё безымянно и свято.
Недвижны века и часы.
На каждой травинке несмятой
Я вижу слезинку росы.

ЗОЯ

Когда стихает Минское шоссе
И звёздный мост раскинется над крышами,
Ступая осторожно по росе,
Босая Зоя выйдет из Петрищева.
Ей хочется без устали идти
Околицей селения притихшего,
Прижав цветы к израненной груди
И слышать сердце, трепетно ожившее.
А в домике, в другом конце села,
Спит девочка, что хочет стать художником.
Вчера цветы для Зои принесла
И молодые листья подорожника.
Когда проснётся чуткая душа,
Вновь повторятся светлые мгновения.
Пройдёт поляной русской не спеша,
Где нет числа цветам поминовения.

СТАРИКИ

Они уже на перевале…
На сквозняке вершин легки,
С привычной горкою медалей
Нас покидают старики.
Не за рубли, не за пожитки
Они себя не берегли.
Все силы отданы с избытком
За счастье матери-земли.
Их ждут пропавшие в тридцатых,
Сгоревшие в сороковых.
Они дойдут без провожатых
До истин горьких роковых.
На горних высях нет таможен.
Нет проходных для всех живых.
Но в дни лишений так тревожен
Туннельный свет с портретов их.

ВАЛЕНТИНА

Осень достигла своей середины.
Солнце заполнило землю до края,
Послевоенную, горше полыни —
Ту, что от горя людского сырая.
Горькое древо моей родословной
С болью глубинной раскрыло листочек
К жизни неласковой, неизбалованной,
Там, где зарубки войны кровоточат.
Сколько родных вдоль переднего края
В землю легло в ту лихую годину!
Выжил отец и, судьбе доверяя,
Слабое чадо назвал Валентиной.
Рано меня отучили от кукол —
Строг был запрет на любые игрушки.
Но и без них я не ведала скуки,
Обруч гоняя от старой кадушки.
Правила гвозди, дровишки пилила —
Всюду с отцом в ежедневных заботах.
Руку отцовскую я заменила
В неизгладимых отметинах фронта.
В травах покосных, ручьях торопливых
Черпала силы земли моей горькой.
Птиц улетающих крик сиротливый
Мне завещали леса и пригорки.

* * *

Это было в сталинские годы —
По-иному их назвать нельзя.
Жил народ мой, отстояв свободу,
Серп и молот к небу вознося.
В нашей тесной, низенькой хатёнке,
Где из кадки — роза в потолок,
Собирались мужики, бабёнки
За победу пригубить глоток.
За живых и за убитых тосты
Разжигали песенный запал-
Дядька мой задумчиво и просто
«Дан приказ!» вначале запевал.
Зимний вечер. Подпевает вьюга
За окном, но всем тепло у нас —
«Три танкиста, три весёлых друга...»
На столе тарелок перепляс.
Вновь бежал бродяга с Сахалина,
Как переживали за него!
А потом — за тонкую рябину,
Что любила дуба одного.
Сам Ермак сидел, объятый думой,
Хаз-Булат с ним рядом удалой.
Стенька Разин, атаман угрюмый,
Горевая над бедною княжной.
Проскакал казак через долину,
Отблестело на руке кольцо.
Помню я — от песен Украины
Мамы просветлённое лицо.
Вот мой дед слезу прикрыл рукою.
Все умолкли разом — он один
Нежно: «Буря мглою небо кроет» —
Напевал, и Пушкин приходил...

ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА

САД И СТАРИК

Сада в общем-то не было — несколько яблонь, вишен, кустов смородины и крыжовника, грядки, дорожки-межи — разделительные тропки... Обычный садово-огородный расклад участка, живущего коммунально, как и дом.

Но Дом был.

Настоящий, старинный (начала XX или конца XIX века), со скворечником мезонина, со стеклянными фонарями террас на все четыре стороны света.

В этом Доме Старик родился. Ещё до беды войны. Прожил всю-то жизнь, остался верен ему навсегда...

И когда-то, в яростные, хотя и нежные дни своей молодой любви, которая величалась, да и казалась вечной, посадил яблоневый сад. Сад Любви.

Сад вырос. Любовь... Любовь не предала, она покинула его, так как была обречена на разлуку, будто по формуле Цветаевой: «Любовь — это значит лук/Натянутый — лук: разлука». Любовь, обречённая стать разлукой. И памятью...

Дом состарился, как-то посерел и осел. Он... Он тоже состарился — с домом они жили-были и старели вместе.

Много лет назад, словно в другой жизни, был у них с Домом чудный пёс — колли. Ласковый и умный: зря не лаял, цветов-грядок не топтал, птиц не пугал. Пёс прожил свою жизнь быстрее. Но Дом и Сад его не забыли, не забыл и хозяин. Как и раньше, осиротевший старик выходил в Сад и смотрел через соседний участок туда, где жила его Любовь. Особенно легко было это делать сквозь графику ветвей, когда деревья стояли голыми.

Он вспоминал её голос, руки, волосы, глаза...слова. Её, вечно куда-то спешащую, а то вдруг — притихшую, присмиревшую даже, в те минуты, когда она слушала его сказки.

Она приходила в память капризной, упрямой, нежной и повинной. Вспоминалось, как щенок, похожий на медвежонка — его подарок — слизывал слезинки и норовил облизать её всю,

с головы до ног. Она была плаксой и неслучайно они вместе с другом-недругом в том дальнем далеке прозвали её Несмеяной. И вправду, она всё печалилась по поводу и без, тревожилась и рвалась куда-то из надёжного оберега его рук, как листок с ветки в месяце осеннем — месяце её рождения. В общем, она была невыносимой, но необыкновенной и незаменимой, как все возлюбленные, а может — даже немножко больше.

Сад знал о нём больше всех. Пожалуй, Сад знал всё. Его горе, его слёзы. Отчаяние. Его шаги по самой кромочке бессонной пропасти, по холоду лунной дорожки на воде их реки, которая тихо лежала за самой границей Сада.

Сад утешал, одаривал, гневался — требовал, нет, не забыть, а очнуться, настаивал на порядке — на заботе о себе...

Старик — он тогда ещё совсем Стариком и не звался — был сильным, красивым. И даже в пору беды смог сохранить свою силу, может быть, потому, что у него был Сад.

Сад верно ждал его, когда дела или, позже, нездоровье разлучали их. Сад ждал всегда.

Настал час, когда он вернулся в свой Дом, в свой Сад другим — он пережил любовь, а значит, стал жить другую жизнь, но в том же Саду... Пространство через участок опустело — она покинула дом, хранящий память: звуки голосов и шагов, слова его клятв и её молитв. А на улице, соединяющей их дома, неприкаянной мнимостью оставалась бродить её тень, особенно зримо — в пору крестиков сирени.

Он научился жить без неё. И даже сумел растерять приметы их былого — не сберёг то, что хранилось в Доме, где, кроме памяти, живой хозяйкой стала другая.

Но Старик и Сад знали, что она поселилась — спряталась в его сердце. В самой глубокой и тайной глубине, как в очень тёмном и гулком дупле дерева, в его тёмной и тёплой защищённости — маленькая пичуга.

Больше полувека приходили зимы и отлетали вёсны. Сад успел окрепнуть, возмужать и стал потихоньку стареть — отступать, уступать времени. То одна ветвь надломится, то трещинами, морщинами древесной кожи пойдёт яблоневая кора. И всё-таки он был прекрасен — его Сад Любви.

В одну из ночей, звучащих тревожными полутонами темноты, под утро, что подступило туманом к его окну, Старик увидел во сне её, свою любовь. Она возникла так отчётливо, так до боли реально, что Старик, как когда-то, резко поднялся и бросился к двери Дома, и дальше — к калитке Сада, за калитку, на улицу, мимо давно спящего за ненадобой колодца. Он бежал за тенью женщины, легко и быстро уходящей от него. Может быть, спешащей на звук приближающейся к станции электрички? В памяти Старика вдруг застучали когда-то запомнившиеся строки:

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

Он побежал быстрее, задыхаясь, догнал её, тронул за плечо. Женщина обернулась, подняла глаза, и он её узнал.

— Это была, его вечная Любовь?

— Нет. Это была старуха, которой он отдавал яблоки из своего Сада. Ведь их было в урожайные годы так много...

Он не сказал ни слова. И старуха ни о чём не спросила. Старик будто проснулся и медленно пошёл назад. Сад ждал его. Старик молча, как всегда, рассказал Саду свой сон, а Сад молча выслушал и понял Его. Как всегда и как никто.

ВОЛЫНЩИК ВОЛЬНЫЙ НА АРБАТЕ...

Каждый день я иду на свидание. На свидание с Чудом. Творю свой, почти ежедневный, такой намоленный путь на службу в Дом-музей Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке Москвы. Дом — воплощённое чудо. Марина Цветаева.... Нужно ли чудо объяснять? Кому-то, может быть, и нужно, но не мне... Не нам с вами...

Чудо дня начинается с раздвинутых штор в любое время года — с каким выражением лица проснулся сегодня мой город? Во что принарядился? Смеётся или грустит?

Да, конечно, кофе. Ночные прилетевшие строчки. Взмах руки в окне. Метро. Шаги вместе — в одном направлении, движение, разлучающее, навстречу — эскалатор, и взгляд — вслушивание, объединяющее всех — музыка в метро...

Много лет, много-много моих рабочих лет я встречала в одном и том же уголке вестибюля перед последней лестницей эскалатора, ведущей к выходу, красивого, сильного, молодого человека... без ног. Он никогда не поднимал глаз от книги, которую держал в руках в «крутых» автомобильных перчатках. Благодарил за деньги скупым кивком головы — сдержанно, с достоинством, почти равнодушно... Однажды я положила рядом с бейсболкой для пожертвований книжку стихов. И тогда он поднял глаза... С тех пор мы здоровались. Я заслужила улыбку. Так было несколько лет. Человек менялся, несколько тяжелел, но книга в руках была неизменно.

Потом он исчез. Я надеялась, что набрались-появились деньги на протезы и надоба сидений в метро отпала. Но вдруг я увидела его вновь. Он заметно изменился. Меня не узнал, и это понятно. Взгляд был сквозь идущих, но как-то мягче, добрее что ли. Мой знакомец стал очень грузным, огромным, насколько это возможно для человека без ног от колен. Сидел на своём месте и в руках была книга. Слава Богу.

Я подыскивала слова, готовилась к тому, чтобы подойти и сказать самые важные и нужные нам обоим, но так и не собралась — не успела, он опять исчез...

Выхожу я из так называемого нового здания метро «Арбатская». «Мавританское подворье» благостно приветствует студийцев, уже помаленьку актерствующих в жизни. Их узнаёшь сразу — красиво-оживлённое, может быть, только чуть-чуть сверх меры, но у них эта мера отродясь своя... Понимать же надо. ГИТИС или нынче РАТИ — совсем неподалёку...

Знакомый продавец книг у богатейшего книжного развала. Старушки на коленях... Они периодически меняются. И стоят в разных местах: то просто на ступенях лестницы, ведущей из подземного перехода, то у стены кинотеатра «Художественный», то совсем рядом с выходом из метро, посередине тротуара, и встречные потоки пешеходов омывают этот островок скорби. Я вижу, так как вглядываюсь (сознательно? бессознательно?) в эту коленопреклонённость, сломленность человеческого существа. Задаваясь вопросом не о том, что заставило, а скорее о том, тепло ли одета, что под коленями, руки... Какие руки? Озябшие? Старческие, молодые? Очки. А какие глаза за стёклами очков? Но взгляда ответного не получаю — голова клонится к коленям, покачивание, невнятица бормотанья... Да молодая она! Это иногда бывает совершенно ясно, но сострадания не перечёркивает — что-то ведь заставило вот так, свернувшись улиткой, превратиться в существо вне возраста, стать единым старушечьим горбом, выросшем на площади Арбатских ворот мирового города — Москвы.

Но вот — чудо... Волынщик вольный! Волынщик чудный! Что шарманщик с попугаем — волынщик на московской земле из всех датских-шотландских... русских

сказок, из всех сказок на свете... Прекрасный: серебристая борода, интеллигентские очки, взгляд серьёзно-доброжелательный, как у Деда Мороза, берет французский, что-то мохнатое, подвижное, живое вьётся, поднимаясь, от ног к рукам. В руках — одна дудочка (ох, простите!), на левом плече — ещё четыре звучащих существа... И — музыка! Какая? Сказочная. Добрая. Густая, как осенний туман. Ничего не понимая, понимаю — волынщик... Каждое утро радовалась встрече, на неё надеялась. Решилась — рванулась — подошла, заговорила. Призналась в любви. Попросила разрешения сфотографировать. Сказала, что написался о нём арбатский стишок. Познакомились. Узнала про сайт: по-настоящему информативный, достойный любящего профессионала. Конечно, вы и сами можете на него зайти — bagpipe.ru — и прочитать всё-всё, я лишь — выборочно.

«О себе.

Здравствуйте! Меня зовут Павел Дмитриевич Степанов. Я занимаюсь созданием народных духовых инструментов в своей мастерской. На текущий момент основным инструментом моей деятельности является волынка. Так же владею изготовлением такого инструмента как “Владимирский рожок”...

Миссия.

К изготовлению волынки меня подтолкнула сама жизнь. В 1980 г. Государственный русский народный оркестр имени Н. П. Осипова находился на гастролях в Болгарии. В то время я работал в оркестре в качестве музыканта-баяниста. В одном из южных городов Болгарии у оркестра Осипова состоялась творческая встреча с Государственным хором Болгарии. На этой встрече произошло для меня музыкальное открытие, женские голоса хора исполняли духовные песнопения под волынку. Именно с того времени мысль об этом инструменте уже не покидала меня...»

В один из дней после знакомства я подошла к Павлу Дмитриевичу, чтобы поприветствовать и сказать, что хочу написать о нём, а он мне: «Займитесь этим!» Я: «Чем?» А он: «Да пропагандой волшебного инструмента! Он же наш, русский. Под него хороводы водили! Его даже коровы понимают, а их не проведёшь... Уж это потом — датские гармошки...»

К сожалению, я могу написать только слова благодарного восхищения, а для «пропаганды» волынки сослаться на сайт Павла Дмитриевича, из множества информативных разделов которого мне хотелось бы и показалось насущным процитировать этот: «*Волынка единый многонациональный инструмент всех народов мира. Волынка — это музыкальный инструмент, состоящий из игровой пастушьей и бурдонных дудок и мешка с вдувной трубкой, был создан человеком ещё до новой эры. Основным предназначением волынки в главном было её применение аккомпанементом к народным танцам. Например, в Этрусском государстве 8 веков до новой эры волынка уже была и об этом сказано в древних книгах. В русских княжествах в новой эре русская волынка тоже была, и под неё водили хороводы с песнями. Но в 19 веке русская волынка была заменена немецкой гармошкой и калмыцкой балалайкой, которые в дальнейшем русский и советский народ стал называть русскими народными инструментами.*

Сегодня, благодаря развитой шотландской волынки в мире, мне удалось вместе с генерал–лейтенантом, главным военным дирижёром России и руководителем Краснознамённого хора им. Александрова В. М. Халиловым создать семейство современных русских народных волынок: сопрано, альт, тенор и бас. Несмотря на трагическую гибель В. М. Халилова в авиакатастрофе под городом Сочи в 2016 году, я стараюсь в память о нем не бросать начатое им дело...

В 1547 году первый русский царь Иван Васильевич Грозный создал первый русский народный духовой оркестр из подлинно русских народных духовых инструментов: русские волынки, рожки, жалейки и свирели. А ведь это было начало начал всей духовой музыки России...»

Духовая музыка. Духовые инструменты. Дух. Душа. Более чем созвучие. Чудо.

Чтобы с ним не разминуться, нужно всего лишь не пройти мимо...

Послушайте! Нас окликает волынка и волшебник — Павел Дмитриевич Степанов — «волынщик вольный на Арбате».

А ведь мы идём по направлению к Дому-музею Марины Цветаевой (пусть и не только к нему, выйдя из «Арбатской»!), поэтому и закончить хочется словами «самого московского из московских поэтов»: «Чудо объясняется только чудом». Видимо, и нам, чтобы дотянуться до чуда, наполнить чудесным жизнь, надо самим быть — стать чудом. Не меньше.

А стишок с волынщиком вольным на Арбате написался такой:

Арбатское

И снова музыка в метро...
Волынщик вольный на Арбате –
берет французский... Мудрено
не позаботиться о «брате» –
и стайка парижан вокруг
клубится, кофе предлагая.
А рядом схимница живая –
улиткой скрученный недуг.
Старуха? Что там под платком?
Колени ластятся к асфальту,
не разогнуться... Что потом,
когда зима побелит смальту?
А вот другая — у стены,
букетик скромный продавая,
стоит, навечно замерзая,
молчит смиренно... Видит сны?
Как я люблю Арбат Москвы,
фарватер Беллы и Марины –
сокрыты тайны их весны
под Поварской, как субмарины...
Храни, арбатская земля,
разлуки, встречи и признанья –
я подышу твоим молчаньем.
Я здесь ещё. И я твоя.

ДИАНА КАН

ЛЮБОВЬ СИВКО

НАРИСОВАНО ЛУЧОМ И СВЕТОМ...

Её картины, написанные словно бы и не кистью, а лучом солнца, узнаешь из тысячи. Они, словно окна, распахнутые в безоблачное небо, откуда льётся свет, которым хочется умыться, который хочется поглубже вдохнуть... Член Союза художников Татарстана Любовь Сивко до сих пор помнит своё первое прикосновение к холсту, прикосновение трепета и восторга. Впрочем, по её признанию, с тех пор мало что изменилось, она также всегда волнуется, приступая к новой работе.

Всё это тем более удивительно, что судьбой Люба Сивко была словно бы приговорена к кисти и мольберту. Мама художницы была замечательным рисовальщиком, под чьим волшебным карандашом оживали особенно памятные Любе зимние сюжеты: снежные горки, ребятишки на санках и на лыжах снуют туда-сюда. На заднем плане избушки и дым из печных труб, колодец, и женщины с коромыслами. Жизнь в самых ожидаемых и нежданных её проявлениях!

А однажды в уютном дворике тихой Елабуги, откуда родом Люба Сивко, появился художник. Самый что ни на есть настоящий, с этюдником. В шляпе и с бородой. Он разложил краски и принялся рисовать дом детства Любочки — старинный, с мезонином, когда-то принадлежавший священнику. Такие дома и поныне сохранились в Елабуге, с тех пор превратившейся из тихого провинциального старинного городка в одну из культурных столиц России.

Окрестная мелюзга, в том числе пятилетняя Любочка Сивко, окружила художника стайкой и замерла. На изумлённых глазах творилось чудо — на холсте появлялись высокое июльское небо, маковка Покровской церкви, сочная зелень травы и, наконец, их старинный дом с резными наличниками. Такое разве забудется? Акт творения всегда был и остаётся таинством жизни... А вот сама писать маслом Люба Сивко стала, когда ей было уже за тридцать... Всякий, кто хоть раз видел её работы, будет немало изумлён, узнав, что Люба Сивко самоучка!

Не могу не задать вопрос Любе: «Откуда берёшь идеи своих картин? Ведь они уникальны тем, что отнюдь не претендуя на концептуальное и высокое искусство, на философию, метафизику и мистику, несут в себе огромный философский и концептуальный объём, являя собой предметы высокого искусства!..». Ответ Любы гениален полным отсутствием авторской гордости, которая была бы художнице более чем простительна при наличии таких-то прекрасных работ. «Высоким искусством мои работы вряд ли можно назвать (но спасибо за доброе слово!)... А идеи — они всюду

и отовсюду! Музыка, книги, картины, люди, животные... А ещё — куклы, это такой особый островок любви для меня...»

Уж раз сама Люба заговорила о своём увлечении куклами, которое во взрослом человеке «диагностирует» сохранённое им детское восприятие мира, давайте замолвим слово и о куклах... Коллекционирование кукол — занятие древнее и столь же древнее название этому занятию — плангонология. Плангонами в Древней Греции назывались восковые куклы, “исполнявшие” женские роли в театре, женщинам ведь тогда не дозволялось играть на сцене. Люба открыла мне маленький секрет, а я позволю себе поделиться им с читателями: в своих знакомых и незнакомках любого возраста Люба Сивко видит кукол, достойных слова «залюбуешься»! Не потому ли она в основном пишет именно женщин, а мужчины и мальчики у неё, подозреваю, воплощены в образы ангелочков, котиков...

Люба попросила меня вынести за рамки нашего диалога вопрос об её участии во всевозможных выставках и вернисажах, видимо, не хотела имиджевыми моментами отвлекать время от главного. Но ей (нам!) пришлось ответить на другой вопрос — художником надо непременно родиться? Или им всё-таки можно стать? «Лично я считаю тебя, Люба Сивко, поэтом в живописи» — озвучила я своё давнее уже убеждение. И тут же, вместо ответа, получила от Любы контр-вопрос: «А поэтами рождаются? Или становятся?..». Люба Сивко знает поэтов не понаслышке. Со многими знакома ещё со времён своей работы во всероссийском татарстанском литературном журнале «Аргамак». Свои «аргамаковские» годы она считает едва ли не самыми счастливыми и яркими. Хотя, зная непоседливый творческий характер Любы, легко предположить, что и с ней было интересно работать коллегам.

Любу любят не только поэты. Когда она (было и такое в её судьбе!) преподавала в начальных классах, дети её любили настолько, что по рассказам родителей, играя дома в школу, говорили: “Чур, я буду Любовь Юрьевной!”. В 90-е непростые годы Люба освоила профессию косметолога-визажиста, и эта профессия и поныне помогает ей прекрасно выглядеть самой и давать умные консультации подругам в плане сохранения молодости. А в один прекрасный день Люба сказала не столько приятельнице, сколько самой себе: “Хочу работать на радио”. Видимо, желание услышала вселенная в лице информационного агентства “Кама-пресс”, а потом “Русское радио” и “Европа плюс”, где Люба прошла творческий путь от корреспондента до редактора Службы новостей, и обрела замечательных друзей из числа творческой интеллигенции.

За счастье знакомства с Любой Сивко я благодарна русскому поэту и главному редактору одного из лучших литературных журналов России «Аргамак» Николаю Алешкову.Это произошло, скажем так, официально, на одной из презентаций журнала. И уже с первой минуты стало ясно — мы с Любасиком были знакомы словно бы всегда (может, в прошлых жизнях?). Хотя, конечно, довольно забавно, что я называю Любасиком прекрасного художника, живописца с большой и непрописной буквы, но это право даёт мне любовь к Любе Сивко не только как к волшебнице кисте и мольберта, но и как светлому человеку, глубокой многогранной личности, которая всегда удивляет, сама того не желая. Ну и, конечно же, красивейшей женщине, являющей собой тот тип прекрасной волжанки, который заставляет вспомнить наши русские былины...

Сейчас работы российского художника Любы Сивко обрели «подданство» по всему миру — находятся в частных коллекциях России, Украины, США, Израиля, Италии, Швейцарии и т.д. Увидеть эти замечательные, словно бы нарисованные лучом света, полотна виртуально вы можете в том же фейсбуке, ибо Люба Сивко и её

Первая звезда

И лебеди, как ангелы.

У каждой женщины должно быть маленькое черное платье

Прощай, Алёша

Прощальный привет

Незабудка

Дама в голубых перчатках

Красное яблоко

Несколько минут до полуночи

Тихие радости

За подснежниками

Снежки

Тёплый вечер

Семь слоников

Чёрная кошка в тёмной комнате

Сон не идёт

Вечер понедельника

Над снами

картины — достопримечательности Фейсбука! Ну а увидеть её работы вживую... Это тоже можно!

Будете в Казани, непременно посетите модную казанскую кофейню «Pesky». Это сегодня одно из самых популярных мест казанской интеллигенции и творческих людей. Почему «Пески»? Наверное, потому, что кофейня славится своим великолепным кофе, который готовят именно в раскалённом песке. Причём, я наслышана от поэтов Казани, что этот кофе эксклюзивен благодаря «секретным» ингридиентам и вроде бы не секретным «добавкам» (в виде того же вишнёвого сока!), причём, эксклюзивен настолько, что такого кофе вы более нигде не попробуете! Это не реклама, это моя мечта — побывать в кофейне. И, знаете, не только из-за кофе! В кофейне «Pesky» на стенах можно увидеть картины художника Любы Сивко! А на столе — открытки с изображением девушек, женщин, котиков, ангелочков, которым дала жизнь Люба Сивко. Спасибо за это главной фее кофейни Юлии Рывкиной. Случайно познакомившись с Любой Сивко в казанской Галерее современного искусства “Окно” летом 2019 года, Юлия настолько прониклась любовью к её творчеству, что тут же возникла договорённость о выставке картин Сивко в Pesky. А потом уже Любой была создана небольшая серия работ специально для этого удивительного, тёплого, атмосферного места...

Тяжело ли расставаться с картинами? А, наверное, также, как и с выросшими детьми. Однажды они уходят от автора и начинают жить самостоятельной жизнью. «Пусть это высокопарно прозвучит,— чуть смущённо улыбается белокурая елабужанка, художник Люба Сивко,— Но главное для меня, чтобы мои картины несли людям радость...».

ВЛАДИМИР ГУСЕВ

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ И ПРЕКРАСНАЯ СЮЮМБИКЕ

«Некогда была я твоей царицей,
ныне же — горькая пленница!
Звали меня раньше госпожой всего царства Казанского,
ныне же я — жалкая и нищая рабыня!
И за радость, и за веселие обрушились на меня
плач и горькие слезы, а за царские мои утехи
охватили меня горькие обиды и тяжкие беды,
так что и плакать я не могу,
ибо ослепли глаза мои от безмерных слёз моих,
и пресёкся голос мой от долгого рыдания моего»

Плач Царицы Сююмбике на могиле мужа Сафа-Гирея, Летопись «Казанская история», глава 38

Февраль 1550 года... Войско шло на восток... Зимние переходы были тяжёлыми. Бесконечные красные стрелецкие кафтаны, бердыши и пищали наперевес, русские всадники в блестящих латах, лошади, тянущие и везущие в санях пушки различных калибров, большой обоз, пеший и на санях. Полки огненного боя, иноземные ратники, знаменитая русская артиллерия, военные инженеры из немцев, шведов и англичан. В авангарде воинской колонны шла татарская конница хана Шигалея, пришедшая с Касимовского улуса. С Шигалеем в поход выступил молодой царевич Астраханского ханства Едигер. Вчерашние противники, русские и татары объединились, чтобы привести Казанское ханство к покорности в угоду новому центру силы — Московскому царству. Величественная процессия растянулась на многие вёрсты. Впереди, во главе войска, полулёжа в санях, ехал царь московитов Иван Васильевич IV. Это был второй поход молодого царя на Казань. Первый успехом не увенчался, и царь из-за недомогания был вынужден вернуться в Москву с полпути, с Нижнего Новгорода. Русское войско тогда дошло до Казани с потерями, потопив часть обоза и артиллерии при переправе через Волгу. Подойдя к крепостным стенам, стрельцы завязали с казанцами бой, в результате чего казанское войско отступило в Кремль, однако сил на штурм стен из тёсаного дуба у русских полков не было, и они вынуждены были убраться ни с чем. И вот, второй поход юного амбициозного царя, спланированный и подготовленный воеводами...

Рядом с царскими санями на вороном скакуне, не торопясь, гарцевал ближайший сподвижник и помощник царя, стольник князь Андрей Курбский. Молодой задор князя Андрея, его улыбчивость и лёгкий нрав передавались участникам колонны, всем, кто видел гарцующего на коне всадника.

— Скажи-ка мне, Андрейка, а почто татары нас не любят? — спросил царь.

Курбский улыбнулся.

— А за что же им любить-то нас, Великий Государь? Мы же в прошлом данники их, почитай, холопы. Как господин бывшего холопа любить-то будет? Когда Орда владела Русью, они и дань с нас собирали, и князей наших на престолы ставили, ярлыки выдавали на княжение, и с походами военными к нам приходили бессчётное количество раз, разоряли, жгли города и деревни... Мастеровых людей в Орду угоняли. А уж девок наших сколько перепортили, в полон увели... А теперь мы войной идём на них. За что же нас любить-то?

— А османы, союзники казанские, как? Не подговаривают татар супротив нас?

— Османы далеко, Государь, не могут они напрямую в наших делах участвовать, и это нам на руку. Крым по эту сторону моря Чёрного, поэтому крымцы время от времени к нам наведываются, и на Казань влияют сильно. А вот османы никак войско не пришлют, только могут оружием татарам помогать да зубами клацать от злости. Руки у них коротки. Да и Поле Дикое меж нами. Там донцы, как ни крути, хоть и лихие, отчаянные людишки, разбойнички, но союзники наши против крымского хана.

Царь Иван ненадолго замолчал, задумался, затем продолжил разговор с князем.

— Хочу я, Андрей, границы державы нашей расширить. Новые земли Руси нужны. На Запад особо не попрёшь, ливонцы сильны, войско у них хорошее...Ляхи, тевтоны ливонцев поддерживают...Оружия вдоволь, пищали, пушки...Воюем вон за Юрьев, Дерпт по-ихнему, городок-то махонький, то к нам он перейдёт, то к ливонцам, того и гляди, придётся границу посередь города ставить... Потому, думаю, сподручнее двигаться на Восток. Казанское ханство Руси очень нужно. Казань богата, всего в этой стороне много: и лес, и зверьё, и земли плодородные, народ смышлёный, мастеровитый. Хитроваты, правда, татары, но что ж поделать. Зато хозяева крепкие. Реки здесь, опять же, сливаются, Волга с Камой, через Каму в Сибирские земли попасть можно. Никак нельзя нам без Казани! Места здесь райские, реки, дубравы, леса со степью соединяются, широко всё, просторно! То татары к нам войной приходили, теперь мы на них идём!

Князь Андрей нахмурился, улыбка сошла с безусого лица.

— Я думаю, Великий Государь. Хоть Орда и во время деда Вашего, Ивана Великого, распалась, Казань по-прежнему сильна. Казанцы чтят традиции Орды, почитай, все земли наши порубежные разорили, грабят, жгут, полонян уводят, набег за набегом. Если так пойдёт дело, скоро в Москву придут! А Московское княжество растёт, мы земли новые воюем, ливонцев, шведов тесним на Западе, с юга от крымчан отбиваемся, как можем. Нам расширяться надо, владения наши укреплять, люд московский поднимать, веру православную укоренять в новых землях. Здесь, на Востоке, на Волге-матушке, либо мы их, либо они нас, прочего не дано...

— Так миром хотел присоединить я их, князь Андрей, миром... Для этого и ставили мы казанцам на престол касимовцев, сперва хана Эналея, потом брата его, Шигалея. Касимовцы-то союзники наши. Сто лет уже живут своим уделом под Рязанью, со времён Касима-царевича. Много служилых татар в нашем войске, воюют хорошо. Я-то думал, мирно под нас Казань пойдёт. А они, видишь, не хотят. Эналея убили, Шигалея выгнали, другого хана им против Руси надобно.

Прискакал воевода князь Михайло Воротынский.

— Государь-Батюшка, дело к вечеру, дозволь привал войску. С утра пораньше в путь выступим, а сейчас бы отдохнуть надо, обогреться на морозе.

— Хорошо, дозволяю. Разбейте мой походный шатёр. Андрейка, ты организуй привал нам, собирай всё начальство ко мне вечерять, поговорим, как Державу нашу будем строить. Воевод позови с собой, Воротынских братьев, Петра Ивановича Шуйского, Василия Серебряного, Салтыкова, Бельского, Нагого, да татарских князей, скажи, царь зовёт...

— Хорошо, всем передам, Великий Государь. Брата твоего Юрия Васильевича[1] звать?

— Его не надо, немой он, посоветовать не сможет ничего, только повздыхает в сторонке. Отдыхает пусть в походе!

— Будет сделано, Государь!

* * *

В спальне ханского дворца в казанском Кремле горели свечи. Казанская царица Сююмбике укладывала спать малолетнего сына Утямыша. Чернявый малыш, обняв перед сном маму, безмятежно засыпал на ложе из шелков, подушек и одеял. Сююмбике гладила сына: «Спи, мой кудрявый малыш, пока живёшь под маминым присмотром, пусть твой крепкий сон ничто не потревожит». Маленькие дети живут беззаботно, их не одолевают страхи за будущее. Но на душе у самой царицы было неспокойно. С Руси шли вести, что молодой царь Иван собирается в очередной поход на Казань. Сююмбике, пятая жена покойного казанского хана Сафа-Гирея, силою случая стала править в Казани, и царствование добавило ханше забот в жизни. Надо было заботиться о казанском люде, разрешать торговые споры, вершить правосудие, поддерживать Веру — исламское духовенство, собирать налоги, отстраивать мечети и общественные здания, вести приём жителей, и во всем этом требовалось непосредственное участие новой правительницы. Постоянные споры с приближёнными, со знатными, родовитыми татарскими вельможами, входящими в Казанский Диван[2], дворцовые хитросплетения, дипломатическая переписка с иноземными государствами, дальними и ближними, занимали много времени. «Всё-таки власть — не женское дело. Был бы жив мой муж, хан Сафа-Гирей, дела бы шли лучше, была бы мужская спина, за которую можно спрятаться. А так, от хана остался маленький сын, наследник, о котором ещё столько заботы. И что,

[1] *Юрий (Георгий) Васильевич, князь Углицкий (1532–1563) — младший брат Ивана Грозного, глухонемой от рождения, участвовал во Втором Казанском походе*

[2] *Диван — высший орган исполнительной власти в исламских государствах*

что нас ждёт в будущем? Сумею ли я вырастить сына, воспитать его мудрым правителем, хорошим отцом и мужем, увидеть его зрелость, его свадьбу, его детей, или же нам придётся пасть жертвой заговора, дворцовых интриг? Лязгают зубы у соседей на Казанское ханство, на земли плодородные, лесные да речные дары! Богатая, щедрая Казань похожа на сундук при дороге, каждый норовит в него заглянуть», — такие невесёлые мысли посетили казанскую царицу зимним вечером.

В ханские покои заглянул карач-бий, визирь[1] царицы Нурали-Ширин:

— К Вам можно, Госпожа?

— Заходи. С чем пожаловал в столь поздний час?

— Тревожные вести с Московии, Госпожа! Царь урусутов Иван собрал большое войско и движется к Казани. С ним стрельцы, касимовские и астраханские татары. В войске есть иноземные наёмники, пищальники, пушкари и мастера взрывного дела. Я подумал, Вы должны знать об этом, Госпожа!

Сююмбике задумалась. Вот-вот, тревожные мысли подтверждаются. Тяжела ты, царская доля, многие заботы и многие беды! Помолчав, спросила:

— Как давно они вышли из Москвы?

— Двадцать дней, Госпожа! Сейчас они на полпути, войско прошло Нижний Новгород.

— Сколько их?

— Доподлинно неизвестно, тысяч пятьдесят, не меньше...

— Собери мне утром всех военачальников, духовенство, казанских купцов и оружейников. Будем думать, как от московитов отбиваться.

— Слушаюсь, Госпожа! — Советник с поклоном вышел из ханских покоев.

* * *

Вечером в шатре у царя Ивана накрыли стол. За вечерней не было роскошных явств, золотой и серебряной посуды, как и подобает в походе, еда подавалась в глиняных чашках. Молодой царь почти не выпивал и не любил, когда выпивают другие, поэтому приглашённые понимали, что будет серьёзный разговор, и наливали медовуху себе символически.

Гости сидели тихо. Иван во главе стола обвёл взором присутствующих. Взгляд с хищным прищуром голубых глаз царя с юных лет внушал благоговейный ужас приближённым, поэтому многие старались не смотреть ему в глаза, смотрели на стол, на ноги, на соседей, в сторону, но не на Ивана Васильевича

Царь молвил:

— Ну, начинайте разговор, дорогие мои советники, что ж молчать-то... Не для молчанок собрались...Расскажите мне о ханше Сююмбике, какая она?

Слово взял Михайло Воротынский, опытный ратник, воевода стрелецкого полка левой руки. Человек неторопливый и основательный, он неспешно, но обстоятельно повёл свой рассказ:

— Дозволь слово молвить, Государь! Жизнь её не баловала. Зовут её Сююн, родом она из Ногайской Орды, дочь тамошнего беклярбека[2] Юсуфа. Мать умерла рано. Замуж отдали её в 14 лет. Первый муж Сююн, казанский хан из касимовцев, Эналей, тоже молод был, когда женился, семнадцать годков ему было. Может, из-за этого брак

[1] *Карач-бий — главное княжеское сословие у татар, визирь — первый министр*

[2] *Беклярбек — руководитель государственной администрации в Ногайской Орде, должность схожа с современным премьер-министром*

их не сложился, молоды уж больно были, не готовы к семейной жизни, а может, другая зазноба у него на сердце лежала. Не любил свою супругу Эналей, даже поколачивал, Сююмбике на него жаловалась постоянно в Орду, просила отца забрать её домой. Но тот упёрся, вышла замуж — живи. В первом браке детей у неё не было. Эналей был наш ставленник, его заговорщики убили. В заговоре Сююн не участвовала, без неё всё решили мурзы да соглядатаи. Тогда вышла она замуж за нового казанского хана Сафа-Гирея, ставленника крымчан. От второго мужа сын родился, маленький Утямыш-Гирей. Второго мужа Сююн любила сильно, хотя и была пятой женой. Счастливы они были, но недолго. Убился он, неудачно упал во дворце, почему, как и что произошло, точно никто не знает. И среди первых четырёх жён не нашлось той, которая взошла бы на престол казанский, никто не согласился, только Сююн с сыном старшего сына Сафа-Гирея, первого наследника по праву, калгу, по-ихнему, Булюка, крымский хан от себя не отпустил, вот и пал выбор на мальца. Царевича Утямыша, значит, на трон, а она при нём опекунша. Трудно ей, правит ханством как может, через советников, военачальников дела все решает. Управляется справедливо, любит её народ казанский, называет Сююмбике — «Доброй госпожой». Из знати толком её никто не поддерживает, одна она, как дерево в чистом поле. В сыне души не чает. Красивая, правда... Я в Нижнем на ярмарке был, портрет её видел, генуэзец-купец продавал на торжище. По вере басурманской нельзя портреты рисовать, но купцы сами намалевали, видно, умелец середь них был. Тёмненькая, худенькая, очи большие, брови вразлёт, уста коралловые, всё при ней.

Царь слегка улыбнулся:

— Портрет, говоришь... Ну, намалевать-то любой портрет ничего не стоит. Художники-мастера есть, нарисуют так, что хоть в палатах вешай, хоть в храм неси. А что насчёт сношений казанцев с крымцами, с османами? Лезут они в казанские дела?

Слово взял боярин Федор Нагой, прозванный Немым за молчаливость. Нагой был близок к касимовским татарам, поэтому все слухи о тайных союзах, переписке и внешних сношениях в Степи доходили до него одним из первых. Говорил он редко, но по делу. Все присутствующие слушали внимательно:

— Государь, Сафа-Гирей, покойный муж царицы казанской, был ставленником крымчан, гвардия при нём крымская в Казань пришла. Конечно, влияют крымцы на Казань, а через крымцев — османы. Письма султан присылает в Казань, что, де, поддержка от Цареграда[1] будет Казани против русских и иных врагов. Но султан — копьё, а остриё — крымцы, они здесь, на месте его волю творят, да и от себя к османской воле прибавляют немало. В походах казанцев против Руси крымцы первые. Вояки лихие, жестокие...Пугают всех соседей султаном турецким. Мечтают о возрождении Орды, Великого Улуса, чтоб столица здесь была.

— Да, дела творятся вокруг Казани,— молвил царь.— Орду хотят возродить! Мы тоже хотим, но православную державу со столицей в Москве!.. А может, с другой стороны зайдём? Значит, хороша ханша? Тёмненькая, говорите? Может, жениться на ней?

Нагой улыбнулся:

— Великий Государь, на басурманке-то? Как можно? Народ православный, Русь тебя не поймёт. Да и женат ты на Государыне нашей, Анастасии Романовне[2]. Любят люди русские нашу царицу...

— А мы в православие Сююмбике окрестим. У нас вон в Касимове татары православие принимают, и ничего, был Юсуф, стал Юрий. Если для государева дела это нужно...В самой Казани есть сочувствующие нам. Многих не вера заботит, а мошна, особенно людей торговых. Купцам да вельможам лишь бы барыш шёл, любому богу

[1] *Цареград — византийское название современного Стамбула*

[2] *Анастосия Романовна Захарьина-Юрьева (1530—1560) — первая жена Ивана Васильевича Грозного*

будут молиться. Да чтобы податей поменьше было...А жена, Анастасия Романовна? Ну, не знаю даже... Для государева дела, может, и стерпит...

Нагой мягко возразил:

— Но, Государь Иван Васильевич, ханшу ещё надо спросить, согласится ли?

Царь шутя, с полуулыбкой обратился к касимовскому хану Шигалею:

— Как думаешь, хан Шигалей, согласится Сююмбике веру поменять на православную?

Грузный Шигалей, хан касимовских татар, насупился, зная, что шутить с царём надо осторожно, вспыльчивый характер Ивана Васильевича мог вмиг переменить благодушное настроение на гнев.

— Не знаю, Великий Государь, веру менять — грех большой.

— А ты бы согласился?

— Я бы не согласился, Великий Государь!

— А если под пыткой? — настаивал Иван Васильевич.

— Нет, Великий Государь!

— А если голову с тебя снять? — Со смехом молвил царь.

Шигалей помрачнел ещё больше.

— Не вводи во грех, Великий Государь! Здесь ты правитель, а на том свете Аллах с меня спросит. Пророк Мухаммад, мир ему и хвала во веки веков, завещал хранить веру отцов. Не мы нашу веру принимали, не нам и отказываться.

— А ты что думаешь насчёт веры, царевич Едигер? — Иван обратился к молодому астраханскому царевичу. Тот потупился, спрятал глаза от хищного царского взора и смущённо молчал.

— Молод он ещё, Государь, на такие вопросы отвечать,— заступился за царевича Шигалей.

— Что ж, прав ты, хан Шигалей! Значит, будем и люд татарский под корону царскую принимать, были подданные христиане, будут подданные мусульмане! Эх, не удержался ты на троне казанском, как мы тебя поставили! Без войны бы сейчас всё дело обошлось! В западных землях вон католики под нас идут, ихний папа возмущается, ну и что? Достать нас у него руки коротки, новый Крестовый поход на нас послать не может. Сами с усами, ведём род свой от базилевсов римских да константинопольских, да от Мамая-темника. Всех примем под свою корону. Если идут к Руси люди, все будут наши, лишь бы работящие были и не разбойники. Соберём и расширим владения русские. А начнём с Казани... Ну-ка, господа-начальники, воеводы да князья, устройте мне встречу с ханшей...

— Где устроить встречу, Великий Государь? — спросил Курбский.

— Да хоть в этом шатре походном, князь Андрей! Прежде чем кровь лить, поговорить надо... Может, без войны, без убийства обойдёмся. Ну да ладно, давайте о делах мирских, не государственных. Пейте, ешьте, гости дорогие, чем Бог послал. В походе голодным оставаться нельзя, иначе как воевать-то? Брюхо к спине прилипнет...

— Это точно, Государь! Голодное брюхо к сражению глухо,— на свой лад переиначив пословицу, весело отозвался Курбский.

* * *

Наутро во дворце у Сююмбике, в тронном зале на Совет собрались глава казанского духовенства сеид[1] Кул Шариф, визирь Нурали-Ширин, военачальник Казани,

[1] *Сеид — почётный титул у мусульман для потомков Пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму и внука Хусейна. Сеиды считаются одними из главных представителей идей ислама*

предводитель крымской гвардии оглан[1] Кущак. Все были встревожены, но держались мужественно, не показывая своих сомнений. Купцы, торгующие провиантом, и оружейники, кого успели предупредить, стояли рядом с ханским дворцом, войти их не пригласили. Собравшиеся представители знати тихо переговаривались, небольшой гул стоял над толпой. По-видимому, слухи, тайные вести о походе московитов дошли до всех. В зале царица села на трон, но мужчины продолжили почтительно стоять.

— Я собрала вас здесь, правители Казани, чтобы сообщить, что царь урусутов Иван с пятидесятитысячным войском движется в нашу сторону и уже прошёл Нижний Новгород. По всей видимости, будут осаждать город. Какие будут мнения?

Из присутвующих на Совете никто не удивился. «Дурные вести распространяются быстро! Уже всё знают мои приближённые», — подумала царица. Но слово брать никто не спешил, все как бы обдумывали услышанное. Наконец заговорил Нурали-Ширин:

— Госпожа, город готов к осаде. Наши закрома полны, в городе достаточно хлеба и мяса, народ казанский в случае войны весь встанет на защиту Вашей власти...

— Врага хорошо бить, когда он слаб... Но царь Иван силён, воинов-то у него больше. Сколько людей мы можем поставить в строй? — спросила царица.

Слово взял оглан Кущак.

— Пятнадцать тысяч, госпожа... И ещё крымчане, тысяча воинов. Больше нам не собрать, не прокормить.

— Пятнадцать и пятьдесят тысяч — разные армии. У царя Ивана пушки, мастера взрывного дела из иностранцев, шведы да немцы, башни осадные... И бывший родственник мой, хан Шигалей, татар с Касимова на нас ведёт, три тысячи всадников у него. Вооружены урусуты лучше, пищали у них, пушки, у нас-то ружей мало. В основном луки, сабли да кинжалы... Что делать будем, дорогие советники?

В разговор вмешался сеид Кул-Шариф.

— На все воля Аллаха, Господа миров! В моем медресе больше восьмисот мюридов, всех их выведу на стены в случае битвы. Госпожа, давай вручим наши судьбы в руки Провидения. Не оставит Великий Аллах своих преданных слуг, пошлёт нам победу над войском московитов во главе с их неверным царём.

Царица замолчала, словно не решаясь произнести свои мысли вслух. Затем выдавила из себя:

— А может, переговоры, если урусуты предложат? Рассмотреть их условия для мира...Что скажет мой визирь?

— Не знаю, Госпожа... Надо царя Ивана сперва послушать, — уклончиво молвил Нурали-Ширин.

«Хитрит... Осторожный лис», — подумала царица.

Кул-Шариф вновь взял слово:

— Как можно, Госпожа? Какие переговоры с неверными? Мы наследуем Золотой Орде, а Русь всегда под ханами была, князья за ярлык в Орде дрались, воинов наших брали в союзники при междоусобице, в походах на братьев своих. Иногда русские князья месяцами в Орде жили, у порога наших юрт ночевали, к хану на приём попасть не могли. Отобьёмся, Госпожа... Какие переговоры с урусутами? С их жестоким царём? Я не согласен... Да и народ казанский нас не поймёт.

Слова казанской царицы задели главу духовенства, вывели его на яростный монолог. Глаза его сверкали, кулаки были сжаты, зелёная чалма сеида вздрагивала в такт его гневным словам.

Царица возразила:

---

[1] *Огланы — сословие татарских военачальников из рода чингизидов*

— Да, уважаемый Кул-Шариф, на все Воля Аллаха, Господа миров... Но урусутов больше, вооружены они лучше...А как народ казанский погубим, подведём под пищали да бердыши? Это народ поймёт? Простит нам, что мы в сечу его бросим?

Сеид нахмурился, было видно, что ответ царицы ему не понравился.

— Госпожа, давай послушаем царя Ивана, что он скажет. Предложит ли переговоры или сразу на штурм пойдёт...А потом уже и будем решать, что делать нам,— вновь вмешался в диалог визирь Нурали-Ширин.

Кущак хмуро молчал. «Он-то реально знает силу казанскую, насколько способны мы сегодня на битвы ратные,— подумала царица, глядя на своего военачальника.— Было бы у меня триста тысяч воинов, как в Орде Золотой, у хана Бату... Но времена нынче не те, такой армии у меня нет».

— Ладно, на этом и остановимся... Собирайте наши силы... Будем ждать царя Ивана, с чем он пожалует на нашу землю...На всякий случай готовьтесь к осаде, купцам да оружейникам заказы дайте, провизию и оружие запасайте, факелов наделайте, смолы натопите — стены оборонять. Совет окончен, идите!

Присутствующие на Совете с поклоном удалились.

«Женщина, пусть даже умная, красивая, но женщина...Пришлая степная татарка командует нами, всей знатью, всем людом казанским,— мелькнула мысль в голове у визиря Нурали-Ширина, когда он выходил из тронного зала.— Дожили!!!»

* * *

Февральское утро выдалось хмурым и слякотным. Русские войска уже несколько дней стояли походным лагерем около Казани. Воеводы скомандовали построение, и людская масса быстро зашевелилась, люди в красных кафтанах и блестящих латах забегали, заскакали кони, лагерь, как большой муравейник, пришёл в движение.

Посреди поля, на некотором удалении от крепостной стены Казанского Кремля был разбит походный царский шатёр, куда царь урусутов Иван Васильевич пригласил царицу Сююмбике на переговоры.

Царица вышла из Больших городских ворот в сопровождении Кул Шарифа, оглана Кущака, Нурали-Ширина. По условиям переговоров делегация была безоружна. Впереди делегации знаменосец нёс стяг Казанского ханства, на котором был изображён мифический крылатый змей Зилант, позади делегации семенил ногами шустрый толмач из торговых людей. Со стороны городской стены вход в шатёр был открыт, приглашая делегацию войти. Со стороны русских войск вход в шатёр был также открыт, и царь Иван пошёл к шатру от стрелецких рядов в сопровождении Андрея Курбского, Михайла Воротынского, Фёдора Нагого, Шигалея и астраханского царевича Едигера, у которых оружия также не было. Впереди делегации также шёл знаменосец, на стяге Ивана был изображён Спас Нерукотворный. Делегации практически одновременно вошли в шатёр, лишь знаменосцы казанцев и русских остались на улице с двух сторон от шатра.

Посреди шатра стоял большой обеденный стол, разделяя присутствующих. Стульев и угощений не было, значит, переговоры будут короткими.

Царь посмотрел на Сююмбике. В отличие от молодого двадцатилетнего Ивана Васильевича это была молодая женщина в расцвете сил, одетая в синюю стёганую шубу с меховой накидкой сверху, привлекающая своей «взрослой» красотой, мягкостью, выразительностью, зрелостью форм и жестов. Тёмненькая, стройная, среднего роста, брови как нарисованные, немного выпирающие скулы, чуть острый нос...Умные карие глаза смотрели испуганно, тревожно, в движениях царицы чувствовалось

внутреннее напряжение. «Действительно, красивая ханша, прямо картинка», — подумал Иван и вкрадчиво произнёс:

— Ну, здравствуй, Госпожа Царица Казанская! Вот, собрались мы со товарищи в гости к тебе! Как встретишь нас, матушка, на земле Казанской? Как гостей дорогих или как разбойников? Хлебом-солью иль саблей булатною?

Толмач быстро заговорил на татарском.

Царица сердито ответила:

— Будет тебе шутки шутить, Царь Иван! В гости с войском не ходят... Говори, зачем звал!

— Уж больно скора ты, Госпожа Царица! Да и не до шуток мне сегодня... А если серьёзно — нужна мне Казань, под свою десницу хочу взять края эти... Пойдём под русскую корону, Госпожа... Сдай город, признай власть мою над Казанью...Будешь первою княгинею на Руси, на пирах моих сидеть будешь справа от меня, служить тебе будут люди русские!

Царица сжала маленькие кулачки:

— Нет, Царь Иван, не бывать тому! Я веду свой род от ханов Золотой Орды. Вы, урусуты, под мою корону должны идти, а не я под вашу...

Иван чуть искоса, недобро взглянул на царицу:

— По Промыслу Божьему, времена меняются, Госпожа. Ране вы владели, ныне мы владеем... Я и сам права на трон казанский могу предъявить! Уж если родами меряться, то я, Госпожа, сам из базилевсов, даром что ли бабка моя, Софья Палеолог, из императоров константинопольских. По матери, Елене Глинской, от темника ордынского Мамая род ведём. А по отцовой линии Рюриковичи мы. Рюрик из варягов задолго до Батыя на нашу землю пришёл...

— Времена не выбирают, царь Иван... Мамай, родственник твой, самозванцем в Золотой Орде был! Рюрик из северных земель у вас княжил и вашу династию основал, а Бату-хан вас со всеми Рюриковичами, киевскими и владимирскими, завоевал! Разница есть? И дань, и ясак[1] с вас брал, и споры решал, и наказывал, когда надо было! На все воля Аллаха, Господа миров...Сейчас Москва сильна, а забыли что ли, как данниками Золотой Орды были, как за ярлыками на княжение к ханам ездили?

— Ничего мы не забыли, Госпожа, но то время прошло! Прошло и уже не вернётся!!! — повысил голос Иван. Разговор приобретал напряжённый и непредсказуемый характер. Иван Васильевич хищно прищурился, начал злиться. Ближние знали, что вспыльчивый, импульсивынй царь может сорвать переговоры. Чтобы разрядить разговор, в него вмешался князь-воевода Михайло Воротынский:

— Дозволь, Государь, слово молвить.— После кивка Ивана Васильевича он продолжил:

— А как же мирно жить-то с вами, Матушка Царица? Каждый год набеги, то от казанцев, то от крымчан, то от сородичей ваших ногайцев. Почитай, больше тридцати раз за последние годы мурзы ваши на Русь приходили. Русские люди не холопы, а рабы у вас... В наших семьях не принято из татар рабов делать, а в ваших это обыкновенно. Наследие Орды треклятое, оттуда обычай этот ведётся... Мастеровых уводите в полон, девок, парней молодых, деток малых, казните люд православный в набегах без меры...У нас в пограничные земли, в Горную сторону, к вам селиться никто не хочет, одни заставы наши стоят в чистом поле! Не можем с вами миром жить, не получается! Отпускайте пленников наших, всех до единого, отпускайте!

Оглан Кущак сжал кулаки:

[1] *Дань — денежная выплата с покорённых народов, ясак — выплата в натуральной форме, например, зерном или тканью*

— Отпускай, говоришь? А ты забери, воевода, если духу хватит! — «Шакал! Пёс неверный», — по-татарски добавил он, но переводчик переводить эту фразу предусмотрительно не стал.

Слово взял Андрей Курбский:

— Дозволь, Государь...Матушка Царица Казанская! А османы, а вассалы их крымцы? Султан турецкий, союзник ваш, только козни Руси и строит. Ты что же, Государыня, хочешь, чтобы османы войско сюда прислали, чтоб турок у нас под боком поселился?

Обстановка в шатре накалялась, напряжение висело в воздухе. Татарская делегация больше отмалчивалась.

Слово взял касимовский хан Шигалей. Он сказал ласковым, миролюбивым тоном:

— Государыня Сююмбике, пойдём под царя русского! Мы давно знаем друг друга, ты замужем за младшим братом моим Эналеем была! Будем мирно, ладком жить вместе. Царь Иван Васильевич надел тебе даст большой, где захочешь. Под русским царём живётся хорошо...

Царица выдавила из себя подобие презрительной насмешки:

— То-то и бежал ты, родственник мой, из Казани на Москву, хвост поджавши! Если бы не русские пищали, не сносить бы головы тебе, предатель...

Здесь уже злобно прищурился Шигалей и перешёл на татарский:

— Царица, а кого же я предал? Наш род тоже из Золотой Орды. Уже сто лет живём мы под Рязанью, у нас удел свой, веру в Аллаха храним, Пророка чтим, мир ему и благоволение... Кого же я предал, Госпожа?

Царица гневно бросила Шигалею:

— Ханов наших, наследников Чингиза и Бату, Узбяка и Тохтамыша, вот кого...

— Что он сказал? — обратился царь Иван к переводчику. Тот испуганно перевёл разговор Шигалея и царицы на русский.

Царь Иван обратился к Сююмбике:

— Матушка Царица, тогда хоть правый берег Волги нам отдай, горную сторону. Поселим туда русских людей, вместе с татарами уживаться будем, избы ставить, поля пахать...

— Ничего не отдам я тебе, Царь Иван! Ни клочка земли нашей, не бывать этому... Сможешь — забери, а не сможешь — уходи домой, на Москву!

Переговоры зашли в тупик! Все напряжённо молчали, не зная, куда повернёт воля грозного царя с могучим войском за спиной!

Слово взял царь Иван. Зловеще улыбнувшись, он изрёк:

— В общем, ни о чем не договорились мы, Государыня! У меня древний пращур был, князь Святослав Киевский![1] Когда он шёл с дружиной в поход, предупреждал супротивника — «Иду на Вы!». Посему и я говорю тебе, Государыня — «Иду на Вы!». Завтра штурм, готовьтесь!

И, немного помолчав, добавил:

— Эх, Госпожа Царица Казанская! А ведь продадут тебя, Госпожа, вместе с сыном продадут, как мужа твоего первого, Эналея, убили предатели — заговорщики. Так что, зря ты отказываешься под Русь идти! Я бы тебя поддержал! А так — как бы хуже чего не вышло...

Ничего не ответила Сююмбике на эту фразу, только строго посмотрела на Ивана своими тёмными бездонными глазами, словно резанула молодого царя по сердцу. Через мгновение она со свитой вышла из шатра и направилась к крепостным стенам города.

---

[1] *Святослав Игоревич – Великий князь Киевский с 945 по 972 год, сын Игоря Рюриковича и княгини Ольги, отец Владимира Святого – Крестителя Руси. Прославился как талантливый полководец*

* * *

Войдя в ворота города, царица первым делом отправилась во дворец.

— Собери мне казанцев перед дворцом к вечеру,— негромко сказала она оглану Кущаку. Тот кивнул.

К вечеру на площади перед ханским дворцом собрался народ. Здесь были воины, крымская гвардия, вельможи, духовенство, ученики Кул-Шарифа, торговый и посадский люд, знатные и простые хатын-кеше[1], отроки и малые дети. Тихий гул раздавался над большой толпой, люди негромко переговаривались, лица мужчин были суровы, женщины тихо плакали. В сопровождении оглана Кущака и двух крымцев Сююмбике с сыном вышла к жителям и обратилась к ним после недолгой паузы:

— Народ мой любимый, жители Казани! К Вам обращаюсь я, ваша царица! Нечестивый царь урусутов Иван со своим большим войском стоит под нашими стенами, чтобы покорить наш славный город. С ним предатели нашего народа касимовский хан Шигалей и астраханский царевич Едигер! Сегодня утром были переговоры, где Иван продложил мне сдать Казань и пойти под десницу русского царя. Я сказала, что пока я жива, такого не будет. Царь Иван предупредил, что завтра русское войско пойдёт на штурм! Призываю вас, любимые мои жители, кто может держать в руках оружие, взойти на стены для защиты города! Деритесь саблями и копьями, у кого нет оружия — палками и кольями! Кто не может драться, старики, женщины, отроки — помогайте защитникам, пусть каждый займётся делом, направленным на оборону нашей славной Казани! Готовьте пропитание воинам, проносите на стены воду, помогайте тем, кто ранен, укройте малых детей от пушек и пищалей, успокойте их... Надеюсь на вас, жители Казани. Вместе мы отобьёмся от ненавистного урусутского войска.

— Да, да, добрая госпожа, мы будем биться! — одобрительно зашумели люди.

— Люди одобряют Ваш призыв, Госпожа! — глядя на царицу, молвил Кущак.

— Хорошо, уважаемый Кущак! Берите под своё командование оборону города, очень надеюсь на Вас! — Царица с сыном отправились в свои покои.

— Госпожа, подождите! Можно Вам сказать несколько личных слов? — Оглан догнал Сююмбике по пути во дворец.

— Что ещё, уважаемый Кущак?

— Госпожа, может, завтра будет наш последний день! Вы знаете, какие чувства я испытываю к Вам! Прошу Вас, Госпожа моего сердца, дайте мне надежду на взаимность чувств! Скажите, что Вы будете моей, если мы выживем в завтрашней схватке! Вы мне снитесь каждую ночь! Как сказал великий Саади, легче терпеть от Вас обиды, чем выносить разлуку с Вами. И мудрецы говорят: «Умерщвлять своё сердце легче, нежели оторвать взоры от лица любимой!»[2]

Глаза царицы увлажнились, потеплели, но тон её по-прежнему был строгим.

— Ты знаешь, Кущак, падишахом моего сердца был мой муж Сафа-Гирей! Никого не любила я так, как мужа своего, ни с кем мне не было так хорошо! Я была чиста перед ним при его жизни и храню ему верность после смерти. Я в трауре по нему до сих пор, до сих пор я оплакиваю свою потерю...

Оглан Кущак мягко возразил царице:

— Но, моя Госпожа, я прошу Вас лишь о милости, о надежде! Если Аллах пошлёт мне завтра смерть, я умру с Вашим именем на устах!

Царица была непреклонна:

---

[1] *Хатын-кеше — женщина*

[2] *Саади. Гулистан. Глава 5. «О любви и молодости»*

— Пусть сперва всё закончится, а потом мы поговорим, дорогой оглан! Сейчас не лучшее время для чувств! Враг стоит у ворот наших! Командуйте обороной города, уважаемый оглан!

— Слушаюсь, Госпожа! — Кущак кивнул головой и пошёл прочь, по направлению к крепостным стенам.

* * *

Молодой царь готовился ко сну, лёг в шатре на перине, укрылся двумя выделанными медвежьими шкурами, приспособленными под одеяло. Холодно в походе спать зимними ночами, но перины для царя в обозе были приготовлены. С царём в шатре, на соседней лежанке, расположился верный друг его, Андрейка Курбский. Сон не шёл, лезли мысли всякие в голову. Непокорные татары...Как упёрлись они, не своротишь! Иван Васильевич задумался и вспомнил свою встречу с московским юродивым Василием, прозванным Блаженным. Как там сейчас его любимый Вася, опять босым ходит по московскому снегу? Опять воров да злодеев обличает, бьют его, гонят люди богатые? Бедному-то что на правду обижаться, у него, кроме рубахи, штанов да креста на груди, ничего и нет. А вот богатые обижаются, злобу таят, мстят за правду-матушку, гонят людей праведных, казнят их или бьют чем попадя...

— А сам-то ты, царь, не обижаешься на праведников? За обличения, за слова дерзкие людей не казнишь? — Сам себе задал вопрос самодержец.

— И обижаюсь, и казню... Но такая уж наша царская доля, без строгости к подданным никак нельзя... И языки на привязи должны быть у людишек,— ответил царь Иван внутреннему голосу.

* * *

Была весна 1549 года, недели Великого поста. Ближе к полудню царь в сопровождении двух стрельцов шёл по деревянному настилу, лежащему на Красной площади. Весеннее солнышко пригревало освободившуюся от снега почву, то там, то сям пели весенние птицы, весело чирикали воробьи, верещали сороки, грачи, прилетевшие с юга, облепляли верхушки деревьев. Земля просыпалась. Около Кремлёвской стены на солнышке, на деревянных досках, нежась после зимних холодов, сидел старенький юродивый Василий. Он был полуодет, на нем были шаровары, вернее, то, что когда-то называлось шароварами, а сейчас это были оборванные лохмотья. Голый костлявый торс, торчащие ключицы, сухие жилистые руки, всклокоченная борода, лохмы волос, блестящие, с искринкой, глаза... Босые ноги были стёрты от постоянной ходьбы, кое-где на ногах были небольшие язвы. В первый раз, видя Блаженного Василия, можно было испугаться... Но горожане не боялись Васю, зная, что не было на Москве существа более безобидного и доброго, более доверчивого и незлобивого, чем юродивый Василий. У царя Блаженный был в большом почёте, так как застал ещё деда Иванова, князя Ивана III и бабку, княгиню Софью Палеолог. Кроме того, царь считал юродивиго прозорливым, «ведающим сердца человеческие», и из-за этого немного побаивался его. Бог велел хранить нищих как своих друзей, вот и царь Иван хранил, как мог, своего любимого святого, опекал его, угощения и шубы присылал, только Василий всё не брал гостинцы государевы.

— Ну, здравствуй, Вася мой любимый! — Царь подошёл к блаженному, погладил его по голове.— Что, сидишь, греешься?

— И ты здравствуй, царь Ванюша! Вот, из церкви, со Сретинки, пришёл. Греюсь, косточки мои старые уже, вот и радуются солнышку.— Говор у Василия был быстрый, он немного пришепётывал, не выговаривал окончания слов, поэтому блаженного надо было слушать внимательно, вдумываться в каждую фразу.

— Здоров ли ты, Вася? Не обижает ли кто тебя, не обманывает? Ты только скажи, Вася, вмиг дознание учиню.

— Здоров, слава Богу. Не обижают, Государь. Да и как обидишь-то, когда все знают, что заступник мой недалече.

— Конечно, недалече, Вася, рядом я, за стеной белокаменной. Шумни мне, вмиг примчусь.

Блаженный Василий улыбнулся:

— Да не ты, Государь, заступник у меня, а Господь Бог наш, а он везде. Видишь весну, травку, птичек, пчёл — это все Бог. Он за всем смотрит... Он и в холод меня спасает, и от зноя укрывает, и лихим людям в обиду не даёт, и сейчас солнышко мне посылает тёплое.

Царь покачал головой:

— Бог, говоришь... Да, на земле царь, на небе Бог. Там, где царь недоглядит, там Бог всё управит. Дай, посижу я с тобой, вот, шубу нам под седалище.— Царь скинул шубу, сделал жест охране, и стрельцы отошли в сторонку. Сам присел рядом с юродивым, прислонился спиной к стене.— Хорошо с тобой, привольно, друг мой драгоценный! Вася, а пошли жить ко мне в Кремль!

— В Кремль? — Юродивый почесал бороду, наморщил лоб, вопрос его озадачил.— Это как же?

— Светёлку тебе выделю, будешь есть-пить в Кремле, спать на перинах, в праздники у всех будешь первый гость.

— Нет, Надёжа-Государь, это нам без надобности,— отмахнулся юродивый.

— А как же ты хочешь жить? — настала очередь царя нахмурить брови.

— А как живу, так и хочу жить дальше. Богу служить, с людьми общаться, не бояться ничего. У тебя в палатах страху много для человека, кто не так посмотрел, кто не то сказал, не то состряпал, не так перину постелил. Сразу набегают ябеды на наушники, выслуживаться да жаловаться. А я вольно живу, никого не боюсь, и никого надо мной, кроме Бога и Пресвятой Богородицы..

— Да, прав ты, Вася, страху и подлости в царских хоромах много, есть и предатели, и супротивники, и отравители, да и дураки встречаются, всех полно, как на Ковчеге Ноевом[1]. И не распознаешь всех сразу, многие таятся, угодить стараются, да так ловко, что не поймёшь, что у человека на уме...А скажи мне, Божий человек, видишь ли ты будущее моё?

— Будущее? Вижу, Ванюша, вижу...

— Ну и какое оно, моё будущее, расскажи. Что мне предстоит сделать в жизни, хорошим ли государём я буду? Народ православный любить меня будет?

— Скажу, Государь, но не знаю, как... Не обрадуешься ты моим словам...

— Да говори уже! Лучше я тебя, Божьего человека спрошу. Не к ведуньям же идти, ворожба — грех для православного царя.

— Царствовать ты будешь долго, Ванюша, державу нашу укрепишь, расширишь пределы её, до морей студёных на севере, до восхода Солнца на востоке. Смуту на Руси изничтожишь, татар воевать пойдёшь...Волга-матушка русской рекой станет,

[1] *Ной (в исламе Нух) — ветхозаветный пророк, построил ковчег во времена Великого Потопа, собрал на нём людей и животных, тем самым спас их от смерти. Царь Иван Васильевич хорошо знал Священное Писание, мог цитировать на память большие отрывки*

крепостей, застав на ней понастроишь. Потом людей своих в землю Сибирскую пошлёшь, и там они подымут стяг твой. А вот в семье не будет счастья у тебя, женат будешь много раз, жён, деток будешь хоронить...

Царь задумался:

— Хоронить, Вася, это плохо. Хоронить всегда плохо, особенно деток. А ещё что видишь?

— После смерти поносить тебя будут, царь Ванюша, скажут, жестокий был, кровавый, народу извёл много. Казнил, пытал людей православных, головы им рубил... Войско по Руси будет носиться чёрное, псы царёвы...Будут и те, кто имя твоё проклянёт при жизни, предаст анафеме. Смута будет после тебя великая, ливонцы, ляхи налетят на нас, бояре-предатели переметнутся, под них пойдут. Мучать будут народ православный. Голод Господь пошлёт на землю русскую, неурожай, сперва холод, потом — засуху. Много лет будем жить в смятении. Отобьёмся через веру нашу и большую кровь.

После этих слов царь помрачнел, запустил руку в свои русые волосы, потом отёр лицо, как бы умываясь.

— Кто же сказал тебе это, Вася мой любимый?

— Сам же говоришь, на земле царь, на небе Бог. Вот Господь Бог наш и показал.

— А что же делать, Вася? Как судьбы тяжёлой избежать, как деток не хоронить, народ не казнить, как после смерти своей проклятым не быть?

— Не избежишь ты судьбы, Ванюша, всё в нашей жизни по Промыслу Божию. Крепись, молодой царь, и терпи! Зато державу построишь нашу, такую, какую во всём свете не видывали! Всего-то у нас будет много, и леса, и хлеба, и зверя всякого, только начальства государевы будут злые, народ любить не будут. Злые да продажные, все на заграницу будут смотреть...Не избежишь ты судьбы своей, Ванюша... Молись больше, к Сергию Святому в Лавру сходи, поклонись ему, может, и он тебе что откроет. Столп это Земли Русской! Великий святой, нет равных ему!

— Схожу, Вася, сам собирался. Помолись за меня, Божий человек, может, облегчит Господь судьбу мою,— царь встал, сделал знак стрельцам, чтобы подошли.

— Помолюсь, царь Ванюша. Ширь границы наши, на многие лета вперёд дело твоё сослужит... Ты, Ваня, как будет тяжело тебе, приходи ко мне, сюда прямо и приходи, поговорим с тобой, расскажешь о делах своих.

— Хорошо, приду, Вася. Здрав буди, кто обидит, говори...

— Да кто ж обидит-то меня? Ступай с Богом, Ванюша... Помолюсь за тебя.— Юродивый наивно, беззлобно улыбался вслед уходящему царю.

* * *

Наутро русские полки, артиллерия и татарская конница Шигалея были построены. Русская армия была расположена перед казанскими стенами таким образом, чтобы показать себя во всей красе, устрашить противника. Трепетали на ветру православные хоругви, блестели медью начищенные пушки, сталью отливали латы и бердыши, напряжённо переговаривались люди, тревожно ржали лошади. Огромная масса людей, ощетинившееся войско шевелилось и перекатывалось, как большой рой лесных пчёл, как огромный дракон, выползший из своих подземных владений. Позади войск стояли наспех сколоченные из толстых брёвен штурмовые башни...Казанцы с крепостных стен внимательно наблюдали за манёврами русских полков.

Царь Иван на белом коне выехал перед строем. Красный плащ царя поверх доспехов, красное же седло и попона предавали фигуре зловещий, кровавый оттенок.

— Скажи нам слово, Государь! Скажи слово! — зашумели воины.

Царь Иван поднял руку с обнажённым клинком.

— Слушайте меня, славные ратники святой Руси! Перед вами Казань, Казанское ханство, остаток Золотой Орды. Вы знаете, что Орда двести лет владела русской землёй, разоряла наших жителей, собирала с русских дань и ясак. Ордынские воины не раз приходили на нашу землю, жгли города и деревни, уводили в полон народ православный. Русские знатные роды, князья да бояре, ездили к хану, чтобы определить будущее своих княжеств, своих семей и холопов. Волею деда нашего, Ивана Васильевича Великого[1], злое иго было сброшено на Угре-реке. Но и сегодня казанцы уподобляются своим пращурам, разоряют русские порубежные земли, грабят и гонят в полон наших братьев и сестёр. Не бывать больше этому! Раньше была Золотая Орда, теперь будет Великая Русь! Как ваш царь, призываю вас — идите и добудьте нам этот город! Слушайте своих князей-воевод! Мы — Третий Рим, которому стоять вечно! С Казани начнётся строительство православной державы нашей, какой свет не видывал!

По войску пробежал одобрительный гул. Ратники весело, немного нервно переглядывались, улыбались друг другу. Кто-то обнимался перед битвой, предчувствуя, что это будет последний бой, кто-то читал молитву, кто-то предавался воспоминаниям о жёнах и наречённых, малых детках и родителях. Некоторые воины читали молитвы и крестились. Вместе в дружинах стояли отцы и сыновья, мечтающие поскорее закончить ещё не начавшуюся битву... В словах Ивана Васильевича была великая правда, правда сильного русского царя! Как и накануне вечером справедливая Царица Казанская сказала жителям любимой Казани свою великую правду! Теперь этим двум истинам, двум мировоззрениям на будущеее развитие своих народов предстояло сражение за то, чтобы доказать, чья правда крепче, чей дух могущественнее, чья воля сильнее, кто сможет на жилах, лопающихся от напряжения, «мышцею своею», вытянуть свою волю наверх, и утвердить её над волей противника! Радость победителям, горе побеждённым — пока воюют человек, так будет всегда!

Русские воины вразнобой закричали: «Слава Царю Ивану Васильевичу! Послужим Державе нашей, Надёжа-Государь!»

Царь резко, махом опустил руку с мечом вниз. «Вперёд!» — скомандовали воеводы. Полки ринулись на штурм крепостных стен.

* * *

Сначала русские полки стали штурмовать Казанский Кремль со стороны Больших ворот. Две осадные башни — туры — были максимально приближены к воротам, штурмующие крепостные стены русские ратники несли на себе большие деревянные лестницы, которые были приставлены к стенам... Татары умело отбивались, стреляя из редких пищалей сквозь бойницы, осыпая русскую рать стрелами, сбрасывая со стен крючьями и копьями, поливая взбирающихся стрельцов кипятком и смолой. Попавшие под обстрел и смолу ратники корчились от боли, на некоторых горели шапки и кафтаны, люди превращались в живые факелы. На стенах женщины бились наравне с мужчинами, было много погибших и раненых с обеих сторон. Через какое-то время атака через Большие ворота, хорошо укреплённые, захлебнулась. Потом основной удар был перемещён правее, к Арским воротам. Воинские силы были перегруппированы, штурмовые башни подкатили к воротам, разразилась жестокая сеча, русским ратникам на какое-то время удалось закрепиться на стенах города. Однако и здесь

[1] *Иван Васильевич Великий – Иван III, дед Ивана Грозного*

штурм был отбит, а одну осадную башню защитникам Казани удалось поджечь...Атака русского войска захлебнулась и здесь...

Всё это время по стенам города била артиллерия...Однако пушки приходилось использовать с другой стороны войск, с севера и запада крепости, чтобы не накрыть собственными ядрами нападавших на стены... В то же время с северной стороны стены города защищала река Казанка, и поэтому стреляющие пушки приходилось размещать прямо на льду. В некоторых местах из-за оттепели лёд подламывался, пушки с лошадьми и пороховым запасом уходиди под лёд, их приходилось вытаскивать из полыньи... С запада же дубовые стены были крепкими, и стрельба из пушек была почти бесполезна...В любом случае действия русской артиллерии, лучшей и наиболее боеспособой части войска, были неэффективны...

Царь Иван на белом коне на некотором отдалении наблюдал за штурмом. Ему не нравился ход сражения, он, то и дело, взрывался бранными словами...Воеводы, слыша непотребные слова из уст молодого царя, начинали суетиться, усиленно отдавать приказы, посылая в полки гонцов с распоряжениями.

К вечеру, видя, что штурм захлебнулся, русские войска отступили от стен города. Казанцы отбились...

Утром было решено продолжить штурм, однако успеха и в этот раз было немного. Оттепель ещё больше подточила лёд на Казанке и Булаке, сами реки стали естественной преградой, охраняющей город от вторжения. Дело усложнил внезапно начавшийся дождь, нехарактерный для этого времени года. Ратники и пушки вязли в глубоком сыром снегу. Воеводы обратились к царю с просьбой остановить бессмысленные атаки, чтобы сберечь войско. Пётр Иванович Шуйский[1], воевода Передового полка, сказал Ивану Васильевичу: «Государь, крепки стены казанские, отбиваются татары... Напрасно людей погубим!» Царь дал приказ на отступление. Защитники крепости ликовали!

«Ну, ничего, ничего! Дайте только срок! Мы ещё вернёмся на берега Казанки!», — думал царь Иван и велел к вечеру созвать военный совет, самых ближних служивых людей.

— Ну что, воеводы, князья да бояре, умыли нас казанцы! Весь поход псу под хвост! Давайте думу думать, как грамотно отступить да от замысла своего не отказаться! — оглядывая присутствующих служивых начальников, молвил Иван. — Какие будут мнения?

Слово как-то нерешительно, после паузы взял воевода полка правой руки Василий Семёнович Серебряный:[2]

— Государь, на мой взгляд, наша неудача в том, что опоры у нас тут нет...Нет селения, города, крепости, где запасы можно было бы сделать, оружейные и пороховые склады поставить, где гарнизон можно было бы поселить, службу организовать дозорную!

— Крепость нужна, говоришь? Но ведь строительство крепости — дело долгое, неспешное... Здесь чертёжный план нужен, материалы, камень для внешних стен, или бревна дубовые, как у казанцев, люд мастеровой надо нагнать, следить за ними... Втайне это сделать не получится...Как же воплотить в жизнь твои слова, Василий Семёнович?

Слово взял Андрей Курбский:

---

[1] *Пётр Иванович Шуйский — военный и государственный деятель, первый воевода передового полка в Казанском походе 1550 года, вместе с А.Б. Горбатым-Шуйским основатель Свияжска*

[2] *Василий Семёнович Серебряный-Оболенский — военный и государственный деятель, князь из рода Оболенских, боярин и воевода, брат Петра Семёновича Серебряного-Оболенского*

— Дозволь, Государь! Крепость поначалу деревянную можно сделать, срубы привести в разобранном виде, собрать на месте и поставить, людей заселить туда... Втайне сделать это можно, а если секрет сохранить, татары и не проснутся... А местом для нового города предлагаю гору Круглую, где Свияга в Волгу впадает... Хорошее место, вся округа просматривется, птица незаметной не пролетит, не то что человек!

— Молодец, князь Андрей, дело говоришь!!! Хорошо, будем ставить вторую Казань на Волге... А кому поручить?

— Под Угличем у нас леса хорошие, Государь, Ушатые там бояре землёй владеют, родственники твои, из Рюриковичей...

— Добро! Людей к ним пошлите мастеровых с Москвы, Рязани, Владимира. Да смотрите, дорогие князья-бояре, чтобы втайне всё было... Государево дело здесь... Языки свои за зубами держите, иначе вся затея насмарку. Кто проболтается, буду считать за измену. Ясно?

— Ясно, Государь!

Таким образом, русский царь принял важнейшее государственное решение. Крепость Свияжская, стены, сторожевые башни, избы и казармы, деревянные церкви были тайно срублены весной — летом 1550 года в лесах под Угличем в вотчине бояр Ушатых. К весне 1551 года срубы были размечены, разобраны, погружены на суда и доставлены к месту впадения Свияги в Волгу. Новый город был поставлен в тридцати верстах вверх по течению Волги на горе, с которой хорошо просматривалась ближайшая окрестность, вся Горная сторона Казанского ханства. Строительство шло быстро и заняло примерно месяц. Руководил строительством талантливый инженер, дьяк Иван Выродков[1], отвечавший за доставку срубов к устью Свияги. Никто не ожидал от русских такого проворства, обычно нерасторопные и спокойные урусуты проявили чудеса сноровки. Спешно поселился за стены города гарнизон, стрельцы с домочадцами, торговый люд, ощетинилась новая крепость во все стороны пищалями да пушками. Началась блокада торговых путей, ведущих к Казани, с севера и юга...

* * *

Прошёл год с небольшим с тех пор, как казанцы отбили атаку войск русского царя. Потери горожан были большими. Каждый третий защитик казанских стен погиб... Однако русских воинов тоже погибло много, теплилась слабая надежда, что урусуты из-за своей неудачи откажутся от своих планов... По случаю годовщины штурма и удачной обороны города в Казани был устроен большой праздник, царица Сююмбике закатила невиданный пир для всех жителей, продолжавшийся несколько дней. Каждый житель города мог прийти к ханскому дворцу и попробовать царских угощений, мясных блюд и сладостей. После того, как были погребены погибшие, царица и духовенство обратились к народу и сказали, что жертвы горожан не были напрасными, что землю казанскую никто не отнял. Общее настроение в городе было праздничное, все надеялись на лучшее и думали, что угроза русского вторжения миновала... Но так не думала казанская знать, которая видела всё иначе и, как она считала, немного дальше своих подданных. И постоянно плела интриги, иначе, чем ещё заниматься при ханском дворе?

В один из весенних дней 1551 года в дверь скромной каморки при Казанской мечети, в которой жил сеид Кул-Шариф, постучали. Глава исламской уммы[2], отдыхавший после обеда, встал со своего ложа и открыл дверь. За дверью стояли визирь ханского

[1] *Иван Григоьевич Выродков — первый известный по имени русский военный инженер, дьяк Разрядного приказа*

[2] *Умма — исламская община*

двора Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул, представитель знатного казанского рода. Сеид предложил зайти гостям и неторопливо начал разговор:

— Приветствую вас, уважаемые Нурали и Худай-Кул! Что привело столь знатных особ к скромному служителю Аллаха?

Слово на правах старшего взял Нурали-Ширин:

— Приветствуем и мы тебя, уважаемый сеид! Давно не видели главу уммы и решили проведать, спросить, как Ваше здоровье? Не нужно ли чего уважаемому сеиду?

— Слава Аллаху, все хорошо! — ответил Кул-Шариф и многозначительно замолчал: «Нет, нет, уважаемые, вы пришли ко мне не за тем, чтобы интересоваться моим здоровьем. Что-то здесь не так... Что же за дела привели вас ко мне?»

Нурали продолжил:

— У меня с моим другом возник спор на тему — может ли женщина управлять государством? Я говорю — может, а Худай-Кул говорит — не может... И так мы страстно спорили между собой, что решили — пойдём к уважаемому сеиду, пусть он нас рассудит...

«Эээ, вон куда вы удумали повернуть... Что же, наш разговор будет интересным», — подумал Кул-Шариф и ответил:

— История знает многих женщин-правительниц. В странах Востока ещё до рождения Пророка, мир ему, правили царица Билкис и Асия[1], жена фараона Египта, правили они мудро и милосердно, были защитниками своих подданных, заботились о них и укрощали зло. Что смущает вас, друзья мои?

Слово взял оглан Худай-Кул:

— Уважаемый сеид, я слышал хадис[2] про жизнь Пророка, мир ему и благословение, историю, когда к нему в блистательную Медину прислал делегацию персидский двор. Пророк Мухаммад спросил посланников: «Кто вами правит?» Персы ответили: «У нас царица!», и Пророк, мир ему и благословение, изрёк: «Не преуспеет тот народ, которым правит женщина!» Вы, уважаемый сеид, слышали о таком хадисе?

— Разумеется, уважаемый Худай-Кул, я знаю этот хадис. Что вас смущает в нём?

— Что меня смущает? — Задумчиво повторил вопрос Худай-Кул. — Ведь вскоре после этого визита Персия пала, на смену могущественному персидскому государству пришли арабы, принёсшие потом Священный Коран сперва персам, а потом и на берега Итиля...[3]

— Да, это действительно так. Арабы основали благословенный Халифат, который включил и земли персов. Но я не пойму нить Ваших рассуждений, куда Вы клоните?

Худай-Кул замялся, пряча взор, слово взял опытный царедворец Нурали-Ширин:

— Уважаемый сеид, мы считаем, что наша госпожа Сююмбике ведёт Казанское ханство не к процветанию, а к поражению. Она идёт не тем путём, приблизила крымскую гвардию, враждует с сильным царём московским, призывает его войско нам на погибель. Мы пришли спросить, что Вы думаете по этому поводу?

«Вот и разгадка! Ах, вы, знать казанская, плуты да злодеи! Они хотят её свергнуть и ищут повод для этого!» — подумал Кул-Шариф и молвил:

— Не дело духовенству лезть в дела мирские!

— Но, уважаемый, скажите, женщина или мужчина должны сидеть на троне? Что по этому поводу говорит Священный Коран?

---

[1] *Царица Билкис — царица Савская в Ветхом Завете, Асия — жена фараона, правившего во время пророка Мусы (Моисея в Ветхом Завете)*

[2] *Хади́с — предание о словах и действиях Пророка Мухаммада, затрагивающее разные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины*

[3] *Итиль — тюркское название Волги*

Кул-Шариф немного помолчал и продолжил:

— Священный Коран ставит мужчин над женщинами, ибо в Суре четвёртой сказано: «Мужья стоят над жёнами за то, что Аллах по своей мудрости дал одним преимущество перед другими» [1]. Разумеется, на троне должен сидеть благочестивый муж, а жёны должны быть скромны и благоговейны! — таков был ответ сеида.

— Так почему же пришлая татарка, ставленница крымчан и Ногайской Орды, которая даже родилась не здесь, правит у нас в Казани, командует нами, ведает всеми нашими делами? Кто ей дал такое право? Рассудите нас, достопочтенный сеид! — взорвался Худай-Кул.

— Тише, тише, уважаемый Худай-Кул! Вы говорите не просто с человеком, а с потомком Пророка! — одёрнул горячего оглана Нурали-Ширин и обратился к молчащему Кул-Шарифу:

— Уважаемый сеид! Мы пришли к Вам, так как надеемся на Вас как на нашего сторонника. Скажите, если мы, знать казанская, решимся на переворот, если мы отстраним госпожу Сююмбике от власти, Вы поддержите нас?

— Я уже ответил Вам, Нурали Ширин! Я не буду лезть в дела мирские! Моё дело — служить Господину Миров, Всемилостивому Аллаху, воспитывать своих учеников, нести в сердце каждому мусульманину слова Священного Корана! Самому мне трон не нужен, поэтому решайте без меня!

— Тогда благословите нас!

Кул-Шариф засмеялся:

— Нет, благословения своего я вам не дам!

— Почему, уважаемый сеид?

— Послушайте хадис, мои дорогие гости. Однажды сподвижник Абу Зарр аль-Гифари спросил Посланника Аллаха: «Не назначить ли тебе меня на должность эмира?» Пророк Мухаммад, мир ему и благословение, похлопал его по плечу и изрёк: «О, Абу Зарр, ты слаб, а власть — это ответственность. В День воскресения должность эмира принесёт позор и бесчестье и вызовет сожаление для всех, кроме того, кто получит должность по праву и выполнит все свои обязательства». После этих слов Абу Зарр пристыдился и отказался от претензий на власть, он до конца своих дней жил уединённо и праведно. Вот и я не уверен, что вы будете править в Казанском ханстве ответственно! Тем более, начинаете с заговора! Единственное, что я уже говорил и повторю ещё раз — моя жизнь принадлежит Аллаху, Господу миров, я не буду лезть в дела власти, и в ваше дело не полезу!

— Тогда простите нас за беспокойство, уважаемый Кул-Шариф! — Нурали-Ширин и Худай-Кул в смущении, не глядя друг другу в глаза и не достигнув нужного результата разговора, вышли из жилища сеида.

«Да, недоброе затевают хитрецы казанские,— провожая их взглядом, подумал Кул Шариф.— Где интриги, там беда! Прямыми путями надо всем ходить, так Аллах нас учит... А как они хотят — как бы хуже чего не вышло»

* * *

Молодой стрелец Федор Брянченинов в составе разъезда из пяти стрельцов нёс службу южнее Казани, на левой стороне Волги. Небольшой конный отряд был выдвинут далеко в степь и следил за тем, чтобы ни один возок или всадник, да что там всадник, чтобы ни одна мышь не проскочила в город и из города, блокировал подходы

[1] *Священный Коран. Сура 4, Стих 34*

к Казани. Царь Иван Васильевич обложил Казань подобными немногочисленными отрядами со всех сторон, на реке стояли русские струги. Торговые суда и пешие караваны, движущиеся в город, не могли беспрепятственно преодолеть стрелецкие и казачьи заставы, вынуждены были обращаться к русским воеводам, чтобы те пропустили их с товаром на казанские рынки. За проезд надо было платить, платить много, и потёк барыш в русскую казну, а то и в караманы начальств государевых! Иные караваны, которым был установлен тяжёлый оброк, не могли заплатить, купцам это было невыгодно, так как их доход «съедался» пошлинами, и в этом случае торговцы прямым ходом направлялись в русские города, в Нижний Новгород, Владимир, а то и на Москву...

В один из летних дней стрельцы заметили одинокого всадника, держащего путь на юг.

— Смотри-ка, Прохор, кажись, татарин! — Обратился Фёдор к командиру.— Что прикажешь делать?

— Перехватить надо его, ты наказ воеводы слышал! Бери двух человек и за ним...

— Будет сделано...Василий, Петька, за мной! — Стрельцы бросились в погоню.

Русские всадники погнались за одиноким наездником, который, заметив преследование, пришпорил коня и дал дёру... Один из стрельцов бросился всаднику наперерез, в то время как другие гнали его в спину... У русских лошади были более свежими, в то время как татарин пробирался от Казани уже вторые сутки, и его конь немного подустал. В конце концов стрельцы окружили казанца, тот выхватил саблю... Раз! — Один из стрельцов был сбит с лошади ловким ударом кривой сабли по плечу, однако в то же время другой стрелец огрел татарина плашмя палашом[1] по макушке, и тот всем телом рухнул с коня на землю... Стрельцы спешились и навалились на пленника:

— Васька, вяжи его, к Прохору повезём, там дознание учиним. Посмотри, что у него в сумке...

Василий связал руки пленнику сыромятным ремнём и обыскал его дорожную суму, притороченную к седлу...

— Смотри, Фёдор, деньги, казанские монеты, золотые и серебряные. Провианта чуток... И вот, бумага, на ихнем написана, вязь арабская. Гонец, получается, с письмом, на юг пробирался...

Федор задумался...

— Смотри-ка, печать на письме! Интересно, куда он ехал, к крымцам или к ногаям? Кому весточку из Казани вёз? Здесь дело государево, строго по уставу всё надо делать. Давай к Прохору, а он потом с захваченным гонцом к воеводе в крепость Свияжскую.

Захваченного гонца с письмом срочно повезли в Свияжск. Гонец поначалу молчал, но затем под пыткой рассказал, что их из Казани выехало четверо. На тот случай, что русские дозорные могут перехватить гонцов, каждый поехал самостоятельно. Он и ещё один посланник спешили к бию Юсуфу в Ногайскую Орду, ещё двое пробирались на юг, к крымскому хану и турецкому султану. Воевода свияжский князь Семён Микулинский с помощью купцов перевёл текст письма и принял решение срочно переправить его в Москву царю Ивану Васильевичу. Для государева дела был послан гонец с указанием — «лошадей не жалеть»! Через неделю царь Иван с думскими боярами в московском Кремле слушал переведённый воеводой Микулинским текст письма.

«Бию[2] Юсуфу-мурзе, да продлит Аллах его годы!

Любимый отец! Пишет тебе твоя дочь Сююн, милостью Божьей Царица Казанская! Как твоё здоровье, в добром ли здравии мои братья Али, Юнус, Ибрагим и Эль-мурза?

[1] *Палаш — колюще-рубящее холодное оружие с прямым клинком*

[2] *Бий — титул правителя в Ногайской Орде*

Всё ли благополучно в моём родном улусе, Орде Ногайской? Как же не хватает мне наших степных просторов, скачек на лошади, запаха полыни, ветра в лицо, дыма родной юрты! Как я соскучилась по Сарайчику, по нашей голубой реке Яик!

Любимый отец! Я прошу твоей помощи! Прошу не только себе, но и всему моему любимому народу! Нечестивый царь урусутов Иван приходил воевать Казань зимой прошлого года. Мы с трудом отстояли город, но царь неверных, упорствуя в своих намерениях, основал крепость на реке Свияге, тридцатью верстами севернее Казани, заселил её урусутами и черемисами, гарнизоном, служивыми и торговыми людьми, землепашцами вместе с домочадцами... Благодаря этой крепости урусуты взяли Казань в осаду, не дают проехать к нам ни купцам, ни послам, ни союзникам нашим, везде понаставили застав и ловят тех, кто пытается прорваться... Поля наши остаются нескошенными, жителей казанских гонят и не дают убрать хлеб... Если мы будем медлить и ничего не предпринимать, царь Иван опять пойдёт войной на Казань и захватит её. Я и твой внук Утямыш-Гирей лишимся не только власти, но и самой жизни!

Любимый отец! Прошу тебя не только как твоя дочь, но и как верная союзница Орды Ногайской — пришли мне войско, чтобы я стёрла нечестивую христианскую крепость в своих владениях с лица земли, а гарнизон крепости взяла в полон. Только в этом случае останемся мы на царстве, будем править и далее в нашем славном городе Казань!

Милостию Аллаха, Господа миров, вдовствующая царица Казанская и твоя любящая дочь Сююмбике и твой внук, царевич Казанский Утямыш-Гирей, прикладывают руку»

Когда дьяк Посольского приказа Иван Висковатов[1] закончил читать перехваченное письмо, царь Иван вопросительно оглядел присутствующих:

— Да, дела...Что скажете, бояре? Что делать будем?

Бояре нервно переглядывались, не решаясь начать разговор, словно выжидая, кто осмелится на какие-либо рассуждения.

Слово взял «знаток ордынских дел» Фёдор Михайлович Нагой:

— Похоже, Государь, войны с татарами не избежать. Войной пойдёт на нас Царица Казанская, если войско ногайское к ней подоспеет... Свияжску не устоять тогда, уж больно молодая крепость... Жители её не укоренились ещё на месте, ударь посильнее, и побегут оттуда людишки...

Царь Иван после раздумий молвил:

— Прямо не самодержица, а львица свирепая в Казани сидит...У нас царица Анастасия Романовна в дела государственные не лезет, всё с боярынями ближними по церквам и монастырям ездит, милостыню творит, а эта, смотри-ка, воевать нас удумала... Диву даюсь, женское ли дело — воевать?

И продолжил:

— Помните, бояре, притчу Господа нашего Иисуса Христа о хозяине виноградника, который сдал свой виноград работникам. Когда же подошло время плодов, одного послал за виноградом — виноградари его прогнали, второго послал — его побили, сына любимого послал увещевать их — убили сына... Что делать со злыми виноградарями хозяину виноградника? Только наказать их, побить и отдать виноградник другим[2]. Вот и мы так же, говорим — Казань будет наша, ставим туда одного хана — прогоняют его, посылаем второго — убивают его! Нельзя оставлять такое, нельзя нам ханство Казанское упускать, а то получим Орду новую под боком!

Нагой ответил:

---

[1] *Иван Михайлович Висковатов — думный дьяк, русский государственный деятель, с 1549 по 1570 годы глава Посольского приказа*

[2] *Евангелие от Матфея, глава 21, стихи 33—41*

— Государь, надо знати татарской письмо написать тайное... Просить выдать нам на Москву Царицу Казанскую с царевичем... Посулами их задобрить, постараться подкупить, сказать, что Казань не тронем, войной на них не пойдём. У кого на Руси торговый интерес есть — надавить на тех, сказать, барыша у вас не будет, война всё сожрёт, аки зверь свирепый...

Царь возразил:

— А ногайцы что? Их-то надо в расчёт брать?! А как Юсуф-мурза войско на подмогу к дочери двинет? Там сто тысяч воинов, а может, и поболе! Сможем ли отбиться?

— Дозоры у нас расставлены везде. Надеяться надо, Государь, на Промысел Божий! Но не только на него, а ещё на зоркость дозоров наших, что гонцов казанских отловят всех, не дадут к ногаям проехать, и на донцов, что южнее службу несут, от султана и крымцев наше войско прикрывают. Если стрельцы где не углядят, то донцы помогут... А ещё на золото русское надеяться надо, коим подкупить следует беев казанских...

Царь утвердительно кивнул головой:

— Ладно, на том и порешили... Давай, дьяк Иван, пиши мурзам[1] казанским письма тайные, увещевай их... В дела твои не лезу, но за неудачу спрошу строго! Денежному двору — деньги выделить на подкуп знати казанской! Может, и удастся наш замысел, перейдут мурзы да огланы на нашу сторону. Как письма напишешь, ко мне приди, ещё раз все обсудим...

— Будет сделано, Великий Государь! — Иван Висковатов поклонился и вышел из палаты. Бояре стали неспешно расходиться...

* * *

Один большой торговый караван с Астрахани русские дозоры подозрительно пропустили. Разгадка была проста — в караване был татарин из касимовцев, который вёз казанской знати тайное письмо от царя Ивана и деньги на подкуп...

Вечером того же дня, как в Казань пришёл астраханский караван, в доме визиря Нурали-Ширина собрался весь Диван — Правительство Казанское, мурзы пришли втайне от царицы Сююмбике... Письмо от царя московкого казанской знати зачитал сам визирь:

«Нурали-Ширину, сыну Булата, сотоварищи!

Великий Государь и Князь Московский Иван Васильевич обращается к вам, знать казанская! Доколе вы будете терпеть у себя на троне иноземку, доколе она будет править всем людом казанским?

Коль хочет знать казанская жить с Великим Русским Государём в мире, существовать дружно, беспрепятсвенно торговать и возделывать поля свои, выдайте ближним людям моим царицу Сююн и сына её Утямыш-Гирея! Если не выдадите, будет люд казанский голодным, без хлеба и иной провизии зиму встречать! А как выдадите, хана в Казань я вам нового пришлю взамен Царицы Казанской.

Великий Государь и Князь Московский Иван Васильевич руку приложил!»

Письмо было коротким, царь Иван посчитал, что пространственное послание могут принять за слабость, и оно может вызвать различные толкования. Поэтому было написано коротко и по делу — либо выдаёте царицу Сююмбике с сыном, либо не жди-

[1] *Мурза — аристократический титул в тюрских государствах*

те от Руси ничего хорошего... О том, что к письму прилагалась приличная сумма денег, визирь Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул предусмотрительно умолчали...

Мурзы казанские переглянулись... Всё это было неожиданно... Подобная неожиданность пугала, предстоял сложный разговор... Чья возьмёт? Царицы Сююн или заговорщиков? Не угадаешь расклад — в опалу попадёшь, а то и головы лишишься... Бессонная ночь и сложный выбор предстояли казанской знати...

* * *

Летним июльским вечером оглан Кущак пришёл в покои к Царице Казанской.

— Мир Вам и благословение Аллаха, Госпожа! Дозвольте поговорить с Вами!

Сююмбике ответила:

— Приветствую и я тебя, уважаемый оглан! Говори, с чем пришёл!

— Госпожа, слухи доносят, что вокруг Вас плетётся заговор, что огланы и мурзы казанские что-то затевают против Вас!

— Уважаемый Кущак, выражайтесь яснее... Это серьёзное обвинение... Каковы причины подозрений? У Вас есть факты, доказательства? Что конкретно Вам известно?

— Конкретных доказательств, увы, нет... Мы, крымчане, предполагаем, что в том караване с продовольствием, которые урусуты почему-то пропустили, был засланный лазутчик с письмом от царя Ивана к казанской знати...

Царица задумалась:

— Допустим, это так... Вам известно содержание письма?

— Нет, Госпожа, доподлинно неизвестно. Мы знаем лишь, что кто-то из пришедших с караваном купцов начал искать встречи с представителями знати казанской!

— С кем конкретно встречался посланник русских? Кого увещевал посулами от царя Ивана?

— Мои люди следили за перемещениями караванщика по городу, но он сумел скрыться от них, и больше мы его не видели...

Царица раздражённо ответила:

— Да, ничего не скажешь, хороши твои соглядатаи... Вражеского лазутчика упустили!

— Да, мои люди виноваты, Госпожа! Но наказывать я их не буду, сейчас время такое, каждый человек на счету!

— Сколько людей у тебя осталось?

— После прошлогоднего штурма осталось триста шестьдесят человек. Здесь вот ещё что, Госпожа... В городе становится тревожно... Мы, крымская гвардия, хотим уйти, прорваться в Крым и прийти оттуда с подмогой... Вам и Вашему сыну Утямыш-Гирею в Казани грозит опасность... Поэтому мы хотим, чтобы Вы пошли с нами... Мы выедем из города тайно... Надеюсь, что обходными путями нам удастся обойти урусутские дозоры... Прошу Вас, Госпожа, Повелительница моего сердца, поедемте с нами... Бойцы крымской гвардии не подведут Вас!

Царица помрачнела, лицо её стало печальным... Да, дела творятся в Казани... Знать и министры Дивана, ближайшее окружение, становится враждебным... Вот, и верные крымцы хотят уйти... На кого можно опереться в таком случае? Н*е* на кого...

— Вы отпустите нас, Госпожа? — глаза Кущака выдавали его настоящую тревогу.

Помолчав, Сююмбике ответила:

— Да, храбрый Кущак, поезжайте... Я отправила гонцов в Крым и к отцу, в Ногайскую Орду, но ответа почему-то ниоткуда нет. Если наших посланников перехватили, то царь Иван уже знает, что я просила военную помощь против него. В этом

случае миром дело не кончится... Может, и правда, крымская гвардия успеет прийти с подмогой...

— А Вы с сыном? — с надеждой продолжил оглан...

— Без меня, уважаемый оглан, я останусь со своим народом! Поезжайте быстрее, прошу Вас!

— Госпожа! Я люблю Вас! Судьбы людские в руках Всевышнего! Мы приведём подмогу с Крыма! Если Аллах позволит, мы ещё увидимся! — оглан Кущак поклонился и вышел из покоев царицы.

В ту же ночь под покровом тьмы небольшой отряд крымской гвардии выехал из ворот Казани... Крымчане решили пробираться сразу на юг, по левой стороне Волги, однако русские дозоры их обнаружили, началось преследование... Тогда всадники повернули в другую сторону, на восток, и попытались оторваться от урусутов, пройдя вдоль берега Камы... Здесь-то их и настигли стрелецкие и казачьи отряды, крымцев с двух сторон взяли в клещи... Преследование продолжалось несколько десятков вёрст, затем крымцы развернулись и решили биться... Часть неудавшихся беглецов приняла смерть в ходе кратковременной рубки с превосходящим по численности противником... Остальных пленили и отправили сперва в Свияжскую крепость, а потом и на Москву... Царь Иван милости крымцам, своим злейшим врагам, от набегов которых не раз страдало Московское царство, не дал, и все пленники были казнены...

* * *

Утром следующего дня служанка доложила Царице Казанской:

— Госпожа, визирь Нурали-Ширин и оглан Худай-Кул ожидают Вас в тронном зале!

— Они вдвоём?

— Нет, Госпожа, с ними представители Казанского Дивана, всего человек двадцать!

— Скажи им, через четверть часа я к ним выйду, — ответила Сююмбике и подумала: «Похоже, началось! О, Всевышний, Господь Милосердный, прошу тебя, помоги мне и укрепи волю мою! Не за себя прошу, мне моя жизнь не дорога... За сына тебя прошу! О, Великий Аллах, спаси жизнь сыну моему, дитя он ещё неповинное!»

Через четверть часа Сююмбике, в тревожных предчувствиях, но вся собранная, сосредоточенная, вошла в тронный зал. Представители казанской знати стояли и неспешно, вполголоса переговаривались. Сююмбике, оглядев присутствующих, не обнаружила среди них Кул-Шарифа и других представителей казанского духовенства. «Значит, Кул-Шариф их не поддержал», — подумала она и спросила:

— С чем пожаловали, уважаемый Нурали-Ширин и вы, мурзы казанские...

— Госпожа! — лукавый Нурали-Ширин слонился в приветственном полупоклоне... — Госпожа, у нас для Вас новости... Русский царь Иван прислал письмо...

«Значит, про письмо правда», — подумала царица и наигранно удивилась:

— Какое письмо? Мне царь Иван ничего не присылал!

— Нам прислал письмо, знати Казанской! — с наигранной улыбкой продолжил Нурали-Ширин.

— Ах, вам... Не знала я, что Диван Казанский за спиной царицы своей переписку ведёт... О чём же письмо?

— Госпожа, царь Иван обвиняет вас в союзе с османами и крымчанами, и в том, что не даёте Вы мирно жить Казани с Московским царством!

Сююмбике на минуту задумалась... После паузы она ответила:

— Крымчане и османы — наши первейшие союзники! Муж мой, хан Сафа-Гирей, был из крымских ханов, Утямыш его прямой наследник! Что же вы, знать казанская, решили друзей и покровителей своих предать?

— Мы пока не решили...— ответил Нурали-Ширин и в разговор грубо вмешался Худай-Кул:

— Что вы с ней разговариваете, знать казанская? Чужая она здесь! — и он обратился непосредственно к Царице:

— Госпожа Сююмбике, мы считаем, что Вы ведёте Ханство Казанское, Улуг Улус, к погибели! Водите дружбу с крымцами и османами, войну с Москвой затеваете, а с царём Иваном дружить надо! Он блокаду с нас обещает снять, если мы требования его исполним!

Здесь Сююмбике повысила голос:

— Что вы говорите-то, знать казанская! Как с волком лютым можно дружбу водить... Сегодня он в сени ваши заберётся и овцу одну зарежет, а завтра и всё стадо пожрёт! Вы что, не видите, земля ему нужна наша! Что же просит у вас царь Иван, что вы ко мне пришли?!

— Он просит выдать Вас, Госпожа Царица, и сына Вашего под свою сильную руку! — опять взял слово Нурали-Ширин.

— Выдать? Выдать меня с маленьким сыном? Вы хотите сказать — **предать?** — Царица вглядывалась в лица пришедших, многие стали прятать глаза... Отводил свой взор от глаз царицы и Нурали-Ширин, только оглан Худай-Кул смотрел ненавидяще и дерзко!

Царица продолжила:

— Как же Вы так можете, мурзы казанские? Вспомните мужа моего Сафа-Гирея! Разве не заступалась я перед его грозным взором почти за каждого из стоящих в этом зале? Разве не прощал мой покойный муж наносимые вами дерзости и обиды? Что же вы молчите?

Да, мурзы казанские потупились и молчали! А что скажешь, когда гнусные дела творятся на твоих глазах, да ещё ты участвуешь во всей этой мерзкой процедуре! Лишь Нурали-Ширин, по-прежнему, пряча глаза, продолжил:

— Мы выдадим Вас с сыном, Госпожа! Мы, знать казанская, лучшие люди города, уже всё решили!

Эти слова прозвучали для царицы как гром среди ясного неба! Её предали! Предали ненавистным урусутам! Предали жестокому царю Ивану! Она замолчала! Пауза продлилась достаточно долго... Присутствующие ждали, что ответит им Царица Казанская... Через какое-то время Сююмбике молвила:

— Раз решили, будь по-вашему! Некому сейчас за меня заступиться... Ни крымцев, ни османов, ни ногаев, родственников моих, рядом со мной нет! Прошу об одном вас, знать казанская — сына не трогайте... Сохраните ему жизнь, не виноват он ни в чём перед вами...

Нурали-Ширин со вздохом облегчения, как человек, разрешивший сложную ситуацию в пользу задуманного, сказал:

— Госпожа, мы выдадим тебя царю Ивану, а он пусть сам судьбу твою решает... Грозен и злопамятен царь русский! Не для того тебя выдаём, чтобы тебя казнить, а хотим ответственность с себя снять да условия мира с урусутами повыгоднее на переговорах выхлопотать. В руке царя ты с сыном будешь, а там уже как он управит!

Слёзы, жгучие слёзы душили царицу, перехватило дыхание, от обиды поднималась дрожь в теле, как будто иглы острые кололи, но она сдержалась. Сююмбике тихо сказала:

— Поняла я вас! А теперь прочь пошли, знать казанская, дайте мне одной побыть! Не волнуйтесь, не убегу я! В вашей воле я теперь... Но смотрите, мурзы да беи, как бы кара Аллаха к Вам не пришла за предательство!

— Не придёт, Госпожа! Знайте, дворец теперь верные Дивану люди охранять будут! Османский султан и крымский хан далеко, крымская гвардия бежала из города, ногаи, родственники Ваши, молчат, а русский царь — вон он, за дверями стоит! Русские пушки и пищали целят в нас! Лучше, Госпожа Царица, Вами пожертвовать, чем всё наше ханство потерять! Пойдём отсюда, правители казанские, всё, что хотели, сказали мы уже! — молвил Худай-Кул...

Присутствующие представители знати молча, хмуро потянулись к выходу. Предали мурзы и беи казанские справедливую царицу Сююмбике, выдали ненавистному урусутскому царю... Предали исходя из политической целесообразности, из цели удержания собственной власти, чтобы какое-то время побыть ещё в славе и почёте, не лишиться имущества, да позаседать в Казанском Диване, погулять на царских пирах... Не оказала знать казанская поддержки своей Доброй Госпоже и её малолетнемы сыну...

* * *

Через четыре дня в кремлёвские покои к царю Ивану вошли Андрей Курбский и Фёдор Нагой.

Разговор начал Курбский.

— Прости, Надёжа-Государь, за беспокойство. Срочные вести из Казани. Мятеж в ханстве против царицы Сююмбике, Государь! Диван Казанский, знать во главе с Нурали-Ширином и Худай-кулом против царицы взбунтовалась...

Царь спросил:

— Откуда вести?

— Со Свияжска гонец прискакал, воевода его прислал... Двух лошадей загнал по дороге!

Царь Иван задумчиво, немного протяжно произнёс:

— Вот оно что! Значит, правильно мы рассчитали, когда письмо с деньгами мурзам казанским послали! Значит, наша берёт, други мои! Будет Казань наша, ей Богу, будет!

Слово взял Фёдор Нагой:

— Великий Государь, спасать надо Царицу Казанскую. Не уследим — свои её либо отравят, либо удавят... И её, и малыша! Вспомни Орду Золотую во времена пращуров твоих, Ивана Калиты и Дмитрия Донского... Ханы каждый год менялись, каждый год заговор, убийство и новый хан. То отравят, то подушкой задушат, то зарежут. То брат брата убьёт, то сын — отца! Восток, одним словом... Интриги, заговоры сплошные!

Разговор оживлённо продолжил Курбский:

— Увезти её надо, Великий Государь. Не ровен час, свои приближённые царицу во гроб сведут... А здесь и она нам нужна, а ещё больше малыш нужен, у него все права на трон Казанский... Опять же, Утямыш — внук Юсуфа, биклярбека ногайского... Через него на ногайцев давить можно! Государь, скрыть надо царицу Сююмбике от знати казанской... Побыстрее... Как не уследим, отравят или ещё чего — тогда правды не найдёшь...

Царь Иван одобрительно улыбнулся:

— Дело говорите! Кого предлагаете в Казань послать, князья-бояре?

— Государь, там сейчас у воеводы Микулинского в Свияжске князь Пётр Серебряный в помощниках... Наш человек, опытный, спокойный, верный... Он справится!

— Хорошо, на том и порешим! Напишите Петру Семёновичу — пусть за царицей в Казань едет и в Москву её везёт! Гонца немедля отправляйте, поспешать надо!

— Слушаемся, Государь!

Через неделю князь Серебряный с небольшим отрядом стрельцов въехал в Казань. Его тут же встретили новый глава Казанского Дивана Худай-Кул и бессменный визирь Нурали-Ширин.

— Приветствую Вас, мурзы казанские! Я, князь Пётр Серебряный — посланник Великого Государя Московского, по его высочайшему приказу — за царицей и наследником! Велено Царицу Казанскую с царевичем Утямыш-Гиреем на Москву доставить! — сразу же, без обиняков заявил Пётр Серебряный...

Новый Правитель Казани Худай-Кул поприветствовал русского князя лёгким поклоном:

— Приветствуем и мы Вас, уважаемый князь! Сколько времени царь Иван дал на сборы царице?

— Два дня, на третий велено выезжать!

Худай-Кул ответил:

— Хорошо! Ваших людей мы разместим в казарме... А Вас, уважаемый князь, со своими ближними, прошу вечером пожаловать в Ханский дворец, где будет устроен небольшой приём в Вашу честь и во славу Великого Государя Московского Ивана Васильевича! И я пошлю людей к царице Сююн, объявлю ей волю Великого Государя!

На следующий день Царица Сююмбике попросила разрешения сходить на могилу мужа своего Сафа-Гирея в сопровождении верной служанки.

Глава Дивана Худай-Кул ответил:

— Дозволяем, пусть идёт!

В сопровождении совместной охраны из стрельцов и казанских багатуров, верных Дивану, царицу Сююмбике одну, без сына, привели в мраморную белоснежную усыпальницу ханов казанских, где была могила и Сафа-Гирея... Там царица распустила свои волосы, посыпала свою голову казанской землёй, закрыла руками лицо и стала жалобно выть и причитать по-татарски... Прощалась она со своим любимым мужем, как будто чувствовала, что не увидит усыпальницу его более, умрёт на чужбине, а не в родной Казани. Плач продолжался больше часа... Русская охрана, которой пока татарские обычаи были в диковинку, растерянно переглядывалась и была потрясена. Один стрелец сказал другому:

— Жалко бабу, уж больно убивается... У меня аж слёзы наворачиваются от её плача! А ведь красавица, каких поискать...

Тот ответил:

— Любила, наверное, сильно...Интересно, Николка, по нам так наши бабы будут плакать?

На третий день, в час отъезда Сююмбике из Казани все жители города высыпали на улицы. Люди не скрывали печали и слёз, прощаясь со своей любимой царицей... Простым жителям Казани было невдомёк, что на их глазах разыгрывается целая трагедия! Никто не сделал попытки возмутиться, поднять бунт, отбить у стражи царицу Сююмбике с сыном... Это была ошибка, и осознание этой ошибки, осознание своего безволия и непростительной слабости, придёт к жителям города позже! Пока же мужчины лишь горестно вздыхали, говорили: «Так угодно Аллаху! На всё воля Всевышнего!», а женщины, молодые девушки, малые дети просто плакали... Провожал народ казанский любимую свою госпожу! Царицу с сыном провезли от Ханского дворца до речной пристани, и уже оттуда струг с царицей и сыном отправился в новую русскую крепость.

* * *

После выдачи царицы Сююмбике урусутам её с маленьким сыном Утямышем доставили в Свияжск. Воевода крепости князь Семён Микулинский[1] рассыпался в любезностях, царицу с сыном поселили в пристройке княжеских хором, кормили лучшими блюдами, разрешали прогулки, правда, в сопровождении охраны. Сююмбике с тоской смотрела с возвышенности, на которой располагалась крепость, на близлежащие окрестности, речные волны, на холмы и перелески, на редких всадников, крестьянские подводы в степи, и думала: «Эх, Земля моя Казанская, милые сердцу луга и дубравы... Как увезут меня отсюда, увижу ли вас вновь?»

Потом царицу с сыном повезли в Москву... Воевода Микулинский выделил нарядную карету и конный разъезд, шестнадцать стрельцов в сопровождение... Следом за каретой ехали две небольшие телеги со скарбом Царицы Казанской. Возглавлял стрельцов князь Пётр Серебряный. По дороге молва летела впереди разъезда, крестьяне, жавшие поля, останавливали свой труд и пристально смотрели на проезжавшую процессию. Кто-то кланялся карете, кто-то начинал креститься, как при встрече царя Ивана Васильевича... В Нижнем Новгороде была непродолжительная остановка, царицу и сына снабдили калачами, напитками и фруктами до Москвы...

При въезде в Москву выстроилась целая делегация, люд московский дивился на царицу... По Москве её везли не самым коротким, но самым значимым путём, въехали в город через Владимирский тракт, а потом повезли вокруг Кремля, через Арбат, Воздвиженку, Знаменку до Красной площади, чтобы показать ей город, с одной стороны, с другой стороны, чтобы показать Царицу Казанскую жителям столицы, а заодно показать силу русского царя, который ведёт всё к тому, чтобы Казань к Москве присоединить! Про Москву-реку и Яузу Царица Казанская подумала: «Да, это не Итиль, нет здесь простора, негде разгуляться наследникам Орды Великой!» К вечеру карета прибыла в Кремль, где царицу в палатах ждал царь Иван.

Царь стоял в тронном зале у окна, когда ему доложили: «Государь, прибыла Царица Казанская с сыном!»

— Просите, пусть войдёт! — Ответил Иван Васильевич.

Царица неспешно, чуть склонив голову в дверном проёме, зашла в зал... К ней жался маленький чернявый мальчик, пытаясь спрятаться за маму... Следом вошёл толмач из касимовских торговых людей.

— Как доехала-то, Госпожа Царица Казанская? Хорошо ли обращались с тобой мои слуги в пути?

— Обращались хорошо, Великий Государь! Зачем ты привёз меня на Москву?

— Я не буду ответ держать перед тобой, Госпожа Царица! Единственное, что скажу — продали тебя и предали мурзы казанские, предупреждал ведь я тебя об этом!

— На всё воля Аллаха, Господа миров, царь Иван... В твоей воле я сейчас, поэтому делай, что хочешь. Только Утямыша, наследника моего, пощади...

То ли от долгого напряжения в пути, то ли от страха за своё с сыном будущее Царица Казанская закрыла лицо руками и заплакала.

— Что ты, что ты, Матушка Царица! Не плачь, нечего слезы лить понапрасну! — Царь сделал движение навстречу Сююмбике, хотел обнять её в порыве то ли сочувствия, то ли нахлынувшей нежности. Однако, вспомнив советы ближних бояр и Андрея Курбского: «Построже с Царицей Казанской надо, Государь!», вовремя остановился.

[1] *Семён Иванович Микулинский — русский военный и государственный деятель, первый воевода Свияжска*

— Госпожа Царица, Утямыш-Гирей мне как сын будет. Сам я был возведён на царство в детскую пору... Три года тогда мне было... Знаю, каково это, среди врагов да заговорщиков жить... А тебя, Госпожа, должен наказать я за строптивость. Сам читал твои письма крымцам и ногаям! Бояре мои ближние читали! Особо горячие головы говорят, чтобы казнил я тебя! Но казнить тебя я не буду, не воюю я с женщинами и малыми детьми! В Касимов к татарам тамошним жить поедешь... За Шигалея, родственника твоего, замуж отдам...

Царица воскликнула:

— Как замуж?! Что же ты делаешь-то, царь Иван?! Лучше уж одной до конца дней своих быть! Ненавистен он мне, предатель!!!

— Тебе ненавистен, Матушка Царица, а мне союзник первейший в деле казанском, люд татарский, черемисов да мордву под корону мою ведёт. Поэтому не могу по-другому я, не причуды это мои, государево здесь дело! Как у нас, у русских, говорят, стерпится — слюбится!

— Не слюбится, Государь Великий!

Царь Иван говорил очень сдержанно, мягко, с нотками сочувствия в голосе... На Грозного царя это было непохоже!

— Связаны наши имена будут теперь, Госпожа Царица Казанская... Я тебя пленил, я твою судьбу решу! Державу мне строить надо, всё личное в сторону отодвигать, а государственному следовать! Как бы хорошо не относился я к тебе, Госпожа Царица Казанская, надо о Руси Великой думать! Поезжай пока с сыном в Касимов, по слову моему!

Царица кивнула головой и, обняв маленького Утямыша, вышла с ним, следом вышел толмач.

На следующий день утром князь Курбский вошёл к царю в личные покои и увидел следующее — перед царём стоял портрет Сююмбике. Царь Иван молча смотрел на изображение и думал: «Эх, всё-таки хороша ханша! Прямо степная красавица!»

«В Нижнем на ярмарке купил, наверное, гонцов туда посылал. Ах, Царь наш шустрый», — подумал Андрей и сказал:

— Здравствуй, Государь Великий!

— Здравствуй и ты, князь Андрей! Как портрет тебе? Хороша Царица Казанская?

— Хороша-то хороша, царь Иван Васильевич! Но...

— Что за «Но...»? Говори!

— Не знаю я, как и сказать-то половчее... Не думай даже, Государь... Как погулять, поиграться захочешь, чтобы кровь в тебе закипела — хоть девок, хоть вдовиц молодых на Руси хватит... А с Царицей Казанской будешь жить — Русь тебя не поймёт... Анастасия Романовна наша Царица!

— Эх, друг ты мой любезный! Куда же вы все лезете со своими советами! Уж в личном-то я без советчиков обойдусь! Ладно, князь Андрей, выкладывай, с чем пришёл, давай говорить о делах государственных!

* * *

Тёплым осенним днём 1551 года на стойбище в своей богатой юрте беклярбек Ногайской Орды Юсуф-паша[1] пил прохладный кумыс и размышлял...Осень в этом году была долгая, чувствовалось, что она таит в себе перемены... Тревожные думы терзали хана ногаев, тревожные мысли о своей любимой дочери Сююмбике... Почему же от неё так долго нет известий, здорова ли она, как там его маленький внук Утямыш-Гирей?

Юсуф-паша не любил столицу Ногайской Орды Сарайчик... В городе, среди шумных улиц, базаров, фонтанов и терм, в комнатах ханского дворца ему не хватало воздуха... «Степняк должен жить в степи, по заветам великого предка Чингиза»,— так рассуждал бий[2] Юсуф и при малейшей возможности отбывал из города, кочуя со своей многочисленной челядью, стадами, юртами, табунами лошадей... В кочевье ему помогали слуги и сыновья, которые пасли скот, объезжали лошадей и беспрекословно слушали своего отца во всех вопросах.

Юсуф-паша очень любил свою дочь. Кроме Сююн, сыновей у него было четверо, четверо степных джигитов, соколов-царевичей, но к дочери он всегда относился особенно...С сыновьями, когда они вырастут, могут быть конфликты из-за власти, наследства, из-за удачи в военном деле, с дочерьми же таких проблем не бывает. Дочь — опора отца в его начинаниях. Кроме того, Сююн с малых лет была похожа на свою покойную мать, Акханым[3], была такой же отчаянной и прямой, с мальчишеским складом характера, беспокойной в своих играх и увлечениях. Когда Юсуф смотрел на подрастающую дочь, на её развевающиеся косички, как она скачет на коне, как стреляет из лука, как учится читать следы в степи, он думал: «Вот ведь, шаловливая растёт какая, если дело так и дальше пойдёт, она в военные походы со мной запросится! Придётся джигитов ей дать под начало!»

Любой отец желает своей дочери счастливого брака, сильного и любящего спутника жизни, за спиной которого бы дочь чувствовала себя, как за каменной стеной... Поэтому, когда при посредничестве Москвы к Сююн прислал сватов молодой казанский хан Эналей, Юсуф-паша подумал, что это хорошая партия, что он отдаёт дочь в хорошие руки, снарядил караван и отправил свою любимицу в Казань... Правда, перед самой отправкой в Казань лошадь Сююн, кобыла ахалтекинской породы, захромала. Кобылу поставили в стойло, её не стали убивать, чтобы не травмировать юную принцессу. Старая Фатима, няня Сююн, уважаемая хатын-кеше, разбирающаяся в женских делах и устремлениях, сочла хромоту лошади дурной приметой и сказала об этом отцу своей воспитанницы. Если бы знать тогда, в какое змеиное гнездо Юсуф-паша отправляет дочь! Надо было послущать старую няню, отказаться от свадебного предложения... Интриги при Казанском дворе, внешнее давление на Казань от крымцев и урусутов, недоброе окружение, пьянство и рукоприкладство мужа, насмешки слуг над молоденькой принцессой, явные и тайные уколы придворных дам!

---

[1] *Юсуф-паша Ногайский — 17-й беклярбек (хан) Ногайской Орды, отец Сююмбике. Прародитель русского княжеского рода Юсуповых*

[2] *Бий (тюркское) — вождь*

[3] *Акханым (тюркское) — Белая Госпожа. По другой версии, мать Сююмбике звали Айбике — Луноликая Госпожа*

Сколько раз бий Юсуф получал слёзные письма дочери: «Отец, забери меня, не могу больше. Хочу развестись с ненавистным мужем! Ничего мне не надо, ни власти, ни денег, ни почёта от казанской знати! Забери меня в родную степь, прошу!»

Однако Юсуф-паша хотел, чтобы дочь оставалась замужем, развод для мусульманки недопустим! По словам Пророка, мир ему и благословение, Всевышний разрешает расторжение брака, но развод является самым неприятным для Аллаха из дозволенного человеку! Кроме того, старый Юсуф старался смотреть дальше сего века, ведь была надежда на возрождение Великой Орды, на то, что Казанское ханство объединится с Ногайской Ордой, и возникнет новая держава Бату-хана...Поэтому, когда Эналея, его бездарного зятя, убили в результате заговора сторонники Крымского ханства, бий Юсуф испытал большое облегчение. Недальновидный правитель подобен проказе, именно при нём в государстве начинаются волнения и смуты. Но ещё хуже несправедливый правитель, не держащий своего слова, не заботящийся о своём народе, дерущий с него три шкуры на свои забавы. Такого просто убивают, когда доберутся до него, когда представится подходящая возможность.

Когда же Сююн стала любимой женой нового казанского хана Сафа-Гирея, и от него родился маленький Утямыш, Юсуфу казалось, что личная жизнь дочери налаживается. Вот он, суженый её, с ним она сможет пройти по жизни рука об руку. Тем неожиданнеее для него была смерть Сафы, которая повергла тестя в шок, опять над головой дочери Юсуфа стали сгущаться тучи. Поэтому, когда после смерти мужа его дочь стала Царицей Казанской, биклярбек не обрадовался, он-то знал реальную цену царской власти. Тяжела ты, царская корона! Не всем идёт быть правителем!

Так почему же нет известий? Почему не едут гонцы, не везут весточку от дочери, ведь раньше Юсуф-паша получал письма чуть ли не ежемесячно! С молодым царём урусутов Иваном у него сейчас мир, поэтому военный отряд в Казань не пошлёшь! Караваны купцов, уходившие в сторону Казани, почему-то не возвращались...

В конце лета московский царь Иван Васильевич прислал Юсуфу без видимых причин пространное письмо, где интересовался его здоровьем, предлагал заключить военный союз и почему-то написал, что ведёт свой род по материнской линии Глинских от темника Мамая, бившегося с Дмитрием Донским на Куликовом поле, и что земли роду Глинских в бывшей Синей Орде, а ныне Великом Княжестве Литовском, были пожалованы сто лет назад князем Витовтом. При этом о Казани, о царице Сююмбике, о русской политике в отношении Казанского ханства не было сказано ни слова... «Что-то здесь не так, хитрит царь Иван», — думал бий Юсуф... Но как бы то ни было, на тот момент Ногайская Орда и Московское княжество жили мирно, если не считать ордынские набеги на русские окраины малыми силами. Урусуты Орду тоже не беспокоили, видимо, были заняты чем-то ещё... Так чем же они были заняты?

В юрту вошли сыновья бия Юнус и Али:

— Разреши, отец! — Али протянул отцу бумагу. — Вот, долгожданные вести из Казани!

— Что, приехал гонец?

— Нет, отец, письмо принесли дервиши...

«Ааа, дервиши... Дервиши прошли сквозь дозоры... Воистину, Аллах любит дервишей» — подумал Юсуф и спросил:

— Сколько их? Они шли пешком? Сколько же дней они шли к нам?

— Три человека, отец... Четыре месяца они шли, целых четыре месяца...

— Почему же Сююн не прислала гонца?

— Отец, дервиши говорят, царь урусутов Иван окружил Казань с юга и севера, никого не пропускает и не выпускает из города... Наверное, все гонцы были перехвачены!

Юсуф-паша раскрыл письмо... По мере того, как он читал арабскую вязь, его лицо мрачнело всё больше... В конце концов он сказал сыновьям: «Собирайте военный совет, будем думать, как Сююн помочь, от беды её огородить! Как она пишет, уж больно урусутский царь Иван на неё ополчается!»

Итоги военного Совета в Ногайской Орде были неутешительны... Сыновья бия Юсуфа, молодые, горячие парни Али, Юнус, Ибрагим и Эль-мурза предлагали собрать большое войско и двинуть на Казань. Родной брат Юсуфа, младший соправитель Орды нурадин[1] Исмаил был против активных действий, говорил: «С царём московским у нас мир, надо действовать осторожно! Вначале надо послать лазутчиков на разведку, узнать, что и как, а только потом принимать решение о военном походе!» Сам же Юсуф-паша, опасаясь за жизнь Сююмбике с внуком, на Совете склонился к точке зрения младшего брата, опыт и осторожность победили молодость!

«Подождём! — думал бий Юсуф.— Иначе царь московский может на дочери отыграться! Сперва надо послать лазутчиков, выяснить, что и как, и только потом действовать!» Не знал бий Юсуф, что его младший брат Исмаил уже вступил в тайные переговоры с русским царём через посланника Московского царства Петра Тургенева[2], потомка татарского мурзы Арслана Тургена, что хитрые урусуты уже ставят палки в колеса ногайцам! Не решился, промедлил с оказанием военной помощи Казанскому ханству бий Юсуф, время было упущено. Сам биклярбек тоже прожил недолго, через три года, в 1554 году, он был убит своим младшим братом Исмаилом, который в результате переворота захватил власть в Ногайской Орде.

* * *

Мухи, белые мухи летят за окном... В тоскливом зимнем Касимове идёт снег... Бывшая царица Сююмбике, некогда правительница всего Казанского Ханства, дочь бия Ногайской Орды, смотрит в желтоватое стекло своей светлицы... Небольшой ветер завывает под окном, и мухи, белые мухи, нагоняют на царицу тоску.

Царь Иван прислал Сююмбике из Кремля в Касимов... Окружение Шигалея встретило бывшую царицу враждебно. Великим людям, когда они лишаются власти, своего состояния и положения в обществе, не прощают былого величия. Особенно старались уколоть Сююмбике старшие жены Шигалея, коих у него было две. Сююмбике не стала жить во дворце среди недоброжелательниц, она попросилась в угловую башню Касимовского Кремля... Вскоре из Москвы пришёл приказ царя — выдать Сююмбике замуж за касимовского хана... Так царь награждал верного Шигалея за его преданность. Приказ привёз князь Пётр Серебряный, свадьбы как торжества не было, был лишь исламский свадебный обряд «Никах». Провести свадебную ночь с Шигалеем Сююмбике отказалась... Тогда Шигалей написал царю Ивану гневно-жалобное письмо — не признает Царица Казанская твоей, Великий Государь Иван Васильевич, власти над собой... Выслала вон меня с брачного ложа! Силою, что ли, её брать? Царь обозлился и прислал новое распоряжение — отнять от Сююмбике маленького сына Утямыш-Гирея и передать его на воспитание царёвым нянькам в Московский Кремль! Это был настоящий удар для матери! Такова особенность русского самодержавия — коль не получается лаской, заставить силой, запугать, унизить, покорить! Со слезами проводив сына, царица замкнулась, перестала принимать пищу и выходить из своей башни.

---

[1] *Нурадин — титул соправителя-военачальника в Ногайской Орде*

[2] *Пётр Дмитриевич Тургенев — боярин, посланник царя Ивана Грозного в Ногайской Орде. Бояре Тургеневы известны на Руси с XV века и ведут свой род от татарского мурзы Арслана Тургена, в крещении Ивана Тургенева*

Мухи, мухи, белые мухи... Сююмбике не плакала, только была грустна и смотрела в окно... Зачем ей жить, ведь всё лучшее у неё уже в прошлом! Теперь ещё и сына отняли! Мурзы, приближённые мои, знать казанская — как они могли предать меня? Почему отец не поддержал меня, почему не прислал своих воинов? Как там мой Утямыш, каким он стал у царских нянек, о чём думает? Вспоминает ли свою тоскующую мать? Не обижает ли его грозный царь Иван?

Царица вспоминала любимого мужа Сафу-Гирея, его открытую улыбку, стройный стан, умные глаза... Да, он был орёл! Как же не сберёг он себя? Почему человеческое счастье столь быстротечно?

В один из таких тоскливых, серых, слякотных дней к Сююмбике в башню пришёл Шигалей... Он недавно вернулся из Казани, царь Иван пытался в очередной раз сделать его казанским ханом... Получалось плохо, люди знали Шигалея и не признавали его власти над собой... В Казани продолжалось брожение, город был близок к бунту... В результате Шигалей вернулся на кратковременную побывку домой, в Касимов.

Войдя в башню, Шигалей молвил:

— Мир тебе, Сююн, бывшая Царица Казанская, а ныне жена моя! Как поживаешь ты здесь, без меня, мужа своего?

Сююмбике устало, с усмешкой посмотрела на него...

— Не смейся надо мной хоть ты, хан Шигалей, мало что ли натерпелась я в этой жизни, в том числе, и от тебя! И какая я жена тебе?! Ты же знаешь, не моя это воля, а пожелание грозного царя Ивана! Постыдился бы памяти брата своего, Эналея...

Шигалей раздражённо ответил:

— Чего же мне стыдиться, Царица? Сейчас ты мне принадлежишь по обычаям нашим, своё по праву хочу я взять!

— Какие права у тебя на меня? Или думаешь, царь русский тебя приласкал, можешь творить что хочешь, Аллаха не боишься?! Честь не посрамлю я свою! Не люблю я тебя и не уважаю! Тогда уж лучше пусть царь русский мной владеет, чем ты...

Шигалей криво ухмыльнулся:

— Так надо было царя-то завлечь, Сююн! Очаровать красотой своей Ивана... Я-то видел, как он смотрел на тебя там, в шатре, у стен казанских... Болтают ближние, портрет у него твой есть, любуется тобой вечерами! Не следовало бы гордиться перед царём Иваном, что от Чингиза Великого и Бату-хана род ведёшь! Надо было его приласкать, соблазнить, была бы наложницей его, глядишь, в Кремле сейчас жила бы, с золотой посуды кушала, ни в чём отказа не знала! И сына бы тогда у тебя не отняли! Какой же мужчина, будь он и царь, откажется от ласки такой красавицы!

Шигалей с вожделением глядел на свою пленницу, пытался игриво приобнять её, притянуть к себе рукой!

Сююмбике бесстрастно отодвинула от себя хана и устало ответила ему:

— Как же глуп ты, хан Шигалей! Вроде взрослый уже, живот вон какой наел, а думаешь, как младенец! Как степная лань может очаровать волка лютого? Не я царю Ивану нужна была! Земля ему наша понадобилась, объединить с Москвой её возжелал! А чтобы сына царь Иван отнял, ты ведь сам позаботился, нажаловался ему, что воле твоей не покоряюсь...

Помолчав, Сююмбике добавила:

— Прошу тебя, заклинаю памятью младшего брата твоего, Эналея, уходи! Видеть тебя не хочу, постыл ты мне! Не получится у нас с тобой никакого союза, лучше с голода умру, чем с тобой ложе разделю!

Презрение сквозило в голосе Царицы Казанской! Так грубо касимовского хана ещё никто не отвергал!

Шигалей в сердцах достал камчу[1] и огрел ей дверной косяк в башне... «Чтобы тебя шайтан прибрал!», — выругался он в адрес царицы и вышел на улицу...

Мухи, мухи, белые мухи кружатся за окном на зимней улице... Странная боль в груди появилась у Царицы Казанской, сердце то стучало чаще, то замедляло свой ход, то вообще замирало, всё чаще перехватывало дыхание, Сююн держалась за грудь, ей не хватало воздуха. Где ты, чистый степной ветер, наполняющий лёгкие, где ты, запах полыни и ковыля? Где вы, Великая Степь, голубой Яик, славный Сарайчик? Где вы, любимые отец и братья? Почему не идёте на подмогу своей Сююн?

Есть Царице совсем не хотелось, мясо и фрукты, которые ей приносили в башню, оставались нетронутыми. Только воду пила Царица немного... Слёз у Царицы тоже не было, сухими были красивые глаза её! Как говорили древние — «пока есть жизнь, есть и надежда»! Но что делать в случае, если надежда ушла, если кажется, что все славные свершения в прошлом, если ты предана и забыта всеми, и ближними, и дальними, если силою разлучена с самым близким человеком, со своим утешением — родным сыном, если ты, в прошлом царица, перед которой преклонялись народы, оклеветана, подвергнута насмешкам и презрению? «Да и зачем мне жить на постылой стороне, в ненавистном Касимове, без сына, без моих родных! Пусть Аллах призовёт меня к себе, там я своего любимого Сафу увижу, там меня встретит народ мой, жители Сарайчика и любимой Казани, там я снова буду царицей и буду править, дарить свою любовь и милосердие людям!»

Мухи, мухи, белые мухи... Тоска, уныние, одиночество... И память, память, сны, цветные картинки: детские шалости, улыбка матери, крепкие объятия отца, сцены славного казанского прошлого! Сафа, муж любимый! Страх за малыша Утямыша, как он там, родная кровиночка, среди чужих людей? Здоров ли, помнит ли о любящей матери своей?

* * *

Царь Иван Васильевич часто вспоминал своё детство... Отец царя, Великий князь Московский Василий III, умер, когда Ивану Васильевичу исполнилось три года, а брату, немому от рождения, Юрию — один год. Пока его матушка, Великая княгиня Елена Глинская, была жива и правила в Государстве Московском, у мальчиков всё было хорошо, о них была забота, няньки, дядьки, дворцовая челядь, дворовые работники — все уделяли царевичам должное внимание. Но вскоре за отцом внезапно умерла матушка царя, по подозрениям Ивана Васильевича и ряда ближних бояр, она была отравлена. Не приняла часть боярского сословия княгиню Елену Васильевну, не могли бояре простить ей ливонского происхождения и того, что отодвинула она от власти семь назначенных князем Василием регентов, опекунов царевичей. Мальчики остались одни. Вот тогда-то юный Иван и осознал все «прелести» боярского правления при малолетнем царе. Мальчиков часто запирали в башне деревянного царского дворца на Воробьёвых горах, их забывали покормить, не разрешали гулять и заниматься тем, чем любят заниматься обычные мальчишки — играми в казаки-разбойники, в салки, играми в войну против крымцев или ливонцев. Вместо того, чтобы носиться как угорелые по двору и выпускать из себя мальчишечью прыть, Иван и Юрий из окна деревянной башни смотрели, как бегают по улице их посадские сверстники и завидовали им. Но хуже всего стало то, что мальчишек-царевичей стали «шпынять», отвешивать им то подзатыльники, то пинки, и дети часто плакали, забившись в тихий уголок. Если Иван Васильевич как старший мог возмутиться и высказать своё неудовольствие, то его глухонемой маленький брат Юрий только мычал что-то невнятное и затравленно смотрел на обидчиков большими голубыми глазами...

---

[1] *Камча — кожаная плеть*

Особенно в нанесении обид преуспевал боярин Андрей Михайлович Шуйский, по прозвище Частокол[1]. Он был человеком лет сорока — сорока пяти, крупным, с широкой костью, рыхловатым брюшком, с резкими чертами лица, жидкой бородёнкой и выпученными, как у совы, глазами. Никто точно не знал, почему его прозвали Частоколом, может, потому, что у старшего брата его, Ивана, было прозвище Плетень, а может, потому, что когда был горяч, хватал в руки что ни попадя, и колья от забора в этом случае были в самый раз! Шуйские были представителями суздальской ветви Рюриковичей, и творили они злые дела свои на правах царёвых родственников. Однажды, прямо на заседании Боярской думы, Андрей Частокол сцепился с боярином Фёдором Воронцовым, сдержанным и спокойным человеком, и вместе со своими подручными до полусмерти побил его прямо в палатах. Испуганный маленький царь спрятался за митрополита Макария[2], который пытался разнять дерущихся и заступиться за Воронцова, спасти его от убийства. Но у митрополита вырвали его посох и два-три раза так ударили им по спине, что он потом ещё несколько дней ходил, согнувшись от боли...

История с боярином Андреем Шуйским разрешилась в 1543 году, когда царю Ивану было тринадцать, а брату Юрию Васильевичу — одиннадцать лет. При правлении матушки Елены Глинской боярин Андрей сидел в темнице по подозрению в государственной измене, но когда Великая княгиня почила, его быстро выпустили на свободу. Андрей Шуйский был циничным, расчётливым, упорным в достижении целей, жестоким человеком, но хуже всего было то, что пьяным он становился абсолютно неуправляем, мог ругаться последними словами, мог ни за что унизить, избить, а то и убить человека. Когда пьяный Частокол куда-нибудь приходил, все присутствующие, зная его привычки, под разными предлогами покидали это место. И вот боярин на правах, по его мнению, несправедливо пострадавшего от княгини Елены, стал похаживать на царский двор и чинить там самоуправство. И, конечно, будучи пьяным, а это случалось довольно часто, Андрей Михайлович не сдерживал себя, гонял царевичей, обижал их ни за что, а заступиться за мальцов было некому... Эх, и досталось царевичам, а особенно Ивану, который хоть как-то отвечал на бесчинства боярина и заступался за маленького братишку...

Однажды летним вечером боярин Андрей ввалился во дворец, когда няньки только начали кормить детей ужином. Он достал из кафтана початую бутылку, налил себе, выпил и вышвырнул княжичей из-за стола со словами:

— Ну что, щенки, пожрали? Пшшшли прочь! К псарям их, щенкам место на псарне!

Старая царская нянька Аграфена возмутилась:

— Боярин, да как так можно? Дай мальцам поесть, а потом они уйдут к себе в покои! Си́ротки они. Не мори мальцов голодом, боярин, не бери грех на душу...

Пьяный боярин возразил:

— А я когда в темнице сидел, меня кто кормил? Воды мне кто приносил? Ты спроси меня сперва, старая, голодал я в узилище[3] или нет? А потом только будешь мне указывать!

Тринадцатилетний Иван подал голос:

— Боярин, как смеешь гнать ты нас! Я наследник Великого князя, я Рюрикович!

Андрей Шуйский злобно осклабился и схватил Ивана за волосы:

— Это ты-то Рюрикович? Да твоя мать Елена-потаскуха ливонская, прижила тебя не пойми от кого, неизвестно, какого ты роду-племени. Пошёл прочь... Старуха,

---

[1] *Шуйский Андрей Михайлович («Частокол») — русский боярин и государственный деятель, притеснял юных царевичей, убит по приказу тринадцатилетнего Ивана Грозного в 1543 году царскими псарями*

[2] *Митрополит Макарий (1482—1563) — архиепископ Новгородский (1526—1542), митрополит Московский и всея Руси (с 1542 года)*

[3] *Узилище (старорусское) — тюрьма*

я сказал, на псарню их, там им самое место,— и Андрей отвесил молодому княжичу звонкую оплеуху...

Иван и Юрий в слезах пошли на псарню... Старая Аграфена догнала их, сунула по краюхе хлеба:

— Вот, детки, хоть поешьте! Потерпите, родненькие мои, ничего не можем с дураком поделать...

— Пусть подождёт, пока я подрасту, няня! Уж я-то с ним посчитаюсь,— сквозь слёзы сказал Иван...

— Подрасти, подрасти, дитятко, посчитаешься! Ступайте, детки! — Няня нежно погладила юных братьев по головке и перекрестила их...

Тем временем боярин Андрей, оставшись за столом один, изрядно приложился к бутылке. Его тяжёлый взгляд упал на симпатичную дворовую девку Дуняшку, чернобровую, стройную, с косой, лет двадцати...

— Эй, красавица, как зовут-то тебя? — Язык у боярина изрядно заплетался...

— Дуняшкой кличут,— ответила девушка...

— А ну-ка, Дуня, иди сюда, покажи, что у тебя под подолом! Иди сюда, кому сказал! Я сейчас тебя пожалею,— Андрей вывалился из-за стола, сгрёб девку огромными ручищами и поволок её в тёмный угол...

— Отпусти, боярин, отпусти, грех же! Господи, грех-то какой! Помогите! Помогите! — девушка стала громко кричать, а боярин, потешаясь, зажал ей рот рукой, а другой полез под платье. Все дворцовые слуги боязливо спрятали глаза, никто не хотел связываться с пьяным самодуром...

Царская псарня располагалась недалеко от дворца и представляла собой длинную деревянную постройку. На ней служили два брата, Фрол и Никодим, два здоровых, добродушных крестьянских парня, косая сажень с плечах, огромные кулаки, очень сильные от природы. Псари были погодками, одному было двадцать пять, другому двадцать четыре года, оба ещё неженатые... Фрол был балагуром, здоровый, белокурый, улыбчивый, Никодим, напротив, был угрюмым молчуном... Парни баловались тем, что участвовали в кулачных боях, «стенка на стенку», сходились и бились на Москве-реке то со стрельцами, то с посадским людом, поэтому свернуть кому-то скулу или посчитать ребра для них было делом привычным.

Царевичи в слезах пришли на псарню, и юный Иван Васильевич просто разрыдался на груди у Фрола. Тот, утешая царевича, приобнял его за плечи и сказал:

— Не плачь, Государь, нельзя царям плакать! Иван Васильевич, ты хоть и молод, но Государь, а боярин Андрей, хоть и знатен, но холоп твой... Мы все холопы твои, княжич, и он в том числе... Надо же, как он возомнил-то себя... Ты, Ваня, как в следующий раз придёт боярин Андрей пьяный во дворец, замани его к нам на псарню, а мы уж с братом тут его поучим... Верно я говорю, Никодим?

— Угу,— немногословно сказал брат...

— Замани, замани, Ванюша, мы здесь за тебя посчитаемся.

— Хорошо, заманю гада! — сжав маленькие кулачки, ответил царевич.

Следующего раза пришлось ждать достаточно долго. Как нашкодивший пёс, боярин Андрей долго не наведывался во дворец. Уже холодало, мальчишки редкий раз не сидели в башне взаперти, а играли во дворе, когда во второй половине дня один из детишек царских слуг забежал на двор с криком:

— Андрейка Шуйский идёт, пьяный Андрейка Шуйский идёт... Прячьтесь, гонять сейчас всех будет!

Вскоре послышался шум, это шёл пьяный боярин... В руках у него была небольшая сыромятныя ногайка[1].

— А ну-ка, чего тут делается? И хто тут супротив меня? А ну-ка, иди сюда, смердёныш,— Андрей огрел ногайкой прибежавшего мальчишку. Тот заплакал и пулей вылетел с царского двора...

Иван встал между боярином и младшим братом Юрием...

— Уйди, боярин, не бей нас!

— Ааа, ливонское отродье, вот вы где! Ну, подождите, я вас поучу! Получай, получай! — Заорал боярин и через руку Ивана начал бить девятилетнего Юрия!

— Не тронь, боярин, больной он! — закричал Иван и получил сильный тычок в затылок, боярин ладонью швырнул его на землю.

— Больной он, говоришь! Так пущай выздоравливает! — удары плети без жалости опускались на младшего брата...

Маленький глухонемой Юрий Васильевич ничего не понимал, только тихо взвизгивал при каждом ударе плети. Детские глазки смотрели затравленно и испуганно, детские ручки неуклюже пытались защититься. Юрий спрятался от ударов ногайки под высокое деревянное крыльцо.

Иван, лёжа на земле, приметил небольшой камень, продолговатую гальку, размером с хороший грецкий орех...

«Держись, гад!» — подумал он, зажал камень в ладошку и вскочил на ноги.

— Смотри, боярин, что у меня для тебя есть! Получай! — И Иван засветил камнем боярину прямо в лоб!

— Ах ты, тварёныш! Ублюдок ливонский! — Боярин, вне себя от злости, погнался за Иваном, а тот уже стремлгав мчался на псарню! Он истошно кричал:

— Дядя Фрол, дядя Фрол! Помоги! Пьяный боярин гонится! Дядя Фрол!

Фрол с Никодимом неторопливо вышли из ворот псарни... К ним изо всех сил бежал Иван Васильевич, а за ним осатаневший от боли и ярости боярин Андрей Шуйский с ногайкой наперевес.

Фрол выступил вперёд, прикрывая Ивана:

— А ну, боярин, не балуй!

Раз — сильной жилистой рукой была перехвачена ногайка! Два — мощный кулак правой руки вонзился боярину в рыхлый живот, из-за чего тот согнулся пополам и захрипел! Три — Фрол отпустил руку с ногайкой и ударил слева. Удар левым кулаком в скулу сбил корчащегося от боли боярина с ног, тот стал кататься по земле!

— Да как ты смеешь, смерд! — только и смог выдавить он из себя ...

— Гад, гад, подлый гад! Брата, брата больного побил! — Иван вцепился маленькими ручками боярину в волосы и бороду!

Фрол расцепил руки Ивана:

— Не балуй и ты, княжич! Не дело государям холопов самолично за чубы таскать!

Тем временем боярин катался по земле, из уст его посыпались угрозы!

— Что делать будем с ним, княжич? — Фрол внимательно посмотрел на Ивана Васильевича.

— Удави его, гада, дядя Фрол! Ненавижу, ненавижу его!

Фрол сделал небольшую паузу и, видя неотступную решимость в глазах Ивана, молвил:

— Хорошо! Будь по-твоему, Государь! А ну-ка, Никодим, пособи, на ноги сядь ему! Извини, боярин, повеление Государево! — И с этими словами сыромятная ногайка была накинута боярину Андрею на горло. Тот захрипел и задёргался в последней агонии...

---

[1] *Ногайка — короткая кожаная плеть для управления лошадью*

Через минуту всё было кончено. Перед царём Иваном лежало бездыханное тело боярина!

— В канаву его, дядя Фрол! — сказал Иван.

— Хорошо, Государь! Никодим, принеси что-нибудь накрыть боярина, чтобы бродячие собаки не объели!

Тело было накрыто мешковиной и сброшено в ров ...

Как известно, дурные вести распространяются быстро, и через три часа родственники Шуйского, отец и дядья, знали, что боярина Андрея удавили на царском дворе по приказу Ивана Васильевича! Поражало бояр вот что — как тринадцатилетний подросток мог отдать столь жестокий приказ?! Бояре ведь до сих пор считали государя мальчишкой! Отец Андрея, пожилой князь Михаил Васильевич вместе со старшим сыном Иваном и со слугами прибыл во дворец за телом Андрея, и, узнав обстоятельства дела, подумал:

— Да, перегнул пьяный сынок палку! Не доведёт хмель до добра! Коли пить не умеешь — не пей!

В ответ на просьбу Шуйских выдать им псарей для расправы Иван Васильевич ответил отказом:

— Слуги они государевы! По моему приказу они действовали! Разбойничал Ваш сынок на царском дворе! И передайте всем, впредь всегда так будет! Кто чинит самоуправство и разбой, головой отвечать будет!

Так сказал будущий царь Иван, а за спиной его стояли здоровенные псари и собравшийся дворцовый люд...

— Хорошо, Государь, пусть по слову твоему будет! — Шуйские возражать юному царю не решились, забрали тело Андрея Михайловича и ушли с царского двора.

Псари Фрол и Никодим после этого недолго занимались с собаками. Молодой царь не забыл их заступничества и перевёл сперва в стрельцы, а потом и в начальники стрелецкие. Братья получили по хорошему дому в Стрелецкой слободе на Сретинке, женились на московских красавицах и нарожали кучу детишек. Верно служили Фрол и Никодим царю Ивану Васильевичу, много и хорошо воевали, участвовали и в Казанских походах, и с крымцами бились, и на Новгород ходили, а головы сложили в кровопролитной Ливонской войне. В целом хорошо сложилась судьба братьев, служили они достойно, а погибли за дело государево, за землю русскую и избежали мести Шуйских, потому что бояре всю жизнь не упускали братьев из виду и вынашивали планы посчитаться за Андрея Михайловича! Одна ветвь бояр Шуйских, к коей принадлежал воевода Пётр Иванович, добросовестно служила царю, пользовалась почётом и уважением, другая же плела интриги и заговоры, доверия в полной мере к потомкам Андрея Частокола не было...И хотя внук убиенного боярина Андрея, Василий Шуйский, стал в Смутное время царём Московского царства[1], уважением и популярностью в народе он не пользовался, его презирали и при удобном случае свергли с престола со словами: «Тебя не любят, и служить тебе не хотят!» Затем бывший царь Василий Шуйский был пленён поляками, увезён в Речь Посполитую как «трофей» и умер в Гостынинском замке близ Варшавы в судьбоносном и решающем для России 1612 году.

А после случая с боярином Андреем на Москве прозвали Ивана Васильевича Грозным... Грозным и жестоким с молодых лет... Начала свой неторопливый восход кровавая звезда царского гнева! Бояться стали подданные вспышек ярости юного Государя, прятались от глаз Государевых, от скорых на расправу ближних царских людей!

---

[1] *Василий Иванович Шуйский – русский царь с 1606 по 1610 год,*

* * *

Утром одного из июльских дней 1552 года в палаты к царю вошёл встревоженый окольничий Алексей Адашев[1].

— Прости, беда, Государь!

— Что случилось, Алексей? Что за суматоха с раннего утра?

— Васю юродивого побили купцы-калачники со Звенигорода... Сильно побили. Заболел Вася! Я, Государь, велел его в палаты твои принести! Вон он, в светёлке лежит!

— Господи, да что же это за наказание такое! Быстро пойдём, посмотрим! Скорее!

Царь в сопровождении Адашева вышел в переднюю комнату... На два бердыша, приспособленных под носилки, былы наброшены небольшие доски и накинуты стрелецкие кафтаны, на них в углу светёлки лежал по пояс обнажённый блаженный Василий. Рядом стояли двое стрельцов, принёсшие святого. На левой скуле юродивого выделялся огромный кровоподтёк, отливающий синим цветом. Но сам Блаженный приветливо улыбался, хотя и держался рукой за поломанные рёбра.

Царь присел около носилок, погладил Василия по голове:

— Вася, друг мой сердешный, что с тобой?

Юродивый затараторил своей обычной скороговоркой:

— Вот, царь Ванюша, купцы на площади побили...

— Ах, ты, вот ведь оказия...Ты потерпи, Вася, мы порядок быстро наведём!

— Ваня, милый мой, прошу, не казни их... Не разобрались они...

— Ладно, Вася, ты полежи пока, я мигом! Лекарей сюда! Алёшка, за мной! — царь кивнул Адашеву, тот выбежал вслед за Иваном.

— Злодеев нашли?

— А что искать-то, Государь, вон они, на дворе Кремлёвском, отец и сын...

На выходе из палат, перед царским крыльцом толпился народ: бояре, стрельцы, слуги, конюшие... Здесь же был вездесущий Курбский. В середине толпы стояли и получали лёгкие тумаки купцы — отец, коренастый, бородатый, в нарядном кафтане, и молодой сынок его, здоровенный детина лет двадцати в льняной рубахе. Они были напуганы, что попали в такой переплёт! Их, никому неведомых купцов, силой приволокли на Кремлёвский двор, к грозному самодержцу!

Царь сбежал с крыльца:

— Эти что ли, Алексей?

— Они, злодеи...

Царь вцепился в окладистую бороду:

— Вы что же это творите, ироды? За что святого человека побил, поганец?

Купец со страху еле лепетал:

— Прости, Государь! Прости нас!

В разговор вмешался Адашев:

— Не он это, Государь! Сынок его, оглобля деревенская!

Царь отпустил бороду отца и влепил здоровому детине оплеуху:

— Ах ты, смерд! Чем не угодил тебе Божий человек? Силу некуда девать?

Детина от страха заплакал:

— Прости, Государь! Виноватый я... Прости, Государь, только не губи!

— Что Вася вам сделал? За что вы с ним так?

— Он нам на торжище булки и калачи разметал, все прилавки перевернул!

[1] *Алексей Фёдорович Адашев — окольничий, воевода, приближённый царя Ивана Грозного. Также являлся начальником Челобитного приказа, постельничим и хранителем личного архива царя вместе с печатью. После смерти царицы Анастасии Романовны в 1560 году попал в опалу и умер в заключении*

Царь задумался:

— А почему он их разметал? Что сказал он вам?

Купцы смущённо замялись.

— Что молчите? В рот воды набрали? Отвечайте, псы! Алексей, Андрей, в чём дело?

— Государь, Блаженный Василий сказал, что они известь в муку подмешивают! — сказал Курбский, сверля купцов ненавидящим взглядом.

— Ах, ты, вот ведь в чём дело! Вот так Вася прозорливый! Поганцы лукавые! Признавайтесь, подмешивали?

Отец и сын молчали...

— Ещё раз вас спрашиваю, подмешивали или нет? Воры проклятые! А то на дыбу велю вас вздёрнуть, там во всём сознаётесь!

Отец тяжело промычал:

— Ну, было...

— Что было? Подмешивали, гады ползучие?

— Было, Государь... Торговля плохая, убытки у нас...

— Убытки?! Так вы мне народ московский решили потравить? За счёт подмеса убытки покрыть? Вот так купцы, вот так честная торговля! — Царь повторно обратился к молодому купчику. — Ты бил Васю?

— Бил, Государь, бил, виноват! Прости, Государь! — Детина опять зашёлся в слезах.

— Чем бил, покажи?

— Вот этим, Государь! — Детина сжал ладони в огромные кулаки.

— Да у тебя, болван, кулак больше, чем голова у Васи Святого! Отрубите ему руку по локоть. Чтоб ума набрался! — Стрельцы сделали шаг вперёд...

— Государь, прости! Не руби руку! Как я потом? — детина в слезах повалился на колени...

— Дозволь, Государь! — старый купец выступил вперёд. — Меня казни, плохо я сына воспитал! Пощади сына, жениться ему ещё! Руки нужны в хозяйстве!

— Да, Государь, такая сила пригодиться могла бы... Если на нужное дело её направить! — задумчиво молвил Алексей Адашев.

— Ух ты, обормот! Голова берёзовая! — Царь ещё раз влепил детине оплеуху. — Слышь, купец, есть у тебя ещё сыновья?

— Есть, Государь, отроки Демьян и Прокопий.

— А этого как звать?

— Никита, Великий Государь!

— Ладно... Никита, говоришь? Алексей, Андрей, кого перед собой вы видите? А? Кого?

— Дурака неразумного в руке твоей, Государь! — молвил Курбский. Адашев молчал, чувствуя в словах царя какой-то подвох...

— А вы кого видите, люд московский? — Царь Иван обратился к стрельцам и слугам...

— Дык, дурня видим, Государь! Силы много, а ума нет! — зашумели вокруг люди...

Царь хитро улыбнулся:

— А я вот перед собой послушника вижу монастырского! Камни большие несёт, стену строит! Стрельцы, в узы его, в телегу и на Соловки, к игумену Филиппу Колычеву[1] в услужение! Да напиши, Алексей, бумагу сопроводительную, чтобы игумен построже там с ним, чуть что не так, чтоб пороли его хорошенько... Для ума!

— Слушаемся, Великий Государь, будет сделано! А с отцом что?

---

[1] *Митрополит Филипп (в миру Фёдор Степанович Колычев, 1507—1569) — епископ Русской православной церкви, митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 годы. До избрания митрополитом был игуменом Соловецкого монастыря. Из-за террора опричников вступил в открытый конфликт с царём в 1568 году. Находясь в ссылке в Твери, убит начальником опричного войска Малютой Скуратовым в 1569 году*

— С отцом? А с отцом вот что... Слышь, купец, забирай свой лукавый товар и уматывай из Москвы, чтобы не видел я тебя! Я вот имени твоего не спросил, потому что знать тебя не хочу, вора! Другие сыновья помогут тебе в хозяйстве! Не попадайся мне на глаза больше, иначе, честное слово, собаками затравлю. Вася Святой губить вас не велел, заступился за обидчиков своих, послушаю его в этот раз, но с глаз моих долой! Пока не передумал я, и беды с тобой не вышло...

Стрельцы взяли парня под руки и повели со двора... Отец опасливо покосился на царя.

— Прощай, батя! Даст Бог, свидимся. Прости меня, не разобрался я,— крикнул парень отцу... Оба заплакали.

— Скажи спасибо, что головы с вас не сняли, что ногами своими с царского двора уходите... За Васю Блаженного Государь мог бы! Дурачьё звенигородское! — вполголоса сказал стрелецкий голова[1].

Царь велел разместить Блаженного Васю в царских палатах и вечером с царицей Анастасией Романовной пришёл проведать святого... Василию не стало лучше, он лежал не шевелясь, был очень слаб... Открыл глаза:

— Государь, матушка Царица! Надо же, ко мне вы пришли! Радость-то какая! Исполнил просьбу мою, Царь Ванюша, не сгубил купцов-то?

— Нет, не сгубил! На Соловки меньшого, а старого выгнал из Москвы за гнилой товар! Пожалел по слову твоему, Вася! Надо было головы срубить им, кочаны капустные...

— Правильно пожалел, Царь Ванюша! Исправятся они!

— Так побили же они тебя, Вася! Болеешь теперь...

— Старый я уже, Ваня, помирать пора! Побили — не побили, всё одно... Сколько же можно по Москве гулять... Господь призовёт меня скоро! Видишь, обличение им не понравилось моё! Рад я, что через правду смерть за мной пришла!

Царь отчаянно воскликнул:

— Вася, друг мой сердешный, поживи ещё! Нужен ты мне, царице, детушкам нашим...

— Нет, Ванюша, время моё подходит... Старый я уже... Я ещё деда твоего Ивана Великого помню... Вон сколько мне годков! Попрошу тебя перед смертью, Ванюша — добрым будь царём, не озлобляйся... Милосерден будь, добрым Пастырем для люда христианского, как Господь наш! Иначе беда будет! Как державу строить будешь, стойко испытания свои держи, но сердцем не каменей... Молись больше, через молитву благодать приходит людям!

— Хорошо, Вася мой любимый, пусть будет по слову твоему! — царь заплакал, царица вместе с ним...

Святой Василий улыбнулся:

— Не плачьте, Государь и Государыня, нельзя самодержцам плакать...

Через два дня, в середине августа, Блаженный Вася почил... Отлетела светлая, невинная душа друга царёва, крестьянского сына Василия Блаженного ко Господу!

* * *

Летом 1552 года ситуация вокруг Казани продолжала осложняться, подобно тому, как затягивается петля аркана на шее непослушной лошади. Казань выполнила условия русского царя, отдала ему Горную сторону, отпустила всех русских невольников из плена, число которых составило примерно шестьдесят тысяч. Когда же царь Иван прислал

[1] *Стрелецкий голова — воинская должность в русских воинских формированиях. Обычно голова командовал отрядом стрельцов*

взамен царицы Сююмбике казанцам в очередной раз хана Шигалея, то казанская знать и простой народ не приняли его, как предателя интересов татарского народа. Почти одновременно с назначением полетели в Москву письма: «Великий Государь, убери от нас Шигалея, дай нам другого царя или воеводу, не хотим мы его». Шигалей же в отместку за непокорство стал расправляться с недоброжелателями, кого-то брал в заложники, кого-то травил, кого-то казнил. Царь Иван надумал пойти навстречу народу казанскому, прислать воеводу, но опоздал. Население Казани взбунтовалось и изгнало ненавистного касимовского хана, а взамен пригласило на казанский трон астраханского царевича Едигера, того самого, который участвовал во втором походе русских на Казань. Едигер, ушедший к тому времени с русской службы и уехавший в Астрахань, прорвался в Казань с небольшим отрядом ногайцев и захватил власть в надежде удержать казанский трон. Такого самоуправства и противления собственной воле русский самодержец не потерпеть не мог.

Московитами была собрана армия в сто пятьдесят тысяч человек, невиданная в этих краях со времён покорения Волжской Булгарии Бату-ханом, вооружённая по последнему слову военного искусства того времени. Со стороны Волги действия пеших войск и конницы поддерживала речная флотилия, «судовая рать». На стороне Ивана Грозного были и татарские отряды с Касимовского и Астраханского ханств, в царском войске были московские, нижегородские татары, и даже казанские татары, успевшие убежать из родного города от междоусобной резни, численность союзных татар достигала тридцати тысяч человек, и ещё по десять тысяч человек составляли мордовские воины и чуваши. Были взяты «под ружьё» и представители других народов: черкесы, литвины[1], итальянцы, поляки, немцы, шведы. То, что в царском войске находились татарские отряды во главе с ханами и мурзами, которые служили и воевали хорошо, придавало войне несколько иной смысл. Так Москва и Казань боролись за наследие монгольских ханов, за право стать новой Золотой Ордой!

Иван Васильевич не хотел кровопролития, не хотел губить мирных казанцев. Он понимал — чтобы безболезненно запустить процессы присоединения к Московскому царству, найти хоть какую-либо опору среди казанской знати и духовенства, город нужно было сохранить. Когда русские войка подступили к Казани, царь Иван послал в город парламентёров с предложениями о капитуляции, о том, чтоб казанцы шли под его «сильную руку». В случае бескровной сдачи защитникам гарантировалась жизнь, сохранение имущества, беспрепятственное исповедование ислама. Предложение царя было отклонено, посланцы царя — изгнаны под насмешки горожан, а бесстрашные казанцы решили драться...

В августе 1552 года началась непродолжительная осада Казанского Кремля... Войску урусутов противостояли шестьдесят тысяч защитников крепости, всех, кто решил отстаивать независимость... Бои шли с переменным успехом, однако в этот раз русская армия была подготовлена к затяжной осаде хорошо и не собиралась быстро уходить от стен Казани... По стенам города била мощная артиллерия, но город выдержал... Русскими инженерами сооружались и двигались к стенам города туры — деревянные осадные башни, с которых вёлся беспрестанный пищальный и пушечный огонь... Казанцы устраивали вылазки, нападали на ратников, поджигали и опрокидывали туры, нападали на артиллерийские орудия и пушкарей, тем самым наносили урусутам значительный урон.

Русские то там, то здесь устраивали подкопы под дубовыми стенами и пытались подорвать укрепления. Подрывными работами руководили английский инженер Бутлер

[1] *Литвин (старорусское) – белорус*

и литвин Розмысл Петров. В конце концов подобная тактика принесла урусутам успех. Второго октября 1552 года очередной подкоп в город был взорван большим количеством пороха, крепостная стена обрушилась, войско Ивана ворвалось в Казанский Кремль...

Основное сражение развернулось у ханской мечети. Здесь держал оборону храбрый Кул-Шариф со своими учениками. В неравном бою все защитники мечети пали. Царевич Едигер был пленён, его воины были казнены, а те, кто сложил оружие, были с семьями выселены за стены Кремля, на берег озера Кабан, где потом основали Старо-Татарскую слободу.

Молодой царь Иван впервые понёс существенные потери — десять тысяч воинов пали под стенами Казани. Тела ратников союзного русского войска были похоронены в братской могиле, которая хорошо просматривалась со стен Кремля. Царь сильно горевал по ратникам, по их начальникам, некоторых он знал лично. Защитники независимости Казанского ханства были похоронены под большим гранитным камнем, на некотором отдалении от Кремля, в будущей Ново-Татарской слободе.

Сам Казанский Кремль царь Иван решил коренным образом перестроить. Из Москвы в Казань были привезены для строительства уже известные на Руси псковские зодчие Иван Ширяев по прозвищу «Барма» и Постник Яковлев, псковская артель из двухсот каменщиков, а также много мастеровых людей, которых власти срочно сыскали в Москве, Новгороде, Владимире, Твери и других городах по государеву приказу. Под руководством псковичей были снесены старые полуразрушенные деревянные стены и воздвигнуты новые, белокаменные, мощные, с башнями и бойницами. На территории Кремля было построено несколько православных храмов, только звонницы в этих храмах разместили внутри, чтобы не смущать колокольным звоном местное население, исповедуюшее ислам.

На пиру, устроенному в честь взятия Казани прямо в Ханском дворце, царь Иван смотрел на веселящихся подданных и думал... «Эх, бояре мои да князья, головы хмельные, всё бы вам покрасоваться да побахвалиться!» Речи подвыпивших воинов на царском пиру содержали много пустого и преувеличенного — кто убил пятерых, кто десятерых, а кто от сорока казанских воинов оборону держал и цел остался! Пропуская мимо ушей пьяные разговоры и славословия, смотря, как кто-то реально кичится своими подвигами, а кто-то только приписывает себе воинскую доблесть, кто-то пьёт медовуху, не считая кубки, заливая горечь ратных потерь, а кто-то сдержанно ведёт себя, не пьёт и не ест, больше слушает, прикидывая, как будет жить при новом государе, царь Иван думал о будущей своей Великой Державе, о Русском Царстве, которое, как Древний Рим или Византия, собрало бы в себя все народы. Играла в Иване кровь римских и цареградских базилевсов, виделась ему огромная Держава от Белого моря на Севере до Чёрного на юге, от Балтики на Западе до неведомых ещё Сибирских земель на Востоке! Да и с Востока пращуры Ивана по материнской линии, темник Мамай и сын его Мансур Кият[1], тоже мыслили большими масштабами, тоже хотели построить огромное государство, избавиться от ханской междоусобицы, возродить Великую Орду! «Одна страна, один народ! Татары, чуваши, черемисы, мордва — тоже мои люди! Всех примем под корону русскую, всех, кто честно трудится, кто любит родную землю, кто желает послужить русскому царю и Державе нашей! С Казани начнётся строительство государства, которое свет не видывал! Отсюда в Сибирские земли пойдём, к народам неизвестным, о которых только в древних летописях написано! Везде поднимем стяг Русский, всех в свою семью примем!»

А когда Грозный царь победоносно возвращался в Москву и проплывал на струге Нижний Новгород в сопровождении небольшой речной флотилии, «судовой рати»

[1] *Мансур Кият — старший сын темника Мамая, основавший род Глинских, погиб в 1391 году в сражении с войками Тамерлана рядом с современной Самарой*

под радостные крики горожан, на пристань прискакал гонец с Москвы с радостным известием: «Государь, у тебя сын родился! Сына родила Анастасия Романовна!» Сбылась мечта Великого Царя, сын, первенец, наследник, продолжатель дела отцовского... Может, и жизнь пойдёт теперь по-другому, может, удастся избежать страшного будущего, предсказанного Блаженным Василием, будет род царский сильным и многочисленным, будет править Русью Великой тысячу лет...

* * *

Через некоторое время по прибытию из Казанского похода Великий Государь Московский Иван Васильевич IV тяжело заболел. В кремлёвской спальне, обложившись одеялами и подушками, царь метался, как загнанный зверь, его кидало то в жар, то в холод, ночью мучали кошмары, он видел разрушенную его войском Казань, убиенных по его приказу людей, факелы из живых людей на крепостных стенах, павших ратников и горожан. Иноземные врачи лечили царя, постоянно предлагали новые рецепты лекарств, порошков, мазей, новые процедуры, но всё было тщетно... Дьяки Разбойного Приказа уже потирали руки, готовясь вздёрнуть лекарей на дыбу, если царь, не дай Бог, умрёт. Царь вызвал к постели бояр, попросил их присягнуть своему малолетнему сыну Дмитрию Ивановичу. Но не все бояре были рады такой воле царя, многие возроптали, возникло замешательство, брожение, на ход которого прикованный к постели Иван Васильевич никак не мог повлиять! Он слышал недовольство, дерзкие речи в притворах своих покоев, но ничего не мог поделать со смутьянами!

Когда царь потерял счёт дням и ночам, метаясь в горячечном бреду, когда всё смешалось, и он не мог разобраться, спит или бодрствует, произошёл странный случай, до глубины души потрясший больного самодержца. Была ночь, полная луна, царь забылся, вздрагивал и вздыхал в тяжком сне. Вдруг он внезапно открыл глаза. В углу, в полудымке лунного света, ему привидилась Царица Казанская Сююмбике. Облик царицы был воздушным, полупрозрачная фигура как бы парила над полами в спальне.

Испугано вставая с постели, царь молвил:

— Здравствуй, Матушка Царица! Ты как здесь? Я же тебя в Касимов к Шигалею отправил!

— А я вот сама к тебе пришла! — грустно улыбаясь, почему-то по-русски ответила ему Сююмбике.

— Откуда пришла, с Касимова? Это, Матушка Царица Казанская, двести вёрст. Да и стрельцы как тебя выпустили? Головы с них поснимаю!

— Не кори их понапрасну. Им, царь Иван, не удержать меня нынче, руки у них коротки!

— Странное дело, Матушка Царица! А зачем пришла-то?

— Спросить пришла тебя, царь Иван! Как дела твои государственные, самодержец? Присоединил ты землю Казанскую к царству Московскому?

— Присоединил, матушка Царица! Теперь вместе жить будем, русские и татары!

— А почто ты меня с моей родной Казанью разлучил? С любимым городом моим? С могилой мужа моего? Уж если и помирать, то на родной земле, не на чужбине!

Царь ответил:

— Нельзя было по другому... Ты, Матушка, мешала мне в Казани сильно, в берлоге двум медведям не жить, в государстве двум самодержцам не бывать. И так брожения в Казани усмирить не можем, восстания, неурядицы сплошные, то татары, то черемисы

бунтуют, а так народ казанский на тебя бы равнялся, тебя бы слушал! Да и убить тебя твои мурзы могли, как в Орде Золотой ханы друг друга за власть убивали...

Сююмбике грустно улыбнулась:

— Значит, так ты спас меня, грозный царь!? Ну, спасибо тебе! Поклон тебе низкий! А зачем меня за мерзкого Шигалея замуж выдал? Не люб он мне, предатель, позор земли нашей!

Царь молчал...

— А почто с сыном меня разлучил, с душой моей, с маленьким Утямыш-Гиреем? Царь Иван, тебя ведь тоже мать родила... Любила тебя... Скажи мне, как матери без сына?

Царь Иван начал оправдываться:

— Утямыш мне самому стал как сын. Покрестили мы его в Лавре, у Святого Сергия, грамоту учит, язык русский. Утямыш-Гирей служить будет Руси Великой, может, князем, воеводой его в Казань пошлю! Знаю, все права у него на трон казанский, но Русь уже с Казани не уйдёт! Поэтому не волнуйся, Матушка-Царица, Утямыш здрав и разумен! Александром зовут его сейчас, в честь далёкого пращура моего, Александря Ярославича Невского! А он Александр Сафагиреевич! Ты, может, повидать его хочешь?

— Нет, Царь Иван! Раньше хотела, и сейчас хочу, повидать, к груди прижать, в глазки его заглянуть карие, но не могу уже! Не обижай его, царь Великий, ты мне обещал!

— Да, да, Матушка Царица, никто его не тронет, никому в обиду не дам! — Иван опять замолчал, поражённый видением. И вдруг страшная догадка поразила его. — Матушка—Царица, а ты зачем пришла-то? Не за душой ли моей часом?

Сююмбике как-то странно взглянула царю в глаза:

— Нет, царь Иван, не за душой! Не нужна мне твоя душа, живи... Не срок тебе сейчас помирать, жить и царствовать долго ты будешь... Только помни, Великий Царь, есть вещи хуже смерти!

— А что же хуже смерти, Матушка Царица?

— Жизнь твоя, самодержец Великий! Боятся тебя на Москве, Грозным прозвали, а на самом деле это ты боишься всех, в страхе вечном живёшь, трясёшься, как осиновый лист на ветру. Бояр, домочадцев, слуг, детей, крымцев, ногайцев, османов, ливонцев — всех боишься, супостатами, злодеями считаешь! Всех подозреваешь, всех стравливаешь, не доверяешь никому. Нигде себя в покое не чувствуешь, а то ли будет ещё! Кругом — враги, враги, враги, а где же друзья-то, царь Иван? Где сподвижники державы Русской? Друзей нет, одни вассалы, покорённые войском да запуганные твоими людьми служивыми! Зла много сотворишь ты, многие не простят обид своих! Лишения ждут тебя, царь Иван, терять будешь там, где сеял, молиться, каяться будешь, а Бог твой не простит! Пророк Иса, Бог христианский, был справедлив и милосерден, любви учил, а ты жесток! Как в одной книге вашей сказано — «И будут живые завидовать мёртвым!» [1] Вот и ты будешь завидовать тем, кого погубил!

Царица замолчала, внимательно посмотрела на потрясённого Ивана Васильевича! Потом грустно молвила:

— Ладно, живи, Государь, строй державу свою Великую! А мне пора...

— Куда же ты, Матушка? Обратно в Касимов? — спросил царь.

Царица Казанская улыбнулась:

— В Касимов, к ненавистному Шигалею? Нет, царь Иван, пожалуй, что в этот раз подальше! Прощай, Великий Государь Московский! Вспоминай меня, беззащитную женщину, которую ты лишил всего! — образ царицы тихо растаял, растворился в утренней дымке.

На удивление лекарей, к обеду Иван проснулся совершенно здоровым, встал с постели, быстро надел царское платье и вышел из закрытой спальни. Подданные пали ниц, видя здорового самодержца, который вчера готовился отдать душу Богу. По пути в палаты Иван коротко бросил:

— Князя Курбского ко мне!

Курбский прибежал к царю, сломя голову!

— Слушаю тебя, Великий Государь!

— Андрей, что у нас с Царицей Казанской, не обижает ли её хан Шигалей? Какие последние новости с Касимова?

— Пока ты болел, Государь, новостей особых не было! Была жива, здорова Царица Казанская, тосковала только сильно по ханству своему, всё просила нового мужа Шигалея и стражу в Казань её отвезти!

— Срочно пошли гонца, князь Андрей, узнайте, что и как. Если что, на Москву её привезите, на пир ко мне, поговорим мы с ней, с сыном ей разрешим повидаться! Пусть хан Шигалей сопровождение даст ей до Москвы.

— Будет сделано, Государь! — Князь Андрей выбежал на двор.

Наутро следующего дня он как пуля ворвался к Ивану в покои.

— Государь Иван Васильевич, не вели казнить, вели миловать!

— Говори, что там у тебя!

— Вчера по слову твоему я гонца послал в Касимов, насчёт Царицы Казанской узнать, а он по дороге гонцов от Шигалея встретил! Прости, Надёжа Государь, преставилась ко Господу Царица Казанская, Аллаху отдала душу свою!

---

[1] *Новый Завет. Апокалипсис Иоанна Богослова, Глава 9, Стих 6*

— Ах, ты! — Царь Иван пригнулся, как будто получил сильный удар в живот. — Да как же это?

— Не знаю, Государь Великий, ничего внятного гонцы не говорят! В башне жила, в башне и преставилась! Если хочешь, Государь, давай дознание учиним, что и как произошло...

Потрясённый царь нахмурился и обмяк, рухнув на лавку у стены.

— Иди, Андрейка, учиняй дознание! — Иван Васильевич сделал князю раздражённый жест рукой: «Ступай прочь!», а сам подумал: «Это же душа её, душа приходила ко мне попрощаться!! Потому и говорила по-русски!!! Как же так?! Как же я забыл-то про неё среди дел государственных? Почему с сыном не разрешил ей повидаться? Что же я творю-то, червь, раб недостойный?! Господи Всемогущий, Иисусе Христе, прости меня, грешного!» Царь закрыл лицо руками. Слезы раскаяния покатились из глаз самодержца.

* * *

Печальное пророчество Блаженного Василия стало сбываться... Летом 1550 года, после прибытия Ивана из второго похода, в возрасте одного года умерла любимая дочка, первенец супругов Ивана и Анастасии Юрьевны, царевна Анна Иоанновна. 17 марта 1551 года народилась вторая дочь царя, Мария Иоанновна, которая умерла в возрасте полутора годков. Супруги достойно переносили невзгоды, стойко держались, молились, творили милостыню, как могли, утешали друг друга! Царь помнил про Ветхозаветную Книгу Иова: «Бог дал, Бог взял, да будет имя Господне благословенно!»[1] В октябре 1552 года, во время третьего, рещающего похода на Казань, царица родила долгожданного первенца и наследника престола царевича Дмитрия Иоанновича, названного в честь Дмитрия Ивановича Донского, победителя Поля Куликова.

После взятия Казани и чудесного исцеления от «огненной» болезни царь московский с семьёй поехал на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, что на берегу Сиверского озера под Вологдой. Караван с богомольцами выехал из Москвы в мае 1553 года. Проехав через Троице-Сергиеву Лавру, Макарьев монастырь и Углич, государь по реке Шексне поднялся к Кириллову монастырю. Везде по пути следования царь подолгу разговаривал с настоятелями, простыми монахами и схимниками, жертвовал крупные денежные суммы, прикладывался к святыням. Везде душа царя алкала, просила Божьего милосердия, искала прощения за творимое зло.

Но на обратном пути в Москву на той же реке Шексне прозошла страшная трагедия. Как струг причалил к берегу, старая нянька царевича, держа ребёнка на руках, не удержалась на шатких сходнях и рухнула в воду. Вместе с ней свалились и ближние бояре, шедшие на берег следом. Малыш при падении глотнул воды, и когда все выбрались на берег, вернуть к жизни его не удалось. Горе супругов было безутешным. «Бог дал, Бог взял...!» Скорбь по наследнику была по всей Руси Великой. Царевич был похоронен в Архангельском Соборе Кремля рядом с дедом своим, Василием III. Старая нянька, уронившая малыша, молча, безропотно ожидала смерти. Но царица, милостивая, предобрая Анастасия Романовна, укрощавшая, когда это было необходимо, вспыльчивый характер мужа, уговорила Ивана не казнить няньку, и её отправили из Москвы в Углич, в Богоявленский женский монастырь, основанный женой Дмитрия Донского, княгиней Евдокией, подальше от глаз грозного царя. После этого случая царь особенно приблизил к себе малыша Утямыша, который рос на его глазах в Кремле, следил за воспитанием, за обучением молодого царевича казанского. Третья дочь царя, Евдокия

[1] *Ветхий Завет, Книга Иова, Глава 1, Стих 20*

Иоанновна, умерла двух лет от роду в 1556 году. Были живы и здравствовали два царевича — Иоанн Иоаннович и Федор Иоаннович, царь велел ближним людям следить за ними «пуще прежнего, в сто глаз», чтобы исключить все опасности для жизни сыновей. А затем пришёл черёд самой царицы, Анастасии Романовны...

В то проклятое лето, в июле 1560 года, случился на Москве великий пожар... Загорелся Арбат, загорелись улицы московские, клубы чёрного дыма окутали столицу державы Русской. Народ московский стонал и бедствовал, кто лишился крова, кто — товара, кто — всего своего скудного имущества. Боярам хорошо, у них домов, как у зайца теремов, а каково посадскому ремесленнику? Вдобавок к огню налетел суховей, и всполохи огня прыгали от кровли к кровле, от дома к дому, не щадя жилищ знати и простого люда. Царь Иван отправил царицу с детьми и домочадцами в село Коломенское, а сам руководил тушением пожара, отважно заливал водой горящие строения, вытаскивал из огня больных и увечных, показывал своим боярам живой пример богоданного правителя. В конце концов, большой силой, навалившись вместе — бояре, дворяне, купцы, священство, простолюдины, все, как один — город удалось отстоять. Когда же Иван поехал к семье, в Коломенское, он увидел, что царица занемогла. Лучшие врачеватели Кремля срочно примчались и принялись лечить Анастасию Романовну, но тщетно, жизнь постепенно, по капле уходила из неё. Лекарь из учёных немцев как-то шепнул царю: «Похоже на отравление, Великий Государь! Сулема...»[1] В одно августовское утро, сжав руку Ивана в своей ладони, царица молвила: «Прощай, Ванюша мой любимый, сокол мой! Любила и люблю я тебя, единственного! Детушек наших береги!» и в последний раз закрыла глаза.

* * *

Огромная людская река шла по Москве через Красную площадь, Лобное место, через Кремль, в Вознесенский Девичий монастырь. Вой стоял над толпой, стоны и причитания! Провожая в последний путь любимую, предобрую царицу Анастасию Романовну, плакали все, вся огромная людская масса. Плакали и жались ко гробу своей благодетельницы убитые горем жители Москвы. Старушки крестились, читали псалмы и молитвы, ремесленники, купцы, служилые люди, нищие, малые дети с родителями — все были убиты вселенским горем. Впереди гроба с певчими и священством, размахивая кадилом, шёл митрополит Макарий. За гробом царицы безучастно шагал немой брат царя Юрий Васильевич, а двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий и юный царевич Казанский Утямыш, в крещении Александр Сафагиреевич, превратившийся к тому времени в худощавого чернявого отрока, под руки вели Ивана Васильевича Грозного. На некотором отдалении от гроба, позади разночинной толпы шли думные бояре, приказные дьяки и представители московской знати, древних княжеских родов: Адашевы, Басмановы, Воротынские, Воронцовы, Головины, Курбские, Мстиславские, Морозовы, Одоевские, Серебряные, Соковнины, Троекуровы, Шереметевы, Шуйские, Нагие. На Государя Московского было жалко смотреть, он то и дело спотыкался, ноги совсем не держали его. Лицо было мертвенно бледным от обрушившегося горя, волосы спутались, руки тряслись, силы то и дело покидали царя, и он падал на землю. Царь Иван рыдал и кричал, все тело его содрогалось! От царского плача люд московский ужасался! Когда царь падал, юный царевич Казанский под локоть поднимал его:

[1] *Сулема — хлористая ртуть, получаемая соединением поваренной соли и ртути. При исследовании останков Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой специалистами Бюро судебно-медицинской экспертизы Комитета здравоохранения города Москвы в 2000 году в волосах царицы была обнаружена значительная концентрация ртути и мышьяка*

— Батя-государь, ты чего, батя-государь? Соберись с силами, батя! Вставай, вставай, идти надо! Идти надо, с государыней прощаться!

Царь Иван сквозь слёзы молвил Александру Сафагиреевичу:

— Они убили её, сынок-царевич, отравили, гады-бояре! Подлое племя боярское! Волки, агнцами[1] наряжающиеся! Отравили мою отраду, мою суженую, как и матушку мою сгубили, царицу Елену! Ну, подлые, погодите, ужо вам! Умоетесь слезами кровавыми!!! На дыбу всех!!!

Иван оглянулся назад и погрозил кулаком боярской делегации. Бояре содрогнулись, как от выстрела пищали над ухом.

Митрополит Макарий подошёл к государю и тихо сказал: «Прошу тебя, царь Иван, соберись, твёрд буди, весь люд православный на тебя смотрит! Похороним царицу, а потом с боярами разберёшься... Достойно веди себя, Государь Иван Васильевич, вся Москва сочувствует горю твоему, оплакивает матушку нашу. Посмотри вокруг, сколь людей пришло проститься! Не для тебя одного, Государь Великий, для всех нас горе!»

Перед тем, как опустить гроб Анастасии Романовны в могилу, плачущий царь нежно погладил её по тёмным волосам, поцеловал сперва в лоб, затем в мёртвые уста и молвил: «Прощай, душа моя Настасьюшка, милая моя златошвейка! Много радости и горя мы с тобой испытали, женились, любились, детушек наших рожали, потом хоронили их. Почему же ты ушла от меня так рано, суженая моя? На кого меня оставила? Как же мне теперь жить-то без тебя?»

И, наклонившись ко гробу, царь молвил мёртвой жене на ухо:

— А за смерть твою, душа царица, отомщу я страшной местью! Дознание учиню крепкое, найду всех виновных! Небо им с овчинку покажется! Клянусь в этом перед гробом твоим и перед Господом нашим, Иисусом Христом!

Царь истово несколько раз перекрестился, призывая небо в свидетели своим грозным словам. Не получалось у него, по заветам любимого Блаженного Васи, быть добрым Пастырем, не понимали его ближние бояре доброты и сострадания, в желании быть ближе к власти и к имуществу, «к кормушке» творили непотребное, ничем не гнушаясь. Ожесточилось сердце царя Ивана Васильевича! И покатилось по Руси огненное колесо царского гнева, закружилась бесовская пляска опричнины, в прошлом растворились остатки боярской вольницы...

Ближние царевы люди, опричники[2], не только находили виновных, тех, кто воровал, кто хотел переметнуться к врагу, кто плёл интриги заговора против царской власти. Таких, мздоимцев, лиходеев и предателей, на Руси всегда было предостаточно. Но при этом и много невинных попадало в адские жернова к царевым палачам. Как говорят в народе, лес рубят — щепки летят. Кто перечил царской воле, того казнили, кто говорил правду, тому вырывали язык. Кто указывал царю на беззаконие, тому выкалывали глаза... Князья и бояре отвечали головой за свой успех и карьерный взлёт, за близость к царю, за свои должности и имения! Любой, даже самый преданный царю человек, мог попасть в опалу и лишиться всего. «Справедливость — это я! — так думал царь Иван.— Не мне одному мучиться в этой жизни! Пусть знать московская, князья да бояре, страдают так же, как я страдаю! Не щадит, не жалеет, бьёт меня Господь, отнимает близких моих! И я также бить буду, и я отнимать буду!!! Ибо сказано в Писании: «...И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут»[3].

---

[1] *Агнец (библейское) – ягнёнок*

[2] *Опричник – телохранитель, человек, состоящий в рядах личной гвардии Ивана Грозного. Численность опричного войска достигала 6 тысяч человек. Военачальником опричного войска был Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известный как Малюта Скуратов*

[3] *Евангелие от Луки, Глава 12, Стих 48*

Я есть Гнев Господень! Искоренять, выжигать измену на Руси! Гуляй по Москве, войско опричное! Мчитесь во все концы земли, псы царёвы, чёрная конница! Держитесь, злыдни царства Русского, враги Государя Московского, воры и предатели!»

ДЕВЯТАЯ МОГИЛА

Давно отгремели царские пушки, развеян пепел былых сражений... Была заново отстроена красивейшая Казань, псковские зодчие Барма и Постник постарались на славу, взметнулся в небо, высится Казанский белокаменный Кремль! В Казани была обретена величайшая святыня Земли Русской — Казанская икона Божьей матери, с которой после смерти царя Ивана Васильевича, в Смутное время, выгоняло русское ополчение ненавистных поляков из Москвы! Татары, новые жители Московского царства, всецело поддержали русскую сторону, много татарских воинов было в ополчении Минина и Пожарского! По одной из исторических версий, сам купец Кузьма Минин был крещёным татарином Киришей Миннибаевым, сыном солеварщика Мины Анкудинова из Нижегородской губернии! Версию татарского происхождения Кузьмы Минина в середине 2000-х годов поддержали Председатель Совета Муфтиев России Равиль Гайнутдин и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II! В ополчении 1612 года служили казанские, нижегородские, арзамасские, алатырские, курмышские татары! Славно бились они с захватчиками-ляхами и их прислужниками!

В новое, недавнее время была заново отстроена мечеть в Казанском Кремле, которая названа именем последнего имама Казанского ханства, храброго Кул-Шарифа... Вознесла свои небесно-голубые минареты к небу мечеть «Кул-Шариф»! Ширится и растёт белокаменная, светлая Казань на широкой реке, матери рек русских — Волге... Мирно живут русские, татары, представители других народов на благословенной земле Казанской!

Царь Иван правил долго и умер в 1584 году при невыясненных до конца обстоятельствах через более чем тридцать лет после взятия Казани... Отношение народа русского и других народов нашей необъятной Родины к царю Ивану сложное и почтительное. Образ грозного самодержца ярко выведен в искусстве, прозе и поэзии. Царя Ивана Васильевича любили, уважали и боялись. Любили за страдания его нечеловеческие, за то, что деток и жену любимую схоронил, за дружбу с нищими и убогими, за дарёные шубы с царского плеча, за справедливость царских наказаний для князей и бояр — мздоимцев! Было где правду искать простому человеку при царе Иване Грозном! Уважали Ивана Васильевича за достижения его, за то, что Державу расширил, сделал её преемницей Великой Орды, за то, что Поволжье и Сибирь присоединил к Руси, за созыв Земских соборов, «Стоглавого церковного собора», за первый в истории русской державы Судебник[1], принятый публично, представителями всех сословий. Уважали царя Ивана и за то, что не шёл на сговор с иноземцами, не предавал державные интересы, везде поднимал стяг с двухглавым орлом, все народы, притесняемые и гонимые на Востоке и на Западе, брал под защиту свою крепкую! Боялись Ивана Васильевича за крутой на расправу нрав, за крайнюю жестокость, за вспыльчивость и импульсивность... Похоронен первый русский царь Иван Васильевич IV Грозный, наследник Рюрика, византийских императоров и темника Мамая, в Архангельском Соборе Московского Кремля, в алтарной части, рядом с сыновьями своими, Иваном и Фёдором...

Доподлинная дата кончины последней Царицы Казанской неизвестна. Последний раз Царица Сююмбике упоминается в исторических источниках в январе 1554 года:

[1] *Судебник — свод законов и уложений Ивана Грозного*

тогда царь Иван Грозный хотел убедиться, что Сююмбике находится во здравии, и рекомендовал хану Шигалею принять в Касимове ногайского посла. Последнюю Царицу Казанскую любил её народ, её подданые, много легенд и преданий он сложил о любимой своей Госпоже! Нет в истории Казани фигуры более романтичной, чем печальный образ царицы Сююмбике!

Одна из легенд гласит, что когда царь Иван Васильевич Грозный завоевал Казань, увидел он красавицу-царицу и посватался к ней. Царица Сююмбике поставила ему условие — выйду замуж, если царь построит за неделю в Казанском Кремле башню в её честь. Дал Иван Васильевич указание своим зодчим, и стали они строить, день за днём, камень за камнем! Через неделю высокая башня была готова. Поспросилась царица Сююмбике подняться на башню, чтобы в последний раз оглядеть родную Казань перед отъездом в Москву, взошла на самую вершину и бросилась вниз, отомстив жестокому царю за взятие любимого города! Аллах Милосердный, видя подвиг Царицы Казанской, превратил её в белую голубку, которая и по сей день летает над Казанью, над башнями Кремля, церквями и мечетями! Тоскует душа Царицы Казанской по своему родному городу! Полётом одинокой белой голубки изливается её печаль! Помнят эту красивую легенду жители славной Казани!

Касимовский хан Шигалей, верный союзник Ивана Грозного, умер в 1566 году, умер нелюбимым и бездетным, он погребён в родовом текие[1] в Касимове Рязанской области. Кто-то считает его позором и предателем татарского народа. Кто-то, наоборот, говорит, что заступался хан Шигалей за казанцев перед ликом Грозного царя, многим горожанам своим ходатайством спас жизнь в нелёгкую годину. В иных вопросах, особенно в вопросах жизни и смерти, ходатайство стоит дороже денег. В том же 1566 году скончался сын Сююмбике Утямыш-Гирей, в крещении Александр Сафагиреевич, умер по неизвестной причине, его похоронили в усыпальнице русских царей, в Архангельском Соборе Московского Кремля, в центре зала, рядом с прахом Великого князя Дмитрия Ивановича Донского и князя Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного. Утямыш-Гирея похоронили на Руси с царскими почестями. До последних своих дней он носил официальый титул «Царя Казанского»!

Князь Андрей Курбский, ближний человек царя Ивана, разделивший с ним все тяготы Казанских походов, чувствуя на себе близость царского гнева и возможной расправы, вступил в сговор с ливонцами, предал русского царя и весной 1563 года убежал в Литву, бросив в Москве жену и сына. За измену и ценные сведения о русском войске Великий Князь Литовский Сигизмунд Август передал во владение Андрею Курбскому обширные поместья в Литве и на Волыни: сёла, замки, земельные наделы, даже целый город Ковель. Уже осенью 1564 года князь Андрей Курбский начал воевать против русской армии, под его началом ливонцы нанесли русским несколько чувствительных поражений. Одновременно с войной Курбский вёл с царём Иваном Васильевичем Грозным оживлённую переписку. Бывшие друзья — полководцы вспоминали былое, спорили, упрекали друг друга, но так и не пришли к единому мнению!

Так уж заведено, что предают всегда самые близкие... Предают из страха, из корысти, предают из ненависти. Царь подозревал самых ближних людей своих, друзей и сподвижников, князя Андрея Курбского, окольничего Алексея Адашева и своего наставника, протопопа Сильвестра[2], в причастности к отравлению жены Анастасии Романовны. Могли ли реально приближённые царя отравить «предобрую царицу»?

---

[1] *Текие — мусульманская усыпальница*

[2] *Сильвестр — русский православный священник, протопоп, наставник Ивана Грозного. После смерти царицы Анастасии Романовны в 1560 году попал в опалу, был сослан в Соловецкий монастырь, где скончался в 1566 году*

Конечно, могли, из-за близости к царскому трону, из-за благ, которые даёт высокая должность и власть, из-за сохранения своего влияния на импульсивного Ивана Васильевича и политику Московского царства! О причастности Алексея Адашева к отравлению дала показания жившая в его доме польская служанка Магдалена. После признаний полячки совместное заседание Боярской Думы и Священного Собора Русской Православной Церкви осудило и отправило в ссылку боярина Алексея Адашева и протопопа Сильвестра. А затем, через несколько лет, под подозрение в соучастии попадёт и князь Андрей Курбский. Из ссылки ни Адашев, ни Сильвестр не вернулись, оба умерли, один в заточении, другой в монастыре. Князь Андрей бежал и пошёл на военную службу к злейшему врагу, стал воевать против своих, стал предателем.

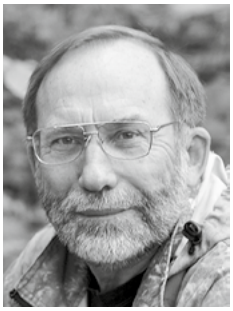
Сохранившаяся переписка царя Ивана Васильевича с Курбским представляет собой образец «высокого слога» средневекового письма и характеризуется не только значительным набором исторических и военных сведений, но и большим количеством личных упрёков и обид, в частности, содержанием упрёка в отравлении царицы Анастасии Романовны: «А с женой моей юной зачем вы меня разлучили?»[1] Некоторые историки называют предателя Курбского первым диссидентом и «обличителем безумного русского царя»! Итог — князь Андрей Михайлович Курбский, Рюрикович из ярославской родовой ветви, герой Казанских походов, полководец и стратег, так и не вернулся на Русь, умер почти одновременно с царём Иваном Васильевичем, в 1583 году, в своём замке в селе Миляновичи Волынской области современной Украины. Знал Андрей Михайлович, что не простит его предательства Грозный царь! В настоящее время могила Курбского археологами так и не найдена. Наверное, чувствовал за собой вину предательства князь Андрей, и на Родину не воротился, велел похоронить себя тайно.

А где же на самом деле погребена последняя Царица Казанская? В Касимовском склепе есть безымянная могила. Русский исследователь В. В. Вельяминов-Зернов[2], в девятнадцатом веке изучавший надписи на остатках надгробий Касимовского мавзолея, пришёл к выводу, что в нём захоронены сам хан Шигалей, его жена Булак-Шад и ещё шесть их родственников. Но есть ещё одна могильная плита, девятая, и на ней нет никаких надписей. Существует предание, будто это могила Прекрасной Сююмбике, последней Казанской Царицы, выданной своими слугами русскому царю и сосланной в Касимов при присоединении Казанского ханства. Так неужели злобный Шигалей, не добившийся расположения красавицы Сююн, насильно выданной Иваном Грозным ему в жены, так возненавидел её, что даже на могильном камне не сделал памятной надписи?

Умерла Царица Казанская на чужбине, в Касимове, умерла от печали по сыну своему отнятому, отроку Утямышу, от тоски по любимому городу своему, славной Казани, по мужу своему, любимому, гордому Сафа-Гирею! Башня имени прекрасной Сююмбике высится в Казанском Кремле, является одним из главных символов Татарстана! А сама могила Царицы Казанской неизвестна, скрыта до времени. Почему это так — ведано лишь Богу-Вседержителю...

[1] *Второе послание царя Ивана Грозного князю Андрею Курбскому*

[2] *Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830—1904) — русский историк, первый академик-востоковед из числа русских учёных, доктор турецко-татарской словесности*



ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

СКРИПКА

Маленькая повесть

Она висела в главном углу нашей деревенской избы рядом с большой, взятой под стекло рамой, где были развёрнуты веером десятка два фотографий — вся семейная родословная в лицах. Чуть правее на гвозде топорщилась нахохлившейся вороной старая керосиновая лампа, а пониже белели почётные грамоты мамы с профилями Сталина. Всё это были вещи запретные для моих детских рук, а потому — вызывающие интерес. Особенно притягивала она, скрипка. По малости лет я не мог знать истории её появления в доме, но каким-то чутьём угадывал, что самая тесная связь у скрипки — с прабабушкой, нашей бабой Зиной.

Они и внешне были чем-то похожи. Лицо бабы Зины, будто высеченное плотницким топором из старого пожелтевшего лиственничного дерева, было покрыто густой сетью морщинок. И такой же паутинкой трещин была усеяна лакированная поверхность скрипки. Прабабушка была очень старой, и даже бабушка Лида рядом с ней казалась молодой и подвижной. Баба Зина любила сидеть в тёплые солнечные дни во дворе, на чурбаке у поленницы. И тогда лицо её почти сливалось с коричневыми торцами поленьев, и казалось, что ярко-белый платок очерчивает что-то несуществующее.

В туманные зимние дни, когда родители были на работе, а бабушка Лида уходила кормить и доить корову, мы часто оставались с бабой Зиной вдвоём, и я замечал, как иногда её взгляд почти невидяще скользил по раме с фотографиями, останавливаясь на скрипке. И тогда глаза её теплели, сухое лицо становилось мягче,

добрее и чуть-чуть грустнело. В такие минуты мне хотелось прыгнуть к ней на шею и крепко-крепко обнять. Но я не делал этого, потому что считал себя уже большим. Она, однако, чувствовала движение бесхитростной мальчишеской души, и сама молча начинала гладить меня по голове сухими лёгкими пальцами. Я прижимался лицом к выцветшему фартуку, что она носила постоянно, и долго вдыхал исходивший от его большого кармана необыкновенный запах лесных трав.

Особенно таинственной и прекрасной скрипка казалась вечером, когда недавно появившаяся под потолком маленькая электрическая лампочка, отгорев положенные четыре часа, мигала и гасла, и бабушка Лида зажигала испытанную временем керосиновую трехлинейку. Пометавшись из стороны в сторону и успокоившись, пламя над фитилём разливало по избе тёплые волны света, который, в отличие от электрического, казался живым и одушевлял все предметы. Оживала и скрипка. По её изогнутым бокам начинали двигаться малиновые блики, а смычок, отделившись от тёмных брёвен стены, зависал в воздухе. И тогда мне чудилось, что я слышу её пение. Оно казалось каким-то особенным, волшебно-прекрасным, наверное потому, что в нашем маленьком селе на берегу Лены никто не умел играть на этом инструменте, и он никогда здесь не звучал.

Глядя на скрипку, баба Зина часто говорила:

— Вот помру, положьте со мной в гроб. Ещё с Иваном надо было схоронить, она ить у ево заместо души была, да не смогла я, схотелось память в дому оставить. А уж со мной положьте обязательно ...

Мне эти разговоры не нравились, казалось, баба Зина так и будет жить в нашем доме вечно, и поэтому я начинал просить её лучше рассказать какую-нибудь сказку. Она охотно соглашалась, начинала и... не могла вспомнить конец. Я сердился, баба, Зина обижалась, и мы молча расходились в разные углы избы. А потом приходила бабушка Лида и мирила нас.

— Опять старый с малым не поладили,— улыбалась она,— смех и горе с вами. Идите-ка, попейте лучше молочка. Только что от Зорьки, парное ...

Проснувшись однажды тихим зимним утром, я не увидел бабы Зины в избе, хотя в эту пору она не выходила на улицу. Бабушка Лида и мать долго не отвечали на мой вопрос, а потом почти в голос тихо обронили:

— Нет больше бабы Зины...

Когда прабабушку внесли домой в гробу и поставили на табуретки в большой комнате, я сразу вспомнил её наказ. Взрослые и не заметили, как я подвинул в угол скамейку и потянулся с неё за скрипкой. Все обернулись, но было уже поздно — выскользнув из рук, скрипка со звонким треском ударилась о пол и раскололась на несколько частей.

— Что ж ты натворил! — ахнула бабушка Лида.— Ведь она же её с собой хотела...

Я застыл, опустил голову, из глаз ручьями покатились слезы, непослушные губы тряслись и не могли выдавить ни слова.

— Да он затем и сымал,— вступилась за меня соседская старушка баба Поля.— Теперь уж дело не поправить, а при покойнице ругаться грех. Сама его простит ...

Отец молча собрал обломки скрипки, обмотал их чистым полотенцем и сунул в одёжный шкаф.

Январский воздух шуршал от дыхания, и пока лошадь медленно везла сани до кладбища, я, шагая следом, невольно наблюдал, как медленно выступают белые пятна на лбу, щеках и носу бабы Зины. Мне очень хотелось погреть эти места ладошкой. И казалось странным, что баба Зина сама не протянет руку, не потрёт замерзающее лицо. Но прабабушке, наверное, теперь всё было безразлично. Кроме одного: с ней

должна была быть скрипка. А её не было. И потому в углах застывшего рта пролегли строгие складки. Баба Зина сердилась на меня, я переживал вину и мысленно снова и снова просил у неё прощения.

Похоронили её в самой середине кладбища, на горке, в одной оградке с прадедом, где было заранее оставлено место для бабы Зины.

Светлое пятно в форме восьмёрки на стене дома ещё некоторое время напоминало всем о скрипке, но к осени оно медленно исчезло — изба как бы залечила рану...

А во мне чувство вины не проходило, и однажды я вдруг понял: надо сделать скрипку и унести её к бабе Зине и деду Ване. К тому времени я уже пошёл в первый класс и чувствовал себя совсем взрослым человеком — самостоятельным и много умеющим.

Дождавшись, когда дома никого, кроме меня, не осталось, я вынул из шкафа обломки скрипки. В сенцах у отца всегда стояла банка со стерляжьим клеем, я сходил за ним, по-хозяйски поставил на плиту. Пока клей нехотя плавился,— внимательно рассмотрел скрипку. Тоненькие дощечки её дек (тогда я, конечно, не знал их названия) были беззащитно хрупкими, а нижняя почему-то отличалась по цвету от верхней. Гриф разлетелся на две части по старому сколу, на котором виднелись следы клея.

«Значит, её когда-то уже ремонтировали,— мелькнуло у меня в голове.— А раз так, то и я сумею...»

Густо намазав обломки, я долго составлял их вместе. Дело это было непростое — несколько раз отдельные части разъезжались в стороны, пока я не догадался приматывать их друг к другу суровой ниткой. В конце концов, я собрал инструмент, правда, не всё получилось гладко — стыки были неплотные, в них светился клей, скрипка потеряла плавность обводов, но она была целой. Она снова стала сама собой.

Поставив одну на другую две табуретки, я осторожно забрался на них и положил скрипку сушиться на верхнюю полку над дверью, куда взрослые заглядывали очень редко. А ночью мне приснился долгий-долгий сон...

* * *

Возвратившись из кабака, Иван не пошёл в душную избу постоялого двора, а лёг спать прямо на телеге, накрывшись зипуном и подоткнув под голову побольше сена. Заснуть он не мог. Какая-то щемящая, радостная боль раз за разом пронзала грудь и снова возвращала в кабак, туда, где сегодня над пьяным гвалтом и разгулом царила она, Скрипка. Иван лежал на спине, всматривался в крупные осенние звёзды, словно набравшие вес и спелость к сентябрю, и думал о том, что прожил он немало, а вот почувствовал по-настоящему, охватил своей душой всего-то ничего. И только с нынешней весны как будто возвратилась к нему когда-то давно уже, в далёком далеке позабытая и потерянная настоящая большая радость. Малые-то, они были. И даже не совсем малые. Не раз благодарил Бога, спасаясь от напастей, не помнил себя от счастья, факт. Да ведь только было оно, счастье-то в том, что жив из передряги выбрался, уцелел. Конечно, и это немало. А всё-таки настоящая, большая радость осталась где-то там, далеко-далеко, в мальчонке-стригунке светловолосом, да в парнишке, что по вечерам бегал к своей Зиночке за три версты. А Зиночка-то теперь эта — кто? Обычная сварливая баба. А ведь была ласковой да приветливой. Может, с того пошло, что ребятишек Бог не дал. Вроде и любили поперву друг друга, и здоровьем не обижены, а вот нет — и всё. Так незаметно в ожиданиях и очерствела Зинаида. Да и он-то тоже.

Да... было. До весны нынешней. А она разом всё и перевернула. Зинаида-то теперь — и та, и не та. И он другим стал, словно душой просветлел. Десять лет ездил

в губернский город, а только теперь будто прозрел и слухом заново народился — приметил скрипку, да не просто приметил — как с ума от неё сошёл... А всё это Ванюшка, Иван-младший, сынок нежданный-негаданный...

Не пойди он тогда к Лёхе Гроханскому, может, и не было бы ничего. У Лёхи того ни кола, ни двора — ни бабы, ни укладу, а он мальчонку в Иркутске в Базановском приюте взял. К чему? Непонятно. Им бы с Зинаидой — другое дело. Вот и пошёл Иван выспросить о приёмыше: как дело такое делается, мол, тоже бы сиротку из приюта пригрели.

А Лёха тот — мужик в деревне самый завалящий. День гуляет — два отдыхает. Клин его весь лебедой зарос, на охоту или рыбалку калачом не заманишь. Понятно, и дома ветер по углам свищет. Глашка-то, жена его, поперву повоевала с ним, а потом и руки опустила. Ушла к родителям. Так и живёт Лёха теперь бобылём при живой жене, как немощный, перебивается с картошки на квас.

Пасха тогда была. Прихватил Иван два шкалика, пяток яиц крашеных, да и пошёл к Лёхе. Тот бутылки увидел, обрадовался, засуетился, со стола шелуху картофельную принялся рукавом сметать.

Выпили, яйцами закусили. Тут Иван и спросил напрямик:

— А мальчонку-то зачем взял?

Леха осклабился:

— Гы, гы ... Не барин небось, мальчонка-то — вырастет, куда денется... Гы, гы... К курям приладился, и ладно. А три рубля в год губерния на прокорм ему платит. Деньги-то... гы, гы... они в хозяйстве не лишни...

Слушая Лёху, Иван мрачнел и наливался тяжестью. А тот не замечал, продолжал петь про свою расчётливость да сметку. Вдруг хвастливо-доверительный тон Лехи перешёл в срывающийся визг:

— А ну, пшёл отсель, сукин кот! — закричал он под стол.

И тут Иван увидел, как из-под их ног, лихорадочно перебирая тонкими ножонками и ручонками, быстро выполз на четвереньках мальчонка годов полутора. Отполз в сторону, боязливо глянул на Лёху и гостя. Взгляды их встретились, и Ивана поразила недетская серьёзность глаз мальца, казавшихся необычно большими на худом личике. Это были глаза взрослого человека, глаза усталые и печальные, без обычного в таком возрасте внутреннего света.

В груди у Ивана что-то сжалось, заскрипело.

А мальчонка быстро пополз к ближайшей от двери лавке, превращённой Лёхой в курятник. Там, за землистого цвета рейками привычно уже теснились несколько куриц и красно-рыжий петух с огромным, свесившимся на бок фиолетовым гребнем. Перед решёткой на полу стояло деревянное корытце, где в серой ячменной шелухе чернели обклёванные остатки горелой корки хлеба.

Мальчонка подполз к корытцу и протянул руки к одному из кусочков. Но рыжий петух не дремал. Склонив голову набок, он прицелился и, резко выбросив шею вперёд, ударил клювом в ещё не успевшую сжаться ручонку. На запястье тут же вспыхнуло алое пятнышко. Душа у Ивана оборвалась, но мальчонка не заголосил, а лишь отдёрнул ручку, сел, да по грязной щеке его прочертилась сверху вниз светлая полоска.

— Гы, гы...— осклабился Лёха.

И тогда Иван, с хрустом сжав огромный кулак, без слов припечатал его к ощеренной морде хозяина. Тот упал, как куль, без единого слова и почти без шума. Мальчонка на полу зыркнул боязливо глазищами, сжался ещё сильнее. Иван встал, наклонился к нему, провёл ладонью по засаленным и всклокоченным волосёнкам, взял на руки, запахнул полой полушубка и вышел.

Лёха отлёживался два дня. А потом, подойдя к Ивановым воротам, начал с улицы кричать, что, мол, никому не позволено отнимать чужое, в трудах выкормленное дитя, но Иван, распахнув калитку, так на него глянул, что Гроханский опасливо замахал руками и быстро-быстро упятился за угол.

Так и появился в доме Звонковых второй Иван. Невелика, вроде, прибыль, а будто солнышко апрельское все углы высветило. Одну только ночь спал Ванюшка на старой дедовой лавке. А на утро вышел Иван под навес, где лежали у него стопкой сухие еловые доски да бруски, встал к верстаку и в один приём, к обеду, сладил мальцу кроватку с резными головками. Что-что, а столяр-то он был от бога, тут уж хоть всю деревню расспроси.

Ожила, приободрилась и Зинаида. Купала Ванюшку в лохане каждый вечер, будто всё хотела ту, гроханскую, грязь с него смыть, хотя и смыта она была начисто в первый же день. Волосёнки его, оказавшиеся волнистыми да мягкими, не переставала чесать гребнем. Кормила как барина, по пять раз на дню. Рубашонок нашила из полотна льняного, что себе на сарафаны берегла.

Много ли надо огольцу такому — через две недели уже и щеки у него округлились, ниточки на запястьях очертили пухленькие ручонки. Да и славный такой мальчонка оказался — и неревучий, и понятливый. Правда, не говорил почти ничего, ну это их не пугало: дело наживное, заговорит, в ласке-то быстро пообвыкнет. Чай, не у Гроханского под столом. Как-то кума Наталья к ним зашла, так только руками всплеснула. Вот, где, говорит, счастье-то в дом привалило. Да они и сами так решили: счастье и есть!

А когда поостыл Иван, взял полуштоф водки, пошёл к Лёхе. Ты, мол, шельмец, погубил бы задаром мальчонку, а теперь он при месте, пей за его здоровье, и чтоб промеж нами злобы не было. Лёха поначалу вроде заерепенился, а потом, после третьей стопки, согласно замотал головой: «Оно конечно... оно конечно... лучше ему у тебя-то будет... Забирай...» Иван на другой же день в волость поехал — выправил у писаря все нужные бумаги, у старосты деревенского отметил и в губернский приют отправил. Вскорости и ответ из Иркутска пришёл, мол, переписали сироту на вашу фамилию. Так и стал Ванька Базанов Ванькой Звонковым, Иваном-младшеньким.

Да, как ни крути, а мальчонка, почитай, и есть теперь главная радость у Ивана. Вчера вот тоже кумача ему на рубашонку купил, да картуз за полтину. Картуз-то хоть и маленький, но завидный — козырёк лаковый, хоть смотрись. Такие парни-женихи носят, а тут — огольцу. Ну, ничего, пусть ходит, глазёнками-то сверкает. Спадает, поди, картуз-то с головёнки. Да подрастёт быстро, и не заметишь, они как грибы после дождя вытягиваются, ребятишки-то... Вот и скрипка как бы тут подошла. Ох и играл бы он Ваньке своему, а тот ручонки сложил бы на коленях, да слушал так задумчиво...

Иван лежал на телеге, взгляд его тонул в чёрной бесконечности неба, блуждая между жёлтых звёзд, и думы одна за другой захлёстывали голову. А ещё снова и снова вспоминал он вечер в кабаке.

Началось все как обычно: сел на затёртую до блеска лавку к почерневшему столу, достал из кармана один из пяти припасённых в дорогу гривенников. Взял за семь копеек шкалик, а на остаток — два яичка да калач. Налил в кружку вина, перекрестился: «Дай бог продать удачно». Выпил. Только калач надкусил и принялся яичко шелушить, тут она и заиграла. И будто прожгла его насквозь. Так с куском во рту и застыл...

Эх, скрипка, скрипка... А ведь была она и в прошлую осень в кабаке, да, видно, душа Иванова другой стала, размякла, посветлела. И мужичок тот же самый играл — маленький, лысый почти что начисто, горбоносый. Невидный такой, а взял в руки

инструмент — и царём стал. Как он про Маньчжурские сопки-то сыграл, аж душу всю вывернул, и кабак будто притих, призадумался. На этих сопках, под Мукденом каким-то, десять лет назад младший брат Александр голову сложил. Видно, тому, кто музыку эту придумал, тоже там солоно пришлось.

Иван сидел в кабаке до тех пор, пока играл скрипач. И всё смотрел на руки его и инструмент. Со стороны ничего хитрого будто и не было: прижал скрипку подбородком, води смычком, да пальцами струны прижимай в нужном месте. А всё-таки непривычно — не гармошка и не балалайка. Да и поёт как — далеко тем! «Попробовать бы,— зародилась в Ивановой голове мысль,— слухом Господь не обидел, гармонику, помнится, в пару месяцев осилил, первым на деревне стал. И на балалайке получалось...»

Робкая было с вечера, эта мысль наутро начала утверждаться в нём всё прочнее и прочнее.

— Вот купить бы такую,— неожиданно сам для себя произнёс Иван вслух, запрягая Воронка. И тут же огляделся по сторонам украдкой: не слышал ли кто. Рядом никого не было, и он уже смело продолжил: — Да денег-то, где возьмёшь?! За двенадцать пудов зерна дай бог шесть рублей выручить. А она, поди, одна рубля три стоит. На одежду, сахар, чай ничего и не останется. Так-то, господин мильонщик, не по Сеньке шапка... Эх, жизня...

На рынок он приехал одним из первых, быстро уплатил за место, устроился, достал безмен. Таких мужиков, как он, съехавшихся в Иркутск со всей округи с надеждой подороже продать собранную пшеницу, было немало. А потому покупатели подолгу ходили от воза к возу, щупали, мяли пальцами, пробовали на зуб зерно и долго не делали выбора.

В первый день Иван продал только два пуда. Как и рассчитывал — по полтине. А на следующее утро против него вдруг остановился представительного вида купчина, от которого попахивало водкой. Долго смотрел зерно: Звонков знал, что у него оно не хуже других. Но и не лучше. А купцу чем-то приглянулся Иван, и он вдруг весело подмигнул и предложил:

— Ну что, богатырь, отдашь по рублю?

У Ивана от радости вся душа всколыхнулась, но виду он не подал, степенно ответил:

— Эт можно...

Тут же подъехала телега с двумя парнями, они быстро взвесили и перегрузили мешки, а купец вручил Ивану новенький червонец. «А ведь есть Бог на свете»,— повторил несколько раз про себя Звонков, всё ещё не веря в удачу. Но деньги были в руке, телега — пуста, и Иван тут же поехал делать покупки, вспоминая все наказы Зинаиды.

Он несколько раз заходил в лавку купца Савельева. Для виду покупал кое-что по мелочи, копеечное — иголки шорные, шарниры маленькие, напильник трехгранный. А сам всё смотрел на верхнюю полку, где рядом с гармошками и балалайками светилась темно-красным лаком Она.

В последний раз Иван не выдержал:

— Скрыпку бы мне...

— Чего, чего? — не понял приказчик.

— Скрыпку...

— Да ты, братец, поди, её в руках отроду не держал. Вижу, из деревенских. Что делать-то с ней будешь? Сей инструмент особый, деликатный, не для всякого. Умение специальное требуется. Обучение-с... Гармонику лучше возьми. Сподручнее ...

— Не держал, так подержу,— поспешил поскорее все закончить Иван,— мы тоже не без понятиев. И на гармонике можем... Извольте вот три целковых за скрыпку...

— Что ж, получи, братец, коли так. Скрипка-с... смычок-с... футляр-с... канифоль-с для смычка... Всё в комплекте-с...

Выходя из лавки, Звонков не видел, как приказчик за его спиной фыркнул в ладонь и убежал за перегородку — рассказывать хозяину о чокнутом мужике.

Теперь самым главным было показать покупку Зинаиде и попробовать как-то всё объяснить ей по-человечески. «Не поймёт ведь баба, не поймёт. Скажет: три целковых угробил на каку-то финтиклюшку. И по деревне ржать станут...»

Иван думал об этом всю дорогу, даже в трактире, куда заехал пополдничать, но так и не смог ничего придумать. Раза три в пути останавливал коня, доставал из футляра скрипку тихо проводил ладонями по её лаковой поверхности, а потом снова осторожно клал на место. «Эх, всё обсказать бы, как оно есть, да слов ить не хватит»,— по кругу витала в голове одна и та же мысль.

Так ничего и не надумав, Иван брякнул с самого порога:

— Скрыпку купил...

И стал смотреть на жену. Та молча перекрестилась, уставившись на него немигающими глазами, а потом неуверенно начала:

— Запил, чо ли? Сдвинулся? На какую мать она тебе, скрыпка-то, спонадобилася?!

Иван в ответ лишь молча положил на стол неистраченные деньги, бережно опустил рядом обтянутый кожей футляр, свёртки с покупками.

Поняв, что муж не пьян и не с похмелья, Зинаида перешла в более решительное наступление.

— Скрыпку! Да я от сраму перед кумовьями-то сгорю,— тонко звенел её голос,— да деревня-то вся от смеху ногами дрыгать будет. Дурень со скрыпкой из цирку приехал ... кловун ... Разоритель! И какой бес тебя тогда из лесу вывел, блудил бы уж лучше до скончания века ... Мильонщик выискался!

Войдя в раж, она принялась кружить вокруг застывшего огромной глыбой Ивана, норовя ткнуть его кулаком в бороду. Он слушал молча и лениво отмахивался. Но когда Зинаида вскинула было руку над лежащей на столе скрипкой,— легонько задел жену кулаком под глаз. Шлёпнувшись задом на лавку, Зинаида запричитала. Заплакал тихо следом и Ванюшка, привыкший уже к спокойствию да ладу.

— Погубить нас захотел, кровопивец,— подхватила мальчонку на руки Зинаида, размазывая слёзы по щекам.— По миру решил пустить! Заместо рубашечков теперь, сыночек, скрыпку ево носить станешь...

* * *

Чтобы не слушать жениного плача и попрёков, Иван направился в амбар и начал быстро собираться на охоту. Повесил на пояс нож и кресало, сунул в котомку соль, патроны, ломоть хлеба. Зачем-то разломил ствол ружья, пристально глянул в него, хотя и так знал, что в порядке, чистое. Зинаиде бросил через плечо:

— В Чёрную падь, на солонцы.

Жена и не обернулась в его сторону, будто не слышала.

До места охоты было вёрст двенадцать, и подошёл он туда, когда уже смеркалось. «Чёрной» падь прозвали из-за огромных елей, которые здесь заметно потеснили обычные для всей округи кедры. Издалека падь, действительно, казалась чёрной. Даже днём среди этих серых лесин, под разлапистыми ветвями, почти не пропускавшими солнечного света, было сыро, пасмурно, неуютно, хотелось поскорей выбраться

отсюда в весёлый кедрач с его взметнувшимися вверх золотистыми свечами стволов и лёгкими кронами. Но именно здесь, на небольших полянках между елями, из земли выступали рассолы и высыхали на суглинке хрупкой корочкой. Эти полянки были самыми желанными местами для косуль и изюбров, которые издалека приходили сюда по ночам за излюбленным лакомством — солью. Деревенские охотники об этом знали и часто устраивали здесь засидки. На одном из солонцов у Ивана был свой старый скрадок.

...Как бы ни был он расстроен и занят своими мыслями, но пройти просто так мимо этого дерева не мог. Вот уже пять лет, оказываясь поблизости, он обязательно подходил сюда и молча стоял какое-то время, будто отдавая дань благодарности и памяти старой ели.

И сейчас, потрогав рукой залеченные смолой глубокие царапины на коре, он снова вспомнил всё...

В ту августовскую ночь на косуль охотился не он один. На противоположном краю поляны, распластавшись за корягой и вывалив от нетерпения язык, лежал огромный бурый медведь. Он ждал, когда косуля, сторожко ступающая по изрытой копытами земле, подойдёт поближе, чтобы двумя выверенными прыжками донести и обрушить ей на спину смертельную тяжесть своих лап.

Боковой ветер относил запах человека, и медведь долго его не чуял. А когда почуял — к охотничьему азарту нетерпения стала примешиваться злоба на пришельца, который может ему помешать, а то и отнять добычу.

Так оно и случилось. Косуля сделала подряд несколько шагов в сторону человека, и начавшую уже редеть темноту разорвала оранжевая вспышка. Косуля упала. Выстрел на какое-то мгновение ослепил зверя, оглушил его, а когда он пришёл в себя, то увидел выходящего на поляну охотника. Вложив в мышцы всю заклокотавшую в нём злобу, медведь устремился к человеку.

Иван успел заметить метнувшуюся из-за деревьев чёрную тушу и отскочил назад, за первый попавшийся ствол. Медведь, пролетевший с разгона мимо, всё же зацепил лапой ружьё, отшвырнул его на несколько саженей и, крутанувшись на месте, бросился на Ивана. Тот укрылся за елью, принявшей на себя первый удар когтей.

И тут началось страшное испытание. Расставив в стороны лапы медведь попытался достать ими Ивана, который стоял за стволом. Ель попалась большая — в два обхвата,— и зверь с человеком начали двигаться вокруг неё. Медведь резко бросался вправо Иван — влево, медведь — влево, Иван — вправо. Со стороны могло показаться, что они играют в пятнашки. И это действительно была игра — со смертью. Потеряй Иван на мгновение самообладание — и его тут же достала бы когтистая лапа.

Зверь скоро понял, что так человека не возьмёшь. И тогда, собрав в ком всю кипевшую в пасти слюну, он с рыком выхаркнул её в лицо Ивана. На какое-то мгновение тот ослеп, но всё же успел уклониться от удара, и когти, располосовав рубаху, оставили лишь несколько борозд на плече. Увидев кровь, медведь стал реветь ещё громче, седая шерсть на загривке поднялась дыбом, его всего трясло.

Чем бы это кончилось — известно. Иван просто бы обессилел и рано или поздно попал в смертельные объятия. Но его хранила судьба. Старая зверовая лайка Белка, почуяв, в какую беду попал её хозяин, сумела перегрызть зубами поводок, на который была посажена в полуверсте от солонца, чтобы не распугать косуль своим запахом.

Иван запомнил до мельчайших подробностей, как чёрно-белый ком с отчаянным лаем вылетел из-за деревьев, взметнулся на загривок медведю, повис на нём. Зверь мотанул собаку в сторону, прыгнул за ней и исчез в ельнике. Вскоре лай Белки и рёв медведя затихли где-то далеко.

Иван еле дошёл домой, упал на лавку, а потом ровно три дня не мог выговорить ни слова — онемел. На третьи сутки вернулась домой и собака — похудевшая, с порванным ухом и заплывшим глазом. Он прижал её к себе и расцеловал в невидящий глаз и осунувшуюся морду...

На этот раз охота случилась удачной. Под утро на солонец вышла парочка косуль. Иван свалил выстрелом рогатого самца, освежевал, уложил мясо в котомку, не спеша зашагал домой. В другой бы раз душа пела, а теперь он шёл задумчивый, робко надеясь, что за ночь и утро Зинаида чуть отошла. Может, и не будет теперь так кидаться. Вот только не сильно ли ей глаз припечатал?..

Дорога домой оказалась намного короче, чем бы хотелось. Жена ходила по избе, обиженно поджав губы. Правый край её платка был низко надвинут на глаз — прикрывал синяк. Иван попытался было с заговорить с Зинаидой, но тут, хлопнув дверью, влетела Акулька, первая деревенская сплетница по кличке Лисапет.

За что её так прозвали — можно было только догадываться. То ли за то, что целыми днями чуть ли не бегом металась от дома к дому, разнося новости, то ли за вечно вытаращенные глаза, напоминавшие диковинные велосипедные фонари.

— За солью я к тебе, Зинаида, плюхнулась на лавку Акулька и завертела головой по сторонам.

Хозяева понимали, что её, конечно, привело любопытство: вчера мужик из Иркутска приехал: чего нового услыхал, чего привёз? А соль — только повод.

Хозяева не торопились с рассказами, но намётанный взгляд гостьи сам упал на лежавшую на сундуке у входа скрипку. Акулька чуть не подпрыгнула от восторга:

— А ето чо? Ты, Иван, привёз?

Звонков кивнул головой и, быстро взяв скрипку, вышел во двор, оставив женщин вдвоём. Он не знал, что рассказала жена Акульке, но через недолгое время в приоткрытую дверь амбара увидел, как гостья с блестящими от удовольствия глазами прошмыгнула в калитку.

— Ишь, и про соль, поди, забыла, сорока языкастая! — ругнулся он вослед.— Теперь к вечеру вся деревня, все сорок дворов знать будут. Да и чёрт с ней: шила в мешке не утаишь!..

Приоткрыв дверь амбара, Звонков сел на деревянный чурбак, раскрыл футляр и призадумался.

Иван помнил, как держал скрипку музыкант в кабаке, прижимая её к плечу своим острым подбородком, как скользили по струнам его длинные и тонкие пальцы. Теперь он критически осмотрел свои большие крестьянские ладони, гнувшие на спор подковы, умеющие надёжно сжимать косу и топор, рубанок и рукояти плуга, а вот к такой работе не привыкшие. Правда, лет двадцать назад эти вот неловкие, огрубевшие сейчас пальцы споро бегали по кнопкам гармоники, по балалаечным струнам. Да ведь когда-то это было!

«Опять насчёт бороды надо что-то кумекать,— озадачился он, проводя рукой по её плотной кучерявой лопате,— Прижмёшь скрыпку, как тот, в кабаке, а бородой враз на треть и закроет. Остричь, может? Нельзя. И так посмешищем стал, а потом и вовсе проходу не будет. А ежели пониже скрыпку-то приставить да левой рукой поддерживать покрепче...»

Обрадованный, что нашёл выход, Иван осторожно упёр скрипку в плечо, а голову чуть приподнял. «Вот так самый раз будет,— подбодрил он себя.— Теперя попробуем...»

Вспомнив о канифоли, он густо натёр ею смычок Подражая действиям кабацкого скрипача, взмахнул смычком, рванув наугад прижатые пальцами струны, и тут же остановился, с опаской оглянувшись на дверь сарая: инструмент издал такой скрежет

и хрип, что, окажись кто рядом,— упал бы со смеху. «Не зря скрыпкой зовётся,— горестно вздохнул Звонков.— Скрыпит не хуже колёс немазаных. Эх, горе-музыкант...»

Уронив скрипку и смычок на колени, он долго сидел, не двигаясь. Потом, попробовав ещё раз струны пальцем, решил, что их надо чуть подтянуть. Он сделал это, поворачивая гладкие костяные головки колков, которыми научился пользоваться, играя на балалайке.

Теперь, опустив смычок на струны, Иван чуть посильнее прижал их к грифу. Скрип стал не таким отвратительным, но до благородного звука ему было ещё далеко. «Может, скрыпку каку негожу в лавке шельмец подсунул? — мелькнуло было подозрение в голове Звонкова, но он тут же его отогнал: — Не в ней дело, в умении... Эх, поучил бы кто. Хоть к тому горбоносому в кабаке подойти надо было...»

В это день он так ничего и не добился. Смычок в правой руке дёргался неровными скачками, а из-под пальцев левой выползали и разъезжались в разные стороны непокорные струны. Скрипка никак не хотела раскрывать своих секретов.

Озадаченный и пришибленный Звонков вошёл в избу поздно вечером, не поднимая глаз на жену, которая наверняка слышала результаты его жалких попыток. Он молча разделся, упал на дедовскую лавку, где уже никто не спал лет десять, и сделал вид, что заснул. Но какой тут мог быть сон! Мысленно Иван раз за разом оценивал свои действия, сравнивая их с теми, у настоящего скрипача. «Всё как будто бы так, но не выходит же! В чём дело?.. В чём дело?.. В чём дело?..» — билось в его голове.

А под утро Ивану привиделся сон. Он снова сидел в кабаке, и лысый музыкант, подойдя к столу и выделывая на скрипке разные невообразимые коленца, смеялся ему прямо в лицо. А вокруг стеной стояли приказчики и тоже громко хохотали, показывая на него пальцами: «Скрипку купил! Купил скрипку! Скрипку! Ну и уморил! Ну и деревенщина!»

Иван затыкал уши руками, натягивал на голову зипун, стараясь спрятаться от них, но кто-то из-за спины упрямо срывал с него одежду, заставляя открыть лицо.

* * *

Иван пробудился от того, что стоявший рядом с лавкой Гроханский неуверенно тянул с него пёстрое лоскутное одеяло и упрашивал, тряся своей жиденькой рыжей бородёнкой:

— Слышь, Ваня, проснись. Сколь ждать-то можно?! Дело уж к полудню, а я с утра здеся. Поглядеть пришёл на скрыпку. Акулька, баяла, купил. Мне-то уж показать можно, факт, почти родня жа...

Иван отмахнулся от Лёхи, но тут же сел на лавку. Солнце и вправду стояло высоко. Жена давно успела управиться со скотом, добела вышаркать полы, выпечь хлеб и демонстративно возилась у печки с обедом, а Ванюшка сидел на полу в новом картузе и счастливо жевал городской пряник.

— Теперя он у нас, как барин со скрыпкой, к обеду будет подниматься,— не удержалась Зинаида, чтобы не поддеть мужа.

Тот молча подошёл к рукомойнику, плеснул на лицо, вытерся полотенцем, а уж потом повернулся к Гроханскому:

— Ты бы, Лёха, на работу так торопился!

— Работа не волк... гы, гы... Кажный день её невпророт... гы, гы... А скрыпку не вдруг встретишь... Покажь, Ваня!...

Гроханский так и не отстал от Ивана, пока тот не завёл его в амбар и не раскрыл футляр. Впрочем, этого сразу же и хватило, чтобы полностью удовлетворить любопытство незваного гостя.

— Сколь, говоришь, стоит, три рубля? — переспросил Лёха Звонкова и тут же с ухмылкой добавил: — А деньги-то, небось, того... гы, гы... сиротское довольствие... гы, гы?..

Лёхе повезло, что Иван не смог с первого раза застегнуть футляр, этой замешки ему хватило, чтобы оценить реакцию хозяина и пулей вылететь из амбара.

— Попадись мне, гад ползучий, будешь ещё неделю лежать! — прогремел вслед голос Звонкова.

Помрачневший Иван раза два саданул кулаком по косяку дверей, а потом снова опустился на чурбан, кипя от возмущения: «И как ему в голову такое пришло! Я же денег-то этих приютских ещё ни копейки не получал, а и получу — всё до гроша на Ванюшку истрачу. Ну, подлец! Ну, и удумал! Да ещё по людям теперь побежит, скажет: Звонкову правда глаза колет, убить пригрозил... А и впрямь бы захлестнул сейчас эту гниду...»

Но приход Гроханского был только началом. Зинаида не зря навела в избе порядок — в этот день у них побывало полдеревни. И почти все — со смешком, с улыбочкой, вводя в краску онемевшую хозяйку. Каждая новая ухмылка была и для Ивана как нож в сердце, но Звонков себя сдерживал, отшучивался: стану, мол, теперь со скрипкой да со своим знакомым медведем на манер цыган по окрестным деревням бродить, а Ванюшка будет в новый картуз копейки с круга собирать...

Пришёл и староста деревенский, Прокоп Толстиков,— грузный, со своей вечной одышкой и потным лбом. Утеревшись огромным серым платком, он не то попросил, не то распорядился:

— Ну, Иван, кажи...— Повертел скрипку в руках, оставляя на лаке липкие отпечатки, хмыкнул: ничего, мол, особенного. И произнёс вслух:

— А граммофон-то получше будет, там одна труба чего стоит... Знамо дело — металл!.. А тут дерево обнаковенное...

Прокоп единственный в деревне имел граммофон и шесть пластинок к нему и очень этим гордился. Два-три раза за лето он широко распахивал окно добротно срубленного пятистенка и ставил на подоконник своё сокровище. У избы на музыку собиралась вся деревня. Толстиков и трое его сыновей гордо восседали на скамейке у палисадника и шелушили семечки, С пластинками управлялась сама жена, никому их не доверяя. Что и говорить, семья у Прокопа была крепкая. Да ведь и у других случись четыре мужика здоровых в доме, да чтоб на службу ни одного не брали,— горы свернуть можно. Земли-то пустой и сенокосной, и пашенной кругом полно, раздольна и щедра Сибирь-матушка. Всё богатство только от рук рабочих зависит. У Толстиковых их восемь пар, у Звонковых — две. Вот и разница.

Успокоившись, что маленькая и не очень видная скрипка не сможет понизить его престижа, Прокоп заметно повеселел, погладил по голове Ванюшку и ушёл, напевая под нос одну из своих граммофонных песен.

Иван знал, что хотя за весь день в глаза ему никто ничего обидного не сказал, в каждой избе теперь долго будет поминаться его имя, да и прозвище Скрыпач, али что похуже,— обеспечено. Чтобы исправить положение, надо выучиться играть. И поскорее. А как?

Один человек из всей деревни понял Ивана — Фролыч. Этот семидесятилетний старик, белый, как лунь, и иссушенный возрастом, одиноко жил в избушке на самой окраине. Про него вспоминали обычно тогда, когда надо было починить стул или стол, заказать узорчатую прялку невесте, обновить резные наличники. Несмотря на свои годы, старик по столярной части и теперь мог заткнуть за пояс любого, а раньше и плотником был великим. Цену себе он знал и ремеслом гордился. Иван, рано

потерявший родителей и долго скитавшийся в работниках, упросил в своё время Фролыча взять его в подручные и проходил в них несколько лет. Многому научил парня старый мастер, помог встать на ноги. Не наука бы его — разве срубил бы Иван свою избу, амбар, выправил такое подворье. Если на всё это плотников нанимать — век бы в долгах ходил...

Иван помнил добро, и Фролыч на всех праздниках был у него первым гостем. А в будни Иван сам нет-нет, да и забегал в избушку на окраине — то с пирогами Зинаидиными, то с туеском грибов или ягод, то с парочкой подстреленных рябчиков. А кому ещё было о старом бобыле заботиться, родни-то никакой не осталось...

Фролыч долго рассматривал скрипку, восхищённо гладил чуть дрожащими старческими руками её крутые бока, заглянул внутрь сквозь завитки эф, попробовал струны. Пощёлкав пальцами по деке и прислушавшись к тонкому звону, заключил:

— Дерево хорошее и лак ничо, да и вещица сама для души приятная. Ты, Ваня, не жалей, что купил. Потрезвонят и перестанут. А ты тем временем играть научишься. Вот тогда и на нашей улице будет праздник. А ты, Зина, не пили его, не пили.

Чтобы не оставаться с женой один на один, Иван вызвался проводить Фролыча и просидел у него до тех пор, пока не уверился, что дома уснули. И опять, прокравшись, как тать, прикорнул на своей лавке.

* * *

Теперь каждый вечер, управившись, по хозяйству — благо, позднюю осень со страдой не сравнить,— Иван, повозившись немного с Ванюшкой, снимал с полки заветный футляр и шёл в свой амбар.

Медленно догорал сентябрь, бабье дето давно уплыло куда-то на юг со своими белыми паутинками. К концу дня в амбаре становилось холодно и неуютно, а сразу после заката из углов его быстро наползала серая осенняя темнота. Иван надевал овчинную охотничью душегрейку, которая, приятно обволакивая теплом грудь и спину, оставляла совершенно свободными руки, прилаживал на вставленной между брёвнами полоской железа лучину и приступал к занятиям.

На вторую неделю Иван начал чувствовать смычок, усилие, с которым его надо вести по струнам, не вызывая чрезмерного скрипа. Как будто уловил он и примерное положение правой руки, наклон инструмента, стал уверенно попадать па любую из четырёх струн. Кончики пальцев на левой руке затвердели, покрылись мозолями и надёжно прижимали вибрирующую стальную проволоку и жилы. Дело вроде оставалось за немногим.

Пробуя двигать смычком вверх и вниз, он не подозревал, что пытается найти и как-то зафиксировать штрихи — приёмы игры, имеющие свои названия, давно известные скрипачам, но которые он никогда не узнает, да даже и не сумеет при случае выговорить — деташе, легато, стаккато... Иван шёл к цели своим путём — методом проб и ошибок, как известно, требующим всегда наибольших затрат времени, сил и нервов, но рано или поздно приводящим к верному результату.

Особенно трудно было настроить скрипку. Откуда было знать Звонкову, не имевшему даже представление о нотах, что первая, металлическая, струна должна звучать как ми второй октавы, вторая и третья, жильные — как ля и ре первой октавы, а четвёртая, обмотанная капителью, которую он назвал для себя баском,— как соль малой октавы. От таких премудростей, услышь он их, пожалуй, неделю болела бы голова.

Иван попробовал настроить первые три струны по-балалаечному, как помнил, на слух. Для второй и третьей строй как будто подходил, а вот первая звучала явно

низко, не как в кабаке. Медленно поворачивая колок и внимательно слушая, он подтянул струну и заставил её звенеть высоко и чисто. Помучался Иван и с баском, пока не нашёл для него приемлемого звучания. Конечно, такой строй инструмента был далёк от классического, но при наличии слуха это не имело особого значения. Знай Звонков хоть немного историю музыки, он мог бы сослаться на гениального предшественника Паганини, который не раз демонстративно играл сложные вещи на своём Страдивариусе, совершенно его расстроив. Были бы слух да память. Они у Звонкова были. А ещё в его огромном и грубом теле крылась восприимчивая ко всему живому чуткая душа, и незримые нити её связывали мужицкое сердце и с голубой бесконечностью неба, и с каждым трепещущим листком осины за околицей, и с каждой малой кровинкой.

Время — лучший лекарь и примиритель. Синяк под глазом у Зинаиды сошёл, и постепенно улеглась, забылась обида на мужа. Правда, стыд за его теперешнюю славу слегка жёг, но с ним уже начали бороться сомнения насчёт правоты оценки Ивановой покупки. Опять же, слова Фролыча вспомнились, мол, и на нашей улице праздник будет. А вдруг и будет? Ведь не бездарь мужик-то. Какое дело ни делает — всё в руках поёт. И по музыкальной части в молодые годы не с кем сравнить было. Помнится, как пойдёт с гармоникой по деревне, как заведёт переборы, только успевай сторожи своего Ваню от подружек — с ума сходили...

Теперь, обождав, пока Иван устроится по вечеру в амбаре, она наказывала Ванюшке сидеть смирно и не выскакивать на улицу, а сама следом за мужем потихонечку выходила во двор. Замерев на крыльце, прислушивалась. Сначала просто с любопытством, а потом уже и с тайной надеждой. И однажды поймала себя на мысли, что ей хочется, пожалуй, не меньше его, чтобы скрипка наконец-то ожила.

...В тот день она вышла из избы не слушать Ивановы мучения, а принести дров для печки, прогоревшей слишком рано. Привычно подошла к поленнице, набрала охапку побольше, да вдруг и замерла. Из-за тёмных дверей амбара, чуть подсвеченных изнутри огоньком, доносились не обычный скрип и визг, а плыла музыка. Она сразу же узнала любимую песню Ивана, которую протяжно и чисто, хоть порой и не совсем уверенно выводила скрипка:

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
В той степи глухой
Замерзал ямщик ...

Зинаида осторожно сложила дрова обратно, тихонько подошла к приоткрытой двери и прижалась щекой к притвору. Не видя её, муж продолжал играть, и только пламя потрескивающей лучины, отражаемое лаком скрипки, медленно плавало по потолку и стене, да вспыхивала жёлтым светом седина в Ивановой бороде и волосах.

Закончив играть и почувствовав на себе взгляд, Звонков повернулся к двери, увидел жену и впервые за этот месяц чуть заметно улыбнулся ей.

— Холодно здесь, поди? — постаралась как можно равнодушнее спросить Зинаида, но голос её всё же чуть дрогнул, а потом и вовсе потеплел: — Шёл бы в избу, да там бы уж и учился. Музыкант ты непутёвый... мой...

— Да нет, тут ничё, тут не холодно,— смущённо заёрзал на своём чурбане Иван.— Я вона душегрейку надел, лучину приладил... А то и приду... приду... Сыграю вот разок ещё, не забыть штоб, и приду...

Когда Иван вошёл в избу, огонь был уже погашен, но жена не спала.

— Так на дедовской лавке и будешь всё время почивать? — раздался приглушённый шёпот? — Не надоело ещё?..

Положив скрипку на место и осторожно ступая, чтобы не потревожить Ванюшку, Звонков направился к лежанке.

На следующий день он не пошёл в амбар. После ужина Зинаида убрала со стола посуду, разлила по горшкам принесённое с дойки молоко, опустила его в погреб. Уложила в кроватку Ванюшку, чмокнула его в щеку. Дождавшись, когда она управится с делами, Иван тоже сложил недовязанную сеть и деревянную иглу, достал скрипку и смычок из футляра, сел в угол, подальше от сына, чтоб не мешать ему. Сыграл подряд два раза «Ямщика» — в памяти обновил, а потом начал подбирать «Тройку», потихоньку подпевая себе:

Ка-ка-я на серд-це кру-чи-и-на,
Ска-жи, те-бя кто а-гар-чил ...

Иван глянул краем глаза на Ванюшку, а тот аж подался весь в его сторону, насторожился. Глазёнки слипаются, а слушает. Под музыку и заснул, сладко так губами причмокивая.

А Зинаида тоже ни одного слова не проронила, будто боялась ненароком разрушить хрупкий мостик, что соединил Ивана со скрипкой. За прялкой сидела и всё слушала. И вилась под музыку нить неощутимо, будто сама текла. Кончил Иван играть — и веретено перестало крутиться, упало на бок.

Так у них теперь и повелось. Забираясь вечером в кроватку, Ванюшка просил:

— Сыглай, тятенька, «Тлойку».

Звонков брал в руки скрипку, и семейный музыкальный вечер начинался. За «Тройкой» и «Ямщиком» пошли «Священный Байкал», «Лучинушка», а потом и тот вальс, что Иван в городе в кабаке слыхал. Зинаида как узнала, что вальс про Маньчжурию,— не утерпела, сбегала за женой Александра — Катей. А заиграл Иван солдатке вальс — замерла та сначала, а потом слезы по щекам так и покатились. Вспомнила мужика своего, да и как не вспомнить ей было Санюшу: любил её до смерти, на руках носил, пальцем ни разу не тронул. А вот выбрала же его японская пуля проклятущая, и остался, сокол, навечно в чужой земле. Двенадцать мужиков уходили из их деревни на японца, десять вернулись. Правда, двое без ног, но живые. А ему — не судьба.

— Разбередил ты мне душу, Иван, ой разбередил,— утёрла глаза уголком платка Катя.— А ить всплакнула, да тебя послушала — и полегчало, камень, вроде, с души свалился. Спасибо вам с Зинаидой, что Санюшу моего помните, да ребятишек не забываете. Из тулупа твоего, Иван, в аккурат обоим по шубёнке скроила, обновки на зиму будут. И с дровами помог, дай тебе Бог доброго здоровья, до самой Масляной хватит... Сыграй, Вань, ещё чё-нибудь, повеселей чуток, а то и я, и Зинаида твоя расклеились...

Деревня есть деревня, любая новость почти мгновенно становится здесь общим достоянием. Недели через две Акулька Лисапет, стоя у колодца, уже размахивала руками и тараторила:

— Ей-богу, бабаньки, сама слышала — выучился он, объездил скрыпку-та. Иду вечером мимо ихней избы и слышу — чой-то поёт. Да будто не голосом. Вошла потихоньку во двор, прислушалась — так и есть, играет Скрыпач! Да гладко так, справно. Вот вам, девы, и весь смех! Теперича он над нами лыбиться станет!

— Ну, Скрыпач, ну, мудрец лесной! — ахали бабы и спешили домой — поделиться с мужьями, рассказать новость соседям.

Скоро мимо Иванова дома все стали ходить внимательно прислушиваясь, а встречая его па улице, не ухмылялись ехидно — почтительно приветствовали, как в былые времена.

* * *

В тот вечер Иван долго не мог заснуть. Улеглась Зинаида, давно успокоился Ванюшка, а он все сидел и играл. Смычок и пальцы сами выводили какую-то очень грустную, жалостливую мелодию. А он вспоминал под неё самый непонятный, странный и страшный месяц в своей жизни, когда тайга, словно вновь испытывая его ровно через год после встречи с медведем, наслала ещё одну беду.

Дело было в середине июля. В эту пору вся деревня дневала и ночевала на лугах — торопилась убрать сено, пока стояло вёдро. Пройдя за день несколько десятков немалых прокосов, Иван не повалился вечером, как все, под пахучий и такой желанный стог, а взял ружьё и решил побродить по перелескам между делянами. Вдруг самец косули подвернётся (самок в эту пору грех бить) — вот и будет мясо, а то простокваша с окрошкой изо дня в день приелись.

Ему и впрямь повезло — уже за второй деляной, в березнячке мелькнуло между деревьями и замерло знакомое рыжее пятно. Подойдя чуть ближе, Иван убедился — косуля, самец, то бишь,— козёл. Было далековато, по Звонков выстрелил. Козёл метнулся через перелесок в сторону коренной тайги. Поначалу Иван решил, что промазал, но, подойдя к месту, увидел на траве несколько алых капель. «Надо догнать, пропадёт зазря»,— решил он и, не раздумывая, быстро пошёл по следу.

Преследование затянулось на несколько часов, хотя в азарте Иван этого не заметил. Он понял, что зашёл далеко, когда сумерки заставили остановиться и оглядеться. Место было незнакомое — какое-то дальнее болотистое урочище, но сейчас это его не пугало: человек, уверенно чувствующий себя в тайге, всегда может по целому ряду примет определить сторону света, а там и верный путь...

Возвращаться назад по темноте Иван не стал. Солнце взойдёт — само дорогу укажет.

Достал кресало, собрал в кучку немного сухого мха, высек искру. Через несколько минут у его ног уже ластился костерок. Иван достал из котомки горбушку, которую прихватил на всякий случай, щедро посыпал её всегда носимой в тайгу в отдельной тряпице солью. Он ел не спеша, растягивая время, аккуратно собирал крошки в ладонь. Никак не отпускала досада из-за ушедшего козла, но с этим надо было смириться — времени на преследование уже не осталось. Он и так теперь опоздает к общему выходу на луг. Дай Бог, успеть захватить росу, а то день пропадёт вполовину.

Как только первые лучи зажгли вершины деревьев, Иван быстро определил направление. Он помнил, что козёл вёл его не прямо, а по петле, все время забирая влево. И теперь он решил сократить обратный путь, «срезав» эту петлю.

Через пару вёрст на пути попалось небольшое болотце. Прощупывая его срезанной палкой и ногой, Иван перебрался на противоположный берег. После узкого сухого перешейка путь опять преградила хлюпающая между кочек застоялая вода. Миновав её, Иван решил взять чуть правее, потом — влево. Он считал, что вышел на прилуговые болотца и сейчас за ними должны показаться чьи-нибудь стога.

И вот тут-то всё и началось. Ещё через версту Иван упёрся в болото, которое с трудом перешёл только к самой темноте, вымочившись по пояс и едва не утонув в трясине.

А на следующий день чёрная топь обложила его сплошным кольцом. Иван шёл не туда, куда хотел, а туда, куда можно было пройти. Иногда за целый день, выписав десяток причудливых петель и спиралей, он уходил от места последней ночёвки не дальше полуверсты. Природа зло смеялась над человеком, заставляла его бессильно топтаться па месте.

Десяток патронов, лежавших в котомке, скоро был расстрелян, и обычная запечённая в глине под ночным костром утка стала недосягаемой мечтой. В довершение к этому, выбираясь из очередного «окна» в болоте, он зацепил за корягу и оборвал шнурок, на котором висело кресало. Так на вторую неделю Иван лишился своего главного союзника — огня.

От зелёной клюквы и сырых грибов нестерпимо резало в желудке, но он всё же ел их, чтобы совсем не обессилеть. Иван шёл и шёл вперёд, но в голове уже не раз мелькала чёрная мысль о том, что среди этих болот, видимо, и уготован ему Богом конец. «Вот только за какие грехи смерть-то такая нелюдская?» — вздыхал с горечью он каждую ночь, проваливаясь в тяжёлый тёмный сон.

На двадцатый день (чтобы не потерять им счёт, Иван вырезал по утрам зарубки на ольховой палочке) ему повезло. В небольшом леске он увидел рыжевато-серую птицу чуть побольше рябчика и сразу догадался — дикуша. Эта самая доверчивая обитательница тайги, будто специально была когда-то создана природой для таких вот попавших в беду людей. Чтобы поймать её, человеку нужна лишь верёвочная петля да сажённый прут.

Иван быстро привязал обрывок шнурка к своей палке, подвёл силок к бестолково тянувшей шею птице и резким рывком захлестнул петлю.

Сырое мясо он прежде не ел даже замороженым, но теперь тёплая солоноватая мякоть вызвала у него лишь лёгкое отвращение. Глотая липкие куски, он чувствовал, как отпускает боль в желудке, а в голове все начинает медленно кружиться, будто после стакана вина.

«Раз послал Бог дикушу, значит не выдаст»,— ободрил себя Иван и в какой-то момент ему показалось, что именно сейчас он идёт верной дорогой.

А потом всё началось снова. Глупых серых птиц больше не встречалось. Изорванные ичиги уже не защищали сбитых опухших ног, а болота по-прежнему дышали вокруг своим тяжёлым смрадом, вытягивали последние силы и надежду.

Иван слабел. Все короче становились его переходы между отдыхом, всё труднее было отрывать по утрам от сырого мха большое и тяжёлое тело. Он потерял где-то котомку с ольховой палочкой. а вместе с ней счёт дням. Выбросил Звонков и бесполезное без патронов, но ставшее нестерпимо тяжёлым ружьё. Когда оно жалко хлюпнуло в болоте, Иван вдруг вспомнил прошлогоднего медведя: «А вдруг сейчас этот «знакомый» выйдет...— Но, к своему удивлению, совсем не почувствовал страха: — А и чёрт с ним, двум смертям не бывать...»

Однажды утром он смог сделать только десяток шагов и упал прямо в чёрную жижу, едва успев отвернуть лицо, давно уже превратившееся из-за комариных укусов в бесчувственную ватную маску. Он встал и рухнул снова. Лес за болотом начал двигаться в каком-то нелепом танце, а потом поплыл под облака...

Когда Звонков открыл глаза, его будто прошило молнией. Прямо перед ним, на краю парившего болота стояла... Зинаида. Но была она не теперешней, а совсем молодой девчонкой, той, с их первой вечёрки. Стройная, яснооокая, пригожая. И платье на ней было то же самое — по светло-зеленому полю алые маки. Зинаида поманила его рукой и пошла прямо по болоту.

— Куда ты, сгинешь, утонешь ...— прошептал было Иван спёкшимися губами, но она ласково улыбнулась в ответ:

— Не бойся, милый, пойдём ...

Он поднялся сначала на четвереньки, потом стал во весь рост и неуверенно шагнул. Торф колыхался и зачавкал под его ногами, но держал, а тело казалось неестественно лёгким, каким-то воздушным.

Время от времени Зинаида останавливалась, поджидая его, и снова шла. Новеньким красным сафьяном блестели её туфли, остававшиеся на удивление сухими.

Иван не помнил, сколько времени они так шли — полдня, день, два — он потерял чувство времени, не видел ни солнца, ни звёзд — только зелёное платье с призывно пламенеющими алыми маками да манящие, зовущие руки Зинаиды.

Она довела его до пригорка, откуда уже были видны стога, и исчезла.

Иван снова упал. Поднялся на локтях и медленно пополз к стогам. Там, на дороге и нашёл его Дмитрий Васильев, возивший со своей деляны сено. Оказалось, что Звонков проблудил тридцать восемь суток. Почерневшая от горя Зинаида в тот вечер уже поставила тесто для стряпни ко дню его сороковин, а дома давно ждали две приготовленные поминальные четверти вина.

Вино-то это собравшиеся на радостную новость деревенские мужики сразу и выпили — за воскрешение Звонкова из покойников. А самого Ивана жена, по советам Фролыча, целый месяц отпаивала настоями трав да кореньев, кормила с ложки, как ребёнка.

Отошёл Иван, выправился. Только вот с той поры грибы есть перестал напрочь, уж больно они ему на болотах опротивели.

А как-то ночью Звонков признался Зинаиде.

— Слышь, девка, а ведь из болот-то ты меня вывела ...

— Ты чё, спросонья придумал? — не поняв, отмахнулась она.

На том разговор и кончился.

Больше года после этого случая Иван не ходил в тайгу, а потом опять потянуло. Как начали русаки по первотропу свои стёжки путать — купил он по дешёвке у Гроханского доставшееся тому от родителя и не пользованное теперь ружьишко. Не чета, конечно, тому ружью, что в болотах осталось, но все же...

* * *

Слава Ивана как скрипача разлетелась не только по своей, но и по окрестным деревням. Теперь по вечерам к нему домой стали заходить те односельчане, что прежде в избу Звонковых и не заглядывали. Если хозяин долго не брал в руки скрипку, робко напоминали: «Ты уж, Иван, того... сыграй чё-нибудь душевное...» И он всякий раз исполнял просьбу.

А потом пошли приглашения на свадьбы, крестины, именины. Звонков, если было время, не отказывался, вот только платы не брал. Для души, мол, играю, а где деньги — там душе места нет.

Однажды под Рождество, отстояв, как и положено, обедню, Иван было направился из церкви домой, но на крыльце сельского храма его остановил сам батюшка, отец Пётр.

— Христианин ты, Иване, крепкий,— начал священник разговор,— и веру блюдёшь, и посты, и праздники все. Вот, сказывают, на скрипке, играть выучился. А скрипка — это тебе не балалайка, инструмент высокий, в краях наших редкостный. Помышляю, ей и в Храме Божием звучать не зазорно. Оно конечно, может, и не совсем по канонам,

но опять же — скрипка... Глядишь, и прихожан прибавится... Вере уважение, тебе почёт... Давай-ка приходи в воскресенье да к хору подстраивайся. Поглядим...

Для Ивана такое предложение было, конечно, лестным. Ещё бы, ни одна их деревня, а целых три слушать будут, и в месте-то каком — богоугодном. Да и не было отродясь такого, чтобы в их церкви кто-то на чём-то играл.

Придя домой, Иван тут же похвастался Зинаиде:

— Отец Пётр со мной говорил, на службе играть буду.

— Да неужто в самой церкви, да на службе! — заохала та с явным удовольствием. И тут же повернулась к Ванюшке.— Сходим, сходим, тятеньку нашего послушаем. Ох и молодец он стал у нас, прямо первый герой на деревне!

В следующее воскресенье церковь была переполнена, поскольку Акулька Лисапет постаралась и на этот раз. Пришли даже те, кто не был здесь с прошлой Пасхи — любопытно, как всё получится у Ивана.

А он сам, с расчёсанной бородой, аккуратно разобранными на пробор волосами, в новой рубахе стоял у хора — десятка деревенских старух, молодух да двух-трёх подростков. В положенном месте службы хористы запели, и Иван тут же подладился под них. Чистый голос скрипки поплыл под купол, закружил-закружил над склонёнными головами, пронимая до дрожи загрубелые в обычной жизни, но светлеющие в храме души баб и мужиков.

Отец Пётр гордо поглядывал на прихожан, а в переднем ряду светилась от счастья и смущения Зинаида с Ванюшкой на руках. Возвращались они семьёй с обедни — как с небес спускались, ног под собой не чуя.

Скрипка и подружила Ивана с отцом Петром. Теперь они часто встречались до службы, обговаривали, что и как будет играть Звонков, а заодно и о делах господних толковали.

А как-то в пост священник обратился с просьбой:

— Не в службу, а в дружбу, помоги, Иване, сена привести. Одному-то несподручно.

— Какой разговор, батюшка, за честь посчитаю,— ответствовал тот.

Без привычной рясы, в полушубке и латаных штанах отец Пётр ничем не отличался от обычного мужика. Только волосы, стелившиеся из-под шапки по спине и плечам, напоминали о его сане. На удивление Ивану, поп споро орудовал вилами, умело подавая Звонкову на воз огромные навильники слежавшегося сена и отпуская при этом весёлые прибаутки. «А батюшка-то, мужик ничо»,— подумал Иван, когда сытая поповская лошадь резво потянула воз к деревне.

К ужину они уже аккуратно сметали сено в углу просторного двора, и отец Пётр широким жестом пригласил чуть заробевшего Ивана в избу:

— Проходи, Иване, потрапезничаем вместе, отказываться — грех!

Сполоснув руки, они сели к столу. Иван осторожно положил локти на белую скатерть, боясь замарать её рукавом потёртого старого зипуна.

— Да не робей ты, не робей,— ободрил его поп п поторопил хозяйку: — Агрипина, быстрей мечи, зело голоден я, аки заверь рыкающий...

Суетившаяся у печки попадья поднесла к столу и тяжело опустила на середину жареного с картошкой гуся, следом поставила солёные рыжики, огурцы и гранёную бутыль зеленого стекла.

— Батюшка,— поперхнулся Иван,— дак ведь пост жа?!. Как можно скоромное, грех на душу возь...

— Ничего, Иване, все мы многогрешны — успокоил тот.— Господь милостив, простит. Отмолю грехи за обоих. Не велишь же после такой работы помощнику пустые щи хлебать, да ещё всухую.

Отец Пётр разлил по стаканам водку, перекрестился и выпил первым. Иван было замешкался, но потом тоже выплеснул разом в рот свою посудину. Закусил огурцом. Выпил вторую, третью и начал быстро откланиваться.

— Делов по хозяйству много, звиняйте, батюшка,— торопился Иван, опустив глаза.

Придя домой, Звонков долго сидел на лавке, вперившись взглядом в угол, где висела икона. А потом повернулся к Зинаиде:

— С завтрашнего дня штоб щи варила с мясом. Раз сам батюшка в пост гусятину трескает, мне и подавно можно.

— Да ты што, с ума сошёл?! Я умру, а к скоромному не притронусь! И Ванюшке не дам оскверниться!

— Значит, вари себе в отдельном чугунке. А мне штоб — с мясом!.. И играть для него я больше не стану!

В воскресенье впервые в своей жизни Звонков не пошёл в церковь, а демонстративно сел мастерить игрушечную коляску для Ванюшки. Походив возле него кругами и погрозив божьей карой, Зинаида одна отправилась к обедне и на этот раз простояла службу сзади всех, у самого входа.

— Иван-то чё не играл? — подскочила к ней на крыльце Акулька.

— Занедужил он, руки сильно ломит, не до игры,— соврала Зинаида.

* * *

Знал бы где упасть — соломки бы постелил. Права пословица, не поспоришь. Да вот только где стелить ту самую соломку — никто подсказать не сможет. Ведал бы Иван, чем кончится та гулянка, разве поехал бы за двадцать вёрст беды искать?!.

Пригласили его в Петровку, на свадьбу. Может, и не собрался бы Звонков, но женился не кто-нибудь чужой, а родной племянник Сергуня. Да и дорога февральская неутомительна. Колея накатана и пока ещё не изъедена солнцем, морозы отпустили. Не езда, а удовольствие. И Воронку проминка.

Встретили Ивана с почётом, сами жених с невестой во двор к саням выбежали, провели в горницу, рядом с собой посадили. Ну и сыграл он, конечно, от души. И наслушались гости, и напелись, и наплясались. За два дня-то даже рука заболела скрипку держать. Всё хорошо прошло. Вот только припозднился с отъездом. Пока проводы да прощания — на улице и стемнело. Ну да беды в том особой и не виделось. Дорога знакомая, лошадь сытая и здоровая. Сергуня в кошёвку сена побольше навалил — чтобы мягче да теплее было. Расцеловались на прощание, уговорились на Пасху встретиться. Сунул Иван поглубже под тулуп футляр со скрипкой, взмахнул вожжёй. Воронок резво взял с места, сыпанув в лицо ездоку снежной крупой.

Иван полулежал в кошёвке, слушая ровную песню полозьев и пытался переложить на музыку этот бег лошади по ночной таёжной дороге, плавное течение звёздной реки над головой, своё особое, отрешённое сейчас от всего обыденного состояние. В ушах его уже слышался какой-то ещё до конца не определившийся гул, рокот, всплывали, как со дна таинственного омута, отдельные обрывки мелодий, а вот цельной, сквозной не было. Иван чувствовал, что надо ещё немного — версты три такого полёта над спящей февральской землёй — и родится музыка, а уж дома он её сыграет. А впрочем, мороз невелик, можно прямо здесь, в кошевке. Воронку веселее будет. Опять же запомнится сразу все крепче.

— Чудные всё-таки люди,— начал рассуждать он вслух, не мешая нарождающейся в душе мелодии,— Сергуня сказал нынче, что музыку в городах на бумаге какими-то закорючками записывают, а потом даже и продают в лавках. Племяшу можно верить,

он в Иркутске целый год в найме был. Да вот только музыка — это тебе не слова какие-нибудь. Их, знамо дело, записать можно. К примеру: З-в-о-н-ко-в И-в-а-н. А как музыку запишешь, это ведь... музыка, сама душа. И душу — на бумагу? Чудные люди! Сергуня говорил, мол, чтоб не запамятовать. Да как же забудешь её, музыку-то, ежели ты её услыхал, и она по сердцу тебя резанула, либо смеяться заставила, ежели поёт она в тебе...

Его рассуждения прервало беспокойное пофыркивание Воронка, который без понукания прибавил ходу. Иван оторвал голову от задка кошёвки, оглянулся назад и увидел в темноте растянутую цепочку огней. Но это были не добрые жёлтые огоньки оставшейся далеко позади деревни, а зелёные, парные — по два вместе.

«Волки!» — ожгла Ивана мысль, и по спине прошёл озноб.

Он, правда, тут же попытался сам себя успокоить, что в последний раз серые нападали в этих местах на человека лет десять назад, а теперь стали заметно осторожнее. Зарезать овцу или телёнка — другое дело. Но это самоуспокоение помогло мало. Особенно когда Звонков вспомнил торчащую из сугроба, залитую кровью ногу в разодранном сапоге — всё, что осталось от кузнеца Ильи, который, отстреливаясь от зверей с верховой лошади, выронил ружьё.

До деревни оставалось ещё вёрст десять. Воронок перешёл на крупную рысь, но зелёные огни стали приближаться. Вскоре Иван уже точно разглядел, что зверей было семь. Впереди, прямо по санной колее, бежал огромный матёрый вожак, следом — волчица, за ней рысили два переярка, а сзади неуклюжим галопом частили прибылые.

Лесной просёлок вывернул па широкий тракт. Он был лучше накатан и у лошади будто прибыло сил. Но и волкам теперь, чтобы обогнать её и перерезать путь, не надо было зарываться в сугробах — появилась возможность обойти Воронка по краю дороги.

Вожак сразу понял это, и по его рыку вся стая перестроилась за санями веером. Один из прибылых, оказавшийся в середине, видимо, не понял старшего. Он рванул вперёд и, едва забросив в прыжке лапы на задок кошёвки, попытался заскочить на неё. Это обошлось ему дорого: стоявший на коленях, и погонявший лошадь Иван тут же обернулся и резанул волка тяжёлой плетью по морде, попав по глазам. Прибылой с воем завертелся на дороге и сразу остался далеко позади.

Остальные волки разделились на две группы и стали нагонять лошадь по обочинам справа и слева. Они больше не пытались нападать на Ивана. И звери, и он понимали: свали лошадь — человек тоже станет лёгкой добычей.

«Не дать, не дать обойти!» — лихорадочно стучала кровь в голове Ивана, хлеставшего вожжами и без того летящего на пределе Воронка. А волки, высунув алые языки и сверкая в темноте клыками. уже мчались вровень с санями.

Скосив налитые кровью глаза, звери обжигали взглядами человека. А тот вдруг, опустив вожжи, склонился к полу кошёвки, что-то быстро перебирая руками. Через мгновение прямо в морду вожаку из саней метнулся огненный шар. Матёрый, а за ним и два прибылых, отпрянув в сторону, тут же «поплыли» по глубокому снегу и отстали. Через минуту в такой же ситуации оказались волчица с переярками.

Пока звери скачками выбирались на тракт, лошадь успела сделать солидный отрыв, а Иван — привязать к верёвке новый пучок сена. Эта случайно оказавшаяся в кошевке верёвка, заботливо подложенное Сертуней сено да драгоценная коробка серных спичек стали теперь его надеждой на спасение.

Вожак злился. Он уже представлял, как поравняется с лошадью, бросится наперерез и сомкнёт челюсти на её трепещущей шее. Как с другой стороны её будет рвать

волчица, а потом — переярки, как опрокинутся сани и покатится по снегу безоружный на этот раз человек, как он рыком отправит на него переярков — пусть учатся сами брать добычу...

И вожак раз за разом повторял свой манёвр, по каждый раз пугающая сила огня оказывалась для стаи непреодолимой. Волки тонули в сугробах, настигали сани и опять оставались в роли догоняющих. А Иван молил Бога об одном — не кончились бы сено и спички...

Весь в мыле, Воронок вылетел на пригорок перед околицей. Навстречу пахнуло дымом, раздался многоголосый собачий лай. Зло щёлкнув клыками, вожак прекратил погоню и, несколько раз хватнув жаркой пастью снег, развернулся и трусцой побежал назад. За ним, след в след, обозлённо порыкивая, последовала вся недовольная стая.

Увидев, что волки повернули, Иван бросил вожжи и упал лицом вниз в кошёвку. А Воронок так и летел рысью до ворот.

За двадцать лет совместной жизни Зинаида ни разу не видела, чтобы Звонков плакал. И теперь, открыв ворота, она изумилась: по лицу Ивана текли крупные слезы, а он, махая руками, ничего не мог сказать, кроме одного слова: «Живой... живой... живой...»

Уже дома, успокоившись и кое-как объяснив всё потрясённой до ужаса жене, Звонков вспомнил о скрипке. Бросая в волков верёвку, он почувствовал, как футляр скользнул из-под тулупа на дно кошёвки, а потом под его коленом что-то захрустело. Тогда было не до скрипки, но теперь Иван понял, что одна беда принесла другую.

Он быстро вышел во двор и начал выбрасывать из кошёвки остатки сена. У самого передка лежал расстёгнутый футляр, а рядом — скрипка. Тыльная часть её — Иван не знал, что она называется декой — была проломлена в самой середине, и обломки глубоко вогнулись внутрь, а на спутанных струнах жалко висел сколок грифа.

Иван пришёл в себя от того, что, выскочив во двор в накинутом полушалке, Зинаида трясла его за плечо и приговаривала:

— Да очнись, Иван, очнись! Радуйся, что жив остался! Бог с ей, со скрыпкой-то! Осенью в губернии другу купишь. Пошли в дом, пошли...

Осторожно взяв то, что прежде называлось инструментом, Иван, опираясь на Зинаиду, побрёл в избу.

* * *

Как говорится, плачь — не плачь, а слезами горю не поможешь. И поэтому, через несколько дней, полностью придя в себя и перестав видеть во сне оскаленные волчьи морды, разгрызавшие его и скрипку, Иван решил попытаться отремонтировать инструмент. Перво-наперво разложил все обломки на столе и внимательно их рассмотрел. Поломка грифа не была страшной: ровный скол можно было вполне обычным способом посадить на клей. Куда сложнее обстояло дело с декой. Тоненькая дощечка оскалилась в самой середине неровными зубьями обломков, рассеклась от края до края трещинами. Восстановить её было нельзя, требовалась полная замена.

Иван решил, что в таком деле, лучше посоветоваться с Фролычем. Завернув скрипку в тряпицу, он направился к нему.

— Проходи, проходи, Ванюша,— приветливо встретил своего любимого ученика старый мастер.— Дай-ка я тебя обниму, почитай, что с того света возвратился. Будь они прокляты, зверюги эти, возьми их чёрная немочь!.. Видно, Бог тебя не выдал. Помни о том...

— Меня-то Бог не выдал, а вот скрыпку...— Иван развернул тряпицу и протянул Фролычу сломанный инструмент.

— Да-а,— протянул старик,— дело сурьёзное, менять надо стенку-то.

— Вот я и пришёл совета просить,— присел на лавку к столу Иван.— Как быть?

— Дерево — сам видишь — ель. Ель, стало быть, и надо ставить, да чтоб сухая была, как порох. Ста-а-рая ель...

— Я вот думаю, шкап у меня есть, помнишь, посудный, что от прадеда достался ...

— Вот, вот, эт пойдёт. Дерево тут первое дело. А потом — лак. Я тебе, Ваня, так скажу: на скрыпке твоей лак-то не больно уж хитрый. Мы, пожалуй, смогём такой сотворить, а то и почище. Ты вот что, делай стенку-то, ставь на место, а потом и приходи ко мне вечерком — сварим тебе лак.

Возвратившись домой, Иван внимательно осмотрел шкаф. Больше всего ему понравилась внутренняя полка — прямая, без единого сучка и лёгкая-лёгкая, прямо паутинка. Звонков сходил под свой навес, выбрал, отпилил еловую доску по длине старой полки и поставил на её место. Вернувшаяся из хлева Зинаида даже и не заметила подмены.

А Иван тем временем занёс с улицы маленький верстак, взял рубанок и фуганок, отрегулировал их на самую тонкую стружку. С час не разгибался он, обращая обрезок полки в тонкую просвечивающую пластину толщиной меньше двадцатой доли вершка. А когда снимал последние слои — аж вспотел. Шутка ли в деле; чуть сильней нажмёшь — и пропадёт вся работа. Но глаз и руки не подвели: заготовка получилась ровная, гладкая — без задоринки, одинаковой толщины со старой декой. Но это было только полдела, поскольку теперь надо было придать ей форму инструмента и при этом не расколоть. Немного передохнув и остудившись кружкой холодного кваса, он очертил грифелем контуры скрипки на заготовке и принялся осторожно прорезать их самым маленьким долотцем и подчищать надфилем...

На следующий день Иван осторожно отделил от инструмента обломки задней стенки, порадовавшись при этом, что дужка, соединяющая верхнюю и нижнюю деки, осталась целой. Зачистив новую деку мелкой наждачной шкуркой, Иван аккуратно смазал её края и дужку заранее сваренным рыбным клеем и приложил на место. Дека будто там и стояла.

Внимательно наблюдавший за работой отца Ванюшка захлопал от удовольствия в ладоши:

— Вот холосо-то, тепель опять иглать мне будешь вечелом!

— Погоди радоваться,— остановил его отец, сам втайне гордясь выполненной работой.— Какой-то ещё лак нам Фролыч сварит, а то вместо игры один скрып получится...

Через сутки, когда клей просох, Иван снова направился к старому мастеру. Тот оглядел работу, похвалил:

— Ладно ты её подогнал. Теперя за мной дело.

Фролыч подошёл к стоящему в дальнем углу верстаку, открыл шкафчик над ним и начал доставать оттуда узелки и баночки, время от времени нюхая и пробуя на зуб их содержимое. Затем он разжёг огонь в русской печи, снял с гвоздя небольшой медный котелок и подозвал Звонкова:

— Иди, Ванюша, сюда, смотри да запоминай. Лак-то этот мне дед ещё передавал. Для самой красной работы, баял, лак будет. А где в наши времена красная-то

работа? Нет её и в помине, народ обнищал, зажимистее стал, красоту ни в грош не ставит. Вот и варил последний раз лак я этот, почитай, лет тридцать назад. Едва все навесы не запамятовал. А ты теперь запоминай, вдруг ещё раз скрыпку направлять придётся.

Фролыч натряс из мешочка полную ступку застывшей кедровой смолы, неспеша истолок её и высыпал несколько мерных стаканчиков в котелок. Когда порошок расплавился, мастер добавил в него точно отмеренное количество очищенного льняного и конопляного масла, измельчённого молочая, пчелиного клея; всё тщательно перемешал.

Приладив котелок на медленный огонь старик опять обратился к Ивану, наблюдавшему за его колдовством:

— Выйди-ка, паря, во двор, да заметь — куда закат от большой берёзы тень роняет. Колышек там воткни. Как завтра его опять тенью накроет, так и будет готов лак...

Иван проворочался на лежанке всю ночь, но так и не смог заснуть. Раным-рано вышел во двор. Наколол огромную кучу дров — на неделю, наверное, хватит — сложил их аккуратно в поленницу. Вычистил в хлеву, дал Воронку сена, постелил побольше соломы недавно появившейся у Красавки телушке с белой отметиной на лбу, которую Зинаида назвала Звёздочкой. «Ишь, имя-то какое придумала!» — подивился он про себя, направляясь домой. Вся его утренняя работа на дворе была сделана, а солнце только чуть высветило восток. Иван вошёл в избу и сел чинить уже несколько дней ждавшие своего часа Зинаидины пимы. За этим занятием его и застала проснувшаяся жена.

— Из-за скрыпки, поди, не спится? — угадала она.

— Из-за иё,— сознался Иван.— Лак из головы не выходит, как он там у деда варится, чё получится?

— Получится, получится, дед-то — мастер, руки у ево золотые. А не выйдет, я ж говорила, осенью новую купим.

Иван кивнул головой, но про себя подумал: «Как же, купим! Да ведь надо, чтобы все лето ни засухи, ни града, чтоб урожай не хуже прошлого был. Да и добрый купец в другой раз не подвернётся, не все дураку счастье. Вот и «купим» тебе...»

Весь день Иван искал какую-нибудь работу, чтоб занять время, и всё-таки оно текло очень медленно, еле дождался он вечера.

А на закате Звонков с Фролычем осенили скрипку крёстным знамением и нанесли мягкой кисточкой на новую деку первый слой золотистой тягучей жидкости. Когда лак впитался и высох — через день — операцию повторили, потом — ещё.

И вот, наконец, наступил момент, когда Иван с волнением прижал к плечу скрипку и коснулся струн смычком. Они запели, но — о чудо! — звук стал чище, ярче, в нём появилась какая-то новая глубина, сочность. Не веря себе, изумлённый Звонков всё играл и играл, а Фролыч неподвижно сидел на лавке, закрыв лицо руками.

Когда под тёмными балками избушки растаял последний звук, старый мастер положил руку Ивану па плечо и тихо произнёс:

— Вот теперь и помирать можно. Исполнил я, Ванюша, на свете белом главную свою работу. Не зря жил, коли такое чудо мы с тобой оживили. Береги её, как зеницу ока.

В воскресенье Звонков снова пошёл в храм. Поставил большую свечку и, когда запел хор, не глядя на отца Петра, приложил к плечу скрипку и скользнул по струнам смычком...

* * *

«Ох и летит же время,— рассуждал Иван, осторожно ступая по залитой жирной осенней грязью деревенской улице.— Вроде недавно всё было: и покупка скрипки, и война из-за её с Зинаидой, и пальцы корявые да беспомощные, а глянь — уж два года прошло. Да ведь и немало переменилось: пальцы-то уж и те, и не те, заметно ловчее стали, смычок — будто сам плавает. И музыки-то сколь за это время выучил, насочинял...»

Звонков шёл на сход, где сегодня собирался держать какую-то речь старший писарь из волостного управления. В левом боку Ивана, будто что-то предчувствуя, сладко покалывало. Оказалось, что он и впрямь недаром месил грязь.

— Так вот, мужички,— начал приезжий, явно гордясь возложенной на него миссией,— Иркутское губернское управление, желая развить вашу культуру и проявляя отеческую заботу о духовном росте вашем, а также во исполнение Высочайшего Повеления, объявило смотр музыкантов-самоучек и народных певцов... Нашей волости назначено выставить семь человек. За сим я к вам и приехал. Вы меж собой подумайте и решите, кого достойного отправить можно. Только смотрите, чтобы волость не осрамил, чтоб мастер в своём деле был натуральный. Собрание намечено нешуточное, сам губернатор, говорят, присутствием пожалует. Лучшему умельцу приз большой назначен — жеребец породистый. Так что мозгуйте.

Думали мужики недолго. Почти сразу же Дмитрий Васильев выкрикнул:

— Чего кумекать-то, Звонкова Ивана отправить надо!

— И то верно,— тут же подхватил кто-то.— На скрыпке, поди, окромя его никто не могёт из нашего брата...

— Ивана, Ивана,— поддержали остальные.

— Ну-на, покажите мне вашего самородка,— потребовал писарь.

Звонков вышел из толпы, снял картуз.

— И впрямь на скрипке играешь? — переспросил с заметным удивлением приезжий.— А где учился? У кого?

— Играю,— утвердительно кивнул головой Иван.— А учился тут, сам доходил...

Вскоре писарь уже сидел в избе деревенского старосты Прокопа Толстикова и слушал Звонкова, а на следующее утро Иван вместе с ним уехал на Воронке в волость.

— В пятницу нас отпустят,— сказал он на прощанье Зинаиде, принимая из её рук кошёлку с едой.— Так что в субботу вечером ждите с Ванюшкой. Призов ихних губернских не обещаю, а вот гостинцев иркутских привезу.

Неожиданно для Ивана жена уже у самой телеги вдруг крепко, по-девичьи обняла его и горячо шепнула: «Ты уж там береги себя, на смотре-то энтом. Ждать буду...»

Отвыкший от таких напутствий, смущённый Звонков долго молчал. В тишине слышен был только задорно-ликующий скрип колёс, и приезжий сам решил начать разговор.

— Любит, видно, жена тебя, Иван, вон как провожает ...

— Видно так, ваше благородие,— совсем стушевался он и опять затих.

Беседа наладилась, когда они стали говорить об обычных крестьянских делах: какова нынче пшеница, сколько кто заготовил сена, снежная ли будет зима, почему здешние коровы дают молока больше, чем петровские, отчего досаждающие всей волости змеи не водятся в окрестностях их деревни...

За разговором незаметно и доехали до места. Здесь музыкантов из всех десяти деревень, многих из которых Иван видел впервые, проверил сам волостной.

Удовлетворённо потерев после прослушивания свои волосатые жилистые руки, он обратился к мужикам с короткой, но выразительной речью.

— В Иркутске мне, чтоб до смотра не пить, а потом не бузить, да чтоб играть-петь в силу полную. Если осрамитесь там — встречу в кутузке приготовлю, сполна получите. Ну, а отличится кто — найдём как наградить помимо призов губернаторских — волость чай не бедная...

С тем и потянулся к губернскому городу небольшой весёлый обоз из четырёх телег. Всю дорогу то пели гармоники, то балалаечники замысловатые коленца выделывали, то огромный мужик с чёрной как смоль бородой и в красной рубахе нараспашку низким голосом выводил одну и ту же песню «Славное море священный Байкал».

Звонков свою скрипку из футляра не доставал — на тряской дороге играть на ней было несподручно, да и охоты особой пока не было. Он ехал на своём Воронке последним и пристально вглядывался в окружающий мир, уже приготовившийся к приходу зимы. Вдоль дороги медленно тянулись голые и потому какие-то мелкие, осиротевшие ольхи и осины, стволы которых казались в этот серый день чёрными и неприветливыми. Поблекли, ссутулились и взбегающие на склоны ближайших сопок кедры и сосны. Что ни говори, а поздняя осень — время не особо радостное. Вот ударит морозец первый, скуёт до звона, засыплет порошей чавкающую под колёсами грязь, принарядит снежок голые ветки — тогда и посветлеет в мире, да и на сердце тоже.

Видно, потому ещё неуютно так было на душе у Ивана, что не знал он пока толком, как, где и что играть... Станет ли слушать его, замшелого мужика, городская публика, да ещё сам губернатор... «Может, зря согласился, не надо было ввязываться,— рассуждал он, ругая себя: — Ишь, славы захотел, дурень, своей-то, деревенской, мало стало...»

С постоялого двора всех участников смотра повели к красивому кирпичному дому, который провожатый назвал Дворянским собранием. Иван попал сюда впервые. Робко ступая ичигами по ковровым дорожкам, он поминутно оглядывался на лепные карнизы и цветные тяжёлые шторы, на огромную, сияющую золотым блеском люстру, на мраморные перила и ступени. Потрясённый красотой и роскошью, Иван начал чувствовать, как давит она на его неслабые плечи, как невольно сгибает спину. А когда он глянул со сцены в зрительный зал, увидел сотни бархатных кресел и представил на каждом из них по разнаряженному чопорному горожанину со стёклышком у глаза, сердце его обмерло.

— Ну, мужички, репетируйте, обвыкайтесь,— обратился к оробелой музыкальной братии солидный распорядитель.— Вечером концерт здесь и будет. Билеты все проданы, интерес к вам большой проявили. Так что не ударьте лицом в грязь. Репетируйте пока, репетируйте ...

Звонков хоть и не знал мудрёных слов «репетируйте» и «концерт», но понял, что им предлагают пока попробовать инструменты, вспомнить свою музыку и песни. Он достал скрипку, тронул легонько струны пальцами — не расстроились ли от долгой тряской дороги? — подкрутил чуть-чуть колки. Инструмент был готов, а вот он сам — не совсем, правда, до вечера было ещё достаточно времени, чтобы освободиться от оцепенения. И он стал мысленно шептать себе: «Ну, не съедят же, в самом деле. Освищут — так по заслугам. Стерплю, не умру...»

Чтобы окончательно успокоиться, Иван решил побродить по городу. Вышел на улицу и побрёл в сторону Большой Першпективы, в самый центр. Но отошёл недалеко — уткнулся в парадное двухэтажного дома с наличниками и карнизами фигурной кирпичной кладки. «Уж не тот ли дом-то?» — обожгла мысль. Иван

поднял голову и принялся читать: «Си-ро-пи-та-ль-ный дом куп-ца пер-вой гиль-дии г. Ба-за-но-ва...»

«Точно он, приют Базановский. Вот только почему «сиропитальным» прозывается? Потому, видать, што сирот пропитанием обеспечивает...»

Внимательно разглядывая — всё-таки первый Ванюшкин дом — Иван обошёл приют почти вокруг и в самом конце выходящей на улицу длинной стены увидел вход в небольшую галерейку. Двустворчатая железная дверь была открыта, и Иван без раздумий, словно кто его подталкивал, шагнул в галерейку. Короткий узкий коридорчик заканчивался сенцами с высоким сводчатым потолком. В самый центр потолка был вмурован крюк, и с него свисала кожаная люлька. У левой стены, рядом с дверью в приют, матово светился медью колокол с верёвкой.

Иван мгновенно представил, как проскользнула сюда тёмной тенью женщина, торопливо сунула Ванюшку в люльку, дёрнула за верёвку колокола...

Кто она была, какая? Молодая или не очень? Незадачливая служанка, соблазнённая и оставленная городским пронырой? Купчиха, согрешившая в долгое отсутствие благоверного? Бедная вдова, освободившаяся от нежеланного рта? Нищенка? А вдруг и госпожа самого благородного сословия?

«Как же она так решилась, такого мальчонку пригоженького бросила... Ить не раз потом попомнит день этот, попомнит... Не раз привидится он ей ночью, протянет свои ручонки. Ванюшка...»

Противоречивые чувства захлестнули душу Звонкова. Вроде и судил он сотворившую великий материнский грех неведомую ему женщину, но одновременно исподволь поднималась тихой волной благодарность ей: не оставь она тут подкидыша — не было бы у них сегодня сыночка, Ванечки...

Прерывая раздумья Звонкова, приютская дверь скрипнула и отворилась. На пороге возникла молодая женщина в темно-синем платье и белом платке, опущенном на лоб. Спросила приветливо:

— Вам кого? Вы по делу какому?

— Не, я так,— затоптался на месте Иван,— просто поглядеть, как да чё...

Женщина, ничего не сказав, слегка кивнула головой, затворила дверь.

Звонков вышел на улицу, постоял ещё около приюта и неторопливо двинулся в пёстром людском потоке, почтительно уступая встречным дорогу.

В Дворянское собрание он вернулся задолго до концерта и к началу его успел приобвыкнуть. Да и публика ободрила, принимала всех хорошо. Стоя за кулисами, он слышал, как провожают со сцепы громким хлопаньем в ладоши ложечников и гармонистов, певцов и свирельщиков.

И вот наступила его очередь. Молодой человек в необычном кафтане с длинными полами и с густо намазанными каким-то жиром волосами вышел и объявил:

— Иван Звонков! Деревня Орбинская Байкальского уезда. Вальс господина Шатрова «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Исполняется на скрипке.

Последние слова вызвали в зале оживление, и когда Иван появился перед всеми, на него с явным любопытством взметнулись сотни взглядов, застыли в ожидании потехи.

В руках огромного бородатого мужика скрипка показалась детской игрушкой, Он немного постоял, гоня волнение, переступил с ноги на ногу, кашлянул два раза и приложил инструмент к плечу.

Искушённые в музыкальной грамоте барышни и их кавалеры стали слушать с явным пристрастием: как-то сыграет известный вальс этот серый, наверняка безграмотный мужик из какой-то захолустной деревни. К их удивлению, верно взяв первую

ноту, он так и не сфальшивил ни разу до самого конца, да ещё мастерски вплёл в музыкальную канву несколько удачных импровизаций.

— Недурно, недурно,— прошёл шёпот среди солидной публики, а на последних рядах и галёрке бешено захлопали.

Смущённый артист топтался на месте и неловко, по-медвежьи кланялся.

— А теперь, господа, Иван Звонков исполнит собственное сочинение,— громко объявил молодой человек во фраке.

Ободрённый успехом, Иван взмахнул смычком, и со сцены покатила вниз невидимые волны его музыка. Она была проста и незатейлива, но одновременно несла в себе накую-то особую силу и глубину, подвластную только чисто народному творчеству, не искушённому в технических приёмах, по идущему от души и для души созидаемому. О чем была эта музыка? Наверное, обо всей жизни Ивана Звонкова, о его бедах и удачах, о его счастье и боли.

Скрипка пела, рассказывая, как когда-то впервые встретил он на вечерке свою Зинаиду, как полыхнула костром на снегу его любовь и потом медленно приугасла, как появился у них нежданно-негаданно Ванюшка, оживил разом души, и как хорошо им теперь втроём на этом белом свете. Но вот светлая и чистая мелодия резко переломилась, скрипка вздохнула, потом заплакала, закричала, заметалась. Теперь уже Иван то полз по болотам, теряя последние силы и прощаясь с жизнью, то, прячась за ель, уворачивался от оскаленной медвежьей пасти, то бросал спасительные комья огня в волчьи морды, то плакал над сломанной скрипкой. Как хорошо она всё знала и помнила и как хотелось ей донести это до сердца каждого, сидящего там, внизу, заставить его замереть в своём бархатном кресле, пронять до слез, до спазмов.

А после скрипка запела о том, чего не знал пока и сам Иван, но что знала она. О том, как через несколько лет круто переменится, взломается, как истончавшийся лёд по весне, вся эта кажущая сейчас такой прочной и незыблемой жизнь. И как скрипку будут слушать у зимних костров в тайге люди с красными звёздами на суконных шлемах, как часто придётся ей петь над свежими холмиками жёлтой глины. А однажды и сам музыкант не сможет долго взять её в руки из-за сквозной раны в груди...

А ещё скрипка пела о том, что, вытащив на своём горбу первый колхоз, всеми уважаемый хозяин её однажды ночью проснётся от резкого и требовательного стука в дверь, а потом с несколькими наспех собранными узлами поплывёт на карбасе по Лене в далёкую и неведомую Якутию. И за весь месяц пути ни разу не прикоснётся к скрипке, а только всё будет утешать плачущую Зинаиду, да что-то объяснять уже взрослому сыну о произошедшей ошибке. И они вдвоём будут сочинять письмо вождю и тщетно ждать ответа...

А ещё скрипка пела о том, что сторожившая Ивана всю жизнь и ходившая с ним бок о бок смерть всё же скараулит его. Ещё крепкий и кряжистый, как старое дерево, он однажды прижжёт палец угольком, поплюёт на него и забудет, уехав на дальнюю лесную деляну. А там, за двое суток, в одиночку, сгорит от страшного «антонова огня» — гангрены. И не узнает, что через несколько лет его Ванюшка, сам уже тридцатилетний, поднимется в атаку на сталинградском берегу в одной из сибирских рот, спасающих волжан, и упадёт лицом на запад.

А ещё скрипка пела...

Когда Иван возвратился за кулисы, стоявшие там мужики долго жали ему руки и хлопали по плечам, а зал никак не мог успокоиться.

Потом было долгое ожидание решения комиссии. Иван не мог знать, что все входящие в неё музыканты единодушно говорили о том, что первый приз надо отдать

Звонкову, а против выступал только один — представлявший на заседании губернатора его помощник.

— Помилуйте, господа,— возражал он,— это совершенно нетипичный случай. Мы же с вами, смею заметить, не в Италии живём. Что станет, господа, если у нас все деревенские мужики начнут на скрипках играть?! Гармоника, балалайка — милости просим — народный инструмент. Но скрипка?! Мужицкое ли это дело?.. Впрочем, я не навязываю своего мнения, хотя оно, мне думается, совпадает с мнением Его Превосходительства... Прошу голосовать, господа...

* * *

В субботу вечером деревенские дружно потянулись на околицу: встречать Ивана. Одной из первых собралась и Зинаида, которой уже давно не сиделось на месте. Ожидавший тятиных гостинцев Ванюшка, держась за её рукав, тоже притопал па поляну к трём берёзам, где летом парни и девчата собирались на вечёрки, а сейчас было холодновато и неуютно.

Весело переговариваясь, все смотрели время от времени на дорогу.

— Ты, Зинаида, поди, и стойло для жеребца уже приготовила,— подшучивали мужики и тут же всерьёз добавляли: — А ведь, если по чести, Ивана нашего никому не переиграть... По всему раскладу, должон с конём вернуться.

И вот из-за дальнего бугра выехала повозка, казавшаяся на таком расстоянии игрушечной. Приближаясь, она росла, и скоро Зинаида узнала Воронка, уже почуявшего дом и споро тянувшего телегу.

Сердце её радостно ёкнуло, когда в туманном облачке за повозкой она как будто увидела торопливо трусящую лошадь. Потом лошадь внезапно растворилась в тумане. Зинаида, перевела взгляд на Ивана. Он сидел на передке, опустив вожжи и задумчиво склонив голову. Но вот на высоком взгорке парок вокруг телеги исчез, и все встречающие радостно загалдели: за телегой Звонкова бежал красивый серый жеребец...

* * *

Идти одному на кладбище было страшновато, и я уговорил Витьку Азарова. Впрочем, уговаривать его особенно не пришлось. Витька жил со своими родителями у самого погоста и постоянно уверял нас, что нисколько этого не боится, что это, наоборот, очень интересно. Округлив свои необычно большие для азиатского лица глаза, он рассказывал таинственные и страшные истории, свидетелем которых как будто бы был. И хотя мы не очень-то верили Витьке и прямо ему об этом говорили, но от его рассказов по спине бегали мурашки. Особенно о женщине в белом, которая каждую лунную ночь куда-то выезжала с кладбища на таких же белых лошадях...

Железным совком, которым бабушка Лида выгребала золу из печки, мы с Витькой выкопали ямку как раз посередине между могилами бабы Зины и деда Вани и опустили в неё завёрнутую в полотенце скрипку. Вспомнив взрослый обычай, бросили руками по горстке земли, а потом засыпали скрипкину могилу, сделав небольшой холмик.

Вечером, когда все собрались за столом, я рассказал обо всём. Бабушка грустно притихла, а мама подвела черту:

— ...И правильно сделал.

Наутро, встретившись в школьном коридоре, Витька потихоньку отвёл меня в сторонку и прошептал:

— А знаешь, я ночью слышал, как на кладбище скрипка играла... Честное октябрятское, не вру... Какую-то стари-и-и-нную музыку...

* * *

Позже, чуть повзрослев, я иногда приходил к ним. Обычно это случалось в дни, когда на душе было особенно грустно. Я никогда не любил ходить среди могил — почему-то возникало чувство, что ступаю по самим умершим. Поэтому доходил только до пригорка перед погостом, откуда была видна их оградка. Садился на одинокий сиротливый пенёк и погружался во что-то среднее между своими горестными размышлениями и ожиданием спасительного волшебства. И наступал такой миг, когда в особенной торжественно-мёртвой тишине кладбища, начинала звучать скрипка.

Музыка едва улавливалась слухом, и любое движение — порыв ветра, шелест ветки, шорох падающих па землю хвоинок — обрывали её. Но потом она возникала вновь. Мелодия была грустной, но, странное дело, чем больше я её слушал, тем легче становилось на душе, будто она, снимая с себя слой за слоем, медленно освобождалась от чёрной ноши...

Сейчас этот деревенский погост с двумя склонившимися друг к другу крестами — за сотни и тысячи вёрст от меня. Но в самые тёмные ночи я иногда слышу скрипку.

От редакции.

За спиной Владимира Николаевича Федорова — большой жизненный путь. Он родился в деревне на берегу реки Лена, после окончания Якутского университета работал в поисковых геологических экспедициях, познав красоту и суровый нрав сибирской тайги, ощутив яркость впечатлений и необычность событий, сопровождавших его. Всё это с художественной убедительностью отразилось во многих книгах стихов и прозы, написанных им.

В марте 2021 года В. Н. Фёдорову, главному редактору электронного литературного интернет-журнала «ЛИterra», исполнилось 70 лет. Поздравляем его с творческим совершеннолетием, желаем сибирского здоровья и новых книг!

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

СВЯТЭ ЛИТЫЧКО...

Рассказ

Так называемая «обычная жизнь» далеко не всегда богаче художественного воображения и созданного на его основе мира, который существует только в слове. Но память почему-то упрямо тянется не к придуманному, а к настоящему — даже тогда, когда это настоящее давно уже стало минувшим. И снова и снова крутится старое кино: тихое, солнечное июньское утро, заросший муравой наш деревенский двор, грозно привскинувшая крылья белая квочка-ворчунья с вязнущими в густой траве цыплятами-желтышами. Высокое небо — рядом со мной; и в нём, едва не задевая «взбитые», как крылья у квочки, белые облака, парит коричневый коршун. Я, цыплячий пастух, взобравшись на растущую у самого крыльца старую яблоню, слежу за ним сквозь густую листву, но медленно плывущие нездешние облака сбивают, тянут мой взгляд к подёрнутому густым молозивом зноя горизонту. Из летней кухни выходит бабушка. Она отстряпалась, идёт кормить цыплят. Идёт медленно, будто высматривая что-то в зелёной пене спорыша — больная поясница не даёт распрямиться. В правой руке у неё маленькая кастрюлька с цыплячьей сечкой. Кастрюлька без ручек, зажата неловко, через край, дно почти задевает спорыш. Руки у бабушки тяжёлые, тёмные, густо схваченные синей лозой вен. Лицо морщинистое, на скулах и возле рта морщины глубокие, строгие, а около глаз — тонкие, текучие и какие-то молодые. Тонкие морщинки нужны бабушке только для улыбки, и когда она улыбается, мне всегда хочется притронуться к ним — они такие тёплые! Но улыбается бабушка теперь редко.

Сделав несколько шагов, бабушка останавливается и, с трудом подняв голову, долго смотрит ввысь, где недвижная синяя вода несёт куда-то празднично-пухлую, высоко поднявшуюся на весёлых дрожжах июня опару облаков. Бабушка, у которой, несмотря на гнущие её к земле хвори-немощи, домашняя работа с утра до вечера из рук не выпадает, всё стоит, всё смотрит и смотрит, но куда? Глаза её полузакрыты, губы шевелятся почти беззвучно, но я различаю, угадываю так похожие на начало её вечерней молитвы тихие слова: «Святэ лито, святэ литычко...». И слова эти тревожат моё дыхание, дрожат во мне, как слеза на бабушкиной реснице...

Хвороба, схватившая меня за горло в конце мая, наконец, отступила. Маленько оклемавшись, я заметил: июнь — зелёный, густолистый, наливной — уже кончается. Сердце сжалось: я так ждал в этом году лета, торопил дни, строил — «тьфу, тьфу, тьфу!» — осторожные планы, на что-то надеялся. Неужели всё насмарку? Нет, не бывать этому. Начинаю складывать снасти...

«Снасти» сложились только к обеду. Ох, и много же всего набралось! Только удочек разных, для всех видов ловли, полдюжины; а ещё привады-прикормки в хрустящих магазинных пакетах, насадки всякие, палатка, одежда, сапоги, постель, сумка-«холодильник» со съестными припасами, пятилитровая баклажка с водой, внушительных размеров «сазанячий» подсачек, стульчик рыбацкий, креслице раскладное «отдыхательное». Салон «Шевроле-Нивы» — едва ли ни под завязку набит. Перебрал всё мысленно, пересмотрел-перещупал. Вроде всё на месте, ничего не забыл. Усмехнулся: в молодости ездил на рыбалку с ночёвкой на мотоцикле, и всей справы было — удочка, рюкзак, телогрейка да плащ-палатка. Но где она теперь, та молодость...

Скорость — что крылья: на недавно отремонтированном, густо чернеющим свежими гудронными пятнами асфальте просторно и пусто; разбегайся — и лети! В Глубоком свернул на грунтовку, к огородам, едва ли не на брюхе переполз изрезанный колеями переезд через ерик и — вот она, пойма! Стёкла опущены, торкаются в щёки радостно вихрастые ветерки, баюкает сердце неторопкой своей речью затравевшая (ни смолы, ни пыли) сонная дорога. До родника луг скошен, только в округлых низинах-сагах высокой тёмно-зелёной водой стоит осока. Около монастырского развилка синим лобастым жуком ползает колёсный трактор. Угол возле зашедшего далеко в луг дубняка уже скошен. Когда подъехал ближе, такое зрелище открылось, что я даже остановился. Вроде не диво — коршуны, но столько сразу, в одном месте! Десятка два, на взгляд, пластают воздух над кошениной, едва не касаясь друг друга широкими крыльями. Вот один резко вниз пошёл и, задев вскользь, будто взмутив свежескошенную траву, стал набирать высоту. В когтистой лапе — тёмный комок. Похоже, что тарахтящий неподалёку механический косарь этих крутоклювых хищников вовсе не пугает. Даже радует: вон какой изобильный обеденный стол для них накрыл. Прежде, когда луга косили вручную, гнёзда перепёлок и луговых мелких птах старались не зорить, обкашивать, но не всегда это получалось: поди разгляди крошечный птичий домик в травяной гущине. А птенцы, даже подросшие, в пере, молчат до последнего. Инстинкт так им велит: затаись, не шевелись. Ну, а о теперешнем и говорить нечего: навесная роторная косилка режет не глядя, подчистую. Могуч и славен он, столь велеречиво воспетый нами железный богатырь-прогресс; но как жалко, что нет у него ни глаз, ни сердца...

Как это в сказках говорят — долго ли, коротко ли... Травяным тоннелем (в низине цветущий осот — в человеческий рост) выскользнула машина к береговым дубам и вязам, запнулась чуток, ища знакомый просвет меж клонящихся к земле ветвей — и вот он, донской обрыв. Укромный, по ночам не раз снившийся. Почти первозданный — варварское племя «отдыхающих», оставляющее после себя чёрные лишаи кострищ да россыпи стеклянно-полиэтиленового мусора, сюда ещё не добралось. Теперь проблема, которой прежде не было: куда машину определить. Наши многоумные парламентарии никак не хотят даром свой хлебушек с маслом есть, и потому трудятся неустанно. А как же, нужно ведь потом отчитаться будет: сколько «внёс», сколько «прошло». То вознамерились было — конечно же, в целях благих — рыбалку платной сделать, едва ли не всю, повсеместно. Но рыболовов в России — не армия даже, а фронт, от моря до моря. Зашевелились, зашумели, чуть ли не окопы начали на берегах рыть. Президент услышал, своих коллег-парламентариев одёрнул: не время, дескать. Ну, так они другим взяли — охранными зонами водоёмов, куда транспорту теперь дорога заказана. И ведь идея-то правильная: порасплодившийся автомобильный люд, к которому и сам я принадлежу, совсем распоясался: на пляжах-отмелях, на отлогих берегах едва ли не в воду на машинах въезжают. Нужно таких наглецов приструнить? Нужно! Вот и приструнили. Да так, что теперь едва ли не за каждым кустом тебя протокол ухмыляющийся поджидает: ага, дескать, попался! Штраф плати! И заплатишь, никуда не денешься. Дороги

у нас все вдоль рек-озер идут, в лучшем случае — в нескольких десятках метров от берега, потому как дальше — то лес-бурелом, то ещё какие-то неудобья. Издревле так ведётся. А нынче ухмыляющаяся буковка пальчиком грозит: а низ-з-зя! На большой реке должен я отмерить от уреза воды 200 метров, а на десяток меньше окажется — уже нарушитель. « Dura lex, sed lex». Закон суров, но это закон. Утверждение сие не нами придумано, и с ним не поспоришь, если закон — справедлив до последней запятой, да к тому же и применяется осмысленно, без перехлёстов. А тут... Даже если рулетку из рук не выпускать, вряд ли это поможет, коль вдоль берега — лес; а если не лес, так овраг или гора. Вообще в такие места не заезжать? А их, мест с таким вот неудобным рельефом — даже у нас, в срединной России — большинство; что же говорить о Сибири, или, скажем, о Кавказе? А ведь можно оговорить все эти вещи в законе, дать мудрое «очеловеченное» толкование, сформировать не «дубинную» правоприменительную практику. Может, со временем так оно и будет, но пока «руление» целиком отдано на усмотрение лица рядового и подневольного — рыбинспектора. Хорошо, если человек понимающий попадётся. На первый раз, может, и простит. Но ведь и с него начальство «палочки» в отчёте требует. И он, болезный, со временем вместо того, чтобы бьющих рыбу электротоком гадов ловить, к охранным этим метрам цепляться станет. Дело-то верное, беспроигрышное, надо только, как говорится, «места знать»...

Солнышко уже не печёт, наискосок сквозь листву пробивается. Я сижу под шатровой кроной старого дуба на высоком берегу, в нескольких метрах от обрыва. Сижу, откинувшись в подаренном детьми «юбилейном» креслице, в заречье смотрю, на верхние и нижние излуки, по-иному, по-мудрёному — созерцаю. Внизу, около воды давно уже место оборудовано, снасти-припасы разложены. Но рыбачить рано: только закинь, мелочь в момент снаряжённые всякими вкусностями крючки заголит. Нужно ждать сумерек. Но это тот случай, когда ждать — не в тягость, потому что и само ожидание — часть неостановимого течения жизни. И в этом течении, вроде бы обыденном, столько приманчиво-влекущего, нового, прежде почему-то не увиденного.

Глядя на заречные вербы, я представляю, как утром они, широко разбредясь, вольно паслись на росном лугу; а теперь вот, теснимые солнцем, сбились, сгрудились у самой воды — как овцы на солнцепёке.

А белый береговой песок между ними и берегом невольно задевает смущённый мой взгляд,— как когда-то на теле переодевающейся в вербовых сумерках после купания любимой женщины — незагоревшая полоска...

А лозняки, будто их тоже память палит, клонясь к самой воде, никак не могут до сомлевших своих губ воду донести: больно уж ладошки у них узкие...

Смеркается. Разъехались тормошившие заречные отмели смехом и брызгами купальщики. За вербовой грядой заречья худой сутуловатый дымок замаячил, видно, кто-то из «осёдлых» рыболовов ужин себе готовит. Звякает цепью приехавший на велосипеде местный рыбак, отвязывающий затёрханный, чумазый от смолы «човен»; и вот уже он, с напрягом отталкивая воду длинным веслом — веками отработанным движением, вдоль одного борта, с подворотом под корму — правит через Дон к карчам. Там у него вентери стоят, по-местному — морды. Интересное название, правда? Морда-морда, покажи личико...

Где-то ниже по течению, за излукой, слышатся громкие хмельные голоса, крутой мужской матерок, смех и женские взвизги-возгласы. И жара их не пугает, этих поклонников Бахуса. И подосадуешь на них тяжко, и пожалеешь их тут же: ну что они смогут увидеть здесь, какую такую «природу» — затуманенными хмелем глазами? Что чистого,

живящего душу почерпнуть смогут — зажатым в неверных пальцах липким стаканом? И несёт река — не только вниз, над водою звук широко стелется — если бы песню, если бы грусть да удаль, а то ведь одни сальные анекдоты «с картинками». На всю округу, да что там — на весь мир Божий. Разве ему, миру, не обидно? Сейчас о таких «весельчаках» как говорят? — без тормозов, без комплексов. Прежде говорили точнее: ни стыда, ни совести.

А ведь слово наше, любое — эхом ли дальним, тревогой ли ночной, болью нежданной — откликнется потом, отзовётся. Вернувшись, в глаза сблизка глянет — как ты их рукой не закрывай.

С низовьев, из казачьих краёв медленно выламывается из-за леса неровно вырезанная красноватая медь луны с белёсыми вмятинками. Сумерки, уже собравшиеся отступить привычно в темноту, замирают у самой воды, светлея лицом. Неподвижные кончики моих удилищ, просквозив над впитанной руслом звёздной млечностью, уткнулись в заречную отмель. В сухих корнях, виснущих с обрыва, сдавленно, потаённо перекликаются шорохи. От этого зябко спине. Мучительно хочется обернуться, выдохнуть из груди пупырчатую зябкость, крикнуть что-то — ну хотя бессмысленное: «Эй!». Сдерживая себя, поворачиваюсь медленно. И всё равно пугаюсь — откачнувшейся от моего рыболовного стульчика неряшливой тени. И тут же понимаю, что это моя тень: луна стоит с противоположенной стороны, совсем близко, держась за чёрные сучья подмытого давним половодьем вяза. И я опять замираю, вслушиваясь и всматриваясь в ночь. Кто-то неведомый, спрятавшись за меловыми кручами правобережья, медленно тянет на себя звёздный полог. Трудно вместить это в себя сиротливому земному уму, непонятно, необъяснимо: на что тот полог накинут, что его держит?

Один за другим, огибая стороной обжитый мной мысок, сплывают вниз два бобра. Они меня не видят. И вот уже шлёпают где-то рядом, в глубоко прочерченных луной лозняках, будто бельё полощут. Возятся. Хрупают, будто сухарями. Хруп-хруп-хруп — и вершинка лозины качнулась, наклонилась. Хруп-хруп-хруп — и нет её уже, растворилась в лунном свете. И снова — хруп-хруп-хруп...

Качнулся ясно видный на звёздно-лунном речном олове кончик удилища, кивнул мне и раз, и другой: подсекай! Я, размечтавшийся о бобрах, с подсечкой припоздал, но всё равно на леске — парусящая на течении тяжесть. И вот уже трепыхается в подсачке первая добыча, широко раскрывая усатый рот. Сомёнок попался, упёртый, тугой при вываживании, но мелкий, в пару четвертей. Обычно сомята заглатывают насадку глубоко, а этому повезло, крючок в уголке рта. Подношу добычу к воде, разжимаю пальцы: плыви, головастик! И намотай на ус: нельзя тянуть в рот всё что попало. Вредно это для здоровья.

...Только хвостом махнул...

Утро. Дальние отсыревшие голоса. Близкие сазаньи оклики-всплески. Подрагивающее тонкое фидерное удилище — как взволнованный смычок, готовый взлететь, прижав к груди щемящую сердце речную музыку. И вдруг на удилище, на самую его середину, садится куцехвостый зимородок-слёток. В его «капюшоне» и спинной «накидке» совсем мало бирюзы, от шейных белых «фонариков» вдоль крыльев до хвоста — две ясно видные коричневатые полоски. Да и крылышки, и без того по извечной зимородковой моде короткие, будто обкорнаны нетерпеливой детской рукой, вырезающей картинку-раскраску. Охотник он явно начинающий: сев на удилище, не замер, а крутит головой, перебирает лапками, на меня косится. Но не улетает. Я не шевелюсь, куртка-камуфляжка наверняка помогает мне не выделяться на фоне берега, но дело не только в этом. Просто молодой он, глупыш совсем. Потому и не боится. Ну, сколько между нами — метра

два? А ему — хоть бы хны. Уж сколько мне на рыбалке зимородков приходилось видеть, а такое вот впервые. И я гляжу во все глаза, моргнуть боюсь. Вдруг — порх-буль-порх — и крылатый рыболов, качнув удилище, уже держит в клюве крохотную серебряную ложечку. Хотя навряд ли собрался он чай пить. Косит на меня круглым глазом, будто подначивает: а ты так сможешь? Не смогу, куда мне... А сидит-то он теперь ещё ближе, метрах в полутора. Это, наверное, для того, чтобы я получше разглядел его фокус: пара неуловимых движений клювом — и серебро растворилось, исчезло — то ли в длинном клюве, но ли в воздухе. И снова — порх-буль-порх-порх-порх — и нет его, воздушно-подводного речного артиста. А как же — аплодисменты? Наверное, когда вернётся на поклоны...

Затихают разбудившие сонное сердце забияки-сазаны, всё реже, всё дальше от моего мыска ложатся их заполошные всплески, только в глазах, лишь на миг прикроешь веки, всё ещё рвут почти истаявшую утреннею сумеречь взметнувшиеся над туманной водой звонкие литые брызги. Мелкая речная бель в ближней затиши, как в школьной тетради, старательно выводит робкие свои, почти безголосые, по-ученически неумелые вздроги-«нолики». На тонком, пригнутом к воде кончике запотевшего удилища налилась — вот-вот сорвётся — бесстрашная капля созревшего росного света...

День и ночь — сутки прочь. Неужели сутки? И правда ли, что всего лишь одни неполные сутки? Он так долго и коротко длился, этот праздник-калейдоскоп, в котором видения-картинки — и мысли, и слова — сходились в неповторимые мгновения, перетекали, дробились, торжествовали, восклицали и — рушились, растекались. Назад не прокрутишь. Новый день уже набрал силу, у него столько дел.

Русло несёт дальний моторный гул, скрытые излукой голоса, кряканье надуваемой ножным насосом-лягушкой резиновой лодки. Ветерок клонит заречные камыши, а облитая дробящимся отсветом волн серая цапля застыла недвижно — как отлитый рекой крохотный, в одну тысячную натуральной величины памятник исчезнувшим динозаврам. Скопа, выхватившая за меловой пересыпкой зазевавшегося серебристого жерешка, медленно, на широком махе, возвращается к дому. Гнездо скоп, уже много лет,— здесь, на любимом моём обрыве, в тёмных ветвях старого берегового дуба. И через несколько мгновений я, выронив из глаз этот широкий полёт, услышу рядом, почти у себя над головой шум крыльев и победный орлиный клёкот...

Я сижу всё в том же «подарочном» кресле у самого обрыва, в раскидистой дубовой тени, сморю на реку. Благодарю её. Прощаюсь. Все снасти собраны, все пожитки сложены. Осталось только это кресло. Да ещё — висящее на сучке синее походное полотенце и початая баклажка с водой — вымыть руки, умыться перед обратной дорогой.

Даже непроизнесённые, эти слова — «обратная дорога» — терпкой и тягучей слюной стынут во рту, ломают, клонят книзу уголки губ.

Хотя за ними — только этот сочащийся жёлтым солнечным мёдом медленный день, высоко взбитые редкие белые облака, медленно влекущая машину-лодку глубокая и широкая пойма. Знакомые сёла на высоких приречных супесях, заслонившие реку от кочевых песков рукотворные сосняки, поля зреющей пшеницы, зреющие бахчи. Дом, где меня ждут...

Впрочем, только ли это?

А родительские могилы на тихом кладбище недального степного городка — пыльного, знойного, зовущего, знобящего душу?

А заросший муравой двор — отцовский, родовой, до сих пор щекочущий мои босые ноги?

А — бабушка?

Она только что отстряпалась, идёт кормить цыплят. Идёт медленно, будто высматривая что-то в зелёной пене спорыша — больная поясница не даёт распрямиться. В правой руке у неё маленькая кастрюлька с цыплячьей сечкой. Кастрюлька без ручек, зажата неловко, через край, дно почти задевает спорыш. Руки у бабушки тяжёлые, тёмные, густо схваченные синей лозой вен. Лицо морщинистое, на скулах и возле рта морщины глубокие, строгие, а около глаз — тонкие, текучие и какие-то молодые. Тонкие морщинки нужны бабушке только для улыбки, и когда она улыбается, мне всегда хочется притронуться к ним — они такие тёплые!

Жизнь уходит, и теперь уже едва ли не каждый день задевает сердце невесть откуда просочившаяся в грудь холодная слепая тьма, плётущая на ощупь свою липкую чёрную паутину. Сердцу нечем дышать, оно трепыхается, вырывается — и паучья эта тьма, отступив, вжимается в рёбра, ждёт своего часа. Она не спешит, она знает. А сердце... знает ли оно? — и что же, что оно знает? И почему, зачем — так трепыхается, так рвётся? И тянется, тянется по-детски из темноты — к простору, к свету...

К спасительному шелесту листвы, к лугам и крылатым обрывам, к дымчатой ласке излук. К пойме, доверчивой, распахнутой, как вбирающий каждую твою чёрточку взгляд шагнувшей навстречу любящей женщины...

К июню, к высокой его синеве, к невесомо плывущим ромашковым облакам, нагадавшим сегодня кому-то счастье.

К слезинке, благодарно дрогнувшей на пытающихся удержать её ресницах...

К шёпоту тихому, ставшему однажды и навсегда перехватывающим дыхание утренним бело-синим воздухом, оберегом твоим и молитвой: «Святэ лито, святэ литычко...»

К жизни вечной...

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

ОСКОЛОК НЕБА

рассказ

Прораб Валерий Петрович Акишев нашёл на Литейной улице родного города камень с ладонь шириной: чёрный, округлый, с рыжими подпалинами — тот лежал в ручье, бегущем после дождя в канавке у дороги. Этот камень, необычно тяжёлый для своего размера, с неглубокой бороздкой поперёк, Валерий Петрович зачем-то положил в багажник своих «жигулей» и отвёз на дачу. С тех пор находка лежала в цветнике среди других, обычных камней. Пять лет лежала. Раз в год, по весне, Акишев помогал жене Нине перекладывать эти камни, выравнивая клумбы. И всякий раз брал в руки чёрный камень и долго взвешивал его в руке, ощупывал и осматривал шероховатую, зернистую поверхность. Этот предмет его сильно озадачивал; с самого начала казался чужеродным — и своим весом, и схожестью с подгоревшим пирожком или кофейным зерном, распухшим до гигантского размера.

Камень вносил в жизнь Акишева не то чтобы нервозность, но, скорее, тоскливое беспокойство. Он словно и манил, и отталкивал одновременно. Может, этот увесистый «пирожок» — из отходов чугунно-литейного производства, или даже радиоактивный? Или взрывоопасный?

«Взял на свою седую голову блин горелый. Неизвестно, из какого теста сделанный!» — думал Валерий Петрович.

Всё необычное настораживает, даже пугает и отталкивает. Наверное, поэтому через пять лет, по осени, обескураженный тем, что так и не понял, почему «блин горелый» вызывает у него раздражение и неприятие, Валерий Петрович вдруг вышел за калитку дачи и со всего размаха швырнул его подальше в лес. Акишев даже сам не понял, зачем это сделал. Камень пролетел пулей сквозь полупрозрачную крону берёзки и исчез. Потом донёсся глухой удар, и затем ещё три удара потише, словно камень сделал прыжки. Это тоже показалось странным: увесистый, словно противопехотная мина, а скачет, как заяц. Правда, прошедшее лето было жарким, сухотравным, и земля отвердела.

Акишев пробормотал библейское «Время разбрасывать камни...» и удивился уместности подобной фразы. И ещё мелькнула мысль: «Не найти, даже если захочется».

В феврале следующего года, когда эпидемия коронавируса на планете только начиналась, жена сводила его на экскурсию в московский планетарий. В этом научно-просветительном учреждении Акишев уже побывал один раз, в детстве, вместе с классом и учительницей. Но всё, что осталось в памяти,— как он и его друг Жора Колодезный безуспешно пытались приподнять осколок железного Сихотэ-Алинского метеорита и как на них ругалась учительница...

Вот и теперь, спустя сорок с лишним лет, Акишев вначале ознакомился с коллекцией метеоритов, даже пощупал парочку самых больших: один — железный, на него наткнулся какой-то подмосковный грибник, а другой — железокаменный, в виде панциря доисторической черепахи или дракона. Потом, сидя в удобном кресле Большого Звёздного зала, Валерий Петрович испытал лёгкое головокружение от эффектного полёта по Солнечной системе. Ему даже показалось, что он космонавт, закладывающий в ракете виражи от одного космического тела к другому.

А потом Акишевы зашли в магазин планетария и увидели, что метеориты, оказывается, можно купить. Правда, цены даже на самые маленькие космические сувениры кусались. «А что, если найти большой метеорит и продать? — подумал Валерий Петрович.— Если один грибник нашёл, то почему и мне не найти!» В юности у Акишева были разные мечты, а теперь осталась одна — разбогатеть. Правда, он не зацикливался на этой мечте, относился к ней с фаталистическим спокойствием. «Мечта не терпит суеты»,— считал Валерий Петрович.

И вдруг он вспомнил про камень из цветника и понял, что случилось нечто ужасное. Улетевший в лес камень скорее всего и был настоящим метеоритом. Акишев ясно представил себе необъятную, в ослепительных звёздных россыпях Вселенную, по которой миллиарды лет мчится небольшой, похожий на кофейное зерно камень, а потом горит от трения в атмосфере Земли и, оплавленный, падает в ручей...

Он с нетерпением ждал, пока сойдёт снег, читал в Интернете статьи про метеориты. Ранней и тёплой весной, сразу после праздника мимоз, Валерий Петрович на выходные примчался на дачу и поспешил в лес, искать метеорит.

Оказалось, что некоторые прошлогодние листья были чёрными и овальными, как и его камень. Это несколько обескуражило Акишева.

Когда по дороге, построенной вдоль дачного забора, проезжала машина, Валерий Петрович замирал, делая вид, что просто дышит воздухом, или старался встать за ствол дерева. А то ещё скажут: чудак-человек — шастает по кустам, грязь да клещей собирает. Впрочем, люди скорее всего решат, что домовитый мужик хочет втихую спилить дерево для своих дачных нужд. Только, опять же — чудак-человек, потому что на опушке, на виду дач, умные мужики порубов не делают, надо в лес углубиться. Да мало ли что он тут делает! Человек, может, потерял хороший грибной ножичек осенью, а по весне решил найти. Или вообще... могилку любимой кошки посещает.

Все эти мысли наконец надоели Акишеву: много оказалось самых обычных объяснений тому, что он ранней весной бродит сомнамбулой среди берёз и сухих крапивных стеблей. Другое дело, если он начнёт граблями орудовать, вот тогда точно привлечёт самое пристальное внимание дачников.

Может, камень свалился в неглубокий овраг, в котором лежат кучи веток, консервные банки и даже торчит из-под полусгнивших листьев лысая головка сломанной детской куклы. Несмотря на тёплую солнечную погоду, кое-где на дне овражка ещё видны куски льда... Стыдно вдруг стало Валерию Петровичу от того, что космический гость мог лежать среди этого хлама. Конечно, склоны овражка постепенно оплывают от дождей и весеннего таяния снега, и однажды скроют под суглинком все предметы — доказательства человеческой невоспитанности и беспечности. Одни скроют, другие появятся...

Скорее всего, это бред, детская мечта, думал Валерий Петрович. Ещё школьником он увлекался астрономией, любил читать молодёжные журналы, в которых печатали статьи о разных загадочных случаях, аномалиях и гипотезах, древних цивилизациях, артефактах и даже о летающих блюдцах. Суровая правда жизни всё расставила на свои места: загадки загадками, а семью кормить надо. Особенно в девяностые годы стало понятно, насколько человек — приземлённое, грубое существо. Но однажды,

в сентябре 2002 года, чувство приземлённости дрогнуло и замутилось событием, которое никак не укладывалось в устоявшийся быт Акишевых.

В городе Акишевы живут в старой панельной девятиэтажке. Железная дорога проходит сразу за соседними высотными домами. Вот над ними, на юго-востоке, поздним субботним вечером Валерий Петрович увидел странную по своей величине белую звезду. Он сразу понял, что никакой звезды такой яркости здесь никогда не было и быть не может.

Тот год запомнился сильным задымлением. В начале сентября дым от горящих торфяников окутал Москву и С.-Петербург, даже в метро висела сизая дымка. А потом и родной город Акишева потонул в молочном вонючем тумане; контуры девятиэтажек едва просматривались. Валерий Петрович даже в овощную палатку за арбузом ходил в респираторе. И никто над ним не смеялся.

Дым понемногу рассеялся, и к празднику небо прояснело. Вечером, после праздничного фейерверка, завершившего День города, Акишев лежал на софе и листал строительный журнал «ВОМС». Вот так, лёжа, и обратил внимание на яркую звезду в окне. Поначалу подумал: самолёт — летит помаленьку, топливо сжигая, в сторону аэропорта, до которого недалеко, на машине можно за сорок минут доехать. Но уж больно медленно летит. Почти висит над крышей соседней девятиэтажки белым шариком.

Валерий Петрович, может, и не встал бы с софы, если бы Нина не зашла в комнату и не спросила:

— Что это яркое летит? И так медленно?

Валерий Петрович встал и подошёл к окну. К сожалению, у него нет бинокля, поэтому, озадаченный яркостью и почти неподвижностью звезды, он вышел на балкон. «Звезда» не мигала, значит, это был не самолёт. Передвигался белый шарик очень медленно, и Акишеву вскоре надоело смотреть. Объект полз по небу над промышленной частью города, параллельно железной дороге, над научно-производственным предприятием — в сторону цементного завода.

Наконец звезда пролетела над соседней девятиэтажкой и скрылась за одноподъездной высоткой. Валерий Петрович решил, что скорее всего странный объект он больше не увидит. Но случилось невероятное... Из-за высотки вылетело нечто, заложившее вираж и распавшееся на три огня: в центре — большой голубоватого свечения шар и по бокам — ещё по шарику, поменьше. Эти шары создали мутно-радужный дисковидный контур, который плавно и быстро полетел, удаляясь в сторону автотрассы. Исчезая, мигнул белым огоньком на прощанье.

Валерий Петрович давно не употреблял спиртных напитков, так что никто не мог его обвинить в галлюцинациях с белочками, тарелочками и зелёными человечками.

Фантастическое зрелище поразило Акишевых. В подобное трудно поверить. Зрелище длилось три-четыре секунды и напоминало кадры из фантастического фильма про звёздные войны. А минут через пять, когда Нина ушла на кухню, раздался мощный удар с металлическим отзвуком в воздухе. Звук был не просто громкий, но и ещё и какой-то вибрирующий, словно уронили громадный лист железа.

Жена тут же вернулась в комнату и спросила с удивлением и тревогой:

— Ты слышал? Небо трясётся.

На следующий день друзья Колодезные, живущие в самом центре города, сообщили, что тоже видели этот светящийся шарик. Многие в городе говорили об этом небесном явлении. Посудачили и забыли, потому что современного человека мало интересует происходящее где-то высоко над головой. Тем более, что в тот же день в Москве, на площади Маяковского, около двух тысяч человек с флагами и транспарантами устроили потасовку с милицией. Впрочем, и об этом тоже забыли через пару дней.

Можно спорить сколько угодно о природных аномалиях, самолётах, дирижаблях, шаровых молниях, но то, что Акишев наблюдал в те секунды, когда объект закладывал вираж, было красиво. «Если отыскать эту «тарелку», деньги немалые можно выручить. За молчание»,— думал Валерий Петрович, которому слава нужна была как корове седло. А молчать он умел.

Но всё это — сказки «в стране мечтателей, стране учёных», миражи, былички электронного века, считал Акишев. «Сказками» и так вся наша жить пронизана. В дисциплинарном батальоне, где проходил в своё время армейскую службу Валерий Акишев, сказочником назывался военнослужащий, который зачитывал наизусть осуждённым, направляемым на работы, так называемую утреннюю «сказку». То есть инструкцию об условиях работы за территорией зоны. Валерий Петрович нередко вспоминал то время.

Краснопогонный сержант «мусоротряда» выводит дисбатчиков с территории зоны в предзонник — пропускную территорию, ограниченную с двух сторон воротами. Их останавливают: «Стой! Раз-два! Нале-во!». Зима, пар клубится, сторожевые собаки скалятся на строй зеков, лают...

Некоторые офицеры запоминали наизусть текст инструкции, но большинство пехотных ваньков не могли протарабанить всю «сказку» наизусть: не в состоянии запомнить или просто ленились. И тогда на помощь звали «сказочника» — солдата с хорошей памятью. Вот таким «сказочником» и был длительное время сержант Акишев, человек грамотный, успевший до армии закончить строительный техникум.

По уставу инструкцию надо было читать в обязательном порядке, потому что если вдруг не зачитать, а какой-нибудь зек побежит с места работы и будет застрелен, то командира отдадут под суд: почему не предупредил зеков! Если инструктажа не было, то, скажут, что осуждённый просто забыл об условиях работы вне зоны и по глупости побежал.

И вот осуждённые стоят в предзоннике, а сержант Акишев читает утреннюю «сказку»: «Внимание, осуждённые! Передвижение на объект осуществляется строем. Вам запрещается переходить из колонны в колонну, из шеренги в шеренгу, разговаривать и курить в строю. Выход из строя далее, чем семь шагов, расценивается как попытка к побегу. В данном случае конвойная бригада проинструктирована применять оружие на поражение без команды «Стой! Стрелять буду!» и предупредительного выстрела».

После этой утренней «сказки» офицер давал команду: «Напра-во! Шаго-ом марш!» Конвойные расставлялись по периметру колонны, и начиналось движение за ворота предзонника.. Вот и все сказки! А «летающая тарелка», решил Валерий Петрович,— очередной эксперимент военных академиков.

Метеорит — совсем другое дело. Вечный путник с каменной душой, он не давал Акишеву покоя, зудел в памяти, словно старое осколочное ранение.

Наступил вирусный апрель, и, начальство строительной компании отправило Валерия Петровича в отпуск. Пришлось поселиться на даче надолго.

Вирусов он не боялся, считая, что человек в принципе смертен, рано или поздно окончит земной путь, и поэтому глупо умирать от страха перед смертью. Телевизор он не смотрел, но и никогда не критиковал программы, считая, что нечего на зеркало пенять, если время кривое. Поэтому он терпеливо выслушивал Нину, которая рассказывала ему о телевизионных новостях, а потом зачитывала из интернета разные любопытные тексты: о поэте Пушкине, застрявшем в 1830 году в деревне из-за холеры, о том, как спустя сто лет люди прятались от эпидемии испанки... А иногда Нина зачитывала ему отрывки из Библии или других церковных книг.

У неё, женщины невысокой, полненькой и подвижной, привыкшей суетится у плиты в пищеблоке детского садика, даже в пятьдесят шесть лет было миловидное личико с курносым носом, круглыми синими глазами и очень чистой белой кожей.

Теперь жена отвлекала супруга от мыслей о метеорите. Валерий Петрович даже опять взялся за чтение. В мансарде дачного дома висели две полки с книгами: одна — Нинина, с детективами, советами огородникам и Библией, другая — его, с книгами по строительству, обустройстве дачного участка, и ещё несколько хорошо иллюстрированных книг об античных городах. Именно в них он вычитал, что в жилище должны сочетаться такие качества как польза, прочность и красота. Понятно, что в «хрущёвках» и девятиэтажках — только польза, и то сомнительная. Древнеримский архитектор ужаснулся бы при виде фасадов наших домов и входных конструкций...

«Может, взять да вырезать из дерева лебедей и установить их над воротами? — подумал Валерий Петрович.— Это лучше, чем какой-нибудь флюгер на крыше. Возрождение древних традиций... Однако, давненько я не плотничал...». Да, Акишев, конечно, многое подзабыл, но опыт и природная любознательность, интерес к чтению — подвигали его к совершенствованию быта. Он не раз видел лебедей, вырезанных из автопокрышек, из пластиковых бутылей, но это всё не то. Вот из дерева — совсем другое дело.

Когда жена в очередной раз поднялась по скрипящей лестнице в мансарду, он поделился своей идеей.

— Жуткая безвкусица,— сказала Нина, пытаясь отдышаться.— Лучше тогда... львов, что ли, смастери. Кашпо для цветов.

Цветы напомнили Акишеву о метеорите:

«Блин печёный, будь он не ладен! «Ты идёшь, а он летит!» Как вирус... Семь лет назад, перед появлением свиного гриппа, в Китае пролился сильный метеоритный дождь...»

— Нин, а может, прогуляемся до сельпо?

— С ума сойти! — воскликнула жена.— В доме ступить некуда: того гляди гречку раздавишь.

— Да это я так...

— Может, мы теперь по интернету будем заказывать.

— Тогда пойду грибов наберу.

— Сморчков, что ли? Эти «обезьяньи мозги» — не грибы, одно наказание! Чистить их сам будешь.— Нина вдруг сообразила, в чём дело.— Опять за метеоритом своим собрался. Имей в виду: чёрные камни просто так с неба не падают.

Валерий Петрович сурово поглядел на жену, заметно поправившуюся за три недели антивирусного карантина, словно она опять работала поваром, и без намёка на сарказм произнёс:

— Затарились, значит... Но когда припасы кончатся, будем жить впроголодь. Пока метеорит не продадим.

— Ты его найди вначале!

— Найду, обязательно найду,— и, стараясь подавить в себе раздражение, Акишев несколько раз мысленно повторил: «Мечта не терпит суеты».

Нина хотела возразить, но запнулась и промолчала. Валерий Петрович знал, что в момент сильного раздражения морщины придавали его лицу пугающую жёсткость, и иногда этим пользовался.

И Акишев опять направился в лес, хоть и понимал, что выбросил камень со злым усилием, чтобы потом не искать. Чутьё тогда подсказало Валерию Петровичу, что от непонятного булыжника нужно избавиться. Не иначе память прошлого взыграла. Фамильная, можно сказать. Помнится, прабабка ещё рассказывала, что в древности жил в тульской деревне их предок по кличке Акишок. Поговорить дед любил, но вот беда — словарный запас невелик, и он часто, и в лад и невпопад, твердил: «Аки шо...». Эта словесная конструкция несла множество самых разных значений: ничего, мол,

всё в порядке, всё утрясётся, переживём, если что, обращайся, как бы чего не вышло... До бесконечности!

С тех пор много листвы деревья сбросили, многое земля в себя вобрала. А жизнь продолжается, «аки шо»!..

От сырого, пропитанного запахом прелости воздуха, ветра, приносящего острую морось, хочется горячего чая с лимоном. Но достаточно посмотреть вверх, на невинное апрельское небо, нехотя раздвигающее облачные перины: тёмно-серые, дождевые — на запад, а ослепительно-белые — на восток, и пусть солнце белёсое, дымчатое,— всё равно становится радостно на душе, и сил прибавляется.

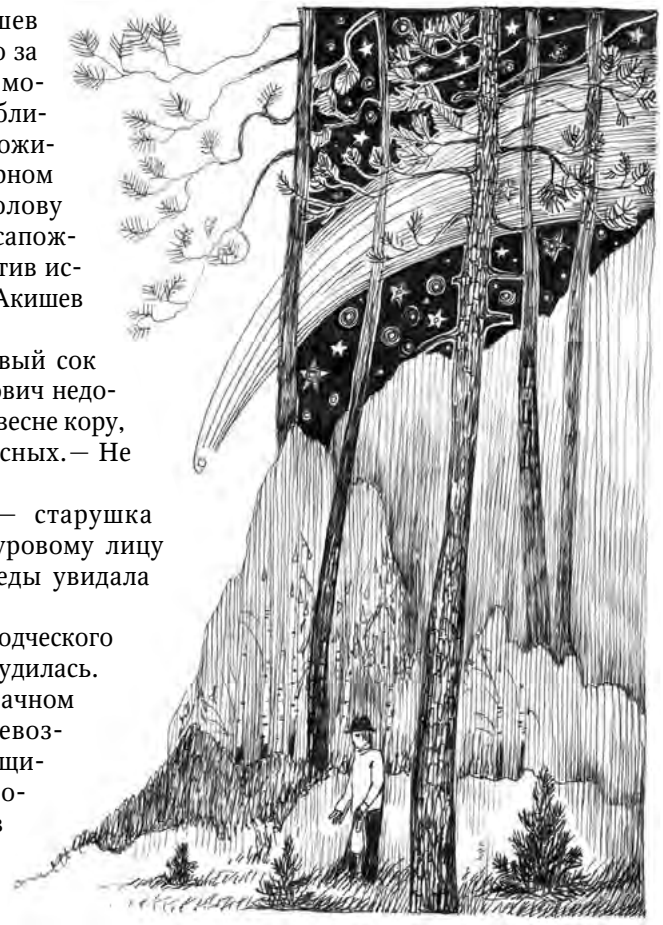
Не заметил, как добрался до той части леса, где остались со времён войны окопы и ямы от блиндажей — память о последней линии обороны. Немцы сюда, к этой заросшей лесами возвышенности, не пробились. Тут и смешанный лес, и дубрава, спускающая постепенно к оврагу с ручьём, а чуть выше березняк и осинники, и заросли орешника. И всегда много грибов. И тропинок достаточно, но... странное место: зевнул разок и леса уже не узнаёшь. Ориентиры теряются. Вроде бы и дубрава рядом, и овраг, за которым растянула на два километра свою единственную улицу деревня, но вдруг выйдешь на пересечение тропинок и замрёшь. Стоишь, озираешься и никак не можешь понять, в какой стороне деревня и где поле садоводческого товарищества?

В глубине леса вдруг почудилось движение. Акишев всмотрелся и вздрогнул: что за наваждение! По лесу шёл монах... Но, когда фигура приблизилась, оказалось, что это пожилая женщина, в осеннем чёрном пальто с накинутым на голову капюшоном, в резиновых сапожках, с сумкой в руке. Встретив испуганный взгляд старушки, Акишев поспешил поздороваться.

— Что, бабушка, берёзовый сок собирала? — Валерий Петрович недолюбливал тех, кто режет по весне кору, чтобы напиться слёз древесных.— Не рано ли?

— Конечно, не пора,— старушка скользнула взглядом по суровому лицу незнакомца.— Кабаньи следы увидала и с тропинки сбилась.

Шла она с дальнего садоводческого поля в Новогромово и заблудилась. Хотя в весеннем, ещё прозрачном лесу потеряться почти невозможно. Акишев вывел женщину к дубраве и показал тропинку к деревне. Проводив взглядом чуть сутуловатую старушку-потеряшку, решил вернуться к даче.



На обратном пути он думал о том, что не так давно Москва вобрала в себя земли, расположенные от неё в шестидесяти километрах к юго-западу, и дача Акишевых, и этот лес, со сморчками и кабанами, стал частью столицы. Нина обрадовалась новшеству, увидев перспективу с увеличением размера пенсии, а Валерия Петровича этот аспект не занимал; в советское время он бы уже пенсионерствовал в своё удовольствие, а в новом мире до заслуженного отдыха ещё три года крякать и крякать.

Где-то неподалёку стал вопросительно попискивать дрозд, словно удивляясь человеку-шатуну. Потом, ближе к дачам, заверещали трясогузки. «Вот поселится опять на крыше эта звонкая мелочь,— подумал Акишев,— спать давать не будет. А жена обрадуется: примета добрая».

И опять Валерий Петрович представлял, как его тяжёлый и одновременно невесомый метеорит когда-то порхал космической птицей. Возможно, камень видел, как распалась планета Фаэтон, разорванная силами тяготения гиганта Юпитера. Видел расцвет Марса, с морями и зелёными континентами, а может, и сам момент гибели марсианского рая. За миллиарды лет камень, должно быть, устал от грандиозных трагедий и наконец решил остепениться, отлежаться на живой голубой планете. Да, ради этого можно рискнуть сгореть в её атмосфере, измельчится в труху. Нет, сгореть не удалось, лишь оплавился малость и почернел. Но зато железокаменный «пирожок» теперь неразрывно связан с судьбой удивительной планеты... Да, камень слишком старый, он долго летал. От привычки к вечному движению в бескрайней пустоте ему теперь непросто избавиться...

Пять лет пролежать в цветнике, под роскошным кустом розы,— это, конечно, необычайно приятно: тут и ласковые лучи местной звезды Солнце, и прохладная вода для полива. Правда, осенью и весной сыровато, а зимой лежать под снегом, в совершенно закрытом пространстве — очень необычно и странно. Теснота! Поневоле на простор потянет. Не иначе, замкнутость на пятый год совсем измучила камень, довела до клаустрофобии. А впереди — ещё одна зима, которую не хотелось бы вновь провести под белой формой атмосферных осадков. Что туземцу хорошо, комическому путешественнику смерти подобно. Перебраться бы куда-нибудь, сменить обстановку... Безмерность космоса притягивает, зовёт, и этот зов привычен и понятен метеориту. Нельзя закрыться от бесконечности, если ты бессмертен, или почти вечен — ну, до того момента, пока не растворишься в горниле какой-нибудь звезды. О чём может мечтать метеорит, пролежавший в цветнике пять лет? Да о том, чтобы ещё разок полетать, хоть немножко. Состояние полёта — ничем не передаваемое наслаждение!

У кустов орешника Акишев обнаружил несколько светло-коричневых сморчков, с шляпками из губчатых перевивов и углублений. Тех самых грибов, что Нина прозвала «обезьяньими мозгами». Раньше они тут никогда не росли, но это не удивило Валерия Петровича: у сморчков всегда тяга к перемене мест.

Только срезал грибы, смотрит: на тропинке опять появилась знакомая старушка-потеряшка с капюшоном на голове.

— Что ж ты..! — вырвалось в досаде у Акишева, но его смутил строгий укор, горевший в старушечьих глазках.

Пришлось возвращаться в дубраву и опять показывать дорогу. В этот раз он вывел потеряшку в самую середину покатого склона и показал ей в просвете между могучими дубами деревенские домики за оврагом.

Тропинки исчезают и появляются. И реки текут, а потом усыхают, и вновь начинают бить родники. Мир человеческий постоянно поворачивается своими плоскостями, как избушка на курьих ножках, иногда даже вывернется наизнанку. Так издревле

повелось, и так устроен человек, который словно забывает о своих корнях, а потом пройдёт сквозь перекрёсток Млечного пути и выйдет краше прежнего...

Наконец Акишев добрался до дома. От размышлений и хождений по лесу у Валерия Петровича разыгрался аппетит. И почему-то очень захотелось сала с чёрным хлебом и молодым чесноком.

— Жена, а у нас сало есть?

— Только сала не хватало! — невольно срифмовала Нина.— Оба холодильника скоро лопнут.

Нет, она теперь долго в сельпо не пойдёт, понял Валерий Петрович.

Он подсознательно хотел обезопасить именно себя и жену. И свою дачу. Потому что в сложные времена, когда города принимают на себя главный удар, лучше отсидеться здесь. Городам нынче плохо: пневмония, электронные пропуска, штрафы за нарушение режима, контроль и информационный психоз. Но сколько это может продолжаться! Страх не знает времени — эта мысль вызывала в Валерии Петровиче протест... Может, поэтому он бросил камень так, словно перед ним была не лесная опушка, а жилой дом, спроектированный бездарным архитектором и построенный пьяными строителями. Швырнул с остервенением, словно чувствуя исходящую от него угрозу, будто стараясь предотвратить надвигающуюся беду, не допустить завтрашний день с его всепланетным карантином. Закинул подальше — в лесной бурелом, в сырой и глухой овраг, чтобы никто никогда не нашёл. При броске чуть не вывихнул себе плечо.

«Где-то в космосе летит голубой метеорит... Подарок драгоценный» — всплыли в памяти слова из старого детского мультфильма. Там ещё слова были, что надо учиться на астронома, пока твой метеорит где-то в космосе... Нет, Валерий Петрович не жалел, что не получил в своё время институтского образования. Не было такой задачи, техникума вполне достаточно. А теперь в интернете Акишеву пришлось прочитать несколько статей о Солнечной системе, о метеоритике и о том, как вообще определить, что перед тобой гость из космоса. Впрочем, вышло славно на бумаге, но забыли про овраги...

В мансарде почти постоянно включён телевизор, старый, но, благодаря приставке, сносно показывающий двадцать программ. Нине этого достаточно, чтобы смотреть новости и православную программу «Спас». Потом она погружается в сомнения и начинает задавать вопросы:

— Говорят, что после эпидемии жизнь будет другой, не такой как прежде. Интересно, какой? Люди начнут ходить на четвереньках?

— Вряд ли,— отвечает ей Валерий Петрович, равнодушный к телевизору.— За последние десять тысяч лет человек не изменился. Как приручил кур и другую живность... И при опасности прячет голову в песок, как страус. А тут у нас глина, суглинок, если по-научному... Может, вместо денег трудодни введут. И талоны на питание.

— Скажешь тоже!.. Валер, ты бы перестал по лесу-то бродить. Я в книге читала: чёрный камень с неба — это знак апокалипсиса. Поэтому не думай, что найдёшь метеорит и мы разбогатеем. Скорее обнищаем, пока ты по лесам и оврагам будешь бродить.

— Голого раздеть невозможно, Нина. В случае чего возьму в долг у Жоры.

— Твой Жора сейчас под жёстким колпаком Ирочки. Она мне сама сказала: проштрафился. Знаешь, как она выразилась? Постой, дай вспомнить... Жора прибёг к рефинансированию дефицита ликвидности... э-э... у стороннего кредитора.

— То есть?

— Изменил с соседкой.

Банковский работник Георгий Колодезный или просто Жора, всегда любил цитировать Ильфа и Петрова. И когда началась эпидемия, он прислал через ВатЦапп знакомую с юности фразу: «грузите апельсины бочках тчк братья карамазовы». Пора,

значит, запасаться провизией. Акишев привычно ответил: «графиня изменившимся лицом бежит пруду». Жора не замедлил подытожить: «Вот так, с шутками и прибаутками, они встретили конец света».

Жорина супруга Ирина Колодезная — женщина нерожавшая, но волевая, очень умная, кандидат медицинских наук. У неё собственная ветеринарная клиника и, разумеется,— на всё своё компетентное мнение, а на эпидемию коронавируса — тем более. «Профилактика никому не помешает,— трещала она Нине по телефону, соглашаясь с правительственными мерами, но с некоторыми оговорками.— Лукавый не так страшен, как его малюют. Вирус не живёт на поверхностях домов и в лесу. Источником заражения может быть только человек... Вот увидите, переболеют все, а потом вирус станет сезонным. Так что самоизоляция нужна для профилактики, но, с другой стороны, отодвигает сезонность...».

После многочисленных диет Ирина была тоща и сухостойна, как старый камыш, и, по мнению Акишева, обезжиренная во всех отношениях. Валерий Петрович вспомнил: она долго объясняла Ниночке, почему у новой соседки второй год не плодоносят яблони. По её науке выходило, что яблони никак не привыкнут к новой хозяйке. Валерий тогда подумал: «Собачьих психологов называют кинологами, а яблоневых — яблологами».

— Просорочила мужа,— произнёс Валерий Петрович, посмеиваясь.— Зацепилась твоя Ирочка языком за угол дома. Жора ждал-пождал, да и пошёл... к другому колодцу.

Нине не понравились эти слова, видимо, из женской солидарности.

— Очень смешно,— поморщилась она.

Поздним вечером Акишев вышел во двор, закурил, посмотрел на звёзды...

...Звуки скатывания камня в лесной овражек вряд ли можно услышать с расстояния в тридцать-сорок метров. И тут Валерия Петровича озарило: его метательный снаряд ударился о ствол дерева, а потом — тук-тук-тук — о ветки! Значит, метеорит лежит под деревом, скорее всего, под берёзой, их у опушки несколько. И старый дуб тоже неподалёку. И — множество молодых осинок, под которыми Валерий Петрович, как правило, находит подосиновики. Летом здесь травища вымахивает, и грибы находишь, если их оранжево-красные шляпы уже достигли внушительных размеров. Поэтому искать летуна нужно сейчас, весной. Осенью деревья опять сбросят листву, и железокаменный «пирожок» укроется ещё одной накидкой. Не отыщешь, пока не наступишь. А если дожди зарядят, да ещё зазеваешься, так и вдавишь его в глину и не заметишь, дальше пойдёшь.

Бросал в сторону лесного оврага, а туда метров сто, не меньше,— конечно, не добросил! Камень на взлёте просквозил крону молодой берёзки, промчался над полянкой и... Валерий Петрович в тот момент хотел отправить его в самую чащу лесную, но «пирожок» наверняка не долетел. Предположительная траектория и дробный стук падения явно указывал, что гость из космоса начал снижаться раньше задуманного и встретился с одним из деревьев опушки... Камень бесконечности. Подарок драгоценный... Лес не желал возвращать его Валерию Петровичу. И в помощь некого позвать.

Эх, будь рядом дети да внуки, сейчас бы и опушку прочесали, и поглубже влезли. Но где они все? Сын в торговом флоте на Дальнем Востоке трудится, ни семьи, ни детей. Пишет, что в Японии жить собирается. А дочь с двумя детьми в Архангельске, там у её мужа бизнес, мастерские по ремонту моторных лодок и снегоходов. Дочь и сама давно не приезжала, и в гости к себе не приглашает. «Говорит, что у нас ночевать негде, квартира маленькая,— думал Валерий Петрович.— По другим меркам жить привыкла. Да нашей бедности стесняется. А и то сказать: какой от нас теперь

толк! Это в девяностые годы, когда грузчиком подрабатывал за несколько банок тушёнки в день, сил много было... Так вот и прошёл по жизни, как по аномальной зоне. Годы промчались метеором».

Нина прожила с ним долгую жизнь, она хорошо чувствовала все тонкости настроения мужа. Поэтому, когда Акишев вернулся из леса мрачнее тучи, Нина раскрыла книгу и принялась листать страницы:

— Прекращай, Валер, свои поиски в лесу... Вот послушай, что нужно искать в жизни: «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, а остальное всё приложится вам». Это Господь сказал, а Он не ошибается.

— Поясни.

— Всё необходимое: и еда, и здоровье — приложатся — так, что и просить о них не надо. Лучи благодати Его будут непрестанно сиять в каждом человеке.

Акишеву хотелось бы поверить в это.

— Значит, ты считаешь, что Бога нужно искать не в камне, а в нас самих,— произнёс он, глядя через окно террасы в сторону леса.— Но зачем?

— Как это зачем? — изумилась жена и внимательно вгляделась в задумчиво-хмурое лицо мужа.— Затем, чтобы звериную сущность человека держать в узде.

С этим Акишев не мог не согласиться.

В этот день он прочитал в интернете, что метеориты не бывают округлыми, похожими на кофейное зерно. Поначалу Валерий Петрович сильно разозлился на себя, а потом подумал: «Если Бог знает, что нам действительно нужно, если это так.., то главное, чтобы нас, дураков, простил... Да, человек летает в космос, но всё равно не может быть выше неба. Но он должен быть выше его осколков».

Со временем прораб Акишев успокоился и даже почувствовал себя более счастливым, чем был до посещения планетария. Но, когда ходил за зверобоем и другими лесными дарами, всё-таки по привычке присматривался к камням. И грибов приносил немного.

От редакции.

11 февраля подольскому писателю Сергею Грачёву исполнилось 60 лет. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького 1986 года (творческий семинар Анатолия Приставкина), член Московской городской организации Союза писателей России, он является автором девяти книг прозы «Никто не застрахован» (1993), «Рисунок на старых обоях» (1996), «Если ты смеёшься...» (1998), «Медвежий баян» (2000), «Арфа возмездия» (2006), «Сорванный поцелуй» (2008), «Истории нашего времени» (2012), «Тропой зелёной ящерицы» (2019), «Осколок неба» (2021), а также семи книжек для детей. В последние годы Сергея Анатольевича часто приглашают в детские библиотеки, школы и детсады, на грачёвских сказках в Подольске уже выросло целое поколение!

В журнале «Аргамак» в 2012 году № 3(12) печаталась повесть Сергея Грачёва «Племянник», в 2019 году он выступал в Казани, Елабуге и Набережных Челнах на всероссийском литературном фестивале «Осенины».

Мы от души поздравляем нашего друга и коллегу, главного редактора подольского издательства «Информация» и «Подольского альманаха» с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и крепкой прозы.

ОЛЕГ ВОЛКОВ

БАБА ЛИЗА

Давно известно, что кошки обладают особым чутьём. Когда у моего подъезда начинают собираться кошки всех мастей и расцветок, от котёнка до видавшего виды ободранного котяры, значит скоро выйдет баба Лиза. Вот и она показалась в дверях с миской. Маленькая худенькая старушка, возраст которой на вид около ста, но на самом деле около восьмидесяти.

— Ой, мои бедные, жалко их. Скоро зима, котятки маленькие, я им супа тёплого принесла.

Кошачья толпа оживилась. Те, кто понаглее сразу стали тереться о бабушкины ноги. Одна кошечка запрыгнула на плечо и там как-то устроилась. Не обращая на это никакого внимания, баба Лиза ставит миску, к которой со всех сторон подбегают хвостатые и лохматые.

— Слушай-ка, вон тот чёрненький — он из первого подъезда. Его утром выгоняют, а он, голодный, сразу ко мне.

— Баба Лиза, может, он хитрый, дома нажрётся и потом у тебя на халяву,— отвечаю я.

Баба Лиза плохо слышит, поэтому не обращает внимание на мою реплику:

— А эти-то играют, смотри, не знают, что зима скоро. Жалко их. Ладно, пойду картону собирать, корма купить надо — пошла к своей тележке, доверху нагруженной картоном, который она сдаёт в приёмку по пять рублей за килограмм. Кошки пушистой кучей последовали за ней. Тележка у неё знатная, мужики за бутылку поставили на неё колёса-дутики, сделали тюнинг, и ей приходится теперь пристёгивать к забору велосипедным замком.

— Пошли отсюдова, пошли, — гонит она их, — машиной задавит.

— Баба Лиза, — кричит с балкона Лёха, бывший капитан речного флота — ты их запрягай, пусть тележку тащат.

— Да ладно тебе, — незлобно смеётся баба Лиза и продолжает толкать тележку по асфальту. Вскоре её сухонькая фигурка в искусственной шубе и больших кроссовках, надетых на валенки, скрывается за углом.

После того, как сын нелепо сгорел в больнице в результате какого-то замыкания в томографе, а муж помер, она осталась одна и остаток жизни проводит, заботясь о кошках. Она не держит их в квартире. Только Мурка с ней живёт. Но иногда пускает в подъезд погреться. Соседи, конечно не в восторге, но что поделать? На их доводы она отвечает беззлобным, но отборным матом, ибо жизнь прожила непростую.

Как-то встречаю её — слушай-ка ты видел, кошку собаки задрали, такая хорошенькая. Похоронить надо. Ой жалко их. Собаки утром стаей ходят и ловят, дерут,

вон ещё одна во двор зашла — берёт палку и идёт в сторону собаки — ну-ка иди отсюдова! Собака, поджав хвост скрывается в переулке между домами.

— Баба Лиза,— подходит к ней соседка,— мы на дачу уезжаем, посмотришь за нашим Кузей, вот тут продукты,— протягивает пакет и деньги,— и на вот твоим курицу.

— Давай, посмотрю...

Недавно был юбилей Королевы Великобритании Елизаветы II — бабы Лизы всей Англии и попалась случайно фотография её в косынке, резиновых сапогах и длинной куртке со своими собачками — точь-в-точь наша баба Лиза.

Милые наши бабушки — живите долго!

ВОЛГА ПОШЛА

— Юго-восточный, — принюхиваясь, будто его нос чуял направление ветра, заметил Лёха, поднимая воротник.

— Волга пошла, — заметил Равиль.

День стоял холодный, несмотря на бьющее по глазам апрельское солнце.

Действительно, куда бы такой реке идти? Скованная плотинами, связанная мостами, отравляемая заводами, ещё летом казалось, что она стоит. Течения нет, зелёная от водорослей по кромке, с прибрежной пеной, смешавшейся с разводами мазута и пластиковой тарой, она казалась длинным грязным озером, терявшим свои очертания где-то у горизонта. Она всё терпит.

И вот, пришла весна. Задышала студёным пронизывающим ветром, заговорила стоном льдов и пошла, пошла родимая, сметая на своём пути жалкие остатки зимнего безмолвия. Ворочает многометровые, сковывавшие её ледяные оковы и берегись подходить близко к берегу — утянет, закрутит в водоворотах.

Жива наша кормилица, мать объединившихся общей жизнью и культурой людей на её величественных берегах. Многие народы связала она, многие пытались завоевать её, но нет у неё хозяина и быть не может. Те, кто родился на её берегах, испытывают особые чувства.

— Помню семьдесят восьмой. Волга пошла, половодье, дачи поплыли. Мужики тогда на лодках дачку подцепят тросом и буксируют в удобное место. Мы, пацаны ещё, тоже лазили. Искали соленья домашние. Найдя, тут же их ели, — заключает Лёха.

Лёха раньше был капитаном и даже то, как он стоял, выдавало в нём человека, привыкшего по долгу службы к долгим часам вахты в рубке. Никогда я не видел на нем тех дурацких капитанских фуражек, белеющих летом на головах. Бывший капитан речных судов класса М—СП, что в переводе с языка регистра речных судов означает суда смешанного плавания, приспособленные для плавания как в речном, так и морском бассейнах, Лёха избороздил Волгу от истоков до дельты. За почти безупречную службу в речфлоте, а лучше сказать на Волге, он получил трёхкомнатную квартиру и пенсию. Если прибавить жену-предпринимателя и прекрасного сына студента, то можно резюмировать, что жизнь удалась.

Стоим у подъезда, русский, татарин и мариец. Стоим, по-стариковски воспоминаниями молодости делимся. Сами уже пятый десяток давно разменяли. Подошёл Федюн, бывший водитель погрузчика, а нынче пенсионер.

— Завтра в Красновидово едем. Кто со мной утром в восемь. Рыбы не обещаю, какая рыба весной, а баньку истопим. Мы, красновидовские, гостей любим. За рыбой летом приглашу, когда пацаны наши сети будут ставить.

Красновидово — исконно русское село, основанное в 17 веке, на правом берегу с богатой историей. Помнит визит Екатерины второй, писателя Короленко, но по-особому местные относятся к Максиму Горькому. Известно, что пролетарский писатель жил в Красновидово какое-то время. Там даже музей открыли. Но людская молва иногда крепче документов. Все там Алексея Максимыча помнят.

— Спал под лодкой. Бабы его подкармливали — убедительно вспоминает Федюн, будто сам был свидетелем — хилый был парнишка, а пожил у нас, окреп.

Невольно поверишь. Федька под два метра ростом, светловолосый волжский богатырь.

— Ладно, пойду внуков из садика забирать, бывайте — попрощался Федюн.

— А уху варили, помните, — вдруг вспоминает Геныч, — обязательно воду из Волги набирали. Отец объяснял, что так вкуснее. Дух от неё был особый.

— И ершей обязательно запускали, — добавил Равиль, — сейчас чего-то их не видно.

У каждого из нас Волга оставила в жизни след. Посещая в очередной раз её берега, будто наполняешься силой, спокойствием. Как говорят, отдыхаешь душой.

Придя домой и, вспомнив Федькин рассказ, поинтересовался произведениями Алексея Максимыча о Волге, вскормившей и воспитавшей его. Но нет произведения, достойного великой реки. Другие мысли видно на уме были великого революционного писателя. Вдруг вспоминается Владимир Галактионович и его удивительный рассказ «Река играет», про реку Ветлугу и обитателях. А может просто Волга настолько сложна, многогранна, что нет пока писателя, достойного её? Ведь поняв её, можно понять душу народа...

ИЛЬЯС ДАУДИ

ЦУГЦВАНГ[1] ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА БРУНО ТЕВСА

Повесть из книги «В круге Кундузском».
В предыдущем номере мы публиковали две главы из неё:
«История героев, среди которых хочется жить»
и «По зову интернационального долга».

КАЛЬВ, ОКРУГ КАРЛСРУЭ. ЗЕМЛЯ БАДЕН ВЮРТЕМБЕРГ. ЮГО-ЗАПАД ФРГ, НАЧАЛО АВГУСТА 2009 ГОДА

Замок графа Цеппелин. Центр сил специальных операций «KSK» Kommando Spezialkrafte, Бундесвер. Комната в бункере — её стены окрашены в ахроматический цвет, тускло светят круглые плафоны, в одну из стен вмонтировано стекло-шпион «гезелла». В центре пустой комнаты сидит обессилевший молодой мужчина с десятидневной щетиной. Его руки прикованы наручниками к сидушке стула. Он не спал ночь. Накануне совершил недельный 160-ти километровый марш-бросок по болотистой местности, а затем многие часы подвергался поочерёдному воздействию внешних раздражителей — ослеплению светом мощного прожектора, охлаждению напором ледяной воды и оглушению рок-н-ролльным звуком. Из смотровой комнаты за испытанием следила комиссия руководителей, направлений KSK.

Внезапно в смотровую вошёл бригадный генерал Маркус Нойманн. Увидев начальника, офицеры встали. Он приветственно кивнул и, махнув рукой, предложил сесть.

— Ну как он?! — спросил Нойманн, у кадровика Курта Воллмера, не отводя взгляда от происходившего за стеклом.

— Держится неплохо, господин бригадный генерал, — ответил полковник.

— Зачитайте мне его личное дело, Воллмер, — приказал Нойманн.

— Слушаюсь, господин бригадный генерал, — ответил Воллмер:

— Бруно Тевс, 1985 года рождения. В ФРГ прибыл в 1989 году из Казахстана (СССР), город Джамбул, в возрасте 4-х лет вместе с матерью и многочисленными родственниками по федеральному закону о делах переселённых лиц. Семья поселилась во Фрайбурге. С отличием окончил среднюю школу, целенаправленно готовился к службе в армии. В совершенстве владеет русским языком и английским. Отец — Константин Тевс, 1966-го года рождения, поволжский немец, погиб

1 Цугцванг — шахматный термин, означающий принуждение к губительному ходу.

в Афганистане 17 июня 1986-го года в районе Хост-Ва-Ференг провинции Баглан. Мать, также поволжская немка, Роза Тевс, вдова. Живёт во Фрайбурге, искусствовед. По окончании школы проходил срочную службу в десантном батальоне в городе Цвайбрюккен, земля Рейнланд-Пфальц. Оттуда обер-штабс-ефрейтор Тевс поступил в высшую офицерскую школу. В 2008-м году получил военную специальность армейского разведчика и звание лейтенанта. В том же году был отобран в состав KSK, проходил службу в должности командира группы в дивизии сил быстрого реагирования в Штадталлендорфе. Звание обер-лейтенанта присвоено досрочно. Спортсмен, победитель Бундесвера по боксу. В начале января 2009-го года обратился к командованию KSK с просьбой направить для дальнейшего прохождения службы в оперативную группу «Task Force-47» в составе объединённых сил западной коалиции ISAF в Афганистане.

— Какие будут мнения? — спросил Нойманн.

— По всем дисциплинам и этапам пройденных испытаний обер-лейтенант Бруно Тевс аттестован наивысшими баллами, господин бригадный генерал,— довёл Воллмер,— уровень профессиональной подготовки даёт основания считать его одним из лучших начинающих армейских разведчиков Бундесвер и рекомендовать к ротации в Афганистан.

— Соглашусь с вами, Курт! — резюмировал Нойманн и подписал документ о рокировке.

* * *

Место постоянной дислокации секретного разведывательного антитеррористического подразделения Бундесвера, куда прибыл для прохождения дальнейшей службы обер-лейтенант Бруно Тевс, находилось на северо-западной окраине города Кундуз. На участке более двух гектаров, огороженном двухметровым забором с колючей проволокой, был разбит штаб командования, автономная вертолётная площадка, парк техники, стрельбище, спортивный городок, корпуса с кубриками для офицеров, общей комнатой отдыха, фитнесс-залом и сауной. Службу в TF-47 несли офицеры из подразделений сил специальных операций, быстрого реагирования и армейской разведки свыше 200 человек. Командиром подразделения был оберст Георг Юнг — невысокого роста, сухощавый, немногословный, офицер-разведчик в третьем поколении, глубоко знающий своё дело. Он и вышел встречать, едва бронетранспортёр с Бруно Тевсом въехал на территорию. Выпорхнув из брони, Бруно надлежаще подошёл и доложил о прибытии. Юнг принял доклад и, улыбнувшись, поприветствовал:

— Добро пожаловать в Афганистан! Читал ваше личное дело обер-лейтенант! Впечатляющее начало службы. Только ответьте откровенно, ваше стремление оказаться здесь как-то связано с гибелью вашего отца? Хочется всё же верить, что печальное событие многолетней давности не повредит карьере молодого перспективного обер-лейтенанта. Кстати, где это произошло?

— В провинции Баглан, господин оберст,— ответил Бруно.

— Понятно,— отметил Юнг,— Баглан, к вашему сведению, здесь неподалёку — соседняя провинция, южнее. Она, как и Кундуз, Тахар и Бадахшан входит в область Катаган. Всё это наша зона ответственности «Север». А что вы сейчас читаете? — полюбопытствовал оберст, увидев в руках Бруно толстую книжку на русском языке.

— «Большая игра в Афганистан» Ильяса Дауди,— ответил Бруно.

— Ясно,— произнёс Юнг, продолжил расспрос: — Скажите, обер-лейтенант, когда и из какой части Германии ваши предки перебрались в Россию? Вам об этом известно?

— Так точно! — доложил Бруно.— В период правления прусского короля Фридриха II по Манифестам российской императрицы Екатерины II — княгини Софии Августы Фредерики Ангольт-Цербстской от 1762 и 1763 годов. В числе первых немецких семей они поселись в Саратовской губернии. А выехали в Россию с юго-запада Германии, города Фрайбурга, куда спустя столетия, в 1989 году и вернулись.

— Да! 227 лет — срок не малый! — задумчиво произнёс оберст Юнг.— Историю семьи и народа надо знать! О'кей, сначала решите все формальности в штабе, а затем я представлю вас группе. Завтра в 9.00 совещание командиров групп в Центре боевого управления. Да, и ещё — выберите себе позывной и вымышленное имя, здесь так принято,— с этими словами и разошлись.

Утром в помещении с большим количеством телефонов и военных карт, на которых были очерчены границы провинций и уездов, отмечены названия населённых пунктов, собрался командный состав во главе с оберстом Георгом Юнгом. Обсуждались, вскрытые агентурой планы лидеров движения талибан моулави Шамсутдина и муллы Абдул Рахмана, связанные с сериями нападений на колонны германской автогрузовой и бронированной техники, а также с террористической атакой на гарнизон Бундесвера в Кундузе. По итогам совещания подразделение TF-47 приступило к разработке плана операции с кодовым названием «Джокер».

ОПЕРАЦИЯ «ДЖОКЕР»

Оперативный сбор агентурных и разведывательных данных указывал на места постоянного пребывания и явок лидеров талибан Шамсутдина и Абдул Рахмана. За объектами установили круглосуточное наблюдение. Невзирая на отсутствие у оберлейтенанта Бруно Тевса практического опыта в планировании и участии в реальных спецоперациях, с целью скорейшего погружения в боевую среду, оберст Юнг включил его в круг разработчиков плана операции. На этапе реализации это себя оправдало.

Между тем в полученном TF-47 свежем агентурном донесении сообщалось: «Шамсутдин, получивший накануне духовный сан моулави и статус лидера талибан провинции Кундуз, отдал приказ подконтрольным отрядам атаковать колонны германской автогрузовой техники и захватывать крупнотоннажные грузовики. Талибы рассчитывали начинить их крупной взрывчаткой и посредством водителя-смертника, прорвавшего кордоны безопасности, направить вовнутрь гарнизона Бундесвер к местам скопления военнослужащих и жилым строениям и там взорвать. Атаку планировалось продолжить стрелковым и гранатомётным огнём вторгшихся следом мобильных групп талибов».

На следующий день в штабе TF-47 получили сигнал: совершено вооружённое нападение на колонну Бундесвера в районе Алиабада на трассе Кундуз-Баглан. Тело водителя крупнотоннажного грузовика талибы бросили в кювет, а сам транспорт угнали в неизвестном направлении. Атака подтвердила достоверность сведений агентуры. По горячим следам был задержан рядовой талиб, принимавший участие в нападении на колонну. Данные им показания выявили лидеров отрядов талибов среднего и нижнего звена, и TF-47 взял их в оперативную разработку. В прошествии нескольких дней, в начале сентября была вновь атакована колонна Бундесвера, угнаны два 50-ти тонных автоналивника, до отказа наполненные дизельным топливом. В стремлении поскорее покинуть место нападения на оживлённой автотрассе, талибы стали перегонять наливники по просёлочной дороге на северо-запад в направлении к Чахар-даре.

При переправе через бурно текущую речку Кундуз наливники застряли в гравийно-песочном грунте. Чтобы вытащить технику, из находившегося поблизости кишлака

Умар-хейль талибы пригнали переданные в 1980-е годы правительством СССР народу ДРА два трактора «Беларусь» с тросами, а заодно и бросили клич местным жителям пополнить личные запасы соляры. Таким способом талибы решили избавить брутто от нетто и вытащить застрявшие наливники. Спустя полчаса, у цистерн скопилась длинная очередь из местных дехкан с канистрами и другими ёмкостями. Командовавший операцией «Джокер» оберст Георг Юнг направил запрос в региональный штаб зоны «Север» в Мазари-Шариф на проведение аэрофотосъёмки местности беспилотными летательными аппаратами и установление точного месторасположения угнанной техники. В скором времени были получены фотоснимки с месторасположения застрявших наливников, окружённых толпой гражданского населения.

КОРРЕСПОНДЕНТ «DER SPIEGEL» ОТТО ГРИНБЕРГ

За три недели до этих событий в город Кундуз прибыл собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг. Это был интеллигентный, хорошо образованный журналист со стажем. Он был среднего роста со светлокожим лицом и чёрными волнистыми волосами. Его высокий лоб, с горбинкой нос и большие чёрные глаза явствовали о греческих или еврейских корнях. Несмотря на сорокалетний возраст Отто был холост. При этом следил за собой, был подтянут, гладко побрит и со вкусом одет. В его обязанности входили подготовка и отправка в Гамбург материалов о событиях, происходивших на северо-востоке Афганистана. Наряду с этой задачей ему было поручено собрать материалы о предстоявшей 20-тилетней годовщине вывода советских войск из Афганистана.

В поисках материалов Отто объезжал десятки населённых пунктов северо-восточной части страны, находившихся в зоне боевых действий советского контингента на удалении свыше ста километров от Кундуза — в уездах провинций Балх, Саманган, Сари-пуль, Тахар, Кундуз, Баглан, Бадахшан, встречаясь с участниками тех давних драматических событий — полевыми командирами и рядовыми моджахедами, уже ушедшими на покой или продолжавшими воевать против ISAF. 2 сентября 2009 года, например, в одной из командировок в уезд Хост-Ва-Ференг в горах на северо-востоке провинции Баглан, Отто познакомился с бывшим моджахедом по имени Исматулла, воевавшим в отряде полевого командира Мохаммада Марзбона, больше известного по прозвищу Кази Кабир — сподвижника Ахмад Шаха Масуда по партии «Исламское общество Афганистана» в провинции Тахар. Исматулла поведал Отто историю одного драматического боя в июне 1986-го года с советскими десантными группами, понёсшими существенные потери в горном массиве Мугулан, Чольбахир и Тали Гобанг. В завершении своего повествования, Исматулла передал Отто записную книжку и две находившиеся в ней фотографии, принадлежавшие советскому солдату, найденные им под валунами — на месте, где шурави складывали своих убитых и раненных.

ОБЕД В ЧАЙХАНЕ ЯКУБ-ХАНА

4 сентября Отто вернулся из поездки в Хост-Ва-Ференг сильно проголодавшимся и решил пойти пообедать в чайхану на знаменитом Кундузском кругу — центральной площади города с множеством лавок и закусочных. Чайхана, где он снимал номер, находилась в двух шагах от гостиницы «Спинзар», принадлежавшей одноимённой

текстильной компании, основанной в Кундузе в середине 1920-х годов Шер-ханом Наширом. За две недели пребывания в Кундузе, он уже успел стать её постоянным гостем. Хозяином заведение был Якуб-хан — бывший моджахед сорока пяти годов, в чёрной чалме и с чёрным кожаным овалом на правом глазу, которого лишился в ходе боёв за Кундуз в августе 1988-го года. В годы афганской войны 1979—1989 Якуб-хан командовал небольшим отрядом в группировке Шамсутдина из исламской партии Афганистана, больше известным по прозвищу доктор Шамс. Чайхану Якуб-хан получил в дар от Шамса за преданность и храбрость.

Несмотря на многие годы участия в боях, Якуб-хан был доброхотом и радушно привечал Отто на входе в чайхану, снискав ответное расположение немца. Вот и на сей раз, увидев Отто, Якуб-хан расплылся в улыбке и приложил ладонь к сердцу. Отто, громко поздоровался с ним и сидевшими у входа посетителями традиционным «Ас-Саламу Алейкум» и проследовал вглубь зала. Его излюбленным местом был угловой топчан, расположенный под кондиционером. Он разулся и, забравшись на застелённую кошмой тахту, вытянул ноги. В тот день Отто здорово устал. Он огляделся в тесном продолговатом пространстве зала и увидел, как с потолка, медленно вращая лопастями, гнали потоки воздуха три вентилятора. На топчанах, мирно беседуя, кушали и пили чай люди в афганских национальных одеждах. За всей этой мирской суетой с большого портрета на стене взирал улыбавшийся Ахмад Шах Масуд. Гостей обслуживал сын Якуб-хана — Залмай. Это был смуглый юноша лет тринадцати, с расшитой пуштунской тюбетейкой на чёрных волнистых волосах, одетый в узорчатый жилет поверх традиционной афганской рубахи перухан. Он не заставил Отто долго ждать и сразу принёс весь заказ: снятый с мангала шашлык из бараньих рёбрышек с прослойками курдючного сала с лёгким запахом дымка, горячую тандырную лепёшку и чайник зелёного чая. «Да,— думал Отто, отдыхая от уличного гвалта, от сутолоки базарного торга, ишачьего и конного извоза, бричек, повозок и прибывшего издалека каравана двугорбых верблюдов, навьюченных огромными тюками товара,— время здесь остановило свой ход, ещё со времён владычества Мохаммада Мурад-бека правителя Кундузского ханства в начале восемнадцатого века». Отто завершил трапезу и, прислонив затылок к стене, закрыл от усталости глаза. Сквозь дрёму, он слышал мерный шум вентиляторов, звон посуды, стук костей и шарканье шашек «шеш-беш», разноязычный гомон собеседников и душевную песню «Khuda Bowad Yarat» культового афганского певца Ахмада Захира, доносившуюся из аудиоколонки.

ТЕМ САМЫМ ВРЕМЕНЕМ.
КУНДУЗ ЦБУ TF-47 — 5 СЕНТЯБРЯ 2009 ГОДА

После обнаружения угнанных германских наливников и получения аэрофотоснимков с места их расположения, оберст Георг Юнг принял решение нанести по ним удар авиацией ISAF. В результате налёта истребителей-бомбардировщиков F-15ES, по разным оценкам, погибло от ста до ста шестидесяти скопившихся у техники гражданских лиц, в числе которых были женщины и дети.

АВИАУДАР ISAF В УМАР-ХЕЙЛЕ

Дрёму Отто прервал громкий шум низко пролетевших реактивных самолётов и упавших неподалёку тяжёлых бомб, сотрясших землю. Через пять минут

послышался вой сирен десятка карет «Скорой помощи», мчавшихся по центральной улице мимо чайханы на высокой скорости. Всполошённый Якуб-хан вышел на улицу, проводил их взглядом и, зайдя обратно в чайхану, настроил радиоприёмник на новостную волну. Он прибавил звук и вслушался в текст экстренного выпуска. В течение нескольких секунд он заметно побледнел.

Отто почувствовал это и спросил:

— Что произошло?!

— Сообщили, что самолёты ISAF нанесли авиаудар в окрестностях кишлака Умар-хейль. Это привело к большому числу жертв мирного населения.

— Где расположен Умар-хейль?!

— Это рядом! — ответил Якуб-хан. — Кишлак Умар-хейль находится в уезде Чахар-дара. От Кундуза нужно ехать два километра на юг, затем повернуть на запад и проехать приблизительно столько же.

Отто оставил деньги за еду и спешно покинул заведение. Он взял на кундузском кругу такси и вскорости прибыл на место авиаудара. К тому времени территория была уже оцеплена полицейскими и служащими афганских сил содействия ISAF. Взору предстали перевёрнутые сгоревшие грузовики с цистернами и разбросанные на сотни метров фрагменты человеческих тел. Отто сделал несколько снимков, но поговорить с кем-либо из очевидцев не сумел. Он решил приехать на место на следующий день, чтобы проникнуть в глубь кишлака Умар-хейль и расспросить о происшествии местное население.

Отто вернулся в гостиницу и узнал из новостных программ телевидения ФРГ, что в результате ударов натовской авиации в уезде Чахар-дара провинции Кундуз погибло более ста мирных афганцев. В ISAF же заявили, что семьдесят из них были талибы и всего лишь тридцать гражданское население — женщины и дети. Это количество существенно расходилось с данными афганских и международных правозащитных организаций.

ПОХИЩЕНИЕ ОТТО ГРИНБЕРГА И СУЛТАНА МУХАДИ

Рано утром Отто вызвал в гостиницу Султана Мухади, переводчика, сопровождавшего его во всех поездках по провинциям, и, сев с ним в такси, направился к месту вчерашней трагедии. Добравшись до места, перед тем, как выйти из автомобиля, Отто дал водителю наказ:

— Если к 20.00 мы из кишлака не выйдем, сообщите об этом администрации гостиницы «Спинзар».

Затем Гринберг и Мухади вышли из машины и скрылись в глубине кишлака. Успевший хорошо примелькаться талибам Отто смог собрать в Умар-хейле несколько интервью у местных жителей. Однако талибы, не имевшие ничего против него лично из-за мирной журналистской деятельности, но жаждавшие возмездия к ISAF и Бундесверу за трагедию в Чахар-даре, схватили его вместе с переводчиком Мухади. О местонахождении их некоторое время никто не знал. Таксист, не дождавшись выхода из кишлака Гринберга и Мухади, как его и наставляли, сообщил о случившемся по приезду в «Спинзар».

НОВАЯ ФАЗА ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Трагедия в Умар-хейле, унёсшая жизни десятков афганских граждан и вызвавшая широкий международный резонанс, не отменила операцию TF-47 «Джокер».

Ликвидация организаторов нападений на колонны Бундесвер моулави Шамсутдина и муллы Абдула Рахмана, продолжавших вынашивать план нападения на гарнизон Бундесвер в Кундузе, оставалась для TF-47 приоритетной задачей. Агентурные и разведывательные данные о местонахождении лидеров талибан, стекавшие в ЦБУ TF-47 в течение месяца, постоянно разнились. Однако в один из дней оба источника дали схожие сведения. Исходя из них, моулави Шамсутдин в сопровождении двадцати пяти особо преданных талибов в условленное время должен был прибыть в кишлак Халазай уезда Чахар-дара провинции Кундуз. В TF-47 экстренно приступили к разработке новой фазы операции «Джокер».

Операцию решили начать за час до азана — призыва муэдзина к предрассветной молитве, что позволяло застать талибов врасплох. Однако в последний момент выяснилось, что пункт прибытия Шамсутдина с отрядом в кишлак Халазай совпадал с местом содержания заложников, в числе которых были также собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг и переводчик-афганец Султан Мухади. Задача спецназа TF-47 существенно осложнилась тем, что ликвидацию Шамсутдина и его людей требовалось осуществить, не допустив гибели заложников. Её выполнение оберст Георг Юнг решил поручить группе обер-лейтенанта Бруно Тевса. Он вызвал его в ЦБУ, и они склонились над картой, начав подробно обсуждать план действий с учётом вероятного изменения обстановки.

— Залог вашего успеха,— толковал оберст Юнг,— заключается в факторе внезапности и слаженности действий. После высадки важно экстренно и точно установить, в каких помещениях находятся талибы, а где содержатся заложники. Это продиктует плотность огня. Работать нужно ювелирно. Первое, что предпримут талибы, когда вы вломитесь в помещения, начнут расстреливать заложников, даже если они не планировали этого делать загодя,— предупредил оберст Юнг.

— Я вас понял, господин оберст! Постараемся выполнить задачу! — принял к исполнению Бруно.

После завершения инструктажа, оберст Юнг и обер-лейтенант Тевс направились к вертолётной площадке. Стрелки на часах миновали отметку 02.15, на дворе было уже по-осеннему прохладно, но безветренно. Вылета на операцию с лёгким волнением ожидали два экипажа вертолётов NHI NH90 и две группы спецназа — по 20 бойцов каждая.

— Удачи, обер-лейтенант! — крикнул оберст Юнг, стремясь быть услышанным сквозь шум работавших двигателей и вращавшихся лопастей.— Берегите людей!

— Так точно! — ответил Бруно и запрыгнул в начавший подниматься вертолёт. Время в полёте заняло несколько минут.

В кишлак Халазай спецназ нагрянул внезапно и действовал молниеносно. Тевс и его группа выбивали ногами и оружейными прикладами двери, врывались в помещения глинобитных строений, открывали огонь по талибам, стараясь в суете не зацепить заложников, но получили яростный отпор. Заложники метнулись в сторону и забились в углы, пытаясь укрыться от перекрёстного огня. Бой длился менее десяти минут, когда стрельба прекратилась, Тевс приказал подчинённым уточнить потери. А сам, достав из нагрудного кармана фотографию, начал искать среди убитых талибов лидера Шамсутдина, но его там не оказалось.

После уточнения потерь Бруно вышел на связь с Юнгом:

— Господин оберст, завершили! У меня один убитый и трое раненых, с различной степенью. Один из них корреспондент «Der Spiegel» — будь он не ладен!

Повисла пауза.

— Что с Шамсутдином?! — безмятежно спросил Юнг.

— Среди погибших его нет. Но из периметра никто не вышел. Не пойму, как мы его упустили! — досадовал Бруно.

В эфире вновь повисла тишина. Было заметно, что итог операции огорчил Юнга.

— Плохо! — вернулся к разговору Юнг.— О'кей, по возвращению на базу — разбор полётов. Теперь по эвакуации нашего погибшего и раненых — их в вертолёт и в Мазари-Шариф, а корреспондента «Der Spiegel» грузите на бронетранспортёр и везите в Кундуз в гражданский госпиталь MSF «Врачи без границ» — нечего ему в нашем военном госпитале делать, он и так нам операцию сломал.

Пока Тевс докладывал командованию об итогах операции, к месту её проведения стянулись пять бронетранспортёров. Медики спецназа TF-47 сразу же сделали Отто Гринбергу обезболивающий укол, а прошитое пулей бедро затянули жгутом и перевязали. В докладе обер-лейтенанта Бруно Тевса оберсту Юнгу о потерях в операции «Джокер» не прозвучало имя переводчика-афганца Султана Мухади, получившего в перестрелке пулю в голову и скончавшегося на месте. Визит в кишлак Умар-хейль за интервью стоил ему жизни. Вину за его гибель Отто Гринберг возлагал исключительно на себя.

Дождавшись эвакуации погибшего и двух раненых бойцов вертолётом в Мазари-Шариф, Бруно приказал двум спецназовцам из его группы погрузить Отто Гринберга в бронетранспортёр. Сам сел на переднее сиденье рядом с водителем, а Гринберг и два спецназовца на заднее. Некоторое время в пути, уставившись стеклянным взглядом вперёд, Бруно ехал молча, но при въезде в Кундуз, резко повернулся к Отто Гринбергу:

— Вы чего сюда припёрлись?! Чего вам дома не сиделось?! Вы нам операцию сорвали! Бойца из-за вас потеряли, двух ещё ранило, Шамсутдина упустили!

Бледный от болевого шока, потери крови и действия анальгетика Отто Гринберг решительно ответил:

— Вы делаете свою работу, а я свою!

Получив твёрдый ответ, Бруно подостыл.

ГОСПИТАЛЬ MSF «ВРАЧИ БЕЗ ГРАНИЦ»

Бронетранспортёр с Отто Гринбергом заехал во двор госпиталя «Врачи без границ». Сопровождавшие спецназовцы помогли Отто выйти и, уложив на носилки, занесли в приёмный покой. Вслед за ними вошёл и Бруно.

«Да! — подумал он.— После кундузского зноя здесь настоящий рай: белоснежные стены, прохлада от кондиционеров, персонал в глаженых одеждах и аппетитный запах из столовой. Вот он островок цивилизованной Европы в средневековой стране!»

В приёмном покое была суматоха, врачи прибегали, потом опять убегали — до раненого Гринберга, казалось, никому не было дела. Бруно сильно нервничал и искал глазами, кому бы его поскорее передать. Заметив, что самочувствие корреспондента ухудшается, Бруно стал отвлекать житейскими вопросами.

— В Германии, где живёте? — спросил он уже подобрев.

— В Мюнхене,— ответил Отто.

— Здорово! И я с юга — с Фрайбурга! — поделился Бруно.

— А в Афганистане что делаете? — спросил Бруно.

— В данный момент собираю интервью для статьи, посвящённой 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

— К юбилею вывода советских войск?! — переспросил Бруно, выдав свой интерес к данной теме,— О'кей! Но советские войска ушли двадцать лет назад и, как это связано с событиями в Умар-хейле? Туда-то вас, каким ветром занесло?!

— Я журналист! Моё место там, где происходят события,— невозмутимо ответил Отто.

Заметив, что Бруно оттаял, Отто рискнул спросить:

— Обер-лейтенант, простите за бестактность, могу ли я вас попросить об одном деле?

— Надеюсь, что это не написать за вас статью?! — пошутил Бруно.— При всём моём желании быть вам полезным, надо помнить, что я военнослужащий группировки ISAF и у меня куча обязанностей, вверенное подразделение и требовательное начальство.

— Просьба проста,— нужно заехать в гостиницу «Спинзар», где я снимаю номер, и забрать мою большую дорожную сумку,— объяснил Отто.— Номер оплачен до конца месяца. И вот ещё что: в верхней прикроватной тумбочке лежит старая, потрёпанная записная книжка. Положите, пожалуйста, её в сумку.

Неожиданно из-за спины Бруно послышался приятный женский голос на безупречном немецком языке, попросивший переложить раненого Отто Гринберга на каталку, чтобы санитар мог его увезти в операционную. Бруно с любопытством повернулся и увидел перед собой высокую красивую восточную девушку лет 25-и. Её большие тёмно-карие очи, длинные ресницы и густые брови на фоне светлокожего лика, а также свитая в кольцо толстая чёрная коса, произвели на Бруно незабываемое впечатление. Она была явно не похожа на немку. Однако её немецкий язык с характерным баварским диалектом, явствовал о длительном периоде, прожитом в Германии. Ладный зелёный медицинский костюм — брюки и куртка, к которой был прикреплён бейджик, подчёркивали тонкую талию и другие достоинства женской фигуры.

— Фрау Ахмадзай, какой сюрприз,— вы прекрасно говорите по-немецки?! — отметил владение языком очарованный Бруно.

— Это мой второй язык,— призналась девушка.

— Странно,— удивился Бруно,— а я был уверен, что первый.

— Я родилась, и до прошлого года жила в Мюнхене.

В этот момент, появился санитар-афганец, прикативший каталку.

— Простите, мне надо идти,— объяснила доктор.

Она негромко скомандовала санитару на языке дари, чтобы он вёз каталку в операционную, а сама, грациозной, полной достоинства походкой пошла рядом.

— Обер-лейтенант! — отвлёк провожавшего взглядом доктора Ахмадзай Бруно, отъезжавший на каталке Отто.— Как моя просьба?!

— Я должен сюда непременно вернуться! — ответил Бруно. Просьба Гринберга оказалась божьим промыслом, позволявшим вновь увидеть пленительную афганку:

— Предупредите администрацию гостиницы телефонным звонком,— добавил он, обращаясь к Отто.

С этого момента доктор Ахмадзай уже не выходила из головы Бруно. Выполнив поручение командования по эвакуации Отто Гринберга, он вернулся на базу. К этому моменту в штабе TF-47 для подведения итогов операции «Джокер» оберст Юнг собрал командиров групп. Обер-лейтенант Бруно Тевс подробно доложил о ликвидации горстки талибов, исчезновении Шамсутдина, а также об освобождении корреспондента журнала «Der Spiegel» Отто Гринберга. После завершения доклада, он остался в кабинете оберста Юнга и поведал о просьбе раненого корреспондента:

— Господин оберст! Этот журналист обратился ко мне с бытовой просьбой, требующей, в случае вашего не возражения, двух часов времени.

— Корреспондент «Der Spiegel» очень даже может нам пригодиться! — допустил оберст Юнг вслух и, о чём-то призадумавшись, не спросив сути просьбы, добавил.— О'кей! Полагаюсь на вашу ответственность обер-лейтенант. Вы свободны!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА И СТАРЫЕ ФОТО

Через день, как и обещал Гринбергу, Бруно заехал в гостиницу «Спинзар». Администратор был уже предупреждён. Бруно поднялся в номер, достал из шкафа большую дорожную сумку, положил её на кровать и подошёл к тумбочке за записной книжкой. Она оказалась старой, в коричневом кожаном переплёте с потрёпанными краями. Из неё выступили края двух пожелтевших фотографий с потёками высохшей крови. Бруно раскрыл записную книжку и увидел на одном из снимков свою молоденькую маму в девичестве — Розу Шмидт, на другом — стоявших в обнимку шестерых советских солдат. С левого края, улыбаясь, глядел его погибший в Афганистане отец — Константин Тевс. Копия этого коллективного фото стояла в рамке на серванте в их домашней гостиной во Фрайбурге. Константин прислал этот снимок в письме домой, ещё в Джамбул в начале 1985 года, в первый месяц своего пребывания в Афганистане. В углу на обратной стороне фото наискосок было написано: «Моей любимой жене Розе и нашему сыну, которого мы назовём Бруно, от папы. Кундуз. Афганистан февраль 1985 года».

Бруно был изумлён. Не помня себя, он помчался в госпиталь к Отто Гринбергу. Когда вбежал в палату, Отто обедал. Бруно забрал из его рук тарелку с супом и, достав из кармана фотографии, произнёс: «Откуда?!»

Отто возмутился:

— Известно ли вам, господин обер-лейтенант, что рыться в чужих вещах неприлично?! — Но, скоро поняв, что исступлённость Бруно связана с фотографиями из записной книжки, очевидно имевшими к нему прямое отношение, чистосердечно ответил: — От моджахедов!

— Собирайтесь! Поедем... и покажете того, кто вам это передал,— самоуправствовал Бруно.

— Во-первых, сейчас это невозможно,— спокойно ответил Отто,— поскольку я не могу ходить. Во-вторых, свои источники я никогда не раскрываю, это профессиональная этика! — объяснил он.

Речь Бруно на высоких тонах напугала лежавших на соседних койках трёх гражданских афганцев и медперсонал. Спустя минуту, в палату вошли дежурная медсестра и врач Ахмадзай.

— Что происходит? — твёрдым голосом спросила Ахмадзай.

Бруно, поняв, что ситуация вышла из-под контроля и её необходимо срочно нормализовать, успокоил:

— Всё в порядке, фрау, мы уточняли служебные вопросы.

— Это не военный госпиталь, где могут проводиться служебные расследования. Прошу вас сейчас же покинуть палату! — потребовала Ахмадзай, указав рукой на выход.

Бруно понял, что обстановка накалена:

— Хорошо, я уйду.

С этими словами он вышел из палаты и направился к выходу.

Отто связал эмоции Бруно с вескими причинами и, оперевшись на костыли, поспешил его остановить. Выступив за пределы палаты, он крикнул вслед Бруно:

— Подождите!

Бруно остановился. Они вместе вышли в госпитальный сад, сели на скамейку и разговорились.

— Это вещи моего погибшего отца,— поведал с горечью Бруно. Глаза его наполнились влагой.

— Ваш отец был советским солдатом и погиб в Хост-Ва-Ференге?! — изумился Отто.

— Да! — ответил Бруно.— Мне тогда исполнилось четыре года. После его гибели мы с мамой переехали в Германию.

Отто всё понял и сердечно сказал:

— Обещаю вам! Как только перейду на трость, мы непременно поедем с вами в кишлак в Хост-Ва-Ференге к тому моджахеду, который передал мне эти фото и записную книжку. Но у меня к вам ещё две просьбы. Первая — нужно заехать к брату погибшего переводчика Султана Мухади, Яхъе, и передать его семье от меня деньги, а заодно и предложить ему поработать в качестве переводчика на время нашей поездки в горы. Вторая — настоятельно прошу в поездку переодеться из военной формы в гражданскую. А ещё лучше в традиционную афганскую одежду. Мой личный опыт после недавней трагедии в Умар-хейле показал, что не стоит вызывать у талибов и простых афганцев злобу.

Они вернулись в палату, Отто объяснил, где можно будет отыскать брата погибшего переводчика Яхъю Мухади и, достав из дорожной сумки запечатанный конверт с деньгами, передал Бруно.

ПОЕЗДКА В ХОСТ-ВА-ФЕРЕНГ

Рана Отто начала заживать, и он уже мог передвигаться, опираясь на трость. Исполняя данное Бруно обещание, в условленный день, едва забрезжил рассвет, они взяли такси и, заехав за переводчиком Яхъёй Мухади, направились на восток из Кундуза в Талукан. Оттуда повернули на юг в горный район уезда Хост-Ва-Ференг. Без труда отыскав в одном из глинобитных жилищ кишлака Исматуллу — невысокого роста, сухощавого с побритой головой, рыжебородого таджика лет 45-ти, Отто представил ему Бруно, как сына одного из шурави, погибших в памятном бою. Исматулла с сочувствием поглядел в очи Бруно и, приложив правую ладонь к сердцу, склонив голову, поприветствовал: «Ассаламу Алейкум». Левый рукав его перухана был завязан тесёмкой, на уровне выше отсутствующего локтя. Переводчик Мухади приготовился переводить.

— Искренне соболезную,— произнёс Исматулла,— много в том бою погибло воинов — и моджахедов, и шурави. Видите! — Исматулла вытянул культю левой руки,— на той войне и мне крепко досталось.

Исматуллу окружила ватага ребятишек возраста от семи до одиннадцати лет. Трое из них — два мальчика и помладше девочка, взяли его в поясе в тесные объятия.

— Ваши?! — поинтересовался Бруно.

— Аль-Хамду ли-Лляхи, это младшие! — поблагодарил молитвой Всевышнего, Исматулла.

Бруно достал из кармана три сотенные купюры евро и передал каждому. Дети взяли деньги, но тут же передали их отцу. «Хорошее воспитание!» — подумал Бруно.

— Ташакур! — поблагодарил растроганный Исматулла, смущённо проговорив,— это было совсем не обязательно.

Затем он пригласил гостей пройти во внутренний дворик. Увидев посторонних мужчин, женщины, все как одна сорвались на свою половину. Хозяин и гости разулись и расселись на пёстром ширдаке. Один из сыновей принёс чайник и, когда чай был разлит по пиалам, Исматулла начал своё повествование:

— Была середина июня 1986 года. Шурави тянули колонны из Кундуза в Файзабад. Наш духовный лидер Бурхануддин Раббани и Гульбеддин Хекматияр пришли к соглашению, что на время операции распри отрядов партий «Исламского общества Афганистана» и «Исламской партии Афганистана» необходимо прекратить и выступить единым фронтом. Общее руководство действиями моджахедов вёл крупный панджшерский командир Ахмад Шах Масуд. К тому времени вдоль трассы Кундуз-Файзабад сосредоточилось большое число отрядов, участвовавших в минной войне и нападении на колонны. Наш отряд ждал приказа командира Кази Кабира спуститься в случае необходимости с гор и усилить их дополнительной живой силой.

Ранним утром 16 июня 1986 года мы услышали звук приближавшихся вертолётов и увидели высаживавшийся десант. Место высадки очевидно было выбрано ошибочно, поскольку шурави оказались на площадке, находившейся под контролем наших огневых точек. Мы открыли прицельный огонь и в короткий отрезок времени сожгли два их вертолёта. Инициатива была в наших руках, бой длился весь день и возобновился ночью. С обеих сторон были погибшие и раненые. Но у шурави их было много. Наши снайперы попадали в их командиров, отдававших в бою приказы, и вывели из строя радиостанцию. Ночью шурави организовали налёт на вершину, с которой днём мы поражали их огнём. Тогда я только заступил в караул часовым. Во тьме я услышал осыпь мелкого камня и увидел крадущегося снизу высокого крепкого парня и тут же выпустил в него автоматную очередь, сразив наповал (Бруно внимательно слушал рассказ моджахеда, стараясь в эпизодах уловить детали, способные раскрыть обстоятельства гибели отца). Весь наш отряд проснулся и взялся за оружие,— продолжал Исматулла,— начав стрелять в низину, где находились шурави. Но они наступали с разных сторон, и мы уже были не в силах их остановить. Один шурави вбежал на вершину и был также сражён мною короткой очередью. Внезапно за нашей спиной возникли несколько шурави, зашедших нам в тыл оттуда, где мы их не ждали. Они стали забрасывать нас гранатами и поражать огнём пулемётов. Разрывом одной из гранат мне срезало руку. Она висела на сухожилиях. Но, несмотря на ранение, мне с горсткой моджахедов посчастливилось бежать.

Утром прилетели вертолёты, а затем самолёты, они стали бомбить все высоты и наши моджахеды покинули район. Спустя два месяца лечения в Пакистане я вернулся в отряд. Это совпало со временем, когда моджахеды восстановили разрушенную базу. На месте, где шурави складывали своих убитых и раненных, под валунами, я и нашёл записную книжку и вложенные в неё две фотографии. Видимо, они выпали из кармана одного из шурави. Записная книжка была залита кровью. Вашему другу, обещавшему написать правду об афганской войне, я рассказал о том бое и передал эти реликвии. Русские были смелыми воинами, не то, что эти трусы из ISAF.

Отто и Бруно переглянулись.

— Мы можем добраться до того места?! — спросил Бруно.

— Да! Это недалеко,— ответил Исматулла.— Если, конечно, вы готовы переночевать в горах.

— Мы готовы! — ответил за всех Бруно.

На ночлег примостились во дворе дома Исматуллы. С утренней зарёй, оставив Отто в Яхчан-Хурде, Исматулла, Бруно и переводчик Яхъя Мухади, нагрузив двух

ишаков кошмой, одеялами, взяв с собой провиант — в кожаных тюках воду, сухофрукты и лепёшки,— двинулись в путь. Они прошли несколько километров по глубокому ущелью в устьях двух стремительно текущих рек и вышли к кишлаку Дехмиран. Он раскинулся у южного склона горы с отметкой 2781, припёртой с обратной стороны пологой седловиной. Наступили сумерки. Экспедиция разместилась на бивак. Исматулла разжёг костёр и, посидев недолго за питьём чая, все улеглись спать. С восходом солнца Исматулла повёл группу в гору. Взойдя на вершину и спустившись в седловину, лежавшую меж двух гор, он остановился:

— Вот сюда высаживались шурави и здесь мы сожгли два их вертолёта.

Бруно увидел проржавевшие фрагменты сожжённых вертолётов, израсходованные пулемётные ленты и россыпи гильз. Исматулла скрупулёзно передавал эпизоды боя, оставшиеся в его памяти. Бруно внимательно слушал перевод Яхъи Мухади и чувствовал учащение пульса у себя висках. Отрешённый подробным рассказом участника боя, Бруно перенёсся мыслями в июнь 1986 года. Он ощутил себя очевидцем противостояния, взиравшим на подлетавшие к площадке вертолёты: вот они зависли перед высадкой десанта и в них прицельно ударили гранатомёты. Из объятых пламенем винтокрылых машин выпрыгивали шурави и сразу вступали в бой. Сквозь треск очередей и грохот разрывов, Бруно слышал приказы командиров и их доклады по радиостанции в центр боевого управления. Он видел, как росло число убитых и раненых, как самоотверженно бил пулемёт его отца, спасая жизни боевым товарищам. Весь этот видеоряд пробегал у Бруно перед глазами...

— Чуть выше этого склона располагались наши огневые точки,— продолжал Исматулла.— С них мы простреливали всё ближайшее пространство.

С этими словами он повернулся лицом к одной из вершин, прикрыв ладонью глаза от ослеплявшего из-за кромки горы солнца:

— А вот здесь, в ночи, передо мной предстал тот крепкий шурави, похожий на вас.

Исматулла притопнул на месте, где стоял советский солдат.

Автоматная очередь, оборвавшая жизнь солдата с горным эхом в ночи отозвалась в сердце Бруно. В груди защемило.

Исматулла закончил. Бруно стоял молча, глубоко вдыхая горный воздух. Затем он собрал большую горсть земли с места, где был застрелен советский солдат, и убрал в рюкзак. Уже смеркалось. Пришло время прощаться. Исматулла с покаянным видом протянул Бруно руку:

— Простите и не держите зла. Годы, минувшие после ухода шурави, раскрыли нам глаза на многое. Прозрение, даже если оно и приходит через десятилетия, имеет смысл...

Исматулла вышел проводить гостей за ворота со всеми своими детьми и передал Бруно пакет гостинцев с хурмой и сушёной курагой. Когда гости тронулись в путь, он ещё долго стоял у дороги, о чём-то думая.

СИТА АХМАДЗАЙ

Возвращение из поездки пришлось на полночь. Такси сначала оставило у дома Яхью Мухади, затем направилось в госпиталь MSF, чтобы завезти Отто. Бруно взялся помочь хромавшему Отто донести гостинцы Исматуллы до палаты. Во избежание нареканий за поздний визит, он бесшумно пробирался по узкому коридору, пока у ординаторской не столкнулся лицом к лицу с дежурившей в ту ночь Ахмадзай. Бруно на мгновение оцепенел, но тотчас собрался и произнёс:

— Фрау Ахмадзай, как я рад вас видеть! С момента нашей предыдущей встречи, корю себя, что не спросил вашего имени. Хочу исправить эту ошибку.

— Моё имя Сита! — представилась она.

— Ваши родители родом из Кундуза? — спросил Бруно.

— Да, из Имам-Сахиба, уезда севернее Кундуза.

— Вы таджичка? — продолжил расспрос Бруно

— Нет, я пуштунка из племени гильзай. Мои корни с юго-востока. Предки наши переехали в Кундуз во времена Эмира Аманулы-хана в 1925 году, тогда была государственная политика пуштунизации северных территорий. Народы севера: таджики, узбеки, хазарейцы перемещались на юг и юго-восток, в места традиционного проживания пуштунских племён, а пуштуны гильзаи и карлани на северо-восток в Катаган,— растолковала Сита.

— А в Германии вы как оказались? — поинтересовался Бруно

— В 1980 году после ввода советских войск мои родители с малолетними старшими братьями перебрались в Мюнхен, где, спустя несколько лет, родилась и я,— поделилась Сита.

Бруно был несказанно рад завязавшемуся разговору. Желая успеть расспросить девушку о многом, он взял её за локоть и увлёк в сторону. Но она мгновенно оттянула свою руку и укорила Бруно:

— В Афганистане так не принято! Это не Германия!

— Простите, Сита!

Она между тем продолжила:

— После школы я окончила медицинский факультет Мюнхенского университета. А в 2008 году после прохождения собеседования была принята на работу в медицинскую гуманитарную организацию «Врачи без границ». Это всё, что я сейчас готова о себе рассказать. А теперь мне нужно идти,— резюмировала Сита, улыбнувшись, направилась в одну из палат.

«Сегодня — лучший день в моей жизни»,— думал Бруно, возвращаясь в расположение части. С этого дня мысли о Сите его не покидали. Их встречи стали регулярными, возбудив глубокие отношения.

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Прошёл месяц. Поиски моулави Шамсутдина и достигшего к тому времени статуса теневого губернатора провинции Кундуз муллы Абдул Рахмана результата не приносили. По агентурным каналам на ЦБУ TF-47 поступили сведения, что в ночь с 18 на 19 октября в кишлаке Гундай уезда Чахар-дара провинции Кундуз под председательством Абдул Рахмана состоится собрание руководящего звена движения Талибан. На нём планировалось обсудить налаживание взаимодействия отрядов при нападении на силы германского контингента ISAF. В кратчайший срок в штабе TF-47 был разработан план операции. Согласно ему группа спецназа обер-лейтенанта Бруно Тевса вылетела на вертолётах в район операции к кишлаку Гундай и, нависнув над строением, где проходила встреча, начала уничтожать талибов огнём из бортовых пулемётов. Подавив активные очаги сопротивления, группа Тевса высадилась и, окружив помещение, приступила к ликвидации предпочитавших не сдаваться в плен. В числе выбравших иной исход оказался и мулла Абдул Рахман. Его и других выживших талибов, посадив на вертолёты, перевезли на базу TF-47.

АВИАУДАР ПО МЕДРЕСЕ В КИШЛАКЕ ДАФТАНИ

Излечение Отто Гринберга шло своим чередом. На предложение своего руководства вернуться в Германию он ответил отказом. Несмотря на ограниченность в передвижении активно работал из госпиталя — назначал во внутреннем саду встречи и накоротке выезжал за пределы. Вот и сейчас в ожидании рандеву с Яхъёй Мухади, Отто заблаговременно вышел в сад подышать свежим осенним воздухом. Солнце уже не так припекало, но было тепло +35°С. «Осень в Кундузе — прекрасное время», — думал Отто. Мысли его прервал телефонный звонок из Гамбурга.

В издательстве интересовались состоянием его здоровья и ходом лечения. Едва Отто завершил разговор, как вдруг послышался громкий звук и над землёй низко пролетели два вертолёта с изображением национального флага Афганистана. Вслед за этим вскоре донёсся грохот тяжёлых разрывов. Хромающим шагом, опираясь на трость, Отто проследовал в середину госпитального коридора, где находился стол дежурной медсёстры, чтобы справиться о случившемся. Никто ещё ничего не знал, но предчувствия были нерадужные. Первым, что пришло в голову Отто, была аналогия трагедии в Умар-хейле. Спустя несколько минут, набатно зазвонили телефоны, и начался переполох.

По госпитальному коридору к выходу побежал медперсонал, который грузился в кареты «Скорой помощи» и, включив зычные сирены, спешно выезжал. Спросить о случившемся, по-прежнему, было не у кого. Оставалось ждать официальных новостей. В скором времени они последовали. Местное телевидение сообщило, что афганская военная авиация при поддержке сил ISAF нанесла авиаудар по кишлаку Дафтани уезда Дашти-е-Арчи, северо-восточнее города Кундуз. Сообщалось также, что в момент авиаудара в медресе Дафтани проводились празднества по случаю итогов конкурса чтецов Корана среди детей от шести до тринадцати лет. В торжественной обстановке им вручали дипломы и подарки. Отто стал думать, как же ему попасть на место трагедии в кишлаке Дафтани и взять интервью у местных жителей — очевидцев и пострадавших от авиаудара. «Рассчитывать на правдивость сведений от глашатаев из ISAF и афганских официальных источников, бессмысленно, — думал Отто, — особенно если учесть, что уезд Дашти-е-Арчи целиком подконтролен талибам. Единственно верным решением, — полагал Бруно, — остаётся войти с ними в контакт». Внезапно он вспомнил одноглазого владельца чайханы Якуб-хана.

«Это должно быть самый верный ход!» — допустил Отто, решив установить связь с талибами, чтобы получить их санкции на журналистское расследование. В этот момент к госпиталю подъехал Яхъя Мухади и они тотчас направились в чайхану.

— Поймите меня правильно, — признавался Якуб-хан, — во многом я осуждаю политику и действия движения талибан и не во всём согласен с самим достопочтенным Шамсутдином, оттого держусь от них подальше. Рекомендовал бы вам также учесть, что при освобождении заложников в кишлаке Халазай, в числе которых были и вы господин Отто, — погибли люди Шамсутдина. А сам он, важно отметить, чудом уцелел. Поэтому вряд ли они будут рады видеть вас живым.

— А вы объясните, что я журналист, — стоял на своём Отто. — Моя работа — это сбор подлинного материала. Я прошу лишь допустить меня к потерпевшим.

— Хорошо. Я буду пытаться, — посулил Якуб-хан. Однако по выражению его лица слабо верилось в эту затею.

Отто же дал себе установку не покидать чайхану, пока не получит контакта с талибами. Пока Якуб-хан договаривался о встрече с кем-то по телефону, Отто прошёл с Яхъёй Мухади вглубь чайханы и, заняв привычный топчан, сделал Залмаю заказ.

И вот к чайхане подошёл седобородый мужчина лет 50-ти в синем перухане и светлой чалме. Якуб-хан подвёл его к топчану, где сидели Отто и Яхъя и, указав ладонью на гостя, негромко промолвил: «Это тот, кто вам нужен». Отто и Яхъя учтиво сошли с топчана и пригласили гостя присесть. Якуб-хан заказал для пришедшего гостя чайник и вернулся на вход. Гость молча разулся и взобрался на топчан, усевшись в угол.

— Я корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг,— представился Отто гостю,— а это мой переводчик Яхъя Мухади. Его брат Султан Мухади был одним из заложников в кишлаке Халазай и погиб при освобождении.

Яхъя перевёл слова Отто. Гость кивнул головой и, положив ладонь к сердцу, высказал Яхъе на дари своё соболезнование, после чего представился:

— Я Халфутдин. Что вы хотите?

— Я прошу допустить меня в кишлак Дафтани, чтобы взять интервью у местных жителей, а если удастся, и у семей погибших,— сказал Отто.

— Хорошо! Мы проведём вас в Дафтани и даже готовы обеспечить вашу безопасность,— допустил Халфутдин,— взамен мы должны получить правдивое освещение этого бесчинства, без искажений.

— Я обещаю вам снять репортаж на фото и видеокамеру и передать его в редакцию вместе с письменным материалом, осложнив этим попытку фальсификации,— посулил Отто.

На этом и условились. Халфутдин безотложно назначил место и время встречи на южной окраине кишлака Дафтани в 6.00. Покидая чайхану, приободрившийся Отто тепло поблагодарил Якуб-хана за организацию встречи и оставил при рукопожатии, в его ладони несколько сотен евро. Засим он сел в вызванное Залмаем такси и направился в госпиталь. Ко времени возвращения Отто в госпиталь, его внутренний двор был заполнен каретами «Скорой помощи» и более чем сотней афганцев. Слышались мужской гомон и женские рыдания. Госпиталь «Врачи без границ» и два других госпиталя Кундуза были заполнены детьми из Дафтани.

Утром, в назначенный час Отто и переводчик на такси подъехали к месту трагедии. Халфутдин был уже там. Он поздоровался и, поглядев Отто в глаза, спросил:

— Вы подтверждаете выполнение наших требований?!

— Я подтверждаю! — убеждённо ответил журналист. Халфутдин повёл их по узким улочкам Дафтани. Остановились возле здания старой мечети. Её фасад был изрешечён тысячью осколков. Каркас возведённого по случаю празднеств шатра покосился. Сорванная взрывом крыша и оставленные после трагедии минувшего дня кучи пар детской обуви особенно резали глаза. Отто достал камеру и начал снимать. Место, где во время торжеств находились дети, было обильно залито кровью. Кругом были разбросаны обрывки одежды и фрагменты человеческих тел. Отто плавно вёл камерой, стараясь ничего не упустить. У мечети собрался кагал мужчин, которые пылко обсуждали случившееся. Халфутдин подвёл к ним Отто и Яхъю, прикрыл своё лицо отрезком чалмы, оставив лишь очи, и произнёс на камеру проникновенную речь:

— Продажные правительственные чиновники заявили, что силы ВВС Афганистана нанесли по кишлаку Дафтани провинции Кундуз точечный авиаудар, уничтожив учебный центр талибан и тридцать его боевиков, в числе которых якобы были прибывший из Кветтской Шуры мулла Берьяни и девять полевых командиров. Было также отмечено, что никто из гражданских лиц при авиаударе не пострадал. Убедитесь, что это не так — перед вашими глазами свидетельство массового убийства детей.

Вослед Халфутдину выступили несколько местных жителей. Отто записал на камеру их истории.

— Когда в небе появились вертолёты, дети испугались и стали кричать: «Они сбросят на нас бомбы! Они сбросят на нас бомбы!», а взрослые их успокаивали: «Этого не произойдёт! Не бойтесь!» Однако это случилось!

— На церемонии присутствовало более двухсот детей 11-ти и 12-ти лет, были и чуть постарше. Благодаря тому, что я стоял чуть поодаль, мне чудом удалось выжить.

— Они не щадят ни нас, ни наших детей! О Аллах, за что нам эти беды?!»

Халфутдин повёл Отто и Яхъю по узким улочкам дальше. Из каждого двора доносились женские стенания и плач. Родители и близкие прощались с погибшими детьми перед их выносом на кладбище. Заходя во дворы Халфутдин поднимал руку, давая понять жителям Дафтани, что кафиры Отто и Яхъя — это его люди. Отто продолжал снимать на камеру всё, что перед ним представало.

— Моему сыну было всего 13 лет! — произнёс сидевший у тела Абдул Халид, кузнец кишлака Дафтани, вытерев растрескавшимися скрюченными пальцами слёзы с глаз.— Он выучил Коран наизусть и был приглашён на церемонию награждения чтецов-хафизов. В тот день он был празднично одет и особенно счастлив.

— Два моих сына выучили Коран наизусть. Наконец настал долгожданный день их награждения дипломами и участия в церемонии повязывания чалмы,— поведала о своём бездолье облачённая в бордовую паранджу мать двух погибших братьев,— они так этого желали. Накануне они принесли домой два цветочных венка, которые я должна была надеть на них по возвращению с торжеств. Я вышла встречать их на улицу, держа в руках приготовленные венки, а их всё не было. Внезапно в небе низко пролетели два вертолёта, и я услышала четыре громких взрыва, а после них крики. Спустя немного времени, возвратился отец, он нёс на своих плечах тела сыновей. Зайдя в дом, он сказал мне: «Наши сыновья выучили книгу Всевышнего наизусть и сразу отправились к нему на встречу».

В заключение, Халфутдин вновь прикрыл лицо отрезком чалмы и выступил на камеру:

— Среди погибших при авиаударе в Дафтани погиб сто один ребёнок, ранено более ста. Тридцать семь детей будут сегодня похоронены в Дафтани. Тела детей из других кишлаков уже забрали их родители для погребения в других местах. Обращаю внимание всех! — он поднял вверх указательный палец.— Среди погибших и раненых при авиаударе в Дафтани не было ни одного боевика движения талибан, а только мирные жители.

На этом свою миссию в Дафтани Отто и Яхъя Мухади выполнили. Они возвращались подавленными и опустошёнными. Вместе с тем, Отто испытывал чувства глубокого удовлетворения, оттого что смог выполнить свою работу. Его одолевали два вопроса: от кого поступили данные о наличии в Дафтани лидеров талибан?! И кто отдал приказ на нанесение авиаудара афганским ВВС?!

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ. ШТАБ TF-47

В кабинете Георга Юнга зазвонил телефон. На обратной линии связи был город Кальв ФРГ бригадный генерал Маркус Нойманн.

— Здравствуйте, господин бригадный генерал,— опередил в приветствии оберст Юнг.

— Здравствуйте, оберст! — поздоровался Нойманн.— Скажите, кто из германских журналистов в данный момент у вас там околачивается? Отто Крюгер из «Der Spiegel», есть?!

— Отто Гринберг! — поправил Юнг, предвкушая проблему.

— Это его мы из плена вызволяли?! — спросил Нойманн.

— Так точно, господин бригадный генерал, его! — подтвердил Юнг.

— Его статья в «Der Spiegel» об авиаударе в Дафтани, наделала много шума. В Бундестаге, ISAF, Пентагоне, Бундесвере — все сильно нервничают,— поведал Нойманн. — Он же был ранен, насколько я помню?

— Так точно, господин бригадный генерал, был! — удостоверил Юнг.

— А что он до сих пор там делает?! — интересовался Нойманн.

— Лечится в госпитале MSF, господин бригадный генерал,— доложил Юнг.

— Так вышлите его к чёртовой матери в Германию,— скомандовал, Нойманн повысив тон.

— Не могу, господин бригадный генерал. Госпиталь MSF — международное гражданское учреждение. А Гринбергу я не начальник. У него своё руководство в Гамбурге. И вообще, предлагаю подумать — стоит ли нам вздорить с «Der Spiegel»,— отговаривал Юнг, аргументируя тем, что журналисты народ скандальный, с ними лучше не связываться. Иначе начнут ходить по пятам, вынюхивая жареное, разрушая годами выстроенную агентурную сеть.

— Ну хорошо,— согласился Нойманн,— тогда немедлено заблокируйте им доступ к местам происшествий и местному населению,— приказал Нойманн.

— Это невозможно, господин бригадный генерал,— объяснял Юнг,— к сожалению, у них свои источники информации и они свободны в передвижении.

— К сожалению! — досадовал гневный Нойманн, но освобождаем-то из плена их мы и, зачастую, жертвуя своими людьми!

— Я подумаю,— пообещал Юнг,— и попробую что-нибудь предпринять, господин бригадный генерал.

— Хорошо, оберст! Держите меня в курсе!

Оберст Юнг положил трубку и тут же позвонил помощнику.

— Срочно вызовите ко мне обер-лейтенанта Тевса.

Через пять минут в кабинет Юнга постучались.

— Господин оберст, обер-лейтенант Тевс по вашему приказу прибыл! —доложил Бруно.

— Обер-лейтенант! — начал, выйдя из-за большого рабочего стола оберст и предложив жестом руки присесть вошедшему на кожаное кресло у журнального столика.— Насколько я знаю, вы поддерживаете контакт с журналистом Отто Гринбергом?

— Так точно, господин оберст, поддерживаю!

— А где он в данный момент находится? — спросил оберст Юнг.

— По-прежнему на излечении в госпитале MSF «Врачи без границ».

— Этот Гринберг своим материалом об авиаударе в Дафтани поднял большой переполох в обществе. Некоторое время назад из Кальва мне позвонило большое начальство, там крайне негодуют в связи с его статьёй в «Der Spiegel». Считаю необходимым Вам сейчас же направиться к этому Гринбергу в госпиталь и во имя его спасения настоять, чтобы он безотлагательно покинул Афганистан.

— Слушаюсь, господин оберст! — принял к исполнению Бруно, не зная, как подступиться к решению этой задачи. Через полчаса он сидел напротив Отто Гринберга в его палате.

— Отто, мы успели с тобой подружиться. Я искренне не желаю портить отношения, но от меня ждут результата,— объяснял Бруно.

В это время в палату, словно луч солнца, заглянула Сита Ахмадзай, вид у неё был усталый и подавленный.

— Сита! — обрадовался Бруно и встал.

— Фрау Ахмадзай! — оживился Отто.— Как кстати! У вас есть отдельная комната, куда бы мы могли втроём ненадолго уединиться?

Странная просьба несколько обескуражила Бруно. Сита призадумалась и скоро вспомнила о комнате старшей медсёстры. Пока она ходила за ключами, Отто попросил Бруно взять его видеокамеру, и они направились сквозь узкий проход госпитального коридора, заполненного множеством коек с ранеными детьми из Дафтани и их близкими. Проходя по коридору, они обратили внимание на молодую афганку с откинутой голубой паранджой, стоявшей у двери в операционную. К ней вышел врач-европеец и, сняв маску, посредством перевода медсестры на дари сообщил, что её сын скончался. Тишину в коридоре разорвал вопль несчастной матери, перешедший в истошное рыдание. Когда Отто и Бруно подошли к комнате старшей медсестры, подтянулась и Сита. Она открыла комнату и включила свет. Заметив, что Сита собирается уйти, Отто попросил:

— Сита, прошу вас, останьтесь ненадолго.— И предложил ей сесть.

Сита предпочла не садиться и, взглянув на свои часы, предупредила:

— Хорошо, только недолго.

Отто взял из рук Бруно видеокамеру, положил на стол и включил её. Отто ничего не комментировал. Бруно глядел на экран, не отводя глаз. Сита стояла, опёршись о стенку и молча вытирала слёзы.

— Бруно! — произнёс Отто.— Коалиция ISAF предпочитает скрыть это бесчеловечное преступление — с ними всё ясно. А что думаешь ты касаемо этого циничного авиаудара? Допустимы ли в XXI веке такие преступления? Чем они отличаются от преступлений фашистов III-го рейха?

Бруно молчал. Кадры с детской обувью и прощание родителей со своими детьми потрясли его. Он уже не знал, что доложить оберсту Юнгу.

— Отто, сколько вы планируете пробыть в Кундузе? — спросил Бруно, интуитивно чувствуя угрозу его жизни.— Вам бы всерьёз задуматься о личной безопасности. Своей журналистской деятельностью вы стали неугодны не только ISAF, но и афганскому правительству. Устранить вас руками специалистов из ISAF или подкупленных талибов — легко выполнимая задача.

— Я должен закончить сбор материала о присутствии советских войск,— объяснил Отто.— Полагаю, это займёт ещё месяц.

Бруно принял это к сведению. В готовности Отто покинуть Афганистан он сильно сомневался. Он подвёл его в палату и пригласил Ситу недолго посидеть в госпитальном саду.

— Вы родились в Советском Союзе? — неожиданно спросила Сита.

— Да, в Казахстане,— ответил Бруно.— В городе Джамбул. Мы немцы. В Россию из Германии мои предки перебрались в 1762 году, а вернулись в 1989-м.

— Это правда, что ваш отец погиб в Афганистане? — сочувствующе поинтересовалась Сита.— мне об этом сообщил господин Гринберг.

— Правда,— подтвердил Бруно.

— И где же это произошло? — спросила Сита.

— Здесь неподалёку, в горах Хост-Ва-Ференга.— уточнил Бруно.

— Мне очень жаль,— соболезновала Сита и, желая сменить тему, продолжила,— Представляю изумлённые лица моих родных, узнающих об ухаживаниях за мной сына шурави.

— Разве это усугубит положение после того, что я военнослужащий ISAF? — с улыбкой привёл Бруно.

— Знаете, отношение афганцев к шурави разное, неоднозначное.— начала объяснять Сита,— Да, война в 1980-е годы его сильно подпортила. Но ведь было и много хорошего. Родители рассказывали, что Советский Союз до войны в Афганистане на свои средства строил фабрики, заводы, комбинаты, крупную гидроэлектростанцию Наглу, основал в Кабуле политехнический институт, проложил тоннель на Саланге.

— Значит у меня всё же есть облегчающие обстоятельства? — с улыбкой полагался Бруно.

Повисла пауза. Бруно взял в свои руки ладони Ситы и пристально посмотрел ей в очи. Она почувствовала неловкость, опустила взгляд и, отнимая руки, обратила внимание на время на часах Бруно.

— О, мне уже пора бежать,— оповестила Сита и, дойдя с Бруно до дверей госпиталя, исчезла в толчее коридора.

Шло время, при каждом удобном случае Бруно приезжал в MSF, чтобы зарядиться душевным теплом Ситы. Их встречи были урывками, но ожидались обоими с нетерпением. За короткий промежуток времени Бруно без остатка овладел сердцем Ситы. Она же, проникшись искренностью его чувств, отправила родным в Мюнхен письмо, с вложенным в него фото. В письме Сита сообщала, что молодой человек на фотоснимке — немец Бруно Тевс офицер Бундесвера из ISAF, испытывает к ней глубокие нежные чувства и просит у них её руки.

ГАРНИЗОН TF-47

В расположение Бруно прибыл уже поздно вечером. Дежурный по подразделению сообщил ему, что утром к оберсту Юнгу приехал навестить его сын Альфред, курсант Мюнхенской военно-медицинской академии. Бруно обрадовался этому обстоятельству, посчитав его основанием отсрочить доклад, касающийся убытия Отто в Германию. Он с душевным облегчением направился в свой кубрик и лёг спать.

Тем временем талибы, как и TF-47, внимательно следили за событиями в стане противника. О приезде в Кундуз младшего Юнга, сразу же стало известно моулави Шамсутдину. Он начал искать удобного случая для похищения. И в скором времени, случай представился. Талибы, ведущие постоянное наблюдение за гарнизоном TF-47 из ближайшей окрестности, зафиксировали выезд из части бронетранспортёра с Альфредом Юнгом и сопровождавшими его двумя спецназовцами, установив за ними слежку. Воспользовавшись остановкой бронетранспортёра на кундузском кругу, площади в центре города, для покупки младшим Юнгом сувениров, талибы с двух сторон совершили огневой налёт небольшой группой. Сначала они застрелили спецназовцев, а затем затолкали младшего Юнга в малоприметный автомобиль и увезли в неизвестном направлении. О местонахождении Альфреда Юнга было неизвестно. Оберст Георг Юнг пал в отчаянье. Всю ночь он провёл в своём кабинете, не сомкнув глаз в ожидании хоть какой-то весточки о сыне. После утреннего развода в кабинет оберста постучал Бруно Тевс:

— Разрешите войти, господин оберст?!

— Проходите, обер-лейтенант!

— Помните скандальную статью об авиаударе по Дафтани в «Der Spiegel», вызвавшую международный общественный резонанс? — сразу перешёл к делу Бруно.

— Помню, как не помнить,— ответил оберст докучавшему, как он полагал, несвоевременным вопросом Бруно.

— Так вот,— продолжил Бруно,— я полагаю, собрать материал её автору, корреспонденту Отто Гринбергу без помощи талибов было бы невозможно. Я более чем уверен в наличии у Гринберга контактов с талибами.

— Резонно мыслите, обер-лейтенант,— приободрился оберст.— Вы хотите скзать, что эта карта в колоде нам может пригодиться?

— Разрешите мне отлучиться в госпиталь MSF и уговорить Гринберга привлечь свои контакты для поиска Вашего сына?

— Разумеется, обер-лейтенант! — согласился Юнг.— Буду вам сердечно благодарен!

Вскоре переодетый в гражданскую одежду Бруно был в госпитале MSF. По подсказке дежурной медсестры он отыскал Отто в госпитальной столовой.

— Вчера в Кундузе талибы расстреляли двух наших спецназовцев и захватили сына оберста Юнга — Альфреда.

— Я слышал об этом,— сочувственно произнёс Отто.— Неприятная история.

— После авиаудара по кишлаку Дафтани ты поехал на место и сделал объёмный репортаж?! — продолжил Бруно.

— Я журналист, это моя работа! — декларировал Отто.— И что?!

— Это невозможно было сделать без содействия талибов, верно?! — допрашивал Бруно.— Они провели тебя в кишлак, обеспечили личную безопасность и предоставили возможность всё снять? Прошу тебя, Отто, подними свои контакты, узнай о месторасположении младшего Юнга и условиях его освобождения.

— Я не возьмусь! — не думая, отклонил просьбу Отто.— Оберст Юнг — виновник гибели более чем ста мирных афганцев, о талибах я даже не говорю.

Бруно откинулся на спинку стула и, повернувшись вполоборота, с отчаянием стал глядеть в окно.

— Между прочим, операция по твоему освобождению в Халазай проводилась под командованием оберста Юнга. В ней он потерял двух своих подчинённых,— резюмировал Бруно.

Повисла пауза.

— Хорошо! — неохотно согласился Отто.— Я попытаюсь. Но сразу предупреждаю: ничего не обещаю!

— Спасибо, Отто! — сердечно обрадовался Бруно.— Я был уверен, что ты не останешься равнодушен. Пока ты будешь собираться, я забегу к Сите и через 15 минут буду ждать тебя у выхода.

— Бруно! — обрадовалась Сита, встретив его в коридоре.— Я получила письмо от родных из Мюнхена. Отец разрешил мне встречаться с «немцем — Бруно» и даже планировать свадьбу.— Сита взяла паузу — Но непреложным условием к этому остаётся соблюдение наших исконных традиций, не допускающих физической близости до вхождения в брачные узы. Ты к этому готов? — спросила она, хитро улыбаясь.

Бесконечно счастливый Бруно чуть было не обнял Ситу прилюдно. Однако вовремя остановился.

— Ну конечно готов! — воскликнул Бруно, вскинув руки вверх.— Как я счастлив Сита, как я счастлив! — вспомнив что-то, он досадой посмотрел на часы.— Сейчас мне нужно бежать. Но расскажешь мне всё подробно, когда вернусь, хорошо?!

С этими словами непомнящий себя от счастья Бруно покинул стены госпиталя. Отто к тому времени уже переоделся, позвонил переводчику Яхъе Мухади и, подтвердив встречу в чайхане Якуб-хана, ждал у дороги подъезда такси. Они сели с Бруно на заднее сидение подъехавшего авто и выдвинулись к «кундузскому кругу».

— Отто! У меня отличные новости! — известил с отрадой Бруно.

— Какие сейчас могут быть хорошие новости? — удивился Отто.

— Родители Ситы готовы отдать мне её в жёны.— сообщил Бруно.— Это немыслимо, Отто!

— Действительно немыслимо! — поразился Отто, разделив радость и заметив по случаю.— Это редкая удача для немецкого офицера из ISAF!

— Я предложу Сите провести торжества бракосочетания в двух городах — во Фрайбурге и Мюнхене.— поделился планами не веривший фортуне Бруно.— Отто, дай мне зарок присутствовать! А ещё пообещай поехать со мной в Россию, чтобы по адресам из записной книжки мы отыскали друзей отца!

— Обещаю Бруно! — посулил улыбнувшийся Отто.

Время в пути пролетело быстро. Такси остановилось на обратной стороне дороги напротив чайханы. Якуб-хан по обыкновению стоял на входе. Увидев выходивших из такси Отто с товарищем, он отрадно махнул рукой. Они пропустили поток сигналивших машин и перешли дорогу. К этой минуте подошёл и Яхъя Мухади.

— Ассаламу Алейкум! — поздоровался Отто.

В ответ Якуб-хан с улыбкой кивнул головой и приложил ладонь к сердцу. После статьи Отто Гринберга в крупнейшем мировом издании с подлинным освещением трагедии в Дафтани, он стал для талибов и Якуб-хана человеком слова. Помнилось Якуб-хану и персональное денежное вознаграждение от Отто за связь с талибами. Он проводил гостей до привычного Отто топчана и, позвав сына Залмая, принял у них заказ.

— Якуб-хан! — обратился к стоявшему подле топчана хозяину чайханы Отто.— Вы вероятно в курсе, что на днях в Кундузе был атакован бронетранспортёр Бундесвера? Двое военных погибло, и был похищен сын командора Юнга из TF-47 — молодой человек 20-ти лет?!

Яхъя Мухади перевёл слова Отто. Якуб-хан сочувственно кивнул головой. Отто продолжил:

— У меня к вам просьба: свяжитесь с людьми Шамсутдина, наверняка им известно, кто это сделал. Мы передадим их условия в TF-47,— Отто кивнул на доселе незнакомого ему Бруно,— я верю, что сторонам удастся найти компромисс.

— Не могу что-либо обещать,— безотрадно произнёс Якуб-хан,— предлагаю встретиться завтра в это же время. Возможно, я смогу что-то прояснить.

Беседу прервал расторопный Залмай, принёсший гостям заказанные блюда: большое блюдо плова, бараний шашлык и горячие лепёшки. Гости отложили обсуждение и под звучавшую из колонок задушевную «Dast az talab nadara» певца Ахмада Захира приступили к трапезе. Завершив, Бруно рассчитался за еду и, договорившись с Отто и Яхъёй Мухади о встрече в чайхане на следующий день в условленное время, зазвал для них ожидавшее через дорогу такси.

— Отто! Вы езжайте,— попрощался Бруно,— а я пойду купить Сите подарок.

Бруно спешно направился в расположенный в 30-ти шагах с большими панорамными окнами и яркими витринами, ювелирный магазин. На входе его встречал хозяин — пожилой индус—сикх в чёрном индийском тюрбане, белоснежной длинной широкой рубахе и узких длинных штанах из дорогой ткани.

— АсСаламу Алейкум! — поздоровался Бруно.

— Guten morgen! — поприветствовал индус.

В магазине других покупателей не было. Бруно подошёл к витрине с множеством украшений. Индус прошёл по внутренней стороне витрин и встал напротив.

— Хотите что-то себе выбрать? — услужливо спросил он.

— Нет, невесте! — ответил Бруно.

— Замечательно! — обрадовался индус. — У нас есть всё, чтобы завоевать сердце прекрасной девушки! Она немка?! Сколько ей лет?!

— Она афганка 25-ти лет! — уточнил Бруно.

— Афганка?! — изумился индус.

— Неважно! Мне нужен подарок. Кольцо!

Индус окинул взглядом изделия под стеклом и, потянув на себя лоток, с пафосом проговорил:

— Золото белое, жёлтое, розовое?! На взыскательный вкус — лучшие в Афганистане драгоценные камни: памирские рубины, панджшерские изумруды,— не хуже колумбийских, замечу я вам! — Индус пристально поглядел на растерянного Бруно.— На какую сумму вы рассчитываете?

Бруно озадачился. Индус окликнул помощника и распорядился подать кофе.

— Вот, афгано-бадахшанский лазурит из Джарма! — не давал индус опомниться. Он достал из-под стекла на подставке серебряный гарнитур из изящных серёг и кольца с овалами синего лазурита и передал Бруно.

— Прекрасное качество камня! — восхвалял индус.— К вашему сведению, афганский лазурит — лучший в мире. При раскопках он найден даже в гробницах фараонов!

Бруно заинтересовался, вообразив украшения на Сите.

— Я куплю это! — посулил он.— Сколько вы готовы уступить в цене?!

— Если Вы купите ещё что-нибудь,— призвал индус,— скидка очевидно будет больше!

— О'кей! — Бруно провёл взглядом по витрине и, указав на изделие под стеклом, попросил.— Вот это жёлтое кольцо с зелёным камнем.

— О! Это прекрасный выбор для будущей супруги — матери ваших детей! — продолжил панегирик индус.— Золотое кольцо с изумрудом! Панджшерские изумруды славятся на мировых биржах и не уступают качеством замбийским и бразильским.

— Какова будет ваша скидка?! — прервал тираду Бруно, изучив ценники на ниточной привязи.

Индус постучал пальцами по калькулятору и выдал:

— 25% — это максимальная!

— Несерьёзно! — отклонил Бруно — 35%!

— 30%! — поступился индус.

— Уговорил! — согласился Бруно.

Индус озарился улыбкой и, взяв у Бруно кредитную карточку «VISA», прокатал её в терминале. Затем он сложил украшения в маленький рекламный пакет с надписью арабской вязью и передал Бруно. Тот сразу достал их обратно и переложил в свой форменный рюкзак. Поблагодарив, Бруно уже приблизился к выходу, как вдруг благодарный индус, пользуясь отсутствием покупателей пожелал дать ему полезный совет:

— Молодой человек! При первой же возможности берите свою невесту и бегите из Афганистана! Счастья здесь вам не видать!

— Отчего это вдруг?! — вернулся Бруно к индусу.

— Меня зовут Икбал Сингх! — представился он, истово приложив руку к сердцу.

— Моё подлинное имя вам знать не желательно! — улыбнувшись откликнулся Бруно.— Зовите меня Константин!

— Мистер Константин! — продолжил Сингх,— Мои предки приехали из Пенджаба в Афганистан более двух столетий назад. Я родился и вырос в Кундузе, где в большинстве своём, на моей памяти, жили пуштуны, затем узбеки, за ними таджики, туркмены, этнические арабы и, в ничтожной степени, мы, пенджабские сикхи! Я окончил в Кундузе школу, затем в Кабуле университет. Афганцы и индусы всегда сосуществовали в Кундузе мирно, как и в Файзабаде, Джелалабаде, Кабуле, Гардезе, Кандагаре.

В афганском обществе была абсолютная толерантность к религиозным традициям хазарейцев—шиитов, памирцев—исмаилитов, индусов—сикхов. Следует отметить, что живущие в Афганистане сикхи издревле занимались высокобюджетной торговлей и были людьми небедными. В их владения входили большие магазины и базары, дети сикхов получали престижное образование за границей в университетах Исламабада, Дели, Лондона, Нью-Йорка и были высокообразованы!

Однако с приходом к власти в Кабуле радикального движения Талибан к индусам и их традициям стала проявляться нетерпимость. Из 150-ти тысячной общины сикхов Афганистана 1970-х годов на текущий момент не наберётся и 4-х тысяч! Афганским детям запрещают играть вместе с нашими, учиться в одной школе и в иных учебных заведениях. Наших детей афганские оскорбляют, обзывают и унижают, равно как и взрослых. Сикхи уважают свою свободу, как и свободу других людей!

В день, когда скончалась моя незабвенная супруга Амрит Сингх, да отведётся ей в раю лучшее место, мы с моими выросшими детьми и представителями сикхской общины провожали её в последний путь с соблюдением религиозных традиций. На пути к существовавшему исстари месту кремации соплеменников нас встретила толпа молодых людей. Со скабрёзными выкриками, на глазах у почтенных горожан, похоронную процессию закидали камнями и гнилыми овощами, потребовав убраться прочь в Индию. Нам не осталось ничего, как стерпеть это унижение, укротив гордыню и пожертвовав достоинством. Ужас в том,— распекался Икбал Сингх,— что ни один из старейшин, видевших это бесчинство, не укротил и не осудил их!

Бруно сочувственно кивнул.

— Спасибо, мистер Сингх, я учту ваши наставления!

Но мыслями Бруно был уже рядом с Ситой. Желая поскорее увидеть её счастливые глаза, он пожелал индусам благополучия и спешно покинул ювелирный магазин. Просочившись сквозь движущийся транспорт, Бруно бойко запрыгнул в стоящее по обратную сторону дороги такси и вскоре прибыл в госпиталь «MSF».

Въехав во внутренний двор MSF, Бруно высадился, обратив внимание на смонтированную в глубине госпитального сада эстрадную сцену, ферму с осветительными приборами, звуковое оборудование и настраивающих музыкальную аппаратуру артистов. Он прошёл по госпитальному коридору и отыскал в ординаторской сидевшую в одиночестве за изучением историй болезни Ситу. Бруно приковал к ней любящий взгляд и, приналёгши спиной к двери, заперся. Сита так же смотрела с любовью, ожидая его дальнейших действий. Бруно подошёл, не отводя глаз, нежно взял за руку и вывел её из-за стола. Повернув спиной и закрыв ладонью Сите глаза достал из рюкзака коробки с украшениями и в открытом виде положил на стол. Когда Бруно убрал ладонь, Сита увидела, повернувшись, серебряный гарнитур с лазуритом и золотое кольцо с изумрудом.

— Сита, прошу тебя, примерь это! — просил Бруно.

Сита с застенчиво вставила стержни серёг в ушные проколы и надела оба кольца на безымянные пальцы рук. С дразнящей улыбкой она дважды сменила профиль, показав в ушах серьги и подняв пальцами вверх внешние стороны ладоней, продемонстрировала кольца.

— Ну как?! — интересовалась она.

— Это мои предсвадебные подарки! — декларировал Бруно, пояснив.— Жёлтое с зелёным камнем — обручальное кольцо!

Бруно подался вперёд, чтобы поцеловать Ситу. Она прикрыла его губы ладонью.

— Ещё рано! — препятствовала Сита.— Отец в ответном письме согласился на долгие уговоры, мои и мамы, выйти за тебя замуж. Но! — сообщила она условия.— При

непременном сохранении целомудрия до вхождения в брак. Девичья честность — это главное богатство незамужней девушки! Придётся потерпеть, Бруно!

— Куда деваться! — сожалел он. — Потерпеть, так потерпеть!

— Бруно! — сменила тему Сита. — Вечером в MSF с благотворительным концертом выступит известный и всеми любимый Шафик Мюрид — афганский певец и музыкант. Приглашаю тебя на концертную программу. Только сесть нужно будет среди докторов — мужчин. Афганские традиции, — напомнила она улыбнувшись, — строги и неизменны! Иначе это вызовет негодование здешних моих родственников и местных жителей.

— Что ж тут поделать?! — согласился Бруно. — К мужчинам так к мужчинам!

Концерт ждал своего начала. На стульях перед сценой сидел докторский состав «MSF», разделённый по гендерному признаку. Бруно сидел в центре первого ряда. Сита — в четвёртом с краю. Синее красивое платье на ней согласовывалось с лазуритом в украшениях. Больные госпиталя расположились в дальних рядах, женщин среди них не было. К заигравшим на сцене музыкантам вышел невысокого роста артист. Зрители встретили его аплодисментами. Мюрид начал проникновенно исполнять народные песни. Вскоре под бой табла (афганский барабан) ансамбль заиграл ритмичную музыку, зазывая на танец перед сценой активных зрителей. Европейские сотрудницы «MSF», знавшие о пуштунском происхождении Ситы стали теснить её к сцене, приневолив к танцу. Сита вошла в ритм, зажигательно затанцевав и воодушевив хлопавших в такт зрителей и артистов. Восторженный её грацией, Бруно хлопал громче всех.

На базу Бруно возвратился поздно вечером. В первую очередь направился к оберсту Юнгу и доложил о прошедшей и предстоящей с представителем талибов встречах.

На следующий день в назначенный час Отто, Бруно и Яхъя Мухади вновь прибыли в чайхану. У входа их встретил приветливый Якуб-хан. Они прошли в зал и забрались на привычный топчан. Они увидели, как к Якуб-хану подошёл эмиссар талибов Халфутдин. Якуб-хан подвёл его к топчану, где сидели гости. Увидев незнакомого европейца, Халфутдин спросил:

— Кто это?!

Якуб-хан вопросительно посмотрел на Отто, и он посредством перевода Мухади, пояснил:

— Офицер Бундесвер, уполномоченный оберста Юнга.

Халфутдин посмотрел на Бруно недобро и потребовал:

— Пусть подождёт, пока мы переговорим.

Мухади перевёл настояние, и Отто внял ему. Дабы построить конструктивный разговор, он попросил Бруно подождать за чаем, пока они с Яхъёй переговорят с Халфутдином. По предложению Якуб-хана они вчетвером устранились в служебное помещение. Бруно остался сидеть на топчане и с любопытством созерцал уличную суматоху. «Когда-то улицы Кундуза, изумляли своей архаичностью и моего отца», — думал Бруно. Появился Залмай с чайником зелёного чая. Бруно дважды перелил его из пиалы обратно в чайник и, наполнив до половины, сделал глоток. Пока он дожидался завершения разговора Отто и Халфутдина, с топчана напротив сошёл типичный смуглый афганец в белой чалме и бежевом перухан. Он подошёл поближе и, став боком, не отводя взгляда от двери в служебное помещение, на хорошем русском проговорил:

— Советую вам уклониться от личного участия в обмене сына Юнга на лидеров талибан. И ещё: о ваших близких отношениях с племянницей Шамсутдина — доктором госпиталя MSF «Врачи без границ» Ситой Ахмадзай известно талибам. Это опасно!

— Кто вы?! — изумился русской речи Бруно.

Незнакомец пропустил вопрос, спешно направился к заменившему отца на входе Залмаю и, сунув ему на ходу купюру, исчез в потоке прохожих. Тем временем в разговоре в служебном помещении Халфутдин сообщал:

— Сын командора Юнга находится у Шамсутдина. Налёт на бронетранспортёр и его похищение стало ответом за гибель детей в кишлаке Дафтани. С молодым человеком обращаются нормально — дают воду и еду.

— Какие у Шамсутдина на него планы?! — спросил Отто.

— Шамсутдин человек великодушный! Не будем исключать вариант обмена,—допустил Халфутдин.

— Кого же он хочет получить взамен?! — поинтересовался Отто.

— Шамсутдин готов обменять сына командора Юнга на муллу Абдул Рахмана, пленённого в кишлаке Гундай и пятерых лидеров талибан из Кундуза, Баглана, Тахара и Бадахшана, арестованных TF-47! — довёл предложение Шамсутдина Халфутдин.— Список имён написан здесь!

Он передал Отто свёрнутый пополам лист бумаги и продолжил:

— Там же указана дата и место, где должен быть проведён обмен.

Отто раскрыл смятый лист и увидел текст на немецком языке. После списка фамилий и имён талибов, были написаны дата, время и место: спустя неделю в 6.00 утра у съезда с трассы «Кундуз—Баглан» на пустыре окраины города Алиабад.

— Безопасность обмена,— продолжил Халфутдин,— по требованию Шамсутдина, должна быть гарантирована вашей жизнью и кого-то из приближённых оберста Юнга. Вы и ещё кто-то от командора Юнга на время обмена будете взяты в заложники. Это продиктовано тем, что обращение об обмене поступило от вас. В заключение мне велено передать, что предпринимать какие-либо шаги по поиску младшего Юнга не нужно! Жизнь его целиком зависит от воли Шамсутдина.

На этом разговор был завершён. Вчетвером они вышли в зал, Якуб-хан пошёл провожать Халфутдина к выходу, а Отто и Яхъя Мухади присоединились к Бруно, и за пересказом состоявшегося разговора стали пить чай.

— Вот такие условия, Бруно! — резюмировал Отто, поведав требования талибов.

— Я считаю неправильным втягивать тебя в это дело! — высказал мнение Бруно.— В заложниках останусь я и офицер из TF-47.

— Условия в данном случае ставят талибы,— напомнил Отто.

Бруно не смог этому возразить. Когда он возвратился в расположение TF-47, то сразу зашёл в кабинет к оберсту Юнгу и обстоятельно пересказал разговор с Халфутдином, передав ему лист бумаги со списком талибов, местом и временем обмена. Вернувшись в свой кубрик Бруно продолжал осмысливать ход предстоящего обмена, но в промежутках беспрестанно возвращался к милой сердцу Сите.

АВИАУДАР ПО ГОСПИТАЛЮ MSF «ВРАЧИ БЕЗ ГРАНИЦ»

Истекал сентябрь. В Кундузе по-летнему грело солнце +36°С, было сухо и безветренно. До назначенной даты обмена Альфреда Юнга на лидеров движения талибан оставалось шесть дней. Утром следующего дня по приказу командующего группировкой «Север» бригадного генерала Ханса Штрука все командиры групп TF-47 вертолётами были переброшены в центральный штаб в Мазари-Шариф на инструктаж по обеспечению мер безопасности во время краткосрочного визита в Афганистан министра обороны ФРГ. Тем временем обстановка в Кундузе резко ухудшилась. Вопреки тому, что провинция не входила в зону ответственности США, её подразделения стали

проводить здесь рейды в поисках членов талибского подполья. Учитывая близость их проведения к жилым и общественным местам, во избежание попадания госпиталя MSF «Врачи без границ» в зону огневого удара, 29 сентября руководство госпиталя представило американцам свои GPS-данные. Однако, не вняв данному оповещению, 2 октября авиация США из объединённых сил западной коалиции ISAF нанесла по нему удары в момент, когда в нём находились 89 врачей и свыше ста пациентов. Первый удар воспламенил главное здание госпиталя, второй пришёлся по корпусу, где находились больничные палаты. Шанс спастись представился немногим, большое число больных сгорели заживо. Находившийся в это время на перевязке, Отто эвакуировался в промежутке между авиаударами в госпитальный бункер, но связаться с кем-либо оттуда не смог. Весть об авиаударе по госпиталю MSF мгновенно разнеслась по округе. Вскоре о событии узнал и находившийся в Мазари-Шариф Бруно. Огорошенный, он беспрестанно начал звонить Сите в Кундуз. Но номер дежурной медсестры и другие телефоны госпиталя не отвечали. Тогда он связался со штаб-квартирой MSF «Врачи без границ» в Женеве.

— Добрый вечер! — ответил женский голос.— Офис международной медицинской организации «Врачи без границ». Чем я могу вам помочь?!

— Здравствуйте! — поздоровался Бруно.— Я не могу дозвониться до своей невесты, вашей сотрудницы, работающей в госпитале Кундузе. Её зовут Сита Ахмадзай. Я хотел бы убедиться, что с ней всё в порядке.

— Побудьте, пожалуйста, на линии,— попросила сотрудница MSF и поставила звонок на ожидание. Спустя три минуты она вернулась к контакту с Бруно.— Спасибо за ожидание! В данный момент имена пострадавших уточняются. Попробуйте позвонить нам через два часа. Надеюсь, что к этому времени обстановка уже прояснится,— предположила она и повесила трубку.

Через два часа Бруно повторил звонок. Трубку сняла та же сотрудница, она сразу узнала голос Бруно.

— Простите, очень много звонков, напомните, пожалуйста, фамилию вашей невесты,— любезно попросила она.

— Ахмадзай! Сита Ахмадзай! — чётко произнёс Бруно.

— Оставайтесь, пожалуйста, на линии,— попросила она и вновь перевела звонок на ожидание. К разговору она вернулась потухшим голосом, проговорив с прискорбием: — Сожалею, но у меня для вас плохие новости. Доктор Сита Ахмадзай указана в списке погибших.

«...Сита Ахмадзай указана в списке погибших...»,— отозвалось эхом в ушах ошарашенного Бруно.

— Оставьте, пожалуйста, свой контактный телефон,— попросила девушка,— мы непременно вам позвоним.

Но этих слов Бруно уже не слышал.

Через некоторое время на связь с Бруно вышел Отто:

— Бруно, ты уже знаешь?! — скорбно спросил он.

— Как это случилось?!

— Когда начался налёт, Сита находилась в главном корпусе на летучке. Бомба разорвалась прямо под их окном. Взрывом выбило все стёкла. Осколки бомбы поразили всех, кто там находился. Никто не выжил! — поведал Отто.— Выражаю тебе своё соболезнование, Бруно!

По скромным официальным оценкам, под бомбами ВВС США погибло сорок два человека, ещё тридцать семь были ранены. На следующий день из Мюнхена в Мазари-Шариф прилетела семья Ахмадзай — родители и старшие братья Ситы. По

прибытию в Кундуз, они без лишних формальностей получили тело Ситы в госпитале MSF. Придать его земле они решили в уезде Имам-Сахиб провинции Кундуз на кладбище у мавзолея «Баба Хатим Зиярат» рядом с предками и сородичами. Руками родственных женщин ночью совершили омовение и тело обернули в саван. Едва рассвело, Бруно и Отто подъехали к распахнутым воротам большого дома в Имам-Сахибе. Там уже было большое скопление народа и беспрерывно подъезжали легковые автомобили, высаживавшие вооружённых мужчин. Выстроясь в очередь, они входили во двор и выражали семье Ахмадзай свои соболезнования. Был среди них и Халфутдин. Он прошёл мимо подошедших Бруно и Отто, сделав вид, будто с ними незнаком. Тут Бруно вспомнил слова смуглого незнакомца в белой чалме и бежевом перухан в чайхане Якуб-хана, сообщившего по-русски, что о его отношениях с племянницей Шамсутдина Ситой Ахмадзай знают талибы, и это опасно.

— Так вот почему здесь так много вооружённых людей,— смекнул Бруно,— Шамсутдин, очевидно, тоже здесь.

Бруно и Отто стояли у ворот дома, обращая на себя суровые взгляды мужчин и проклятья женщин и не решались пройти внутрь двора. В глазах скорбевших афганцев немцы Бруно и Отто тоже были виновны в гибели Ситы Ахмадзай и других афганцев в авиаударах. Обстановка накалялась. За ворота дома проводить группу старейшин вышел отец Ситы — Аюб Ахмадзай. Он был разбит горем. Увидев европейцев, он узнал по присланной Ситой фотографии её жениха Бруно Тевса. Аюб Ахмадзай подошёл к нему и Отто, и по-немецки деликатно попросил:

— Будет лучше, если вы сейчас уйдёте!

Бруно и Отто, понимающе кивнули и покинули Имам-Сахиб. По прошествии получаса Бруно перевёз Отто с личными вещами из разрушенного госпиталя MSF в гостиницу «Спинзар», а сам направился на базу TF-47. На душе у него было скверно. Помимо кручины, которую он испытывал после потери любимой Ситы, его переполняло чувство вины за горе и страдания афганского народа от действий международной военной миссии ISAF, заставляя их переоценить. Но как бы то ни было в ближайшие дни ему и Отто предстояло участие в обмене лидеров талибан на Альфреда Юнга.

ОБМЕН АЛЬФРЕДА ЮНГА

Было раннее утро +24°С. Туманилось. В условленное время к пустырю на окраине уездного центра Алиабад, расположенного южнее Кундуза подъехало такси, из которого вышли Бруно Тевс и Отто Гринберг. К ним тотчас, в соответствии с условиями обмена, установленными Шамсутдином, подошли трое вооружённых талибов. Они связали им за спиной руки и глаза и отвели за ближайшие глинобитные постройки. Вскоре на горизонте появилась колонна из пяти единиц германской бронетехники: четыре броневика с группами спецназа, посредине ехал бронированный грузовик. В его кузове находился мулла Абдул Рахман, с ним пять лидеров движения талибан и охрана TF-47. Колонна чинно съехала с трассы и встала в ожидании. Из головного броневика вышли оберст Георг Юнг и два офицера из TF-47. Спецназ обступил своих командиров. Туман к тому времени уже рассеялся. Оберст Юнг был напряжён.

Спустя короткое время к месту встречи на двух мотоциклах подъехали трое афганцев с радиостанциями. Их задачей была идентификация пленных талибов и доклад об этом командиру. Оберст Юнг жестом руки приказал опустить тент на кузове MUNGO, чтобы мотоциклисты смогли убедиться в наличии пленных. Они обменялись меж собой несколькими фразами и, доложив начальству по радиосвязи,

что всё в порядке, уехали. Через короткий промежуток времени, на пустырь из-за глинобитной постройки, куда были уведены Бруно и Отто, вышел Халфутдин. Опять же, по условиям Шамсутдина, он забрал с собой Абдула Рахмана и пятерых пленных талибов. Они исчезли за постройкой, откуда тотчас показался Альфред Юнг. Он был одет в традиционную афганскую одежду — коричневый перухан и бежевый паколь. Увидев отца, Альфред скорым шагом направился к нему. За ним степенно шли Бруно и Отто. Нежданно, в небе появились ударные вертолёты EC-665 Tiger HAP и начали поражать постройки, за которыми едва скрылись талибы. Из построек открылась ответная стрельба по вертолётам и, одновременно, по Бруно и Отто. Они пригнулись и перешли на бег, стремясь скорее покинуть зону обстрела. Но длинная пулемётная очередь талибов сразила Отто в спину. Его ноги подкосились, и он упал. Когда подбежал Бруно, Отто был ещё жив. Он собрал последние силы и с трудом произнёс:

— Нельзя было верить Юнгу!

Бруно позвал медика спецназа, но было уже поздно. Он склонился у тела Отто и, вскинув к небу голову, исступлённо прокричал:

— Почему?!

Вертолёты улетели на базу. Бруно всё ещё оставался сидеть подле погибшего Отто, пока спецназовцы его группы не погрузили тело в кузов MUNGO и не увели его самого. Когда Бруно вернулся в расположение TF-47, он прямиком направился в кабинет оберста Юнга. Не постучав в дверь, он бесцеремонно проследовал в глубь кабинета и, склонившись вплотную к сидевшему за столом оберсту, повышенным тоном спросил:

— Почему вы навели авиацию?!

— Успокойтесь, обер-лейтенант! Это было не моё решение! — виновато оправдывался Юнг.— Мы на войне, и надо мной есть командиры!

— Отто Гринберг спас вашему сыну жизнь! Почему он поплатился за это своей?! — спросил с напором Бруно.— Цинизм и бесчеловечность ISAF не имеет границ! Вы, господин оберст, персональный виновник многочисленных жертв мирного населения в Умар-хейле, а командование американских сил и армии продажного афганского правительства в гибели врачей и больных госпиталя «Врачи без границ» и детей в кишлаке Дафтани!

С этими словами Бруно громко хлопнул дверью и покинул кабинет оберста Юнга. «Очевидно, это конец моей службы! — полагал он, не жалея о сделанном.

Однако ряд имевших место обстоятельств — ведущая роль Бруно в освобождении Альфреда Юнга, трагическая гибель Ситы, а главное, начало расследования парламентской комиссией Бундестага и министра обороны ФРГ массовой гибели населения в Умар-хейле, воздержали оберста Георга Юнга от рокировки его в Германию.

ПРИЕЗД БРУНО В МОСКВУ

Шло время. Бруно прослужил в Афганистане положенный срок и по возвращению в Германию уволился из армии. Проведя дома во Фрайбурге неделю, Бруно решил полететь на свою родину в казахстанский Джамбул, а оттуда в Москву. Накануне, он позвонил по номерам из отцовской записной книжки — Сидору, Костру и Русту, но ответили лишь по номеру Руста. Жившие в его отцовском доме в Татарстане родственники сообщили, что на родине он бывает регулярными наездами, но живёт постоянно в столице и дали его номер телефона.

МОСКВА 2011 ГОД

Октябрь, пасмурно. В квартире на Кутузовском проспекте раздался телефонный звонок. К аппарату подошла женщина.

— Слушаю вас!

— Здравствуйте! — послышался мужской голос.— Меня зовут Бруно Тевс. Мне нужен Рустам Тукаев.

— Здравствуйте,— поздоровалась женщина,— Рустам живёт в другом месте, это его мама, Райса Ахмадулловна. Что ему передать?

— Передайте, пожалуйста, что звонил сын его друга, погибшего в Афганистане Константина Тевса. Я сейчас в Москве и был бы рад его увидеть.

Райса Ахмадулловна оживилась:

— Конечно, передам! Но я готова дать вам его номер. Если он вдруг не ответит, такое бывает, весь в делах, тогда приезжайте к нам на Кутузовский проспект. А он заберёт вас отсюда.

Райса Ахмадулловна продиктовала номер телефона Руста и адрес. Руст вправду не ответил, и Бруно из аэропорта направился на Кутузовский проспект. Он поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру с добротной металлической дверью. Открыла Райса Ахмадулловна.

— Здравствуйте Бруно! — сердечно поприветствовала она.— Проходите.

Бруно прошёл в светлый зал и, увидев на комоде в рамке знакомую фотографию ненадолго задержал свой взгляд.

— Проходите на кухню,— пригласила Райса Ахмадулловна. Она заварила чай и подала вместе с золотистым чак-чаком. — Вы впервые в Москве?

— Можно сказать и так. Когда мне было четыре года, мы с мамой улетали в Германию и делали пересадку в Москве.

— О! — изумилась Райса Ахмадулловна.— А как же вы сохранили хорошее знание языка?

— Стараниями мамы, читавшей мне в детстве русские сказки,— улыбнулся Бруно.— Я звонил из Джамбула по всем телефонным номерам из отцовской записной книжки,— сменил он тему,— но ни один не ответил, за исключением номера из Татарстана. По нему я попал к вашему родственнику.

— Вы, вероятно, многого не знаете? — допустила Райса Ахмадулловна.— Ванечка Костров погиб в октябре 1993 года у Дома Советов, Серёжа Сидоренко отбывает срок в колонии и, надеемся, на днях уже освободится.

— Знаете,— разоткровенничался Бруно,— я ведь тоже служил в Афганистане в составе сил западной коалиции. Сейчас я уволился с военной службы. Слетал на Родину в Джамбул. Увидел дома, где родились и жили мои родители, сходил на могилу отца, высыпал на неё горсть земли, собранной с места боя, в котором погибли он, Монгол и Стрела.

Глаза Райсы Ахмадулловны наполнились слезами:

— Вы служили в Афганистане?! — удивилась она.— Как же мама вас туда отпустила?

Беседу прервал телефонный звонок. Это был Руст.

— Рустик, ты где?! — спросила Райса Ахмадулловна.— Ты знаешь, кто к нам приехал?! Бруно — сын Кости Тевса!

В трубке послышалось изумление. Руст попросил маму передать трубку гостю.

— Guten Abend! — поздоровался Руст по-немецки.

— Guten Abend! — отзеркалил Бруно.

— Какими судьбами?! — спросил Руст.

— Захотелось увидеть друзей отца,— признался Бруно.

— Это похвально! — одобрил Руст — Сейчас за тобой приедет мой водитель, и мы поужинаем в городе. Передай трубку маме.

— Рустик! Как же так,— огорчилась Райса Ахмадулловна,— я уже тесто раскатала для кыстыбыя. Почему бы дома не поужинать?

— Мама, прости, пожалуйста! Мы посидим в «Чёрной кошке». К нам ещё подъедут люди. Бруно остановится у меня.

Этими словами Руст закончил разговор.

Спустя некоторое время водитель Руста подвёз Бруно к трактиру «Чёрная кошка», находившемуся рядом со станцией метро Таганская. У дверей заведения, стилизованного под 1940-е годы, его вместе с длиннобородым, типажным гардеробщиком встречал Руст. Он крепко обнял Бруно и пригласил войти.

— Визуально трактир поделён на две зоны,— начал свою экскурсию воодушевлённый Руст,— по левому флангу «бандитская малина», по правому «Петровка, 38». «Малина» оформлена по подобию городского жилища Москвы 1930—1940 годов, где собирались разные уголовные элементы. «Петровка 38» как бы состоит из кабинетов Московского уголовного розыска МУРа.

Бруно увидел на стенах «малины» винтажные гобелены, настенные часы с кукушкой, застеклённые стелажи с фомками, свёрлами, заточками, отмычками, а также множество карманных часов-луковиц с рабочими механизмами, живописно оформленные эскизы воровских наколок и словарь уголовных терминов «по фене». Сводчатый потолок вразброс был исписан крылатыми фразами из романа братьев Вайнеров «Эра милосердия», по мотивам которого Станислав Говорухин снял знаменитый художественный фильм «Место встречи изменить нельзя».

В расположенной напротив зоне «Петровка, 38» на стенах были развешаны групповые фото сотрудников МУРа 1920—1940 годов, служебные инструкции, агитационные плакаты, карты города Москвы, кожаные кобуры пистолетов, портупеи, закреплённые наискось немецкий аккордеон и печатные машинки. Её пространство освещали свисавшие низко оригинальные люстры в стиле модерн и равноудалённые, с зелёными плафонами, кабинетные настольные лампы.

— Знаковое место «Петровки, 38» — это кабинет оперативников МУРа Глеба Жеглова и Владимира Шарапова,— продолжал увлечённо рассказывать Руст,— они главные герои фильма «Место встречи изменить нельзя».

Подлинность атмосфере добавляли костюмированные официанты и трио задорных музыкантов с балалайкой-контрабасом, скрипкой и гитарой, исполнявших давние популярные песни и танго: «У Чёрного моря», «Катюша», «Чёрные глаза», «Осень, прозрачное утро», «Мой костёр», «Голубые глаза», «Ночь светла», «Светит месяц», «Окрасился месяц багрянцем» и другие.

Руст подвёл Бруно к накрытому столу, на который уже были поданы холодные закуски: говяжий студень, малосольная сёмга, осетрина горячего копчения, жирная селёдка с синим лучком и отварной картошкой, салат «Столичный», бородинский хлеб, графины морса, кваса и другие напитки, но сесть не предложил. Чувствовалось, что он ждал ещё кого-то.

— Ну, дай мне на тебя поглядеть,— восторгался Руст.— Вылитый отец! Как две капли воды! Мама в порядке?

— Всё хорошо! — ответил Бруно.— После гибели отца она не захотела устраивать жизнь с другим человеком.

Руст понимающе кивнул головой.

— Знаешь, ты очень вовремя, — сменил он тему разговора, — друг твоего отца и мой, конечно же, Сидор на днях должен пополнить наши стройные ряды. Я планирую отправиться ему на встречу. Не желаешь составить мне компанию?

— А куда нужно ехать? — спросил Бруно.

— Недалеко! — ответил Руст. — В Архангельскую область.

— У меня через неделю самолёт, — сообщил Бруно, — успеем обернуться?

— Полагаю, да! —улыбнулся Руст.

Через минуту в трактир вошли двое поджарых мужчин с военной выправкой. Увидев Руста с незнакомым молодым человеком, направились к ним.

— Знакомьтесь, это Бруно Тевс! — громогласно, чтобы было услышано сквозь звучавшую «Смуглянку» прогорланил Руст. — А это наш командир роты в Афганистане Середа Григорий Семёнович и переводчик полка с языка дари Абдулло Кодиров.

Руст пригласил всех за стол. Бруно вдруг показалось, что он где-то уже встречал представленного только что смуглолицего азиата Абдулло Кодирова и попытался вспомнить. В это время между столами трактира юрко проплывала девушка-цветочница с охапкой букетов белых и алых роз. Руст зазвал её и, купив один из них, попросил поместить в вазу с водой.

— А ведь ваш отец спас мне жизнь! — сердечно поведал Абдулло Кодиров задумавшемуся Бруно. — В июне 1985 года в Панджшерском ущелье мы попали в засаду. Я был тогда ранен и остался лежать в зоне обстрела, а Костя Тевс вернулся за мной и под пулями протащил приличное расстояние до укрытия. Там он оказал мне первую медицинскую помощь и долго оборонял.

Голос Абдулло и характерный говор также показались Бруно знакомыми. «Где же я его слышал?» — старательно вспоминал он.

— Я знаю об этом случае, — отвлёкся от мыслей Бруно. — Когда отец погиб, его друзья Сидор, Руст и Костёр написали нам об этом. Мама до сих пор хранит все письма.

— Тевс был хорошим солдатом! — горделиво произнёс Григорий Середа. — Все мы оставили в Афганистане частицу себя, свои души. Война единственное, что у нас есть — плохое и хорошее.

— Это верно! — согласился Руст. — Григорий Семёнович и Абдулло продолжают служить нашей Родине. А полковник Кодиров, — выделил он Абдулло, — бессменно на афганском направлении. Они как были в разведке, так в ней и остались!

Эти слова осенили Бруно. Абдулло напомнил ему того смуглого афганца в белой чалме и бежевом перухане, подходившего к нему в чайхане одноглазого Якуб-хана, и посоветовавшего уклониться от личного участия в обмене пленными.

— Ну, из разведки скажем не только мы, — возвратил Бруно из потока мыслей сосредоточивший на него взгляд Абдулло. — Насколько мне известно, семья Тевсов — это уже династия!

— Я вас вспомнил! — возликовал Бруно. — В чайхане Якуб-хана, это были вы!

— Возможно! — допустил Абдулло с улыбкой. — Так, удаётся TF-47 решать текущие задачи в Афганистане?!

— В целом, да! — признался Бруно, сообщив. — Но я уже не служу в этом подразделении.

В трактире вновь заиграли музыканты, начав исполнять танго «Голубые глаза».

Когда танго близилось к завершению, в зал вошла молодая, высокая красивая девушка и стала взглядом кого-то искать. Она обратила на себя взоры всех присутствовавших в зале мужчин. Её стройная фигура, распущенные длинные русые волосы и большие голубые глаза производили впечатление. Увидев её, Руст встал из-за стола,

достал из вазы цветы и направился навстречу. Он подвёл девушку к столу и, усадив рядом с Бруно, представил гостям:

— Знакомьтесь! Это Маша Кострова — дочь дорогого нам Костра. Она студентка журфака МГУ.

Маша зарделась патетичным представлением Руста.

— А этот крепкий мужчина,— продолжал Руст,— сын дорогого нам Кости Тевса — Бруно.

Бруно тут же встал и учтиво кивнул головой.

— Чувствуется порода, галантен, как отец,— отметил озарившийся улыбкой Середа.

— Бруно живёт в Германии. Два года прослужил в Афганистане. В той же зоне, что и мы когда-то,— поведал Руст с улыбкой и, поглядев на Абдулло, спросил,— я правильно понял?!

Абдулло кивнул головой.

— Ничего не скажешь, хорошо работает российская военная разведка! — отметил Бруно.— Действительно, зоной ответственности Бундесвер являются Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, Саманган и Балх. А подразделение, в котором я непосредственно служил, находится в Кундузе.

— А что вас побудило к службе в армии и уж тем более к отправке в Афганистан? —серьёзно поинтересовался Середа.— Ведь для вашей семьи служба отца за речкой обернулась трагедией.

— Во-первых, мой прадед по отцу, в честь которого отец дал мне имя, был полковником Советской армии,— поведал о героическом предке Бруно.— Он воевал в Испании, на Халхин-Голе, на фронтах Великой Отечественной войны и увенчал свой боевой путь взятием Вены. Он не единожды был ранен, горел в танке. Его награды хранятся у нас дома во Фрайбурге как реликвии. Когда отцу исполнилось 18 лет, он уговорил деда Бруно, снискавшего своими ратными делами почёт у городского военного комиссара, чтобы тот попросил включить его в группу, направлявшуюся после учебки в Афганистан. Выселенных в Казахстан и Сибирь немцев, как известно, в советские военные контингенты за границей не направляли — не доверяли. Прадед Бруно, к счастью не узнал о гибели в Афганистане своего внука. Он скончался за полгода до его гибели. Полученные в боях раны дали о себе знать. Во-вторых, отец в своих письмах из Афганистана с гордостью писал, что служит в войсковой разведке и выполняет ответственные правительственные задачи. Когда я стал взрослеть, не желая бередить маму тяжёлыми воспоминаниями, тайком доставал и перечитывал отцовские письма. В определённый момент я твёрдо решил, что хочу стать военным разведчиком, как мой отец. Когда достиг призывного возраста, то призвался в воздушно-десантную бригаду в Цвайбрюккене. На завершающем этапе службы поступил на офицерские курсы, окончив их, прошёл отбор в специальное разведывательное подразделение KSK. Прослужив какое-то время в Германии, я обратился к командованию с просьбой направить меня служить в Афганистан, в TF-47 — подразделение, о котором упомянул Абдулло. Вот собственно и всё. Но всё это уже в прошлом,— резюмировал Бруно с лёгкой улыбкой и грустью.

— Какие у Вас дальнейшие планы? — заинтересовался Середа.

— Пока ещё не решил,— ответил Бруно.

— А то может... к нам?! — пошутил Абдулло.

— Оставь парня в покое! — пресёк иронию Середа и, встав с наполненным бокалом, провозгласил тост: — За нашу Советскую Родину! СССР это или Россия — для нас равнозначно! За тех, кто служил и служит этому государству!

Когда очередь дошла до третьего тоста, все молча встали, и вновь выступил Середа:

— Дорогие боевые друзья и дети наших погибших товарищей! Чувство вины за то, что мы живы, а ваших отцов с нами нет, всегда будет нас угнетать. Мы свято верили в то, что делали и что жертвы были не напрасны. Такие храбрые воины, как Тевс, Стрельцов, Бадмаев и Костров и есть ангелы-хранители России!

Осушив бокалы, гости сели.

— У меня на удачу есть два билета в «Большой» на «Жизель»,— перевёл тему разговора Руст,— Маша, не откажешь Бруно в намерении сводить тебя в театр? Время как раз выходить, мой водитель доставит вас на место.

Маша смутилась. Бруно решительно встал и взглядом на девушку удостоверил это предложение. Когда молодые уехали, Середа, Абдулло и Руст, посидев немного, разошлись. Утром, как и договорились, Руст и Бруно сели на Ярославском вокзале в СВ поезда «Москва-Архангельск» и двинулись на встречу освобождавшемуся из заключения Сидору.

ПОЕЗД МОСКВА-АРХАНГЕЛЬСК

Столица осталась уже позади, а скорый поезд, набрав ход, двигался строго на север. Проводница подала чай, и под мерный стук колёс Бруно спросил Руста:

— А что стряслось с Сидором, как он попал за решётку?

— Издержки российского бизнеса 1990-х годов! — толковал Руст, начав длинное повествование.— История Сидора началась с того, что по возвращению в Союз мы втроём — он, я и Костёр поехали в Ленинград, чтобы навестить маму погибшего друга Стрелы — Людмилу Васильевну. Это обещание в случае, если вернёмся домой живыми, мы пятеро дали себе ещё в Афганистане. Вослед Стреле, ночью тех суток, погибли твой отец и Монгол. Так нас осталось трое. Домашний адрес Стрелы сохранился в моей памяти лишь отрывочно. Оттого в поездке мы столкнулись с перипетиями. Преодолев их, мы отыскали квартиру Людмилы Васильевны, съездили днём, как и планировали, на могилу Стрелы, а вечером, помянув, вели душевную беседу. Неожиданно, из квартиры этажом выше послышались крики. Мы поднялись наверх и, проникнув вовнутрь, увидели, как три лиходея пытали горячим утюгом мужчину средних лет и молодую даму. Избавление от притеснения послужило нашему с ними знакомству. Мужчина оказался директором двух внешпосылторговских магазинов «Берёзка» Яковом Ильичом Иткиным. Впоследствии, Сидор завязал с Яковом Ильичём деловые отношения и неделями стал пропадать в Ленинграде. По предложенной Иткиным схеме и посредством его обширных связей, они привлекали в оборот крупные заёмные средства.

Обменивая их у теневых держателей внешпосылторговских чеков, они скупали партии импортной бытовой, видео-, аудио- техники и фирменной одежды и сбывали перекупщикам из больших городов, а также в Сибирь и на Кавказ. Существенным фактором в схеме Иткина-Сидора была образцовая отчётность. У покупателей товаров в магазинах «Берёзки» обязательно должны были быть документы, подтверждавшие законность обладания внешпосылторговскими чеками. Удостоверения «Ветерана боевых действий» и «Инвалида войны» были для этого идеальным вариантом. В 1980-е годы такие удостоверения имелись лишь у военных, проходивших службу за пределами СССР — в Афганистане, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, а, значит, ежемесячно получавших чеки. Ветераны-афганцы имели среди них

подавляющее большинство. Причём, удостоверение инвалида имело преимущество над ветеранским внеочередным обслуживанием. Обеспечением необходимым количеством персональных данных из реально существовавших льготных удостоверений занимался непосредственно Сидор. Являясь сам инвалидом войны II-й группы, он наладил контакт с теми, кто стабильно обеспечивал его такими данными из архивов районных военкоматов Москвы и Ленинграда. Получив их, он предлагал каждому ветерану или инвалиду за пользование его льготным удостоверением половину от их с Иткиным заработка. Это было непреложным условием Сидора Иткину. На мой взгляд, честно и достойно. Вознаграждения ветеранам составляли приличные для того времени суммы.

В начале 1988 года Правительство СССР ликвидировало систему торговли «Берёзка» и бизнес партнёров себя исчерпал. Яков Ильич продал имевшуюся у него в Ленинграде жилую недвижимость и перебрался в Москву. В 1991 году великий и могучий СССР распался. Сидор к тому времени был уже выпускником МГУ и целиком интегрировался в деловую среду. Во время политического кризиса в октябре 1993 года, каждый из нас согласно своим политическим убеждениям и моральным обязательствам выбрал свою сторону конфликта. Сидор — Верховный Совет, я — президента Ельцина. Оба мы были подранены. Наш товарищ Костёр в те дни выполнял со своим спецподразделением задачи у Дома Советов и вытащил из пылавшего здания раненого Сидора, чем спас ему жизнь. Спустя два часа Костёр погиб. У него осталась годовалая дочка Маша. Весной 1994 года после многомесячного излечения Сидор возобновил с Яковом Иткиным совместную деятельность, начав строить алмазно-бриллиантовый бизнес.

— Благодаря чутью и коммерческой жилке, Иткин и Сидора открыли первые в стране российско-европейские и российско-американские совместные предприятия и начали импортировать драгоценные камни: бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры. Сидор уже в армии был к ним не равнодушен. А тут глобальный масштаб, гигантские суммы. Надо отдать ему должное, он в сжатые сроки получил профессиональные знания в геммологии, стал квалифицированным специалистом в огранке и подолгу отсутствовал в России, находясь в командировках в Анголе, Намибии, ЮАР, Мадагаскаре, Нью-Йорке, Лондоне, Антверпене, Амстердаме и в других местах. Большие деньги Сидора не испортили, однако со временем его стали окружать особы с весьма специфичным миропониманием. Крайним для него разом, стал случай, когда он переправил солидную партию алмазов с рудника близ Куллинан в ЮАР своим партнёрам в Антверпен, которые занимались огранкой. Взамен компания Сидора-Иткина должна была получить условленное количество огранённых бриллиантов на сумму 100 миллионов долларов.

Известно точно, что в Антверпене сырьё получили. Однако хозяин ограночной компании Шмуэль Брандвайн, переправлявший бриллианты компании Иткина-Сидора в Россию, накануне был застрелен при возвращении с работы на глазах изумлённой публики на площади четырёх бриллиантовых бирж в самом центре Антверпена. В короткий отрезок времени, произошли ещё три злоключения: в международном аэропорту Шереметьево-2 четыре человека в штатском, выдав себя за сотрудников силовых структур, вывели из зала вылета и увезли в неизвестном направлении другого бизнес-партнёра Иткина-Сидора — Наума Нуделя, бывшего советского эмигранта, подданного США. Он привлёк в торговый оборот совместного с Иткиным и Сидором российско-американского предприятия многомиллионные долларовые средства крупных иностранных инвесторов. Спустя три месяца поисков труп Нуделя извлекли из реки Яузы. В дни исчезновения Нуделя, в Москве в квартире в Последнем переулке

было совершено двойное убийство — Якова Ильича и его супруги Киры Вайсман. Сидор за несколько часов до убийства заходил к ним домой. Они обсуждали гибель Брандвайна в Антверпене, похищение Нуделя из Шереметьево-2, судьбу пропавших камней и, пытаясь связать эти события в логическую цепочку, искали всему объяснение. Но для Сидора это были ещё не все злоключения.

Поздно вечером того дня, не ведавший ещё о гибели Иткиных, Сидор возвращался домой из театра с супругой Ниной Полюшкевич, находившейся в положении. Она служила в кабульском госпитале медсестрой во время нашего с Сидором излечения. Когда супруги поднялись на свою лестничную площадку, Сидор начал открывать в квартиру дверь. В это время свыше послышалась дробь шагов спускавшегося по лестнице и сближавшегося с супружеской парой, человека. Нина, заслонявшая Сидора, повернулась на шум и увидела в вытянутой руке мужчины пистолет с глушителем. Их взгляды сошлись и Нина хорошо разглядела его лицо. Преступник в мгновение для удобного выстрела в «объект» решил прежде устранить свидетеля и первый выстрел произвёл в Нину. Сидор резко повернулся и, подхватив падавшую навзничь Нину, медленно опустил её на пол. Теперь, условия для ликвидации Сидора были исчерпывающие. Преступник хладнокровно навёл на его лоб ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. Но пистолет дал осечку. Сидор, не мешкая, рванулся к преступнику, вцепился ему в шею и разжал пальцы, когда тот уже замер. Потом он сразу вернулся к Нине, но она уже не дышала. В одночасье погибли она и их неродившийся ребёнок. Сидора задержали на месяц. За это время оперативники активно искали улики, чтобы доказать его причастность к убийствам в Москве Якова Иткина и Киры Вайсман, в Антверпене Шмуэля Брандвайна и похищении из аэропорта Шереметьево-2 Наума Нуделя, но не нашли. После изъятия в ходе обыска в офисе компании ценных минералов на несколько миллионов долларов, незадекларированных при прохождении российской таможни, Сидора осудили по статье за незаконный оборот драгоценных камней в особо крупном размере, назначив ему наказание на предельно длительный срок.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИДОРА И СЛУЧАЙ НА ПЕРЕЕЗДЕ

Поезд тем временем продолжал своё движение, приближаясь к пункту назначения. За окнами уже показались будки загородных дач и частные домовые строения. Внезапно в дверь СВ, в котором ехали Руст и Бруно, постучались.

— Чай или кофе заказывать будете? — спросила молодая проводница.— А то уже через полчаса наш поезд прибывает на вокзал Архангельска.

Руст поглядел на Бруно. Оба желания к чаепитию не изъявили и поблагодарили проводницу.

— Как ваш с Машей поход в Большой театр? — неожиданно спросил Руст у Бруно.— Я уж стал беспокоиться твоему длительному исчезновению. Звонить тебе не стал. Ты уже взрослый человек. Подумал, в Москве тоже сам во всём разберёшься.

— Замечательно! — ответил Бруно.— После спектакля мы всю ночь гуляли по Москве. Сбылась, наконец, моя детская мечта — я побывал на Красной площади. Зашли в ГУМе в ресторан. За трапезой искренне рассказали друг другу о себе.

После этих слов Бруно сделал паузу и продолжил:

— Как только я увидел в «Чёрной кошке» Машу,— потерял голову. Влюбился с первого взгляда. Вы, верно, сочтёте мой поступок недопустимым, но под утро я сделал Маше предложение и мы поехали к её маме Наталье Константиновне попросить её благословения.

Руст изумился:

— Это же счастье, парень! — воскликнул он.— Как я рад, что это случилось! Вот встретим Сидора и я, как близкий друг твоего отца, берусь за организацию вашей свадьбы...

Руст и Бруно вышли из поезда и, сев в пригнанный водителем Муниром из Москвы чёрный крупногабаритный джип, направились в Котлас. Там находилась колония строго режима, в которой отбывал срок заключения Сидор. Достигнув места в назначенный час, они подъехали на площадку перед огороженной колючей проволокой территорией. На КПП стояли вооружённые автоматами солдаты с собаками. Из-за ворот в спортивном костюме и кожаной куртке вышел налысо стриженый мужчина с баулом. Руст и Бруно направились ему на встречу.

— От звонка до звонка! — бравурно возгласил подошедший к нему улыбавшийся Руст.

— На войне побывал, видно, и тюрьму пройти было на роду написано! — философски заметил Сидор, слегка смутившись присутствию незнакомого молодого человека.

— Фаталист! — усмехнулся Руст и, показывая на Бруно, спросил:

— Никого не напоминает?!

Сидор вгляделся.

— Я сын Константина Тевса! — доложил Бруно.

— А ведь похож на Костяна, а Руст?! — возрадовался Сидор.

— Но это ещё не все хорошие новости! — с отрадой заинтриговал Руст.— В ближайшее время он женится на Маше Костровой!

— Надо же! — изумился Сидор.— Это подлинно благая весть! Жаль только, отцы ваши не дожили до этого дня,— произнёс Сидор.

Повисло короткое молчание.

— Ну, что садимся?! — предложил Руст и, сев в машину, друзья поехали в Архангельск. В пути Сидор рассказывал о том, как он сидел, и чем будет заниматься на воле. Их джип на высокой скорости стал обгонять раскатисто сигналивший свадебный кортеж. Из открытых окон четырёх белых представительских иномарок махала руками веселящаяся молодёжь. Друзья дружно помахали в ответ. Преодолев недолгий путь, их джип подъехал к железнодорожному переезду на окраине небольшого населённого пункта. Шлагбаум на нём к тому времени был опущен. Первым, вплотную к нему, выстроился свадебный кортеж. На крыше стоявшего последним лимузина были закреплены два разные по размеру декоративные золотистые кольца. Внутри на заднем кожаном сиденье расположились счастливые молодожёны: молодой парень в чёрном смокинге с бабочкой и миловидная девушка в пышном свадебном платье с фатой. За ними встал КамАЗ, наполненный мешками пескобетона. Вослед ему джип Руста: с водителем, им самим, Сидором и Бруно. Пользуясь вынужденной остановкой, из автомобилей кортежа гулко высыпала празднично одетые молодые люди. Парни открывали бутылки шампанского, оглушительно выстреливая пробками вверх и обрызгивая пеной повизгивающих девушек с бокалами. За этим занятием они подтанцовывали под звучавшую из машины хорошо запомнившуюся Русту и Сидору с Гератской операции в Афганистане песню «Мы желаем счастья вам».

Друзья переглянулись и молча улыбнулись. У Бруно это вызвало ассоциации со своей предстоящей свадьбой. Но вспомнилась ему и погибшая в Кундузе невеста Сита Ахмадзай. Бруно опустил голову.

— Ничего! — оживился, глядя на веселье Руст.— Скоро и нашей улице будет праздник. Правда, Бруно?!

Бруно, скрывая печаль, улыбнулся. Прошло какое-то время — поезда всё не было. Водители свадебного кортежа, уставшие ждать, призвали всех пассажиров садиться и, один за другим начали ход, объезжая шлагбаум и переезжая через железнодорожный путь. Увидев это, из будки выскочила дежурная в оранжевой униформе. Она кричала и махала жезлом. Как раз в это время вдали показался мчавшийся на большой скорости пассажирский поезд. В это время вторая машина кортежа в хвосте у первой едва преодолела переезд. Все четверо в джипе Руста, следившие за происходившим, одновременно выскочили из машины. Предвидя неминуемую драму, водитель произнёс:

— Сумасшедшие! Убьются же!

Стремительно приближавшийся к переезду поезд начал издавать пронзительные гудки. В это время вслед за второй машиной кортежа двигалась третья. За ней, объезжая шлагбаум ехал лимузин с молодожёнами. Но едва он заехал на деревянный настил для рельсового пути, как заглох и стал недвижим. Послышался скрежет металла тормозившего поезда. Увидев это, Сидор рванулся к впереди стоявшему КамАЗу, резко открыл дверь кабины, сбросил наземь сидевшего там водителя и, заняв его место, дал по газам, тараня с железнодорожного пути машину с молодожёнами. Скользивший по тормозному пути поезд ударил КамАЗ в бок кузова и перевернул его. Когда состав остановился, по другую сторону железнодорожного полотна Руст, Бруно и Мунир увидели на обочине лимузин с кольцами со сплющенным багажником и сбросивший свой груз КамАЗ со смятой кабиной. Бруно и Мунир извлекли оттуда посечённого битым стеклом Сидора и повезли в травмпункт районной больницы. Туда же вскоре прибыли и сотрудники полиции для выяснения обстоятельств ЧП. Врач к тому времени уже осмотрел раны Сидора и, не найдя серьёзных травм, после перевязки отпустил. Соблюдя все формальности и подписав протокол допроса, к ожидавшим в приёмном покое друзьям вышел прихрамывавший Сидор:

— Придётся тебе одолжить мне денег из своих авуаров,— обратился он к Русту,— чтобы я возместил ущерб камазисту.

— Решим как-то! — улыбнулся Руст.

Друзья сели в чёрный внедорожник и продолжили путь в Архангельск, а оттуда в поезде в Москву...

Василий КИЛЯКОВ

ДВОЕ НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ

Конечно же, не двое. Кроме них, на земле ещё миллионы и миллионы людей. Но в умирающей родной деревне их осталось только двое — весь остальной народ уехал, перебравшись в более удобные для жизни места, или лёг под тополя — так в деревне издавна называли место захоронения односельчан. И оставшимся двоим никто не может помочь дожить последние — месяцы, годы? — жизни, потому что они наглухо отделены от мира бездорожьем и равнодушием к их судьбе.

Вот им и кажется: на всей огромной матушке-земле их осталось двое...

Невесёлые эти мысли овладевают душой и сознанием после чтения повести Василия Килякова «Последние». В книгу «Посылка из Америки» (издательство ИПО «У Никитских ворот», 2018 год) включены и другие повести и рассказы автора, и каждый из них достоин отдельного разговора. Но я не профессиональный критик, обязанный детально исследовать по определённым канонам каждое из произведений и давать ему соответствующую оценку. Я — читатель, и в некотором роде собрат (сестра?) по перу, которому именно «Последние» ударили по сердцу больнее всего. До сих пор это удавалось, кажется, только Белову, Распутину, Астафьеву, Абрамому...

Повесть «Последние» потребовала от меня напряжения души. Сюжет её прост: молодой мужчина, бывший военный, а ныне — охранник в частной фирме (как всё это знакомо — правда?) приезжает в деревню, где проходили летние месяцы его детства. Столичная жизнь, теперешний способ добывания средств для содержания семьи до того осточертели герою, что он решается на эту поездку в надежде, что полученные впечатления помогут ему понять: что же происходит с его страной и им самим, отчего болит душа и не подарит ли ему малая родина лекарство от этой боли?

А малой родины, считай, уже и нет... «Две старухи и старик — всё, что осталось от жителей Выселок. Святочные метели замели подворья, задичавшие сады, заброшенные избы. На пустой заснеженной улице криво, как пьяные, стоят опоры электропередачи...»

Вот с этими-то двумя старухами и стариком суждено было герою прожить несколько дней в умирающей деревне. Акулина, Лизавета, Кузьма Лукич... Распорядок жизни был такой: утром Сашка (так звали героя) заходил за Кузьмой, вместе они шли к бабке Лизе, потом — к хворой Акулине, где и завтракали вскладчину. Старики

рассказывали Сашке свою жизнь, а он слушал и думал. И сравнивал реалии столичной жизни с тем, что узнавал от стариков и видел своими глазами. Там — город-гигант, забитый иномарками, казино, ресторанами. Здесь — «...вышел на улицу — ни единого следа, ни звука, ни признака жизни»... Там — дебаты о «свободе, о создании демократического пространства и неприкосновенности частной собственности» (московские нувориши почему-то решили, что собственность, которую они у народа украли — заводы, фабрики,— недра — стала неприкосновенной), здесь бабка Акулина лежит в холодной избе на печи в валенках и телогрейке. Здесь те, кто, по сути, похищенную у них собственность создавал, живут в нищете и уже без надежды на регулярно обещаемое народу светлое будущее. «Председатель так и сказал, как помрём мы, обе старухи и я — „святая троица“, бульдозером снесёт, с землёй сравняет деревню»,— говорит Кузьма Лукич.

Ночи Сашка коротал в родной избе. Ему снились странные сны. Самый странный — когда явилась во сне сама Богородица. Ей-то он и выплёскивал свои муки-сомнения. От неё и услышал: «Боль твоя душевная заслуженна. Не ты ли и друзья твои и не сам ли народ позволил, чтобы богатства перетекли в карманы чёрной кости и „позлащённой“ её сделали? В смерти Сына моего виноват не только Иуда. Иуда только орудие»... В другой раз приснился ему родной дед Терентий; уточнив, кем работает внук, тоже спросил, как ответил: «А от кого ты охраняешь? Имущество-то? От воров или, может быть, от народа?»...

От народа — значит, от мёрзнущей на давно нетопленой печи Акулины, от бабки Лизы, на которую тоже горестно глядеть: «Маленькая росточком, с опущенными узкими плечами, со сморщенным, как мочёное яблоко, лицом... ничем не походила она на бывшую трактористку, разве только мужскими руками, не в меру длинными, грубыми, с узловатыми синими венами»...

Вам стало скучно, уважаемый читатель? В самом деле: куда интереснее — и, главное, легче читать любовный роман, детектив или фэнтези. А эти заброшенные в заброшенной деревне старики — что в них интересного?... Но должен же среди сонма писателей, словесными и смысловыми трюками отвлекающих нас от проблем реальной, а не смоделированной жизни, найтись такой, кто сочувствует им, заброшенным, всей душой, болеет их болью, стремится понять и хоть как-то, хоть чем-то помочь. Вот и наш герой (читай: автор повести) собирается поутру с Лукичём в райцентр — за хлебом. Поход этот — дело нешуточное: дороги в райцентр давно нет, идти придётся по целинным сугробам. Однако хлеб у стариков кончился, другие припасы тоже пора пополнить.

Это путешествие за хлебом — само по себе повесть в повести. И дело не столько в подробностях преодоления нелёгкого пути, сколько в том, что в дороге Сашка открыл новые грани характера Лукича и нашёл ответы на некоторые, задаваемые себе, вопросы. О том, что его попутчик «в колхозе дня не работал, на войне не был... все в городе ошивался, в депе» — он знал и раньше — Кузьма, как и другие мужики, частенько заходил к его родному деду, и Сашка, тогда мальчишка, не раз был внимательным свидетелем их долгих разговоров, от которых бабка в конце концов свирепела: «Мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи?.. Ай дела округ дома нету?..»

А мужики — опять о войне, о плене, о том, как после войны колхоз поднимали. Так что жизнь их в общих чертах Сашке была знакома. Но вот какова она сегодня, сейчас...

Кузьма ещё перед дорогой сразил его своей одежкой-обуткой. «Полушубок — подрезанный зипун, заплата на заплате. На ногах — огромные лапти, серые онучи из суконного одеяла. Меня разбирал смех...» Однако скоро оказалось, что надевалось

всё это неспроста: в лаптях и онучах легче было преодолевать сугробы — снег в такую обувку не набивался. А одёжка... Когда путники, с великим трудом преодолевшие дорогу, пришли к автолавке, сразу поняли, что ни хлеба, ни других покупок им можно не дождаться: покупателей было больше, чем товара. Что делать? Возвращаться в деревню, к Лизавете с Акулиной, с пустыми руками? И тут Кузьма (заплатанный зипун тоже оказался кстати) устроил спектакль — притворился больным падучей. И народ — «Ишь, трясёт его всего, пустите...»

Отоварившись, «воскресший» Кузьма ещё и частушку пропел:

Раньше ел я каждый день,
А теперь — с получки,
Этот, с пятнышком на лбу,
Нас довёл до ручки!

Вот как, оказывается, сегодня, сейчас — ответил себе на свой же вопрос Сашка. А если бы по-другому — вертаться им в деревню без хлеба...

И среди множества других мыслей в Сашкиной (и читательской) голове появляется такая: да, не герой Кузьма, восхищаться им не след, но не потому ли, не для того ли он и уцелел в этой жизни, чтобы поддержать стариков-односельчан в самый тяжёлый период их жизни, когда они — изношенные и измочаленные тяготами жизни — никому уже не нужны: ни государству, ни местной власти, ни родственникам, устроившимся в городах?

Ну, интересны ли такие типажи — простые да неказистые — работникам слова, с упоением ваяющим любовные драмы? А вот Василий Киляков такими героями не погнушался. Более того, решил, что их жизнь достойна самого пристального внимания и подробного описания, потому что многому может нас научить. Чему? Состраданию, например. Не потеряли ли мы в суете нынешнего существования (или всё-таки жизни?!) это драгоценнейшее, поистине христианское свойство души? А если сострадание ещё и действенно...

Да и не так уж они просты, его простые герои. В ходе повествования оказывается, что на ладан дышащая Акулина всю жизнь любила Кузьму — любила, да мать за него не отдала. Так и проходили всю жизнь друг мимо дружки. Смешно?.. А может — печально? Печально до слез...

Зато какой подарок сделал Лукич для несостоявшейся невесты!

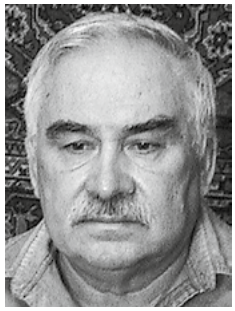
Когда наши путешественники вернулись в деревню, Лизавета сразила их вестью: Акулина отходит. И старушка к утру действительно отошла. Кинулись Сашка с Лукичом искать доски на домовину, но во всей деревне ничего подходящего не нашли. И тогда Кузьма отдал усопшей... собственный гроб. Для себя делал, трезво полагая, что когда придёт его час — заказать гроб будет некому.

В нем Акулину и похоронили.

Сашка засобирался домой...

И остались они в родной деревне двое — Лизавета да Кузьма. В опустевшей деревне — словно на всей земле...

Наталья МОЛОВЦЕВА



Александр ОЛЬШАНСКИЙ

ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА...

О романе Александра Ольшанского «Инопланетяне»

На исходе двадцатого века
В лабиринте космических трасс —
Чем пополнили мы картотеку
Барабанных, штампованных фраз?
Декларации, лозунги, речи...
Смена вех и дорог без конца...
Чем приблизили лик человечий
К лучезарному лику Отца?

Кирилл Померанцев

Прочитал роман А. А. Ольшанского «Инопланетяне» (Аргамак № 31, 32). Получил огромное удовольствие. Редкий и удивительный роман. Прежде, чем обратиться непосредственно к роману, позволю себе маленькую преамбулу. По мере чтения передо мной вырисовывался в лице автора образ мыслителя, философа, представителя высокообразованной передовой русской интеллигенции, которую всегда волновали вопросы сущности мироздания и человека (Соловьёв, Бердяев, Флоренский, Вернадский, Ильин и другие). Как говорил Е. Евтушенко: «Интеллигентность — это комплексное осмысление мира». Вот это «комплексное осмысление мира» и демонстрирует нам автор на протяжении всего романа. На первый взгляд перед нами рядовое художественное произведение из жанра фантастики с незамысловатым сюжетом. Но по мере чтения, с учётом подтекста начинаешь понимать истинную цель-назначение романа и весь спектр важнейших вопросов, которые он поднимает. Они оказываются настолько актуальными, что по своей сути «переводят» данное произведение в жанр публицистики. Подтекст романа — это истинное полотно произведения. В основу романа заложены глобальные фундаментальные проблемы человеческого Бытия, человеческого отношения к Природе, общества, нравственности и духовности. Глобальные проблемы всегда выражают собой наиболее острые противоречия в жизни общества. Это своеобразная цена, которую человечество платит за свой прогресс. Но не велика ли цена? Весь роман — это

приглашение к дискуссии, к обсуждению этих вопросов. Ведь главным предназначением науки и культуры является — не только понять, каков человеческий мир в своих основаниях, но и каким он может и должен быть?! А ведь сложившаяся ситуация на Земле вызывает большую тревогу за судьбу человеческой цивилизации. Читая роман, подсознательно, каким-то «шестым чувством» я ощущаю боль писателя, крик его души от бессилия, от невозможности оказать влияние на существующую реальность. Реквиемное звучание, реквиемная тревожная струна, как фон, пронизывают весь роман. Это реквием по нам с вами, по живым, и цель его благородная — спасти живых, ещё не исчезнувших с лика Земли.

Не каждый день сталкиваешься с такими художественными произведениями, которые, по своей сути, поднимали бы столько вопросов, жизненно важных для будущего человеческой цивилизации. Хорошо, что у нас есть ещё писатели с такой сферой научных интересов и с таким философским мышлением. Ситуация, описываемая в романе, это не только наше ближайшее будущее, это уже настоящее. Фактически ставится вопрос: «Быть или не быть» земной человеческой цивилизации в условиях, сложившихся геополитической и экологической ситуаций на Земле? И второй вопрос: «Кто виноват и что делать?». На вопрос: «Кто виноват?» можно ответить следующими строками:

Как унизительно убоги
Все наши склоки и дела,
И смехотворны эти тоги
Вершителей добра и зла.

Но перед царственным закатом
Смиренно голову склоним:
Нет правых. Все мы виноваты,
Все миром мазаны одним.

Кирилл Померанцев

А вот вопрос «Что делать?» остаётся пока открытым. Современная ситуация на планете в целом отражает низкий (почти нулевой) уровень стратегического мышления человечества. Речь идёт не о космической угрозе (астероиды, солнечная активность, вспышки сверхновых и т.п.), а о возможном уничтожении цивилизации самим же человеком. И исправить её, если уже не поздно, можно не локальными мерами, а принципиальной перестройкой всех систем мира — политической, экономической и социальной. При этом выделяются в качестве основополагающих и фундаментальных две проблемы.

Первая, это проблема двух культур — естественно-научной и гуманитарной. С одной стороны, за последние 100 лет наблюдаются триумфальные успехи всех естественных и точных наук, мощный научно-технический прогресс от космонавтики и физики элементарных частиц до генетики... С другой стороны, мы имеем регресс и катастрофический спад гуманитарной культуры — первая и вторая мировые войны, постоянные локальные войны и конфликты, политический и религиозный терроризм и фанатизм, национализм и фашизм, оголтелая милитаризация, обширный спектр экологических проблем, демографическая ситуация, техногенные катастрофы, климатические парадоксы и аномалии, спектр неизлечимых пока болезней, пандемии... Причины этих «ножниц», этого несоответствия двух культур не так просты, как кажется на первый взгляд. Научно-технический прогресс уже не остановить. Это

связано с сознанием человека, его интеллектом, с гносеологией, с особенностями работы мозга человека, с идеологией...

Трагедия ещё состоит в том, что практически все достижения науки и техники в первую очередь используются в военных целях причём не только на Земле, но и в космосе. В некоторых странах до 10% ВВП используется в военных целях. Достаточно сказать, что 70% всех средств, уходящих на научные разработки, идёт на военные исследования (М. Хак). А стоимость производства оружия равняется одному миллиону долларов в минуту. Разработано и создано огромное количество ядерного, термоядерного, вакуумного, нейтронного, химического, бактериологического и других видов оружия. Есть сведения о существовании тектонического, климатического, психологического, виртуального оружия, связанных с высокими технологиями. Запасов оружия вполне достаточно, чтобы уничтожить человеческую цивилизацию и сделать планету необитаемой. Это можно сделать сознательно, манипулируя такими понятиями, как демократия, национальный суверенитет, менталитет, патриотизм, вероисповедание... И это может произойти «случайно». Случайностей в Природе нет. Случайность — это высшая форма закономерности, которую мы пока не можем осознать. Даже любой человеческий фактор не является случайным. Планета на сегодня — это пороховая бочка. И никого не беспокоит тот факт, что победителей не будет. Люди не осознают до конца, что находятся в одном космическом корабле и его состояние во многом зависит от них. Как добиться, чтобы уровень естественно-научной и гуманитарной культур соответствовали друг другу? Ведь все современные виды вооружения созданы благодаря точным наукам и высокому уровню естественно-научной культуры.

Другая проблема, в общем-то связанная с проблемой двух культур, это отсутствие научно обоснованной концепции развития нашего социума, т.е. земной цивилизации. Без научной теории, без понимания первопричин, целей и задач нашего сообщества, нам не избежать конфликтов и катастроф. Об этом свидетельствует вся история человечества.

Главной целью этой теории следует признать сохранение земной цивилизации. Для этого необходима консолидация человечества и, прежде всего, консолидация международного научного сообщества, как передовой части человечества. Моральные проблемы науки достигли невиданной остроты. Учёный ответственен перед собственной совестью и перед всем миром.

На моей памяти было несколько обращений к мировому сообществу, в которых рассматривалась угроза исчезновения земной цивилизации:

— Это манифест Рассела-Эйнштейна — антивоенное воззвание, написанное группой лауреатов Нобелевской премии. Он был оглашён лордом Бертраном Расселом в 1955г в Лондоне.

— Это Пагуошское движение учёных за мир и разоружение, которое явилось следствием манифеста Рассела-Эйнштейна.

— Это обращение российских учёных, подготовленное международным движением учёных «Голос разума» в 2003 г.

— Это конференция ООН в Рио-де-Жанейро в 1992г, на которой была принята программа действий человечества «Повестка дня на XXI век» и была выдвинута концепция устойчивого развития цивилизации. Произошло осознание непреходящей ценности Биосферы и сохранения любой формы жизни вообще, как условия поддержания биологического разнообразия; осознание роли человечества как планетарного фактора, от разумности действий которого зависит само существование жизни на планете; осознание гармонизации взаимоотношений человека с Природой

и коэволюционное развитие Социосферы с Биосферой и Космосферой. Непонятно только, как гармонизировать в целом экологические, технологические и социальные программы?

— Это обращения международной организации «Римский Клуб» (РК), объединяющей представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Целью этой организации, созданной в 1968 г, является изучение перспектив развития Биосферы и пропаганда идеи гармонизации отношений Человека и Природы. Это своего рода «Мозговой Трест», занимающийся анализом и прогнозированием мировых процессов. РК организует крупномасштабные исследования по широкому кругу вопросов: глобальные проблемы человечества, перспективы развития человечества, поиск путей гуманизации человека, сохранение окружающей среды, прогнозирование социально-экономического развития отдельных стран и отраслей промышленности, глобальное моделирование динамики развития социума, математические модели развития цивилизации и т.д. Результаты исследований свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие человечества на физически ограниченной планете Земля приведёт к экологической катастрофе. Была предложена концепция «Органического Роста», согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию, подобно клетки живого организма. Т.е. интеграция и оптимизация деятельности человечества на основе взаимной выгоды при полном отсутствии военных действий и гонки вооружений. Эта концепция и сейчас остаётся одной из основных. Но это требует перестройки политической, экономической и социальной систем мира. Основные идеи, которые пропагандирует РК, сводятся к следующему:

1) Мир должен прекратить рост экономики и народонаселения. Речь идёт о резком снижении масштабов экономической деятельности и радикальном сокращении численности населения на планете (фактически это обоснование глобального геноцида).

2) Государственный суверенитет — помеха решению глобальных проблем человечества. В частности, загрязнение атмосферы не знает национальных границ. Поэтому необходимое международное сотрудничество эффективно лишь в случае ограничения национального суверенитета.

3) Для спасения человечества необходимо мировое правительство. Со временем глобализация должна каким-то образом «реорганизовать» национальные государства, чтобы часть их функций перешла к мировому правительству.

Естественно всё это вызывает массу вопросов и опасений. Поэтому отношение к деятельности РК неоднозначное. Сама цель РК — изучение перспектив развития Биосферы и гармонизация отношений Человека и Природы, конечно, является основополагающей. Но беда в том, что та мировая политическая и финансово-олигархическая элита, которая фактически определяет развитие нашего социума, и которая, естественно, будет претендовать на роль мирового правительства, не является лучшей частью человечества. История показывает, что её большая часть руководствуется корыстными интересами.

«Всего же с 1946 г великие державы, по подсчётам ЮНЕСКО, более 6000 раз садились за стол переговоров по проблемам разоружения, но до сих пор не запрещено полностью ни одно из средств ведения войны (Е. Евтушенко)».

Главное, чтобы принципы и организация человеческой цивилизации не противоречили организации и функционированию Биосферы. Человек должен органично вписываться в Биосферу, так как он является её неотъемлемой частью. Мы — малая, но эффективная часть Биосферы, потому что обладаем сознанием, интеллектом, разумом и идеологией. Часть, войдя в противоречие с целым, не имеет шансов на успех.

Любые идеи политиков и учёных не должны конфликтовать с биологическим «каркасом». Биосфера Земли — это огромный механизм, который предполагает целостность единой живой системы. Существует хорошо известный чёткий механизм её функционирования, который обеспечивает выполнение геологических и экологических функций. Законы Природы и Социума не должны противоречить друг другу.

В действительности бурное развитие промышленного производства, огромный рост потребления энергии, техносфера, добыча и обработка природных ресурсов не только вытесняют и замещают Биосферу, но и нарушают её средорегулирующую функцию. На современном этапе «...человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой...» (В. И. Вернадский). Природа фактически загоняется в резервацию. Это приводит к глобальному изменению климата, к чудовищному состоянию экологии. Земля приближается к глобальной экологической катастрофе. Причём многие считают, что её предотвратить уже невозможно по причине необратимости изменений. На сайте ВМО (всемирная метеорологическая организация) опубликован доклад о глобальных климатических изменениях, в котором учёные ВМО предупредили, что изменения климата приобрели катастрофический характер. Причина — глобальное потепление. Мощные выбросы парниковых газов сохраняются в атмосфере, так как уничтожены их поглотители. Время жизни CO_2 в атмосфере для некоторых выбросов примерно 100 и даже 1000 лет. Так что, закачав в атмосферу углекислый газ, мы разогнали процесс глобального потепления на столетия. Глобальное потепление вызывает таяние полярных льдов, что запускает целый ряд процессов, меняющих климат. Мир на пороге климатоколлапса.

К глобальным экологическим проблемам, каждая из которых может уничтожить человечество, можно отнести — глобальное потепление, разрушение озонового слоя, загрязнение мирового океана, загрязнение воздуха, недостаток питьевой воды, уничтожение лесного массива, опустынивание, сокращение биоразнообразия и нарушение пищевых цепочек, истощение природных ресурсов, перенаселение и др.

Кроме климатических изменений к экологическим проблемам также можно отнести — загрязнение почвы токсическими веществами, эрозия почвы, гибель коралловых рифов, гибель фитопланктона, переработка ТБО, переработка отходов АЭС и атомных подводных лодок, продовольственная безопасность, пандемии... Такой мощный удар, нанесённый биосфере, привёл к тому, что она стала утрачивать свои компенсационные свойства, а мировой океан перестал быть регулятором природных процессов. «Победитель» — человек оказался жертвой своей же «силы» — научно-технического прогресса. От решения всех этих проблем зависит будущее человеческой цивилизации на Земле. По оценкам и данным ООН ситуация на планете ужасающая. Информация, конечно, не секретная, но чаще всего о ней умалчивают. Это не в интересах политиков. Достаточно привести хотя бы некоторые данные. Популяции рыб, птиц, млекопитающих, земноводных и пресмыкающихся сократились с 1970 г. на 60% (из доклада всемирного фонда дикой природы WWF). За последние 50 лет 30% всех известных ресурсов планеты израсходованы. Только 3% мировых запасов воды являются пресными. Вырублено 17% тропических лесов Амазонки, а истребление лесного покрова в результате хозяйственной деятельности человека и пожаров не поддаётся точному учёту. По реальной ситуации на Земле у человечества возможны два сценария — либо быстрое прямое уничтожение себя в результате военных действий, либо медленная агония в результате его неразумного преступного поведения. Каждый человек в мире сейчас подвержен влиянию примерно 63000 разных химических субстанций (проф. Кох). Физики предсказали самоликвидацию человечества с вероятностью 90%.

Поскольку «борьба между окружающей средой и близорукой погоней за прибылью выдвинута в политический ранг, то острота конфликтов между государствами будет возрастать» (Е. Одум), что мы и наблюдаем воочию. Для исправления ситуации необходим жёсткий экологический контроль с полномочиями блокировки экономических, производственных, финансовых проектов, потенциально опасных для системы Человек — Планета, и, конечно, полная остановка всех военных действий.

Пока поведение человечества в целом, гонка вооружений, милитаризация, постоянное бряцание оружием на фоне ложных парадов суверенитетов, демократии и патриотизма, спад гуманитарной культуры, кризис духовности и переоценка ценностей заставляют задуматься над вопросом — а является ли действительно Homo Sapiens вершиной биологической эволюции материи во Вселенной? Политики, религиозные деятели, сильные мира сего стараются не вспоминать крылатое выражение из Библии, из книги пророка Исайи — «... наступит время, когда народы перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы: не поднимет народ на народ меча...». Отказаться от войн, от гонки вооружений, от милитаризации, от прибыли не в их интересах. Зло (смерть, ненависть, нетерпимость, насилие...) сознательно облачается в соблазнительные одежды (свобода, демократия, суверенитет, менталитет, патриотизм...). Так что вопрос — «Что делать?» будет оставаться открытым ещё долгое время.

Последствия всего этого спектра глобальных проблем и обсуждаются в замечательном романе А. А. Ольшанского «Инопланетяне». Автор доносит до нас в художественной форме свою главную мысль — Природа и Вселенная могут вычеркнуть земную цивилизацию из своего реестра. Этот роман бьёт в набат, в колокола. И на вопрос «По ком звонят колокола?», напрашивается ответ, что они звонят о возможном трагическом будущем земной цивилизации. Это роман-предупреждение, это черновой набросок реквиема по нашей цивилизации. И если она погибнет, то это будет не случайность, а закономерность. Природа и Вселенная целесообразны и рациональны, у них нет случайностей. В этом мне видится благородная цель романа «Инопланетяне» и задача, поставленная в нём автором. «XXI век должен быть веком гуманитарной культуры, веком социальных наук, либо его не будет» (К. Леви-Стросс, Д. С. Лихачёв).

Преодолеть «кризис», в котором находятся наша планета и человечество, герой романа, богочеловек, предлагает путём редактирования генома человека. В жанре фантастики создать нового человека таким образом возможно. Действительно, существует точка зрения, что человек — это не завершающий триумф биологической эволюции, а лишь её закономерный этап. А постбиологическая стадия эволюции сводится к симбиозу человеческой и машинной цивилизаций. Может быть, это и возможно?! По крайней мере его тенденции явно проявляются в современной науке — поиск экзопланет, редактирование генома, модификация генетического кода, цифровые технологии, искусственный интеллект, синтетические нейроны, электронные нервные байпасы, бионический глаз и т.п.

Но возникают два важных принципиальных вопроса. Будет ли это человек? И возможно ли, чтобы мозг создал систему, превосходящую его по степени сложности? Тем более, что мы плохо представляем принципы работы мозга, сущность самого сознания и связь материальной субстанции мозга с духовностью и нравственностью. Имеет ли право Человек, как несовершенное создание, брать на себя функции Бога? Достаточно оценить, к чему его деяния привели планету... Это по плечу только Природе!

Вообще некоторые тенденции в современной генетике, вмешательства в биологическую сущность человека просто пугают. Мы, малая часть Природы, есть звено единой эволюционной цепи, которой миллиарды лет. Природа «управляет»

реальностью с учётом всего пространственно-временного контекста. Она, в рамках эволюционно-синергетической парадигмы и механизма точек бифуркаций, старается исключить ошибки или сделать их маловероятными. Мы же руководствуемся конкретными практическими задачами на данный момент без учёта контекста. Полученный сиюминутный успех может обернуться огромными негативными последствиями. Этому можно привести массу примеров. Конечно, реализованный проект «геном человека» и знание последовательности человеческой ДНК принесли ощутимую пользу. Но они же показали, что геном любого отдельно взятого организма уникален. Поэтому последовательности нуклеотидов в человеческом геноме должны включать в себя и многочисленные вариации каждого гена. Мы отличаемся не только точечными мутациями и заменами, но и целыми большими кусками генома. Каждый из нас — индивидуальность, которая проявляется во всех наших творениях, в восприятии и отображении окружающей действительности. В этом наша ценность и в этом заслуга Природы. У неё свои механизмы управления и эволюции — наследственность, изменчивость, естественный отбор, мутации. Они осуществляют на молекулярном уровне эволюцию с учётом всего контекста. Вмешательства в биологическую сущность человека, чипирование, редактирование генома, даже исходя из благородных побуждений, могут привести к тому, что мы лишимся этой индивидуальности, к *«коллективизации»* человеческих душ. Это может привести к стандартизации мышления, что равно отсутствию творческого мышления.

Человечество должно осознать, что оно вместе с планетой Земля и её Биосферой, составляют единое и неразрывное целое. У нас одна Родина — наша голубая планета. У нас одна национальность — земляне. Земля обеспечивает метаболизм всех клеток нашего организма и всего организма в целом. Он определяется гравитационным взаимодействием; наличием радиационных поясов, ионосферы, озонового слоя; диапазоном электромагнитного излучения; уровнем радиационного фона, альбедо Земли, пропусканием земной атмосферы и её термической стабильностью, оптимальным содержанием кислорода, достаточным наличием воды и углерода и т.д. Недаром существуют резонанс и волны Шумана. Это электромагнитные волны низких частот между поверхностью Земли и ионосферой, которые образуют сферический резонатор. Это естественные электромагнитные частоты нашей планеты. Резонансные частоты Шумана совпадают с частотами мозга, с биоритмами, что указывает на первичную связь живых существ с Землёй. Только тогда, когда человечество поймёт свою неразрывную связь с Землёй, Homo Sapiens станет Человеком в рамках Вселенной. А пока мы обращаемся с Землёй настолько безнравственно и преступно, что невольно вспоминаются строки М. Цветаевой: «Мой милый, что тебе я сделала...»

Вот таким мне представляется контекст замечательного актуального романа А. А. Ольшанского «Инопланетяне». Конечно, в рамках современной классической науки с некоторыми взглядами и рассуждениями автора вряд ли можно согласиться. Но в рамках художественного произведения это не обсуждается. Главное, роман актуален, интересен, информационнен, побуждает к дискуссиям и написан по принципу — просто о сложном.

Владимир МИЛОВАНОВ

Александр БАБАЕВ

ТРЕТИЙ ВОПРОС

Минувший двадцатый век волновал российскую общественность вечными вопросами «Что делать?» и «Кто виноват?» которые были заданы Николаем Чернышевским и Александром Герценом. В советское время русским правдоискателем, писателем, актёром и режиссёром Василием Шукшиным был задан и третий вопрос: «Что с нами происходит?» Мне он сегодня представляется наиболее актуальным, ибо весь мир, в том числе, матушка-Россия, находится в предчувствии недобрых перемен. «Великая криминальная революция», произошедшая на нашей Родине в конце восьмидесятых и начале девяностых годов минувшего столетия, развал огромной державы под названием Советский Союз, произошедший в Беловежской пуще по подлому сговору бывших руководителей России, Украины и Белоруссии, а также при попустительстве прочих «государственных мужей», не привели ни к чему хорошему. Нынешняя стабильность российского государства и общества тоже находится под вопросом, даже несмотря на такую победу, как возвращение Крыма, а, скорее, вопреки ему.

А произошло то, что, отказавшись от мечты о социализме-коммунизме, якобы навязанной большевиками, мы перешли к пресловутому рынку без какой либо внятной идеологии, и вожаками этого перехода опять-таки оказались «не те люди». Возможность построения государства социальной справедливости уже не в первый раз оказалась за бортом русского корабля.

Действительно, что происходит с Россией и с каждым из нас, её граждан? Или это не наше дело, господа и товарищи? Пусть думают верхи, им виднее?

Автор предлагаемой книги не согласен с «позицией страуса», спрятавшего от страха голову в песок. Обладая богатейшим жизненным опытом, он предлагает подумать всем вместе и каждому в отдельности. Главная беда нынешнего состояния российского общества для него очевидна. Это расслоение между богатыми и бедными, способное перерасти в бунт, по Пушкину «бессмысленный и беспощадный». Нам следует отказаться от навязанных западных ориентиров, нам необходимо вернуться к отечественным порогам, прежде всего, нравственным и — параллельно — экономическим. Нам следует вспомнить о благодатном предназначении России, как спасительницы мира на Земле под сенью Православия

и мирного сосуществования с верой других народов, живущих рядом с нами. Нам следует отказаться от поклонения Золотому Тельцу во имя построения общества здравого смысла...

Александр Николаевич Бабаев — член Союза российских писателей с 2000 года, автор более десяти художественных книг разных жанров (философские размышления в стихах и прозе, басни, максимы, афоризмы). Его произведения пользуются неизменной популярностью и быстро находят своих читателей. Первостроители КамАЗа, города, Нижнекамской ГЭС и сельскохозяйственной зоны помнят и чтят его как легендарного вожака молодёжи ПО «Камгэсэнергострой» в семидесятые годы. Позднее Бабаев находился на партийной, административной и хозяйственной работе, занимая руководящие посты. В настоящее время — ветеран труда, Почётный гражданин города Набережные Челны, активно занимающийся творческой и общественной деятельностью, являясь председателем попечительского совета Русской Православной Церкви в нашем городе и продолжая издавать книги.

Николай МАРИШИН

БЕЛЫЙ ГОРОД

АЛЕКСАНДР СТУЛИКОВ

ОЗЕРО ВЛЮБЛЁННЫХ

«Нужно торопиться»,— сказал я сам себе. Дом бабушки находился возле мечети, докуда ещё идти и идти. «Что на этот раз? — я задавался вопросами,— Опять перепутала таблетки или вовсе не принимала их?» Я пытался бежать, но ноги не слушались — это был уже семнадцатый или восемнадцатый вызов за сегодня. Вот так всегда: то ни одного, то все разом. Словно сговорились!

Тем временем уже свечерело. Я двигался вдоль Камы и мысленно приближал расстояние, всматриваясь в зелёные огоньки на минарете. Они мерцали и перекликались друг с другом. Вскоре показались знакомые резные ворота и деревянный дом с покосившейся трубой на крыше. Я был на месте.

— Эби! Открывайте! — я подошёл к двери.

— Заходи, сынок. Там открыто,— до меня донесся голос.

— Что случилось? Что беспокоит?

Выждав паузу, Эби произнесла:

— Слава богу, всё хорошо. Лекарства пью, всё записываю,— она указала на полку, свисавшую над кроватью и переполненную пузырьками и бумажными упаковками.— Садись кушать, я пироги приготовила.

— Какие пироги?! Вы же сказали, что заболели! — недоумевал я.

— Сказала. Аллах простит, знаю ведь, что ты целый день ходишь, не обедал даже, а у меня не болезнь, это старость. Её не вылечить.

— Не разговаривайте, Эби, сейчас давление измерим.

— Не стоит. Дочка уже померила. Всё в норме. Они с мужем часа два назад приехали из Казани. Буду рада, если погостят недельку-другую. И за мной будут приглядывать. А ты садись, садись, кушай.

Было у меня предчувствие, что Эби хитрит. В доме стояла тишина. Явно, что никого, кроме нас.

— А где Ваша дочь? И зять Ваш?

— Ой. Да не ладится у них что-то. Отправила их на Озеро влюбленных.

— А где это такое озеро у нас в Челнах?

— Да в Боровецком лесу, за загсом. Лесное озеро или Бобровое... Сейчас его так молодёжь называет. А изначально оно Озером влюбленных было. Старожилы подтвердят.

— Впервые слышу. А что там ночью-то делать? Сейчас на улице темень такая, хоть глаз выколи. Заблудиться можно.

— Ты садись, садись, кушай. А я тебе расскажу.

— Так и быть, но в следующий раз, Эби, я ведь на работе все-таки,— я попытался сказать это как можно строже, но в то же время понимал, что отказываться нельзя. Уйду — она расстроится, давление подскочит.

Уже через минуту я уплетал пироги за обе щеки, окончательно забыв о профессиональной этике.

— Не торопись, не спеши. Никто не гонится за тобой! На сегодня работу закончил уже,— приговаривала Эби.

— Вкусно, Эби! — успел вымолвить я, вкушая очередной кусок пирога.

— Не торопись, не торопись. А я тебе про то озеро расскажу. В то время я училась в школе, в старших классах. Ох, молодая была!

Ни названия, ни самого озера ещё в помине не было. Был карьер. Землю и песок оттуда брали. Тогда ведь великая стройка шла, завод, город строили. Люди со всего Союза съезжались, работали вместе, веселились, влюблялись, затем женились, рожали детей. В общем, жизнь кипела. Так вот. Были у нас свои Ромео и Джульетта. Про них весь город жужжал, все, кому только не лень. Всё как у Шекспира: молодые, красивые, любовь большая и родительский запрет с двух сторон. Встречались они тайно. А в один день взяли да исчезли! Искали их всем городом. Вдруг весть приходит: кто-то из рабочих доложил, что видел их в лесу, якобы, они стояли на краю карьера, взявшись за руки, затем поцеловались и спрыгнули вниз.

Услышав это, мы всем двором побежали на то место. Каким было наше удивление, когда мы обнаружили ещё вчера сухой карьер заполненным до краёв водой! Он превратился в целое море. И нашлись смельчаки, которые ныряли и осматривали дно. Мы же с девчонками обошли вокруг, но никого так и не нашли. Ни живых, ни мёртвых! Как сквозь землю провалились наши Ромео и Джульетта! А водоём после этого случая стали называть Озером влюбленных. Позже рождались разные легенды,

Озеро влюблённых в парке «Прибрежный». Город Набережные Челны. Фото Н. Туганова

связанные с этим местом. Кто-то утверждал, что своими глазами видел, как неприкаянные души молодых летают ночью вокруг озера. Говорили, что неспроста появилось оно, мол, это слеза Земли. Она о нас плачет. Покаяться мы должны, рассуждали местные.

Шли годы, много потрясений за это время пережил наш город. Об истории с Озером влюбленных почти позабыли. Мало кто помнит.

— А Вы, Эби, верите, что это они там летают?

— Души-то? Выдумки это людские. А молодые просто сбежали от своих горе—родителей. Скорее всего, в Казань. Или в другой город подались. Женились там как хотели и сейчас уже внуков, небось, няньчат. Что касается озера — правда — не простое оно. Сила особая в нём есть. Не напрасно его тогда Озером влюблённых прозвали — как в воду глядели. Если два влюбленных сердечка проведут ночь на берегу этого озера, встретят там рассвет, то любить они будут друг друга очень сильно и никогда не расстанутся. Я своим пустого дела не посоветовала бы. А ты тоже сходи на озеро. Чай, повезёт, в отражении свою будущую невесту увидишь, холостой ведь!

— Спасибо, Эби. Я прям заслушался Ваших историй. Схожу, как время будет. Спасибо за еду. Накормили до отвала. Давайте ещё раз давление измерим на ночь. Так, всё хорошо, Эби. Таблетки не забывайте принимать. Я пойду.

— Беги, беги, сынок. Я закрою.

Я ещё долгое время работал на этом участке. Он менялся с каждым днём: деревянные дома исчезали, на месте их, буквально за ночь вырастали кирпичные коттеджи и многоквартирные высотки. Дом с резными воротами и покосившейся трубой постигла та же участь. А незадолго до этого был вызов. Когда я вошел, Эби уже не дышала, а на столе стояла тарелка с пирогами, ещё горячими. Спустя несколько лет, прогуливаясь по парку «Прибрежный», я невольно свернул к озеру, про которое рассказывала Эби, Меня как магнитом потянуло в ту сторону. Я долго и пристально смотрел на воду, а когда уже собирался уходить, на поверхности воды, честное слово, увидел свою суженную! И мне это не померещилось! Через неделю я встретил ее наяву, а ещё через месяц мы поженились.

Наши авторы

стр. 29 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтёром связи, электриком, диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэсэнергострой». Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. До призыва в армию работал литсотрудником районной газеты «Знамя коммунизма», а после службы рядовым (1964–1967) был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», потом, после возвращения на родину редактором набережночелнинской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор тринадцати книг стихотворений и поэм. Лауреат нескольких литературных премий. Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. 196 ВОЛКОВ Олег Инсарович родился в рабочем посёлке Апастово ТАССР в 1964 году. В 1994 году закончил режиссёрский факультет ВГИКа. По его повести «Берег крутой, берег пологий» в 2008 году на Мосфильме снят полнометражный художественный фильм «Егорино горе» (режиссёр М. Махонько, автор сценария О. Волков). Финалист Национальной премии «Писатель года – 2015», победитель международного конкурса короткого рассказа (Белоруссия, Гомель, 2019 г.). Член Российского союза писателей. Награждён медалями «Александр Пушкин 220 лет» и «Анна Ахматова».

стр. 51 ГАНЕЕВА Илиса Гайсиевна родилась в 1953 году в Башкирии. После окончания факультета журналистики Казанского государственного университета, с 1978 года живёт в Набережных Челнах. Журналистике посвятила более 35 лет, работая в различных изданиях. Не прерывалась м её связь с литературой. В 2000 году И.Г. Ганеева стала победителем международного конкурса женских проектов, издала книгу «Последнее столетие в женских сульбах», посвящённую жизни и деятельности представительниц прекрасного пола Татарстана. Она же является автором книги о литейном заводе КАМАЗа, книги очерков «Потомки победителя». В 2020 году увидели свет её «Сказки» и сборник «Дневник юности моей», куда вошли образцы её миниатюр. (Фото Ганеевой – на рабочем столе Алешкова под № Р1010098).

стр. 186 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в подмосковном городе Подольске в 1961 году. Выпускник Литературного института имени А.М. Горького 1986 года. Прозаик, журналист. Главный редактор издательства «Информация» и литературно-художественного издания «Подольский альманах», руководитель литобъединения «Имение». Член Московской городской организации Союза писателей России, автор девяти книг прозы и семи книг для детей, постоянный автор нашего журнала, участник всероссиийского литературного фестиваля «Осенины» в Казани, Елабуге и Набережных Челнах. Рассказы и повести Сергея Грачёва публиковались в журналах «Дон», «Москва»,, «Аргун», «Аргамак. Татарстан», «Уральский следопыт», «Вестник российской литературы», «Московский писатель», «Детская роман-газета», «Слово», «Человек и закон» и других. Дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга года» (2011–2013), лауреат конкурса альманаха «Московский Парнас». Имеет ряд государственных, ведомственных и общественных наград.

стр. 98 ГУСЕВ Владимир Владимирович родился в 1968 году в городе Балашове Саратовской области. С 1986 по 1988 годы проходил службу в войсках Дальневосточного пограничного округа. В 1991 году окончил Саратовский экономический институт. В 1996 году защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Работал старшим преподавателем и доцентом на кафедре экономики и управления на предприятии Саратовского государственного социально-экономического университета. Автор статей и работ в научных журналах. Увлекается историческими изысканиями. Литературным творчеством начал заниматься несколько лет назад. Первые публикации его произведений по истории Волжской Булгарии и Казанского ханства опубликованы в нашем журнале «Аргамак Татарстан».

стр. 90 ДАНИЛЬЕВА Галина Алексеевна. Старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой в Москве (с 1994 года). Почётный работник культуры г. Москвы. Член Союза писателей г. Москвы. Печатается с 1989 года (пять книг стихов, более 100 публикаций). Стихи переведены на семь языков, публиковались в Германии, США, Австралии, Израиле, Украине, Болгарии, включены в ряд отечественных и зарубежных антологий. Двукратный победитель конкурса «Лучший музейный работник – экскурсовод города Москвы» (2002, 2006). Дипломант литературного конкурса «Живое о Живом», посвящённого 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой (2002). Лауреат первой степени в номинации «Поэзия» Международного музыкально-поэтического форума «Фермата» – Международного конкурса поэзии и художественного слова имени Ю.П. Кузнецова (2017). Лауреат XX Литературной премии имени М.И. Цветаевой в номинации «Популяризация творчества» (2020 год).

стр. 199 ДАУДИ Ильяс Дильшатович родился в 1967 году в городе Азнакаево ТАССР. Общественный деятель, публицист, член Союза писателей России. В 1985–1986 годах выполнял интернациональный долг в Демократической республике Афганистан. Проходил службу в разведывательной роте 149-го гвардейского мотострелкового полка. Награждён двумя орденами Красной Звезды. В августе 1986 года во время общевойсковой операции «Западня» на афгано-иранской границе был тяжело ранен, лишился ноги. За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Афганистане, 27 декабря 2009 года был удостоен звания Героя Российской Федерации. В 2012 году окончил факультет национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

стр. 41 ДУЛЕСОВ Юрий Алексеевич родился в 1964 году в городе Дрезна Московской области. С 1975 года живёт в городе Набережные Челны, куда переехал вместе с родителями. После окончания школы и ПТУ работал электриком-осветителем в кинофотолаборатории КамАЗа. В 90-е годы был редактором нескольких рекламных газет, журналистом, затем, освоив журнальную и книжную вёрстку, техническим редактором различных изданий. В настоящее время ко всему этому добавилась профессия веб-дизайнера и прочие навыки и умения, связанные с интернетом и компьютером. Участник легендарного в советские годы литобъединения «Орфей». Стихи публиковались в коллективных сборниках «Лебеди над Челнами», «Под небом высоким», в изданиях Хабаровска, Минска и других городов.

стр. 57 ИШКИНА-ЯКОВЛЕВА Лилия Шаукатовна родилась 22 октября 1954 году в Магаданской области. В 1978 году окончила архитектурный факультет Казанского инженерно-строительного института. В городе Великий Новгород 11 лет занималась реставрацией памятников архитектуры. В Набережных Челнах с 1989 года, является одним из основателей детской школы архитектуры и дизайна «ДА-ДА», где преподаёт авторский курс «История искусств и архитектуры». Член СА РФ с 1988 года, знак «Почётный работник общего образования РФ». Публикации: книга «Набережные Челны. Архитектурный облик» (Казань, 2005–2007 гг.), диплом Международного фестиваля «Зодчество-2005»; ряд статей в «Энциклопедии города Набережные Челны» (Казань, 2007); автор статей и учебно-методических пособий к авторской программе; сборник рассказов «Мгновения» (Набережные Челны, 2020).

стр. 95 КАН Диана Елисеевна – известная современная русская поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Междуречье», «Подданная русских захолустий» и др. А также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегий ряда литературных журналов России. Член Союза писателей

России. Член редколлегий нескольких литературных журналов, в том числе журнала «Аргамак». Живёт в Оренбурге.

стр. 78 КОБЛЕВ Евгений Аюбович — независимый журналист и публицист, член союзов журналистов Республики Татарстан и Российской Федерации, делегат XIX съезда СЖ РТ, посвященного 100-летию организации. Родился в 1953 году в г. Брянка Луганской области (ныне ЛНР). Окончил школу в г. Золотое, где сегодня место разграничения вооруженных формирований защитников Донбасса и ВСУ Украины. Учился в Николаевском кораблестроительном институте, на философском факультете Ростовского университета, в Литературном институте (семинар прозы Н. Томашевского и Ф. Кузнецова), в московском Институте государственного администрирования. В настоящее время, на пенсии, заканчивает Московский финансово-промышленный университет Синергия. Полвека посвятил региональной журналистике. Жил и работал на Украине, в Заполярье, на Дону и Кубани. 35-й год проживает в городе автомобилестроителей Набережные Челны, сотрудничая с различными изданиями. Был главным редактором делового журнала «Лин-компаньон», лауреатом Всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России». Не пренебрегая литературными жанрами, помещал стихи, пародии, ироническую прозу в литературных журналах «День и ночь» (Красноярск), «Аргамак Татарстан» и других изданиях, выпустил книжкой «Карманный выпендрёжник». Киберадепт Ордена Куртуазных Маньеристов. Несколько лет руководил Набережночелнинским городским литературным объединением «Орфей».

стр. 47 КУЧУМОВ Юрий Асляхович, родился в 1955 году в небольшом посёлке Котово Волгоградской области. Простор придонских степей на всю жизнь наполнил грудь бесшабашной вольностью. Отсюда сложная, путанная, но очень интересная жизнь. Санитарил в психушке, (позднее напишется цикл стихов «Странноприимный дом»), сторожил и дворничал в детском садике, служил в армии. После учёбы в Казанском строительном институте работал на стройках Камаза. Позднее увлёкся журналистикой и работал в различных печатных изданиях Набережных Челнов. Печатался в республиканских газетах и журналах. В издательстве «Молодая гвардия» выходила небольшая книжечка стихов «Ночные прогулки», а в Нижнем Новгороде — «Странноприимный дом». Проживает на родине, в родительском доме.

стр. 37 ЛЕТЯГА Светлана (Кашеварова Светлана Николаевна). Родилась в Пензенской области. Окончила филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Член Союза российских писателей. Победитель и финалист городских и международных поэтических конкурсов, автор сборника стихов «Стихотерапия» и публикаций в журналах «Аргамак. Татарстан», «Идель», в альманахе «Академия поэзии», в газете «День литературы», на сайте «Российский писатель» и др. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 180 НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журнале «Подъём», «Нас современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век» и других. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

стр. 87 ОСТАНИНА Валентина Григорьевна, поэт и переводчик, член Союза писателей России. Родилась в 1945 году в селе Павлоградка Омской области в крестьянской семье инвалида Великой Отечественной войны. С 1967-го по 1974 год жила в г. Алапаевске Свердловской области, где окончила школу рабочей молодёжи и курсы крановщика мостового крана. Работала на заводе «Стройдормаш», затем литературным сотрудником в городской газете. В 1970 году поступила в Литературный институт им. Горького на заочное отделение. В связи с рождением сына прервала учёбу и возвратилась в с. Таврическое Омской области. Здесь трудилась в Дирекции киносети, на птицефабрике, в правоохранительных органах. Автор девяти поэтических сборников, переводила стихи с немецкого, украинского и болгарского языков. Подборки её стихов опубликованы в журналах «Наш современник», «Литературный Омск», «Сибирь», «Культура. Немцы Сибири», «День и ночь», «Александръ», «Национальные приоритеты России» и др. Победитель областных поэтических конкурсов и лауреат Международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим…». В сотрудничестве с омским композитором Владимиром Христофоровым написаны 20 песен и два марша. Бард Валерий Поляков написал на стихи Останиной песни: «Оклик», «Где крылья найти…», «Памяти В.Шукшина».

стр. 95 СИВКО Любовь Юрьевна родилась 5 августа 1963 года в Елабуге. Окончила педагогический факультет Елабужского государственного педагогического института. Член Союза художников Республики Татарстан. К масляной живописи пришла в конце 90-х. Работает в стилях импрессионизм и наивное искусство. Участник международных, межрегиональных, республиканских и городских выставок. Работы находятся в фондах Набережночелнинской картинной галереи, музея Амира Мазитова (г. Казань), в частных коллекциях России, Украины, Эстонии, Латвии, Германии, Франции, США, Австралии и др.. В настоящее время живёт и работает в городе Октябрьский Республики Башкортостан.

стр. 249 СТУЛИКОВ Александр Геннадьевич родился и живёт в городе Набережные Челны. Образование — высшее медицинское. Работает старшим врачом в ОАО «Дельфин».

стр. 78 ТУГАНОВ Николай Петрович –родился в 1950 году в селе Малое Шемякино Тетюшского района ТАССР. Окончил Тетюшское педучилище, некоторое время работал военруком в школе, затем инженером отдела технической информации треста «Татнефтестрой» в городе Альметьевске. С 1976 года живёт в Набережных Челнах. Заочно закончил Казанский государственный университет (истфилфак, отделение журналистики). Член Союза фотохудожников России. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан. Известен как создатель впечатляющей фотолетописи Набережных Челнов и республики Татарстан.

стр. 9 ФЕДУНОВА Любовь Петровна родилась в селе Гофицком Шпаковского района Ставропольского края в 1944 году.Закончила Краснодарский пединститут, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории. Более 45 лет преподавала эти предметы в Туапсе, затем переехала в Ленинградскую область (г. Тосно). Награждена медалью «Отличник народного просвещения». С 1997 года - член Рубцовского центра Санкт-Петербурга, с 2015 года - его руководитель. Член Союза писателей России, автор книг стихотворений, эссе, литературоведческих исследований, связанных с творчеством С. Есенина, Н. Рубцова, Г. Горбовского, А. Фатьянова..

стр. 151 ФЁДОРОВ Владимир Николаевич — поэт, прозаик, драматург. Лауреат Большой литературной премии России, международной премии «Триумф», всероссийских премий Николая Гумилёва, Николая Лескова, «Золотое перо Руси», Государственной премии Якутии и других писательских наград. Автор двадцати пяти книг — сборников стихов, нескольких повестей, романа, ряда изданий по традиционным верованиям, а также более десяти поставленных пьес, в том числе — на сценах Москвы и Санкт-Петербурга. Главный редактор литературного интернет-журнала «ЛИterra». Живёт в Москве.

стр. 81 ШЕУДЖЕН Инвер Интеханович российский и адыгский поэт, родился в 1970 году в городе Краснодаре. С отличием окончил среднюю школу и инженерно-экономический факультет Краснодарского государственного технологического университета. Писать стихи начал в 44 года. Через три года вышел в свет его первый сборник «Звезда упала на ладонь», который нашёл своих читателей не только в России, но и в Белоруссии, Казахстане, Украине, Германии и даже в США! Автор стал дипломантом IV Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» в г. Тюмени.

Содержание

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ – НАШЕ НАСЛЕДИЕ

РОБЕРТ МИННУЛЛИН

«А КТО И КАК ЕЁ ЛЮБИЛ – ТАК ЭТО РОДИНА РАССУДИТ» 3

ЛЮБОВЬ ФЕДУНОВА

«ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ...» 9

СОБЫТИЯ

ТОП-10 ПО МНЕНИЮ КАЗАНСКОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ 15

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

ЧТОБЫ ДЕТИ ПОМНИЛИ 27

БЕЛЫЙ ГОРОД

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ 29

СВЕТЛАНА ЛЕТЯГА

ДЕВОЧКА И ТРАМВАЙ 37

ЮРИЙ ДУЛЕСОВ

НА ИЗЛОМЕ 41

ЮРИЙ КУЧУМОВ

ТВОЁ ЗОЛОТОЕ КРЫЛЬЦО 47

ИЛИСА ГАНЕЕВА

ОТБЛЕСК ЮНОСТИ МОЕЙ... 51

ЛИЛИЯ ИШКИНА-ЯКОВЛЕВА

НАПЕРЕГОНКИ 57

ЛИТО «ЛЕБЕДЬ»

УПАВШИХ ЯБЛОК АРОМАТ 60

ВЯЧЕСЛАВ КРАПИВИН 60

ТАМАРА ЖУРАВЛЁВА 61

ИЛЬЯ ЩЕРБИНИН 62

РОЗА ГУБАЙДУЛИНА 62

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ 63

ПОЛИНА КОРДЮКОВА 63

ВАЛЕРИЯ ГОЛУБЕВА 64

БОРИС ИЛЬИНСКИЙ 65

ОЛЬГА НАСЫРОВА 71

И МАТЬ, И СЕСТРА, И ЖЕНА...

ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ

С ОБЪЕКТИВОМ ПО ЖИЗНИ 78

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ИНВЕР ШАУДЖЕН

ОДЕНЬТЕ ЖЕНЩИНУ В ЛЮБОВЬ 81

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

ЦВЕТЫ ПОМИНОВЕНИЯ 87

ГАЛИНА ДАНИЛЬЕВА

САД И СТАРИК 90

ВОЛЫНЩИК ВОЛЬНЫЙ НА АРБАТЕ... 92

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

ДИАНА КАН

НАРИСОВАНО ЛУЧОМ И СВЕТОМ... 95

ЛЕГЕНДЫ ЗЕМЛИ КАЗАНСКОЙ
ВЛАДИМИР ГУСЕВ
ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ И ПРЕКРАСНАЯ СЮЮМБИКЕ 98

ПРОЗА
ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ
СКРИПКА 151
АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН
СВЯТЭ ЛИТЫЧКО... 180
СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ
ОСКОЛОК НЕБА 186
ОЛЕГ ВОЛКОВ
БАБА ЛИЗА 196
ВОЛГА ПОШЛА 197

ЭСТАФЕТА ПОДВИГА
ИЛЬЯС ДАУДИ
ЦУГЦВАНГ ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА БРУНО ТЕВСА 199

КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ
НАТАЛЬЯ МОЛОВЦЕВА
ДВОЕ НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ 237
ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ
ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА... 240
НИКОЛАЙ МАРИШИН
ТРЕТИЙ ВОПРОС 247

БЕЛЫЙ ГОРОД
АЛЕКСАНДР СТУЛИКОВ
ОЗЕРО ВЛЮБЛЁННЫХ 249

НАШИ АВТОРЫ
..... 252

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: И МАТЬ, И СЕСТРА, И ЖЕНА.
ФОТОВЕРНИСАЖ НИКОЛАЯ ТУГАНОВА
ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...
ХУДОЖНИК ЛЮБОВЬ СИВКО
ЧЕТВЁРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ЛЮВОВЬ СИВКО «КОРАБЛИК»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель
АО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

татмедиа

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:
8-966-380-04-00
Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.02.2021 г.
Дата выхода в свет 20.03.2021 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.
Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей **www.srpkzn.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале»** и эссе-клуба «НООБИБЛИОН».

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотография и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

В следующем номере журнала «Аргамак. Татарстан» мы начинаем публикацию нового фантастического романа-предупреждения Александра Ольшанского «Пятое человечество», являющегося продолжением уже опубликованного нами в № 31, 32 романа «Инопланетяне».

«— До падения астероида осталось шестьдесят секунд, — прозвучал голос автомата-информатора.

В этот момент огромное, пылающее небесное тело появилось в верхней части всех четырёх мониторов. Руслан видел, как Агидель сжалась вся, закрыла глаза и уши руками, словно боясь, что взрыв от падения достигнет бункера. Планета ощутимо качнулась, принимая удар, но устояла на своей орбите. На одном из плазменных мониторов океан пылал ярким синеватым пламенем — температура астероида достигала нескольких тысяч градусов по Цельсию, а для разложения воды на водород и кислород достаточно было и одной тысячи. Газы тут же вспыхивали, и океан не только пылал, но и закипал — место падения окружали десятки вулканов, исторгающих гигантские клубы пара. Поднимаясь вверх, они темнели, и уже в тёмных тучах сверкали молнии»...